

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

К столетию революции 1917 года

*Россия накануне революции:
современная историография*

Политические партии в 1917 г.

Комиссары революции в придворном ведомстве

Слухи, эмоции, смыслы революционного времени

Память о революции в советскую эпоху

Новые данные о Малюте Скуратове

Контрреволюция в провинции

И.В. Сталин и кремлёвская кухня

А.И. Микоян в Северной Корее

МОСКВА
НАУКА

2 март
апрель
2017

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

И.А. Христофоров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**В.В. Алексеев, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева,
Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов,
А.П. Корелин, Г.А. Куманев, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко,
Ю.С. Пивоваров, Р.Г. Пихоя, В.Н. Плешков, Г.А. Санин,
Д. Свак, А.К. Сорокин, В.А. Тишков, С.В. Тютюкин**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Агеева, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандалковская, П.Г. Гайдуков,
А.В. Голубев, В. Дённингхаус, Е.В. Добычина, С.В. Журавлев, В.Н. Захаров,
В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, В.А. Кучкин, Д.В. Лисейцев, Е.А. Мельникова,
Л.В. Мельникова, А.В. Мамонов (*зам. главного редактора*), Ю.А. Петров,
Е.И. Пивовар, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев, П.Ю. Уваров,
О.В. Хлевнюк, А.В. Юрасов**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции:

117036 Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

К столетию революции 1917 года

Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции

Юрий Петров

Russia on the eve of the Great revolution of 1917: Recent trends in historiography

Yuriy Petrov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Столетний юбилей российской революции закономерно вызвал повышенный интерес профессионального сообщества историков к общественно-политическим, социально-экономическим и гуманитарным проблемам, которые породили социальный взрыв в Российской империи. По общему признанию, прологом Великой российской революции стала Первая мировая война. Однако нужно иметь в виду, что она коренным образом изменила европейский государственно-политический ландшафт в целом: с политической карты Европы исчезли четыре империи (Российская, Германская, Австро-Венгерская и Османская), произошли системные изменения в социальных, экономических, политических институтах и отношениях, масштабные сдвиги в интеллектуальном и культурном пространствах.

Таким образом, сегодня Первая мировая оценивается не только и не столько в качестве прелюдии «Великого Октября», как было принято в советской историографии, но как эпохальное событие, приведшее к социально-экономической и политической трансформации Евразии и значительной части остального мира. За последние два десятилетия в свет вышли десятки посвященных этой теме публикаций исторических источников, сотни статей и монографий, историографических исследований¹.

В советский период в историографии утвердилась своеобразная отчужденность военной истории России 1914–1917 гг. от «гражданской» – ход боевых операций изучался независимо от событий внутри страны, и наоборот – политическая, экономическая и социальная тематика редко «вторгалась» в историю войны. Ситуация начала меняться в последнее время, когда в связи со 100-летием начала войны в свет вышли первые обобщающие работы, в которых в едином контексте рассмотрены экономическое положение страны, социальные процессы и политический кризис военных лет².

© 2017 г. Ю.А. Петров

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-31-12025а(ц).

¹ См.: Забытая война и преданные герои / Сост. Е.Н. Рудая. М., 2011; Белова И., Гребёнкин И. Первая мировая: великая забытая война // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. М., 2013; Сергеев Е.Ю. Актуальные проблемы изучения Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2014. № 2.

² См.: Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014; Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. Энциклопедия. В 3 т. / Отв. ред. А.К. Сорокин. М., 2014.

Как известно, Первая мировая, ставшая и первой тотальной войной в истории человечества, потребовала огромной мобилизации людских, финансовых ресурсов, производственных мощностей и перестройки системы управления народным хозяйством. В работах советских историков отмечались негативные изменения социально-экономической ситуации в России, которые, следуя известной ленинской формуле, предопределили массовое недовольство и привели к революции. А.Л. Сидоров, чьи книги благодаря уникальному фактическому материалу до сих пор не утратили своей актуальности, объяснял предрешённость экономического краха России в годы Первой мировой войны промышленной отсталостью страны; на слабости отечественного военно-промышленного потенциала акцентировал внимание и Л.Г. Бескровный³. Однако в последнее двадцатилетие отечественные и зарубежные исследователи стали всё чаще обнаруживать позитивные элементы в финансово-экономической политике правительства предвоенных и военных лет⁴. Согласно новому прочтению, государство методом проб и ошибок искало эффективные механизмы взаимодействия с предпринимателями⁵, пыталось упорядочить работу железнодорожного транспорта⁶, вместе с кооперативными организациями стремились улучшить продовольственное снабжение армии и тыла⁷. При этом перевод части промышленности на военные рельсы привел к падению выпуска гражданской продукции и её удорожанию, что неизбежно повлекло за собой негативные социальные последствия.

В недавних исследованиях всё чаще высказывается взгляд, согласно которому глубинные причины русских революций следует искать не в провалах правительственной экономической политики, а в успехах российской

³ Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 1960; Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973; Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-промышленного потенциала. М., 1986.

⁴ См.: Шацлло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000; Беляев С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб., 2002; Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика. Ч. 1. Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914 – середина 1916 г. СПб., 2003; Военная промышленность России в начале XX века. (1900–1917). Сборник документов. М., 2004; Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва. СПб., 2005; Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацлло М.К. История налогов в России. IX – начало XX в. М., 2006; Полицартов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008; Бокарев Ю.П. Экономические последствия распада Российской империи в результате Первой мировой войны. Екатеринбург; М., 2009; Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М., 2013.

⁵ См.: Юрий М.Ф. Организационное устройство Центрального военно-промышленного комитета (1915 – февраль 1917 г.) // Государственные учреждения и общественные организации СССР. История и современность. М., 1985; Сергеев С.Л. Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. М., 1996; Ваганова Л.В., Рукосуев Е.Ю. Военно-промышленные комитеты на Урале в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Екатеринбург, 2005; Кюнг П.А. Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы Первой мировой войны. М., 2012.

⁶ История железнодорожного транспорта России. Т. 1. СПб., 1994; Сенин А.С. Министерство путей сообщения в 1917 г. М., 2009.

⁷ См.: Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009; Кондрашин В.В. Крестьянство России в гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009; Данилов В.П. История крестьянства в России в XX веке. Избранные произведения. Т. 2. М., 2011; Рышков В.М. Зерновое хозяйство Сибири в годы Первой мировой войны // Ежегодник аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 2.

модернизации с сопутствующими им трудностями перехода от традиционного общества к индустриальному. В историографии утвердилось понимание того, что революция – не событие, а процесс. В этой связи существенно расширяются хронологические рамки изучения революции.

Множество сторонников в отечественной науке приобрела модернизационная парадигма⁸, концентрирующаяся на трансформации традиционного аграрного общества в индустриальное. Основной акцент при этом делается на анализе того, насколько правящая элита справлялась с вызовами времени и понимала необходимость реформ. Согласно такому подходу революция в России произошла из-за неготовности государства адекватно отвечать на вызовы времени, что привело его к столкновению с демократизирующимся обществом, в связи с чем большое внимание стало уделяться изучению состояния политической жизни накануне революции 1917 г., развитию гражданского общества⁹.

Впрочем, остаётся дискуссионным вопрос о соотношении успехов и трудностей на пути модернизации: «оптимистам», подчёркивающим значительный рост уровня жизни подданных империи в начале XX в.¹⁰, противостоят «пессимисты», которые рост населения в России связывают с уменьшением душевого потребления¹¹. Так, с точки зрения С.А. Нефёдова, быстрый рост населения России в XIX в. привёл к нехватке продовольственных ресурсов и резкому увеличению молодёжи в возрастной структуре населения, что значительно усилило социальную активность и повысило агрессивность общества, выплеснувшуюся в форме революционного взрыва¹².

Новый взгляд на ситуацию в экономике России дополнили исследования, посвящённые социальной истории¹³. В их числе многотомный проект под руководством В.В. Шелохаева «Политические партии России конца XIX – первая треть XX в.: Документальное наследие», благодаря которому свет увидели документы, показывающие деятельность различных партий накануне и в годы революции¹⁴.

⁸ О теории модернизации применительно к российской истории см.: История России: теоретические проблемы. Вып. 2: Модернизационный подход в изучении российской истории. М., 2013.

⁹ *Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002; *Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи: вторая половина XIX – начало XX в.* / Отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г.Н. Ульянова. М., 2007; *Туманова А.С.* Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008; *Брэдли Дж.* Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012; и др.

¹⁰ *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2012.

¹¹ *Нефёдов С.А.* К дискуссии об уровне потребления в пореформенной и предреволюционной России // *Российская история.* 2011. № 1.

¹² *Нефёдов С.А.* Уровень потребления в России начала XX века и причины русской революции // *Общественные науки и современность.* 2012. № 3. С. 96–107; *Нефёдов С.А.* «Молодёжный бугор» и первая русская революция // *Социологические исследования.* 2015. № 7. С. 140–147; и др.

¹³ См., например: *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М., 2004.

¹⁴ *Протоколы ЦК и зарубежных групп конституционно-демократической партии. 1905 – середина 1930-х гг.* В 6 т. М., 1994–1996; *Меньшевики в 1917 году.* Т. 1–3. М., 1997; *Протоколы центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии.* Т. 3. М., 1998; *Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы.* Т. 2–3. М., 2001; *Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы.* М., 2003; *Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917–1925 гг.* Т. 2. Ч. 2. М., 2015; и др.

Вместе с тем в последние годы получила распространение конспирологическая концепция, согласно которой втягивание империи в войну, а затем и её падение интерпретируются как результат заговора внешних (германских или британских), либо внутренних сил — революционеров, масонов, генералов и т.д.¹⁵. Большинство российских историков убеждено, что официальный Петроград не помышлял о сепаратном мире и, несмотря на военные неудачи, был готов продолжать войну до победного конца. Однако версия о подготовке сепаратного мира представителями ближайшего окружения императора продолжает жить¹⁶.

Масонский «след» в событиях Февральской революции в своё время разглядел советский историк Н.Н. Яковлев¹⁷. В ответ одни его коллеги выступили с резкой отповедью¹⁸, другие предложили компромиссные трактовки. Так, В.И. Старцев объявил масонские ложи органом по координации действий думских левых либералов, трудовиков и социал-демократов. Все они якобы вынашивали планы военного переворота, но умудрились проглядеть судьбоносные события конца февраля 1917 г.¹⁹

Некоторые современные исследователи также обращаются к поиску «виновных» в революции, предлагая в этом качестве то «деструктивную деятельность» российской либеральной общественности, то конспирологическую активность «элит». О.Р. Айрапетов утверждает, что либеральная оппозиция смогла дискредитировать правительство, дезориентировать генералитет и в союзе с последним сокрушить правящий режим²⁰. Сходную позицию занимает Ф.А. Гайда, в трактовке которого кадеты представляли собой радикальную политическую силу, не склонную к компромиссам с правительством и нацеленную исключительно на захват власти²¹. С.В. Куликов штабом революции называет Центральный военно-промышленный комитет, причём ключевую роль в свержении монархии, по его мнению, сыграл альянс революционной и общественной «контрэлиты»²². С такой точкой зрения в принципе солидаризируется Б.Н. Миронов, для которого революция прежде всего — результат верхушечной борьбы. Причиной краха Российской империи, как он полагает, следует считать противостояние между правящей элитой и контрэлитой в лице либерально-радикальной общественности²³.

Конспирологический подход, вроде бы претендующий на новизну, на самом деле является весьма архаичным и по характеру используемых авторами

¹⁵ См.: *Соловьёв О.Ф.* Обречённый альянс: Заговор империалистов против народов России. 1914—1917 гг. М., 1986; *Масоны и Февральская революция 1917 года.* М., 2007; *Данилов О.Ю.* Пролог «Великой войны» 1904—1914 гг. Кто и как втягивал Россию в мировой конфликт. М., 2010; *Никонов В.А.* Крушение России. 1917. М., 2011.

¹⁶ *Лебедев В.В.* Проблема выхода из войны и кризис самодержавия (конец 1916 г. — начало 1917 г.) // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 189—207; *Соболев Г.Л.* Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914—1918. СПб., 2009. С. 199—209.

¹⁷ *Яковлев Н.Н.* 1 августа 1914. М., 1974.

¹⁸ *Аврех А.Я.* Масоны и революция. М., 1990. С. 339—342.

¹⁹ *Старцев В.И.* Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 119, 128.

²⁰ *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1907—1917). М., 2003. С. 203, 227—229.

²¹ *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003. С. 372.

²² *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914—1917). Рязань, 2004. С. 394—401.

²³ *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 654—659.

источников, и по их пониманию исторических процессов. Между тем в последние годы произошли качественные изменения самой исследовательской парадигмы, что, в свою очередь, привело к возникновению новых направлений в историографии²⁴. Учёные обратились к изучению вопроса о том, насколько война изменила облик общества, поведенческие стереотипы населения, его повседневную жизнь. Изучаются изменения в общественном сознании, эволюция ментальности различных социальных слоёв, созревание в них протестных настроений. Причём речь идёт не только о солдатах или военнопленных²⁵, но и о жителях прифронтовой полосы, беженцах, дезертирах – иными словами, о значительной части населения России, чью жизнь перевернула война²⁶. Примечательно появление и работ о положении женщин в трудную военную пору²⁷. Всё больший интерес вызывает повседневная жизнь в России в годы войны²⁸, настроения различных социальных и национальных групп²⁹. Здесь можно особо назвать монографию И.В. Нарского, написанную на материалах Урала, и диссертацию В.Б. Аксёнова, посвящённую повседневной жизни Москвы и Петрограда в 1917 г.³⁰ Особой сферой исследований массового сознания времён войны стало изучение восприятия образа врага в русле военно-исторической антропологии³¹.

Заметной популярностью в последние годы стала пользоваться история Церкви в годы войны и революции³². Русская православная церковь выступает значимым, но идейно и политически неоднородным фактором в жизни российского общества³³. В то же время признаётся, что церковные кру-

²⁴ См.: *Шевырин В.М.* Россия в Первой мировой войне (новейшая отечественная историография): Обзор // Россия в Первой мировой войне: новые направления исследований: Сборник обзоров и рефератов. М., 2013.

²⁵ *Астахов А.Б.* Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны // Российская история. 2011. № 4. С. 44–52; *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М., 1999. С. 263–275; *Базанов С.Н.* Разложение русской армии в 1917 г. (К вопросу об эволюции понимания легитимности Временного правительства в сознании солдат) // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. С. 282–290; *Нарский И.В.* Фронтовой опыт русских солдат. 1914–1916 гг. // Новая и новейшая история. 2005. № 1. С. 194–204; *Нагорная О.С.* «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010.

²⁶ *Белова И.Б.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 гг. М., 2011.

²⁷ *Шербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004.

²⁸ *Руга В., Кокорев А.* Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М., 2011; *Семёнова Е.Ю.* Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012.

²⁹ *Поршинева О.С.* «Настроения 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2. С. 185–200; *Астахов А.Б.* Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 5–85.

³⁰ *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001; *Аксёнов В.Б.* Повседневная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.

³¹ *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.

³² См.: *Леонтьева Т.Г.* «Революционная церковь» или «церковная революция»? О некоторых новейших исследованиях по истории Русской Православной церкви в 1917 г. // The Soviet and Post-Soviet Review. Vol. 36. 2009. № 2. С. 182–196; *Павлов Д.Б.* Отечественная и зарубежная историография государственно-церковных отношений 1917–1922 гг. М., 2011; и др.

³³ См.: *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002; *Рогозный П.Г.* Церковная революция 1917 года. СПб., 2008; и др.

ги были в основном сосредоточены на решении внутрицерковных проблем. Наконец, историками окончательно отвергнут взгляд на Церковь как на оплот контрреволюции.

Современная отечественная историография всё чаще «вспоминает», что Российская империя оставалась унитарным многонациональным и поликонфессиональным государством. Имперская тематика подводит исследователей к проблемам функционирования полиэтничного государственного образования эпохи модерна, в частности — к проблеме окраин и регионов³⁴. Серьёзное внимание российские историки уделяют теме «война и общество»³⁵, причём акцент всё более отчётливо ставится на изучении ситуации в регионах³⁶. В контексте «национального» ракурса революции остро стоит вопрос о том, являлись ли революционные события на Украине, Закавказье, Прибалтике и т.д. частью общероссийской революции, как полагает большинство российских историков, или их следует рассматривать как особые «национальные» революции. Историки бывших советских республик склонны их «национализировать», отрывая от общеимперского контекста.

Практически «вечный» вопрос о соотношении стихийного и рукотворного в событиях Февраля 1917 г.³⁷ предполагает особое внимание к проблеме массового движения. Любое политическое, социальное, экономическое явление имеет человеческое измерение, причём в кризисные моменты стихийная сила иррационального, подсознательного, инстинктивного в человеке зачастую выходит на передний план. Именно под таким углом зрения рассматривает социально-политические процессы военных лет В.П. Булдаков. Революцию 1917 г. он описывает как системный кризис патерналистской модели властвования, не сумевшей вовремя перестроиться и терявшей политическую легитимность в глазах различных слоёв населения. По мнению историка, кризис империи можно и нужно изучать на различных уровнях: этическом, идеологическом, политическом, организационном, социальном, оклократическом и рекреационном. Февральская революция стала триумфом бунтующей массы над

³⁴ См.: *Исхаков С.М.* Февральская революция и российские мусульмане // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 189–207; *Андреева Н.С.* Прибалтийские немцы и Первая мировая война // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. СПб., 1999. С. 461–473; *Новикова И.Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002; *Булдаков В.П.* «Бунт» (о восстании казахов в 1916 г.) // Родина. 2004. № 11. С. 68–72; *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004; *Котюкова Т.В.* Первая мировая война и участие в ней народов Российской империи (на примере Туркестанского края) // Первая мировая война: взгляд через столетие. М., 2011; *Трошина Т.И.* Великая война и Северный край. Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск, 2012.

³⁵ Политические партии и общество в России 1914–1917 гг.: Сборник статей и документов. М., 2000; Война и общество в XX веке. В 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008.

³⁶ *Иконникова Т.Я.* Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999; *Комарова Т.С.* Тем, кто в забвенье брошен был судьбой. Енисейская губерния в годы Первой мировой войны. Красноярск, 2007; *Еремин И.А.* Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июль 1914 — март 1918 гг.). Барнаул, 2010; *Белова И.Б.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 — февраль 1917 г. М., 2011; *Михайлов А.А.* Псков в годы Первой мировой войны. 1914–1915 гг. Псков, 2012; и др.

³⁷ *Пушкарёва И.М.* Февральская революция 1917 года в России: проблемы историографии 90-х гг. XX века // Россия в XX веке: Реформы и революция: В 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 245–246.

ослабевшей властью, потерявшей авторитет и даже веру в себя³⁸. Во всяком случае, может считаться преодолённым известный ленинский постулат о «пауперизации масс» как главной предпосылке нарастания революционного кризиса в имперской России. По мнению Булдакова, война способствовала дезинтеграции многонациональной империи. В то же время революция стала «энергетической подпиткой» для империи, «выстроенной на эмоционально-идейных, а не прагматичных основаниях»³⁹. Ярким примером может быть как раз революция 1917 г., давшая мощный импульс новому витку развития имперской по форме советской идеократии⁴⁰.

Россия кануна Великой революции для отечественной историографии, таким образом, — тема традиционная, но в связи со 100-летней годовщиной событий 1917 г. открывающая множество новых граней. И надо признать, что исследование многообразной политической, социальной, экономической, интеллектуальной жизни России эпохи «великих потрясений» остаётся актуальной задачей историков.

В зарубежной историографии поворот к осмыслению российской революции в контексте Первой мировой войны произошёл в 1960-е гг. на фоне осмысления опыта Второй мировой. Если в первые послевоенные десятилетия историки здесь разрабатывали преимущественно политические, дипломатические и военно-стратегические аспекты истории Первой мировой войны (в том числе вопрос о её виновниках⁴¹), то позже доминирующими направлениями стали социальная и экономическая история, а одной из центральных проблем — взаимосвязь и взаимообусловленность войны и революционных событий в России, Германии, Австро-Венгрии и Турции. На рубеже же 1980—1990-х гг. начался третий, современный, этап развития историографии войны и революции, ведущим направлением которого явилась так называемая культурная история. Одной из видимых причин такого сдвига стало разочарование в марксизме с его преимущественным интересом к социально-экономической сфере⁴². Общей тенденцией явился переход от национально замкнутой историографии к глобальному взаимодействию историков на фоне укрепления позиций англо-американских исследователей⁴³.

³⁸ Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. Изд. 2, доп. М., 2010. С. 669; Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007. С. 80.

³⁹ Булдаков В.П. Красная смута... С. 668.

⁴⁰ Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917—1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 151—152.

⁴¹ Подробнее об этом см.: Neilson K. 1914: The German War? // *European History Quarterly*. 2014. July; Петров Ю.А., Павлов Д.Б. Первая мировая война: кто виноват? (историографический этюд) // *Российская история*. 2014. № 5. Впрочем, до сих пор встречаются попытки так или иначе обелить германский милитаризм, выставив виновниками все политические элиты, якобы «лунатически» приведшие Европу к войне: Clark C. *The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914*. L., 2012. В связи со 100-летием начала войны появились и явно политизированные сочинения с обвинениями России в развязывании мирового конфликта: McMeekin S. *The Russian Origins of the First World War*. Cambridge (Mass.), 2011.

⁴² См.: Winter J., Prost A. *The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present*. Cambridge, 2005.

⁴³ См.: *Большакова О.В.* Долгое возвращение в Европу: изучение Первой мировой войны и американская русистика // *Российская история*. 2014. № 5. С. 26—35; *Нагорная О.В., Нарский И.В.* Проигранная война, поиск виновников и тень нацизма: Первая мировая война в немецкой историографии // Там же. С. 13—26.

В рамках каждого из выделенных этапов преобладала собственная исследовательская парадигма. На первом таковой стала модель «войны армий», согласно которой мировой конфликт 1914–1918 гг. рассматривался как логическое продолжение и завершение «долгого» XIX века. В ходе второго этапа война изучалась уже скорее как конфликт между обществами («война наций»). В результате западногерманская, французская и отчасти американская историографии совершили дрейф от военно-политической тематики к ревизии политической истории войны, а затем — к структурной и социальной истории. Это позволило значительно расширить предмет исследования, проследить, как повлияли на исход боевых действий социально-экономические процессы в странах — участницах войны, раскрыть взаимосвязь между войной и последовавшими в ряде стран революциями. В настоящее время преобладающим направлением является изучение «человека на войне». Нынешнее поколение учёных, с его особым интересом к культурной и микроистории, истории повседневности, исследует «войну солдат», «войну жертв», что во многом обусловлено попытками осмыслить трагическую историю XX в. в целом, проследить взаимосвязь между Первой мировой войной и возникновением тоталитарных режимов⁴⁴.

Тема «Россия в Первой мировой войне» в западной историографии традиционно относится к числу маргинальных. Работы в англо-американской русистике, специально посвящённые положению в России в период войны и кануна революции, стали появляться лишь в 1970-е гг.⁴⁵ В последние два десятилетия особый интерес исследователей вызывают как раз экономические, социальные и политические процессы в российском тылу⁴⁶.

Одной из основных тенденций современной западной историографии является отказ рассматривать революцию 1917 г. как резкий и радикальный разрыв с предыдущими социально-политическими и экономическими практиками. Теперь революция воспринимается как часть системного кризиса империи, вызванного Мировой войной, и завершившегося только с прекращением Гражданской войны. Американский историк П. Холквист в книге с примечательным названием «Революция ковалась в войне: непрерывный кризис в России 1914–1921 гг.»⁴⁷ выдвигает тезис о том, что русскую революцию следует рассматривать в контексте общеевропейского кризиса 1914–1921 гг., учитывая серьёзные институциональные, политические и идеологические изменения, которые произошли в стране в годы войны. Таким образом, поворотным пунктом в истории России Холквист считает не 1917-й, а 1914-й год.

В исследованиях последних лет отсутствует распространённый ранее жёсткий детерминизм по формуле «революция есть прямое следствие неудачной

⁴⁴ *Kramer A.* Recent Historiography of the First World War // *Journal of Modern European History*. Vol. 12. 2014. № 1. P. 5–26; № 2. P. 155–174; Первая мировая война. Современная историография. Сборник обзоров и рефератов / Отв. ред. Любин В.П., Мини М.М. М., 2014.

⁴⁵ См., например: *Pearson R.* The Russian Moderates and the Crisis of Tsarism, 1914–1917. L.; Basingstoke, 1977; *Lieven D.* Russia and the Origins of the First World War. L., 1983; *Siegelbaum L.H.* The Politics of Industrial Mobilization in Russia, 1914–1917: A study of the War-industries Committees. N.Y., 1983; *Lincoln W.B.* Passage through Armageddon: The Russians in War and Revolution, 1914–1918. N.Y., 1986.

⁴⁶ См.: *Макаров Н.В.* Российская империя в Первой мировой войне: современная англо-американская историография // *Российская история*. 2014. № 5. С. 36–49.

⁴⁷ *Holquist P.* Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, 2002.

войны». В «Кембриджской истории России», написанной главным образом ведущими представителями западной русистики, подчёркивается, что основной причиной военных поражений России в 1914–1915 гг. чаще была не нехватка снарядов или плохая работа транспорта, а «человеческий фактор» — промахи в командовании. Тем не менее, несмотря на все тяготы войны, к началу 1917 г. военно-стратегическое положение России благодаря мобилизации тыла улучшилось, и её поражение далеко не было predetermined⁴⁸.

Большое внимание уделяется проблемам экономического положения России. Британский исследователь П. Гэтрелл в книге «Россия в Первой мировой войне: социальная и экономическая история»⁴⁹ подвёл итоги изучения этих вопросов в зарубежной русистике. Автор подчёркивает, что за годы войны Россия, несмотря на относительное техническое отставание от ведущих экономик Запада, сделала качественный рывок в производстве вооружений. Прогресс России в выпуске военной продукции отмечают и другие исследователи⁵⁰. Однако подобные успехи были достигнуты ценой свёртывания гражданского производства.

В целом в зарубежной русистике последних лет проделана значительная работа по изучению истории Российской империи в годы Мировой войны. Наполняется новыми фактами рассмотрение таких тем, как степень готовности России к войне, социально-экономическое положение и внутренняя политика последних лет империи, «цена» участия России в войне в связи с революцией 1917 г.⁵¹ Активно разрабатываются такие ранее слабо изученные проблемы, как межнациональные отношения и политика правящего режима по национальному вопросу, морально-психологическое состояние российского общества, политика по отношению к «вражеским подданным», беженцам и жертвам войны⁵². Появляются исследования, затрагивающие важную проблему исторической памяти россиян о Первой мировой войне⁵³.

Особенностью современного историографического этапа следует признать расширение международного сотрудничества, в том числе проведение совместных научных конференций⁵⁴ и издание на русском языке исследований зарубежных авторов⁵⁵. Впечатляющим совместным трудом российских и зарубеж-

⁴⁸ См.: The Cambridge history of Russia. Vol. II. Imperial Russia, 1689–1917 / Ed. by D. Lieven. Cambridge, 2006. P. 659, 662.

⁴⁹ Gatrell P. Russia's First World War: A Social and Economic History. Harlow, 2005.

⁵⁰ См., например: The Cambridge history of Russia. Vol. II. P. 661.

⁵¹ Lieven D. Nicholas II: Emperor of all the Russians. L., 1993; Lincoln W.B. Op. cit.; Figes O. A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. L., 1996; Wade R. The Russian Revolution, 1917. Cambridge, 2000.

⁵² Badcock S. Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History. Cambridge, 2007. На русском было опубликовано авторское резюме монографии: Бэдкок С. Переписывая историю Российской революции: 1917 год в провинции // Отечественная история. 2007. № 4. С. 103–112; Gatrell P. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington, 1999.

⁵³ Petrone K. The Great War in Russian Memory. Bloomington, 2011.

⁵⁴ Первая мировая война: взгляд через столетие. Материалы международной конференции «Первая мировая война и современный мир» (Москва, 26–27 мая 2010 г.). М., 2011; Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы международной научной конференции (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.) / Отв. ред. А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров. М., 2014.

⁵⁵ См.: Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. М., 2007; Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009; Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012.

ных учёных стал «Критический словарь Русской революции: 1914–1921»⁵⁶, первое издание которого вышло на английском языке в 1997 г. Важно отметить, что авторы словаря указывают на тревожные тенденции роста популярности конспирологических версий для объяснения причин революции.

Сотрудничество не исключает острых научных дискуссий и споров — отечественные учёные разделяют отнюдь не все западные интерпретации российской истории. Это касается и проблем участия России в Мировой войне в целом, и истолкования экономических, социальных и политических процессов в стране в канун Великой революции.

В данной статье уместно будет, используя накопленный в историографии материал, сопоставить некоторые процессы, характерные для предреволюционной и революционной России с аналогичными процессами в других воюющих странах. Разумеется, у каждой страны есть собственная неповторимая история, однако в периоды глобальных катастроф, охватывающих целые континенты, участники этих событий испытывают схожие проблемы и пытаются разрешить их сходными способами. Уникальность российского исторического пути обычно подчёркивалась историками в связи с тем, что события Первой мировой войны рассматриваются ими только как часть национальной истории России, а аналогичные процессы в других воюющих странах, не приведшие к столь же драматичным результатам, часто не принимались во внимание.

Что касается экономического положения, то, как свидетельствует современная зарубежная и отечественная историография, серьёзных испытаний не удалось избежать ни одной из стран-участниц. А. Креймер, в частности, подчёркивает, что от войны в той или иной степени страдали «почти все воюющие страны» и, к примеру, в Италии вызванное войной превышение уровня смертности «было на 50% выше, чем в Германии»⁵⁷. Показатели России на этом фоне не выглядят безнадёжными. Сокращение внутреннего валового продукта на душу населения за 1914–1917 гг. в России составило около 18%, тогда как в Германии — свыше 20%, а в Австро-Венгрии — более 30%⁵⁸. Военные противники, таким образом, испытали больший экономический спад, чем Россия. Аналогичными были и его причины, связанные с милитаризацией экономики и свёртыванием рыночных механизмов снабжения населения.

Российская империя, как и её союзники по Антанте, вступила в войну неподготовленной к продолжительным и широкомасштабным боевым действиям, но в целом сумела справиться с задачей мобилизации экономики. Промышленность Германии, Франции и Италии испытывала не меньшие трудности, чем российская, вследствие потери значительной части квалифицированных рабочих, мобилизованных в армию⁵⁹. Выход во всех странах виделся в мобилизации экономики на нужды войны. Военные структуры существенно расширили административный контроль над всеми сферами общественной жизни. Россия в этом смысле не была исключением. Несмотря на техническое отставание

⁵⁶ Критический словарь Русской революции: 1914–1921 / Сост. Э. Актон, У. Розенберг, В. Черняев. СПб., 2014.

⁵⁷ *Kramer A.* Blockade and Economic Warfare // *The Cambridge History of the First World War* / Ed. by J. Winter. Vol. 2. Cambridge, 2014. P. 460–489.

⁵⁸ *Markevich A., Harrison M.* Great War, Civil War, and Recovery: Russia's National Income, 1913 to 1928 // *The Journal of Economic History*. Vol. 71. 2011. № 3. P. 672–703. См. также расширенную русскую версию: *Маркевич А., Харрисон М.* Указ. соч.

⁵⁹ *Gatrell P.* Russia's First World War...

от ведущих экономик Запада, за годы войны она сделала качественный рывок в производстве вооружений⁶⁰. Правда, созданная в империи система военно-регулирующих органов (Особых совещаний) едва ли не с самого начала функционирования стала давать организационные сбои, что обуславливалось недостаточно чётким разграничением полномочий и сфер деятельности, несопадением ведомственных интересов, усугублённым министерскими амбициями. Так, из-за опасений социального взрыва не были своевременно законодательно закреплены меры по милитаризации промышленности и труда, что было сделано в других воюющих странах.

Тем не менее России удалось значительно увеличить производительность казённых военных заводов за счёт расширения и модернизации, привлечь широкий круг частных предприятий и заключить соглашения на поставку необходимой продукции союзниками и зарубежными торговыми партнёрами. В организации военного производства Россия добилась успехов, удачно используя опыт воюющих держав в создании военно-промышленных объединений на основе кооперации крупных, средних и мелких предприятий, создании основ новых отраслей промышленности (химической, авиационной, автомобильной, средств связи и т.п.). Однако эти успехи были достигнуты ценой свёртывания гражданского производства. Ряд отраслей, обеспечивавших потребности частного рынка, городского и сельского населения, в годы войны стагнировали и даже деградировали. К 1917 г. промышленное производство в стране в целом составляло 62% от предвоенного уровня. И эту неизбежную плату за милитаризацию экономики заплатили все страны-участницы мирового конфликта.

Война дала мощный импульс этатистским тенденциям во всех воюющих странах. Расширился и укрепился государственный сектор экономики, значительная доля частной промышленности оказалась мобилизованной, частное предпринимательство, взаимоотношения труда и капитала оказались в той или иной мере ограничены законодательством и нормативами военного времени. На Западе подобные процессы подготовили почву для активного регулирования государством экономики в послевоенный период, особенно во время финансово-промышленных кризисов 1920–1930-х гг., получив обоснование в экономической концепции кейнсианства.

В России 1914–1917 гг. все эти явления также имели место, тем более что здесь государственное хозяйство и ранее играло в экономической жизни страны огромную роль (казённые заводы, железные дороги и т.п.). Однако на Западе военно-экономическое регулирование проводилось по соглашению с предпринимательскими и рабочими организациями, опиралось на установившиеся традиции, нормы, сформировавшуюся культуру взаимоотношений труда и капитала. В России же, несмотря на призывы общественных организаций к правительству признать роль рабочих организаций и попытаться привлечь их к общему делу, отношение государства к профсоюзам не изменилось. Более того, сохранялось и негативное в целом отношение власти к деловым кругам и общественной инициативе. Имперское государство с недоверием и опаской относилось к им же санкционированной системе военно-регулирующих органов, рассматривая их прежде всего как уступку предпринимателям и «общественности». После Февральской революции новое поколение либеральных

⁶⁰ См.: The Cambridge history of Russia. Vol. II. P. 661.

политиков попыталось наладить сотрудничество с «организованным трудом», но было уже поздно. В то время как Германия достигла компромисса между трудом и капиталом, в России всё закончилось установлением контроля над предприятиями со стороны фабрично-заводских комитетов.

Общей для всех воюющих стран являлась и проблема обеспечения населения продовольствием. Мобилизация в армию миллионов мужчин повсюду негативно повлияла на экономическое положение сельского хозяйства. Великобритания и Франция сумели предотвратить потенциальный продовольственный кризис отчасти за счёт наращивания поставок из США, а также создания стимулов для собственных производителей, побудив их расширить посевные площади и, соответственно, увеличить поставки сельскохозяйственной продукции⁶¹.

Германия же и Россия не смогли избежать продовольственных затруднений. Причём в России, в отличие от её главного военного противника, несмотря на снижение урожайности, продовольственных ресурсов было достаточно, поскольку в годы войны прекратился хлебный экспорт из страны. Посевы 1916 г. были лишь на 5% ниже, чем в 1909–1913 гг., а урожайность в сравнении с 1914 г. упала всего на 10%. Однако расстройство транспортной системы страны затрудняло доставку уже заготовленного хлеба в районы потребления. При этом царское правительство пыталось преодолеть дефицит продовольствия путём ограничения частной торговли и замены её государственным и общественным распределением зерна. Власть старалась свести к минимуму рыночные механизмы и заменить их административными мерами, тем самым навлекая на себя недовольство населения и провоцируя революцию, но из-за опасений социального взрыва не решилась применить систему жёсткого нормирования распределения продовольствия (в форме карточек). В итоге неспособность правительства скоординировать работу своего продовольственного аппарата на местах стала важной причиной политического кризиса. Германское правительство, напротив, ввело карточное нормирование продовольственного обеспечения. Это вызвало серьёзное недовольство населения и, безусловно, привело к временному росту социальной напряжённости. Однако отказ Российской империи от такой политики в итоге обернулся катастрофой⁶². Продовольственный кризис зимы 1916–1917 г. послужил благоприятной почвой для массовых протестных движений, которые завершились Февральской революцией.

На общеевропейском фоне Россия выделялась беспрецедентными масштабами вынужденных перемещений населения, что являлось признаком нового, тотального характера войны. Основной миграционный поток составили беженцы из прифронтовой полосы. Значительная их часть, лишившись имущества, работы двигалась на восток и оседала в тылу. Конечно, подобная проблема вставала и перед другими странами, часть территории которых была оккупирована вражескими войсками. Тем не менее нигде проблема беженцев не превратилась в такой грозный вызов, как в России, и, надо сказать, с проблемой вынужденных мигрантов в целом удалось справиться⁶³.

Положение российских финансов до Февраля 1917 г. оставалось стабильным. При этом все воюющие страны Европы прибегли примерно к одинаковым

⁶¹ Gatrell P. Russia's First World War... P. 267–268.

⁶² Ibid. P. 157–158, 160–164.

⁶³ Gatrell P. A Whole Empire Walking...; Иванова Н.А. Демографические и социальные процессы // Россия в годы Первой мировой войны... С. 187–259.

мерам финансового регулирования (отмена золотого стандарта, усиленная денежная эмиссия, выпуск внутренних и внешних займов и др.). Путём крайнего напряжения сил народа покрытие военных расходов России обеспечивалось главным образом за счёт внутренних ресурсов: к середине 1917 г. на нужды войны было израсходовано около 35 млрд руб., из них 7.5 млрд или около 20%, получено из внешних источников (по военным кредитам союзников), а остальные 27.5 млрд руб. — из внутренних. Количество бумажных денег (кредитных билетов) в обращении с 1.6 млрд руб. в канун войны выросло к началу 1917 г. до 9.1 млрд руб., то есть в 5.6 раза. Реальная покупательная способность рубля к 1917 г. упала вчетверо — до 27 коп. к довоенному уровню. Вместе с тем вплоть до Февральской революции в массе населения сохранялось доверие к бумажным деньгам, что сдерживало рост цен и темп инфляции⁶⁴.

Финансовая катастрофа разразилась после Февраля 1917 г. Временным правительством было эмитировано бумажных денег на 9.5 млрд руб., или больше, чем за предыдущие 2.5 года войны. Наполнение оборота бумажными деньгами подстегнуло инфляцию, сопровождавшуюся спадом производства и ростом товарных цен, а также катастрофическим обесценением рубля, покупательная способность которого к октябрю 1917 г. упала до 6–7 коп. от довоенного уровня. Мероприятия же советского правительства (бесконтрольная денежная эмиссия, национализация банков и промышленности, аннулирование прежних госзаймов и проч.) ещё более углубили финансовый кризис, из которого Россия сумела выйти лишь после Гражданской войны⁶⁵.

Что касается социально-политической ситуации военных лет, точек соприкосновения, взаимного доверия между государственными структурами и «образованным обществом» в России было явно недостаточно. В то же время не стоит преувеличивать, а тем более абсолютизировать противоречия между правительством и обществом. В деле помощи фронту земствам, органам городского самоуправления и общественным организациям удалось наладить с властью по-настоящему конструктивный диалог. В условиях резкой критики действий правительства легитимность муниципальных структур и общественных организаций, поддержка их общественным мнением существенно возросли. Однако эти структуры не смогли нарастить свой политический капитал до такой степени, чтобы бросить вызов режиму. Поэтому, по выражению П. Гэтрелла, «они скорее явились бенефициарами кризиса царской власти зимой 1916–1917 г., чем его инициаторами или подстрекателями»⁶⁶.

Итак, экономические тяготы войны испытали на себе практически все европейские страны. Экономический фактор нельзя поэтому считать достаточным для объяснения того, почему именно в России в ходе войны произошла революция (в других странах — существенно позже, в основном после завершения боевых действий). Противники России понесли военные потери и испытали экономический спад и дефицит продовольствия по крайней мере не меньший, чем она сама. На вопрос о происхождении российской революции 1917 г. и Гражданской войны нельзя ответить без обращения к историческим факторам, характерным именно для России. Очевидно, что в основе революции

⁶⁴ Подробнее см.: *Петров Ю.А.* Финансовое положение до февраля 1917 г. // *Россия в годы Первой мировой войны...* С. 379–398.

⁶⁵ *Петров Ю.А.* На пути к финансовой катастрофе // Там же. С. 813–819.

⁶⁶ *Gatrell P.* *Russia's First World War...* P. 55.

лежали не только глобальные экономические факторы, но и ухудшение условий жизни населения, падение морально-этических норм и др.

Вместе с тем, экономический фактор сыграл в нарастании социального конфликта в России весьма важную роль, причём и до Февральской революции, и ещё более при Временном правительстве. За 1914–1917 гг. значительно ухудшились качество питания жителей тыла и, соответственно, состояние их здоровья и социальные настроения. Трудности военного быта стали благоприятной почвой для массовых протестных движений, в итоге завершившихся революцией. Тем не менее, как справедливо отмечает Б.И. Колоницкий, нарастание кризиса ещё не вело фатально к революционному взрыву. Толчком к последнему явилась та «взрывчатая смесь воинствующего национализма, ксенофобии и шпиономании», которая получила «необычайно широкое распространение в специфических условиях военного времени»⁶⁷.

В мирное время Российская империя, несмотря на многообразие, разнонаправленность и масштабность характерных для неё социальных конфликтов, способна была их «переварить». Однако в экстремальных условиях войны это оказывалось невозможным. В сознании российских рабочих и крестьян в 1917 г. желание покончить с войной соединилось со стремлением сокрушить государственную машину и уничтожить систему частнособственнических отношений. Для объяснения причин Великой российской революции недостаточно «простых» конспирологических ответов, и, возможно, мы всё ещё далеки от ответа на вопрос, как именно сработал её пусковой механизм.

Так или иначе, если практически повсеместно в Западной Европе завершение войны означало наступление эры реформ, то перед Россией открылась совершенно иная перспектива. Революционный выход из войны на долгие десятилетия предопределил её развитие. И если XX век для человечества, как признают многие историки, начался с Первой мировой войны, то и его досрочное окончание в 1918 г. оказалось связано с распадом той политической и экономической системы, которая, в свою очередь, явилась порождением конфликта 1914–1918 гг.

⁶⁷ Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 572.

Революция и насилие в воображении современников: слухи и эмоции «медового месяца» 1917 г.

Владислав Аксёнов

Revolution and violence in contemporaries' imagination: rumors and emotions of the «honeymoon» of 1917

Vladislav Aksenov (Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences, Moscow)

Понимание любой революции не может быть полным без учёта тех явлений, которые относятся к сфере аффективного и эмоционального. Ещё в 1932 г. Ж. Лефевр исследовал феномен «великого страха», поразившего Францию в период революции конца XVIII в. На тесную связь рационального и чувственного обращал внимание Л. Февр¹. Его коллега по «школе Анналов» М. Блок, участвовавший в Первой мировой войне, вспоминал, как циркулировавшие в среде немецких солдат слухи о бойницах в домах бельгийских крестьян, порождённые незнанием местных архитектурных традиций, катализировали страх и ненависть к мирному населению². С тех пор история эмоций оформилась в признанное направление социально-исторических исследований³.

В исследовании В.П. Булдакова, Б.И. Колоницкого, М. Стейнберга, Я. Плампера, П. Холквиста и многих других авторов обращается внимание на эмоциональную подоплёку различных событий и процессов эпохи российской революции, выражавшуюся в аффективных действиях (погромах, самосудах), художественном творчестве, политической лексике и народной молве⁴.

© 2017 г. В.Б. Аксёнов

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-31-12025а(ц).

¹ *Lefevre G.* La Grand peur de 1789. Suivi des foules révolutionnaires. Paris, 1988; *Февр Л.* Чувствительность и история // *Февр Л.* Бой за историю. М., 1991. С. 117.

² *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986.

³ *Zeldin Th.* France, 1848–1945. Vol. 1: Ambition, love. Oxford, 1979; *Stearns P.N., Stearns C.Z.* Emotionology: Clarifying the history of emotions and emotional standards // *The American Historical Review*. Vol. 90. 1985. № 4. P. 813–836; *Elias N.* The Civilizing process. Oxford, 1994. P. 292; *Reddy W.M.* The navigation of feeling: A framework for the history of emotions. N.Y., 2001; *Rosenwein B.H.* Emotional communities in the Early Middle Ages. Ithaca, 2006; Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сборник статей / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат и М. Эли. М., 2010; *Вицицкий И.* Заговор чувств, или русская история на эмоциональном повороте // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. Семиотика августа в XX веке: трансформация жизни частного человека в эпоху социальных катаклизмов.

⁴ См.: *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001; *Steinberg M.* Proletarian imagination: Self, modernity, and the sacred in Russia, 1910–1925. Ithaca, 2002; *Holquist P.* Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge, Mass., 2002; *Плампер Я.* Страх в русской армии в 1878–1917 гг.: к истории медиализации одной эмоции // Опыт мировых войн в истории России. Сборник статей. Челябинск, 2007. С. 453–460; *Стейнберг М.* Меланхолия Нового времени: дискурс о социальных эмоциях между двумя революциями // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сборник статей. М., 2010. С. 202–226; *Нарский И., Хмелевская Ю.* «Упоение» бунтом в русской революции (на примере разгрома винных складов в России в 1917 году) // Российская империя чувств... С. 259–281.

В.П. Булдаков и Т.Г. Леонтьева обращают внимание на методологические препятствия постижения природы революции, которая не поддаётся рациональной оценке социологизирующих авторов, пытающихся «хаос эмоций перевести на язык удобной для них “логики”»⁵. Не случайно в этой связи С.В. Леонов, описывая массовое сознание 1901–1917 гг., прибег к известной метафоре «разруха в головах» (употреблявшейся современниками задолго до М.А. Булгакова) – порой именно анализ рождённых в исследуемое время художественных метафор помогает определить специфику общественных настроений, в которых эмоциональное довлело над рациональным⁶.

Важным источником при изучении эмоций являются слухи, отражающие фобии и надежды широких слоёв населения. Роль слухов в годы Первой мировой войны и революции уже основательно изучена в историографии⁷. Однако в современном массовом сознании и околонучной литературе распространены попытки и в этой области обнаружить результат пропаганды внутренних или внешних «врагов». Следует отметить, что и в годы войны многие обыватели склонны были считать слухи целенаправленной диверсией (в частных письмах обсуждали существование «фабрики слухов»). Но даже те, кто наивно верил в их рукотворную природу, отмечали, что «дело не в том, что распространяют, а в том, что верят»⁸. Готовность массового сознания к восприятию абсурдной с рациональной точки зрения информации является важным феноменом, нуждающимся в исследовании. Вместе с тем более внимательный анализ слухов позволяет говорить о естественном происхождении самых массовых из них: информационный кризис, спровоцированный цензурными ограничениями, наложился на общественные страхи-предчувствия, в условиях усугублявшегося системного кризиса в империи нередко облакавшиеся в эсхатологическую форму. В этой связи «политтехнологический» подход современных авторов к истории революции представляется крайне пристрастным: на самом деле российская дореволюционная и революционная печать ретранслировала лишь малую толику того, о чём рассуждали обыватели в очередях, говорили на рынках и в трамваях.

Предметом данной статьи является эмоциональная атмосфера конца февраля – начала апреля 1917 г. Особенностью этого периода можно считать повышенную возбудимость населения, на которую обращал внимание ещё Л.П. Карсавин. По его словам, петроградцы в дни революции, несмотря на различие политических взглядов, представляли собой «одну развивающуюся индивидуальность – революционное население»⁹. Показательно, что некоторые современники с раздражением констатировали развитие в это время инстинктов толпы, проявлявшихся, в частности, в практике хождения не по тротуарам, а по улицам, мешая движению транспорта. Судя по трамвайному

⁵ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015. С. 697.

⁶ Леонов С.В. «Разруха в головах»: к характеристике российского массового сознания в революционную эпоху (1901–1917 гг.) // Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. М., 2003. С. 95–172.

⁷ См.: Колоницкий Б.И. К изучению механизма десакрализации монархии (слухи и «политическая порнография» в годы первой мировой войны) // Историк и революция. СПб., 1999. С. 72–86; Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы первой мировой войны. М., 2010; Аксёнов В.Б. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914–1917 гг.: архетипы, слухи, интерпретации // Российская история. 2012. № 4. С. 137–145; Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Указ. соч.

⁸ Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917. М., 2008. С. 96.

⁹ Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993. С. 135.

пассажиropотоку, нормальное уличное движение было восстановлено лишь к началу апреля¹⁰. В такой обстановке повышалась роль устной информации, обыватели начинали более чутко реагировать на перемены коллективных настроений. В числе характерных черт массовых настроений того времени была их неустойчивость: позитивные эмоции (восторг, счастье) легко сменялись негативными (страхом, отчаянием). В основе тех и других лежали определённые механизмы восприятия реальности, приводившие к рождению гипертрофированных образов. 3 марта русский монархист, член Прогрессивного блока В.В. Шульгин записал: «Ах — толпа... Подлые и благородные порывы ей одинаково доступны и приходят мгновенно друг другу на смену»¹¹.

Радостно принявшие революцию современники назвали первые её недели «медовым месяцем», развивая тем самым аллегория России-невесты, обвенчавшейся со свободой. Другие окрестили февральские дни «великой бескровной революцией», причём некоторые участники событий отрицали имевшие место случаи насилия со стороны революционизированной толпы. Так, член ЦК кадетов А.В. Тыркова в своём дневнике пыталась представить февральские беспорядки в Петрограде в виде всеобщего восторга, безобидного праздника, отметив, что «толпа ни разу не была оскорбительна»¹². Схожие эмоционально-восторженные оценки, отрицавшие значительную роль насилия, сохранили записи Е. Зозули, Н. Морозова, И. Даинского, Н.П. Окунева и других очевидцев¹³.

Учитывая влияние погодного фактора на самочувствие людей, следует отметить, что позитивные эмоции обывателей были усилены метеорологическими явлениями: с 25 по 28 февраля шло постепенное повышение атмосферного давления с 751 до 768 мм рт. ст., развеявшее облака¹⁴. Обыватели наделяли выглянувшее солнце символическим содержанием, считая его признаком политической оттепели¹⁵. Даже консервативно настроенному Б.В. Никольскому, не испытывавшему восторга от революции, 28 февраля передалось приподнятое настроение горожан: «День чудесный, солнечный, — с виду суший праздник»¹⁶. Примечательно, что на солярную символику тех дней обратили внимание представители таких разных историографических направлений как Э.Н. Бурджалов, Ц. Хасегава, Б.И. Колоницкий, упомянувшие о показательном эмоционально-символическом жесте: 25 февраля женщина подала казачьему офицеру букет красных роз, ассоциировавшийся с солнцем свободы (хотя солнца в этот день не было, шёл снег)¹⁷.

¹⁰ См.: Еженедельник статистического отделения петроградской городской управы. Пг., 1917.

¹¹ Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 268.

¹² Тыркова А.В. Петроградский дневник // Звенья: Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 328.

¹³ Даинский И. Как произошла русская революция. М., 1917; Зозуля Е. Что запомнилось (Революционные дни в Петрограде). Пг., б.г.; Морозов Н.К. Семь дней революции. События в Москве. Дневник очевидца. 1917 г. М., 1917; Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917–1924. В 2 кн. Кн. 1. М., 1990.

¹⁴ См.: Еженедельник статистического отделения петроградской городской управы. 1917. № 8–9.

¹⁵ Более подробно о погодном факторе в революции и символическом пространстве см.: Аксёнов В. Об одной историографической ошибке, или К вопросу о визуальной семантике российских революций // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / НАН України. Інститут історії України. Вип. 7. Київ, 2013. С. 233–243.

¹⁶ Никольский Б.В. Дневник. 1896–1918. Т. 2. 1904–1918. СПб., 2015. С. 279.

¹⁷ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967; Hasegawa Ts. The February Revolution: Petrograd, 1917. Washington; Seattle; L., 1981. P. 253; Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть... С. 26.

Другой части россиян свойственны были не менее сильные отрицательные эмоции. Начальник петроградского охранного отделения К.И. Глобачёв нарисовал иную, страшную своими подробностями картину поведения толпы: «Городовых, прятавшихся по подвалам и чердакам, буквально раздирали на части: некоторых распинали у стен, некоторых разрывали на две части, привязав за ноги к двум автомобилям, некоторых разрубали шашками»¹⁸. Если начальника столичной охраны можно заподозрить в крайнем субъективизме, то воспоминания крупного промышленника барона Н.Е. Врангеля должны отличаться меньшей предвзятостью. Тем не менее он рисует похожую картину: «Ряженого городского ищут везде. На улицах, в парках, в домах, сараях, погребах, а особенно на чердаках и крышах... Во дворе нашего дома жил околоточный; его толпа дома не нашла, только жену; её убили, да кстате и двух её ребят. Меньшого грудного — ударом каблука в темя»¹⁹. Вместе с тем следует заметить, что картина убийства невинного ребенка — распространённый пропагандистский штамп, демонизирующий врага. В годы Первой мировой войны рассказы о немецких зверствах вызывали в воображении населения апокалиптические образы, среди крестьян распространялись слухи о рождении нового царя Ирода. В этом отношении эмоции февраля во многом были настояны на слухах военного времени.

Сильные эмоциональные потрясения вкупе с неопределённостью в отношении ближайшего будущего расшатывали нервы обывателей, поэтому неудивительно, что в первые недели после февральских беспорядков в 50 раз возросло ежедневное поступление душевнобольных в городские клиники, и март—апрель по этому показателю стал рекордным за всё время войны²⁰. Председатель общества психиатров профессор П.Я. Розенбах обратил внимание, что революция оказала более сильное психологическое воздействие на столичных жителей, чем начало Первой мировой войны, а также счёл оправданным введение термина «революционный психоз»²¹.

Один из парадоксов 1917 г. заключался в том, что, хотя массовое сознание было готово к революции (накануне о ней активно говорили и даже писали), во вспыхнувших 23 февраля акциях протеста современники не сразу опознали начало глобальных перемен. Многим казалось, что революция должна иметь более грандиозное и рационально-политическое начало, чем митинги женщин-работниц. При этом забывали, что в декабре 1916 г. именно экспрессивные «красные бабы» художника Ф. Малявина были названы предвестницами будущих потрясений²².

Эмоции аккумулировались слухами, распространению которых накануне революции способствовала цензурная политика властей. Обыватели в феврале 1917 г. сравнивали ситуацию с январем 1905 г., объясняя радикализацию общественного сознания «всякими слухами, толками и зигзагами»²³. Подобные настроения были характерны для всех уголков империи: «Вообще живём слухами, живём под тяжёлым гнётом предчувствия чего-то ужасного», — сообщал житель Амурской области²⁴. Даже провинциальная подцензурная пресса

¹⁸ Глобачёв К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 68.

¹⁹ Врангель Н.Е. Воспоминания: от крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 355.

²⁰ Ежедневник статистического отделения Петроградской городской управы. 1917. № 3—10.

²¹ Биржевые ведомости. Вечерний вып. 1917. 18 мая.

²² Московский листок. 1916. 20 декабря.

²³ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д.1071, л. 49.

²⁴ Там же, д. 1066, л. 1694.

констатировала неспособность власти справляться с внутренним кризисом, приходя к выводу о неизбежности «серьёзного ремонта нашего корабля»²⁵. Более определённо современники высказывались о политическом моменте в своих дневниках: «Словом, настроение безнадежное... Должно быть, без народного вмешательства, т.е. без революции, у нас обновления не будет»²⁶. Ожидание революции порождало сплетни о покушениях на царствующих особ²⁷. Дестабилизирующая роль слухов отмечалась в докладе Охранного отделения «О настроениях в январе 1917 г.», там же проводились и параллели с 1905 г.²⁸

Эмоциональный климат в Петрограде в первые дни революции можно реконструировать по письмам и дневникам. Характерно обилие в них неопределённо-личных предложений, а так же частицы «будто». Так, З.Н. Гиппиус в записях от 23 февраля почти каждое предложение начинает с частицы «будто бы»: «Будто бы убили пристава. Будто бы пошли на Шпалерную... — всё “будто бы”»²⁹. Отставной генерал от инфантерии Ф.Я. Ростовский картину происходящего воссоздавал по телефонным звонкам знакомых, пересказывавших уличную молву, начиная фразы со слов «говорили, что»³⁰. О телефоне как проводнике слухов писал 27 февраля А.Н. Бенуа: «Масса слухов сообщается по телефону. Будто осаждают (кто осаждают?) Государственную Думу, будто она даже взята (кем?)»³¹. Обстановку усугубило то, что из-за перегруженности телефонных линий связь в отдельных частях города пропала, и некоторые обыватели в поисках известий вышли на улицы, пополняя собой протестующие толпы³². «Телефон уже не звонит ни к нам, ни от нас, и неизвестность о происходящем полная», — записал 28 февраля Б.В. Никольский³³.

В условиях информационного кризиса даже совершенно невероятный слух мог стать удобным поводом для выплеска народными массами накопившихся эмоций, что и произошло 23 февраля, когда распространился слух о критической нехватке хлеба в столице. Накануне революции продовольственный вопрос был самым актуальным. Согласно сатирическому журналу «Стрекоза», из 153 карикатур, опубликованных за два первых месяца 1917 г. и посвящённых девяти волновавшим петроградцев сюжетам (война, правительственные перестановки, пьянство, транспортный кризис и т.д.), 63 (43%) касались продовольственного кризиса. Примечательно, что официальная пропаганда ещё с осени 1914 г. старательно внушала обывателям, что Германия стоит на пороге голода. Когда в дни Февральской революции полковник П.А. Половцов осматривал типографию на Галерной, то не без сарказма отметил, что в ней не нашлось ничего интересного, «кроме сводки, приготовленной из всех сведений Министерства иностранных дел, доказывающей, что вся Германия через несколько дней помрёт с голоду»³⁴. Сосредоточенная на идее неминуемости голода у немцев

²⁵ Саратовский листок. 1917. 1 января; Старый владимирец. 1917. 3 января.

²⁶ Окунев Н.П. Указ. соч. С. 11.

²⁷ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 1071, л. 101; Чубинский М.П. Год революции (1917). (Из дневника) // 1917 год в судьбах России и мира. М., 1997. С. 233.

²⁸ ГА РФ, ф. 1788, оп. 5, д. 7, л. 81.

²⁹ Гиппиус З.Н. Синяя книга. Петербургский дневник. 1914–1918. Белград, 1929. С. 71.

³⁰ Ростовский Ф.Я. Дневник для записывания. М., 2001. С. 48.

³¹ Бенуа А.Н. Мой дневник. 1916–1917–1918. М., 2003. С. 114.

³² Там же. С. 116; Ростовский Ф.Я. Указ. соч. С. 53.

³³ Никольский Б.В. Указ. соч. С. 278.

³⁴ Половцов А.П. Дни затмения (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году). М., 1999. С. 33.

пропагандистская машина пропустила момент, когда сведения о кризисе в Германии автоматически переносились обывательским сознанием на счёт России.

Кроме дороговизны, которую можно было списать на издержки военного времени, обывателей возмущали случаи порчи продуктов на складах по причине халатности властей и мародёрства. На одной из карикатур под названием «Удушливые газы в Петрограде» люди разбегались от Калашниковского холодильного склада, где скопилось слишком много гнилой рыбы³⁵. Тема сгнивших продуктов, в то время когда горожане опасались голода, вызывала у обывателей наибольшее возмущение, к тому же народная молва и письма то и дело сообщали о реальных случаях порчи продуктов³⁶.

В конце концов накопившиеся эмоции сыграли роковую роль: в некоторых петроградских «хвостах» заговорили о том, что правительство вообще собирается на несколько дней прекратить продажу хлеба для того, чтобы сосчитать оставшиеся в городе запасы³⁷. В действительности ревизии были подвергнуты шесть пекарен на Выборгской стороне и сделан вывод, что в среднем запасов муки в них, без учёта хранящейся муки на складах, должно хватить на 11 дней³⁸. Петроградский градоначальник генерал А.П. Балк по результатам проверки запасов хлеба в столице сообщил директору департамента полиции: продовольствия в городе хватит на 22 дня; командующий войсками Петроградского военного округа генерал С.С. Хабалов, определяя имевшиеся запасы в 500 тыс. пудов и исходя из среднего потребления муки в 40 тыс. пудов в день, называл чуть более скромные сроки — 10–12 дней³⁹. Учитывая, что подвоз муки в столицу хоть с перебоями, но продолжался, говорить о критической ситуации с мукой едва ли было правомерно.

Официальная пресса пыталась сдерживать рост панических настроений, и «Ведомости петроградского градоначальства» поместили на первую полосу обращение Хабалова, объяснявшего нехватку хлеба в некоторых лавках тем, что «многие, опасаясь недостатка хлеба, покупали его в запас на сухари»⁴⁰. При этом депутация от петроградских пекарен, явившаяся к Хабалову с жалобой на жителей, считавших, что пекарни прячут муку, объясняла недостачу хлеба отсутствием необходимого числа пекарей⁴¹. Отчасти последнее объяснение подтверждается тем, что некоторые обыватели в январе—феврале 1917 г. приступили к самостоятельной выпечке хлеба⁴². Следует также отметить: многие петроградцы искренне считали, что в Москве ситуация ещё хуже и отправляли с оказией своим родственникам чемоданы с мукой вплоть до 20-х чисел февраля⁴³.

Тем не менее в условиях недоверия официальным источникам информации слухи обрастали новыми подробностями: начали рассказывать, будто бы власти собираются ввести ограничения суточной продажи хлеба взрослым и детям

³⁵ Стрекоза. 1917. № 3. С. 13.

³⁶ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, л. 1070, л. 29.

³⁷ Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года // Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914–1919. М., 1994. С. 221.

³⁸ Одесский листок. 1917. 28 февраля.

³⁹ Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1992; Падение царского режима. Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. 1. Л., 1924. С. 186.

⁴⁰ Ведомости Петроградского градоначальства, 1917. 25 февраля. С. 1.

⁴¹ Падение царского режима... Т. 1. С. 185.

⁴² Ростковский Ф.Я. Указ. соч. С. 72.

⁴³ Дневник Л.А. Тихомирова... С. 340.

по фунту и полфунта соответственно. Если учесть, что ряд городов (Москва, Харьков, Воронеж, Одесса) к тому времени перешёл на продовольственные карточки, подобная информация легко принималась на веру. Представителям власти оставалось лишь наблюдать и фиксировать на бумаге развитие панических настроений. Министр внутренних дел А.Д. Протопопов, телеграфируя в Ставку дворцовому коменданту, сумел сформулировать, по-видимому, истинные причины перебоев с хлебом: «Внезапно распространившиеся в Петрограде слухи о предстоящем якобы ограничении суточного отпуска выпекаемого хлеба... вызвали усиленную закупку публикой хлеба, очевидно в запас, почему части населения хлеба не хватило. На этой почве 23 февраля вспыхнула в столице забастовка, сопровождающаяся уличными беспорядками»⁴⁴.

Сами хлебопёки наблюдали явление, как человек, купив в одной лавке хлеб, тут же становился в очередь к другой. «Хвосты» в данной ситуации неизменно быстро росли, возбуждая беспокойство у публики. В «Русских Ведомостях» в статье «Развитие паники» отмечалось: «Откуда причина такой паники — сказать трудно, это нечто стихийное. Но, во всяком случае, в эти дни для неё не было оснований, ибо в Петрограде всё-таки имеется достаточный запас муки»⁴⁵.

Хлебные хвосты аккумулировали и усиливали эмоции, которые выливались в коллективные формы аффективного действия. Е. Зозуля оставил описание типичного начала погрома, вспыхнувшего в «хвосте»: «Толпа распалась. Кто-то, мрачный и оборванный, вбежал в ближайший двор, через минуту выбежал оттуда с несколькими расколотыми поленьями и, коротко размахивая, треснул одним поленьем в окно, другим в вывеску, третьим — в стеклянную дверь»⁴⁶. Ворвавшись в хлебную лавку, толпа часто разбрасывала хлеб по улице, а в самом магазине била стекла⁴⁷. В деле разгрома магазинов полиция отмечала особую активность подростков. Последние, как правило, покушались на сладкое: выносили пирожные, конфеты, банки с вареньем. Более «компетентная» в погромах часть публики вскрывала часовые и ювелирные магазины, другие «специализировались» на аптеках, превратившихся в годы «сухого закона» в монополистов по розничной продаже спирта. Вышедшие на улицы очевидцы отмечали, как в разных местах города происходил разгром винных магазинов «группами солдат и уличных бродяг»⁴⁸. Британский инженер Джонс Стинтон, находившийся в февральские дни в Петрограде, отмечал, что в «большинстве случаев толпа врвалась в аптеки, из которых выносились любые виды спирта, который тут же выпивался, в результате чего в “революционной толпе” было значительное количество пьяных и сошедших с ума элементов»⁴⁹. Разгром Литовской тюрьмы и выход из неё уголовников ещё больше обострил ситуацию на улицах.

Тщетно пытавшиеся остановить погромы чины полиции, казаки, солдаты сами оказывались под прицелом гнева толпы, особенно после того, как 27 февраля был взят Арсенал на Литейном проспекте и в руках восставших оказалось достаточно оружия, чтобы вступать в прямое вооружённое противостояние. В условиях постоянно раздававшейся на улицах неорганизованной стрельбы,

⁴⁴ ГА РФ, ф. 1788, оп. 1, д. 74, л. 29.

⁴⁵ Русские ведомости. 1917. 26 февраля.

⁴⁶ Зозуля Е. Указ. соч. С. 1.

⁴⁷ ГА РФ, ф. 1788, оп. 1, д. 74, л. 14 об.

⁴⁸ Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992. С. 29.

⁴⁹ Stinton J. Russia in Revolution. Being the experience of an Englishman in Petrograd during the upheaval. L., 1917. P. 118.

когда обыватели с трудом могли понять, кто и откуда стреляет, родился новый слух — о «протопоповских пулемётах». Появилась даже версия, что протопоповское министерство внутренних дел сознательно спровоцировало февральские беспорядки, с тем чтобы, жестоко подавив выступление народа, перейти к открытой реакции. Слух о том, что беспорядки — дело рук правительства, и до того уже неоднократно обсуждался обывателями: так, в июле 1914 г. говорили, что рабочие забастовки спровоцированы В.Ф. Джунковским, а весной 1915 г. в этом подозревали Н.А. Маклакова, который якобы «занимается провокацией, стараясь вызвать недовольства и беспорядки, чтобы построить свою карьеру на подавлении их»⁵⁰. Многие, основываясь на слухах о «царскосельских предателях», полагали, что всё дело в стремлении заключить с Германией сепаратный мир⁵¹.

28 февраля Гиппиус писала в дневнике, что по приказу Протопопова пулемётами были обставлены все крыши соседних домов, включая её собственный. Она была уверена, что стрельбу ведут переодетые городские, и в то же время постоянно задавала себе вопросы «кто», «зачем», не находя на них ответов⁵². При этом Гиппиус отмечала и беспорядочную стрельбу на улице, устраиваемую пьяными солдатами и рабочими. 25 февраля М.В. Родзянко отправил царю телеграмму, где также сообщал о беспорядочной стрельбе солдат друг в друга на улицах города⁵³. Меньшевик Н.Н. Суханов в те дни рисовал почти апокалиптические картины российской революции, особо подчёркивая деструктивную роль освобождённых уголовников. При этом он также приписывал стрельбу с крыш домов агентам «тёмных сил» — охранникам, полицейским, жандармам, дворникам⁵⁴. Находившийся в Петрограде корреспондент «Одесского листка» вспоминал «по горячим следам», что в Петрограде с крыш стреляли полицейские, переодетые в солдатскую форму⁵⁵.

Имел ли этот слух под собой какое-то основание? Хотя военные власти признавали серьёзность момента, их не покидали надежды на то, что ситуацию удастся взять под контроль. Рано утром 27 февраля Протопопов телеграфировал дворцовому коменданту В.Н. Воейкову, что в отдельных частях столицы войска открывали огонь по революционным толпам и рассеивали их, и выражал надежду на скорое урегулирование обстановки⁵⁶. В тот же день Петроград был объявлен на осадном положении, и генерал С.С. Хабалов, сформировав отряд из 6 рот при 15 пулемётах и 11 полуэскадронов (всего около 1 тыс. человек), отправил его под командованием полковника А.П. Кутепова на подавление беспорядков⁵⁷. Иными словами, вплоть до 27 февраля власти сохраняли надежду на подавление восстания силами войск, так что создавать разрозненные пулемётные точки на крышах домов было бессмысленно. А после того как с 28 февраля верные части оказались окружёнными в Адмиралтействе, начинать операцию по расстрелу демонстрантов из пулемётов в глубоком «тылу революции» силами одной только полиции было бы просто самоубийственно.

⁵⁰ Никольский Б.В. Указ. соч. С. 194; Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 611.

⁵¹ Бубликов А.А. Русская революция (Её начало, арест Царя, перспективы): Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918. С. 16.

⁵² Гиппиус З.Н. Указ. соч. С. 86.

⁵³ Блок А. Последние дни императорской власти. Пг., 1921. С. 63.

⁵⁴ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 1. М., 1991. С. 108–109.

⁵⁵ Одесский листок. 1917. 7 марта.

⁵⁶ Блок А. Указ. соч. С. 66–67.

⁵⁷ Там же.

Интересно, что верившие слухам про пулемёты обыватели часто сами признавали абсурдность этой затеи и иногда даже выражали сочувствие полиции. Показательно, что А.Н. Бенуа, не сомневавшийся в существовании «протопоповских пулемётов», 28 февраля назвал якобы засевших на крышах домов городских «обречёнными жертвами идиотского плана Протопопова»⁵⁸. Бывший начальник охранки К.И. Глобачёв впоследствии, не отрицая факта пулемётной стрельбы с крыш домов, доказывал в своих воспоминаниях непричастность к ней полиции тем, что в местах, на которые указывали свидетели, расставлять огневые точки было бессмысленно — «кроме трескотни и шума, вреда от них никакого не было»⁵⁹. Он обвинял в пулемётной стрельбе с целью провокации «революционеров».

Так как слухи о «протопоповских пулемётах» заняли прочное место в памяти участников февральских событий, образованная 5 марта «Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств» занялась сбором сведений о преступлениях городских в февральские дни, однако конкретных фактов этих преступлений не обнаружила. Выяснилось, что большинство подозреваемых сами узнали о пулемётах из газет или со слухов. Так, бывший председатель Совета министров кн. Н.Д. Голицын на вопрос о пулемётах ответил, что узнал о них только из слухов, на вопрос же, кто стрелял, сказал: «молва городская была, что полиция»⁶⁰.

Парадоксально, что мало кто из допрошенных, узнавших о пулемётной стрельбе из слухов, сомневался в их достоверности. Причём в военном министерстве склонны были подозревать чинов полиции и наоборот. Бывший военный министр М.А. Беляев на вопрос председателя комиссии, были ли пулемёты военными или полицейскими, признал их полицейскими, — если бы был приказ об использовании пулемётов военного ведомства, он бы об этом знал⁶¹. Бывший министр внутренних дел Протопопов, в свою очередь, заявил: прочитав в газетах, что «в полиции применяются пулемёты», он спросил об этом Балка, и тот сказал, что, «должно быть, молодые солдаты учатся»⁶². Хабалов, упомянув, что Протопопов предлагал использовать против толпы броневые автомобили, на вопрос о полицейских пулемётах на крышах ответил просто: «Думаю, что их не было»⁶³. При этом он сообщил о существовании в Петрограде на крышах отдельных зданий противовоздушных батарей, располагавших специальными пушками и пулемётами, ориентированными для стрельбы вверх. Находились они в подчинении генерала Г.В. Бурмана. Хабалов предположил, что эти пулемёты в ответ на стрельбу с улицы могли открыть огонь как по революционерам, так и по правительственным войскам⁶⁴. Однако причастность батарей к пулемётной стрельбе не была доказана.

Следователь комиссии Юзевич-Компанец допросил несколько сот человек и установил, что все найденные на улицах пулемёты принадлежали воинским

⁵⁸ Бенуа А.Н. Указ. соч. С. 120.

⁵⁹ Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 67.

⁶⁰ Падение царского режима... Т. 2. Л.; М., 1925. С. 266.

⁶¹ Там же. С. 234.

⁶² Там же. Т. 1. С. 137.

⁶³ Там же. С. 207.

⁶⁴ Там же. С. 211.

частям и были похищены с воинских складов⁶⁵. Революционно настроенный публицист В.Л. Бурцев, проводивший собственное расследование, согласился с тем, что многие допрошенные говорили правду, утверждая, что не знали о пулемётах, и заметил: «Я сам был под расстрелом пулемётов, но с уверенностью говорить ничего не могу по этому поводу»⁶⁶. Кроме Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, в Петрограде действовали 47 организованных адвокатским бюро следственных отделов, проводивших обследование действий бывших полицейских участков. 6 июля 1917 г. бюро передало во временные суды производство о 1 197 полицейских чинах, и ни в одном отчёте не оказалось данных, указывающих на их стрельбу из пулемётов, что вынудило С.П. Мельгунова признать: ««протопоповские пулеметы» существовали только в возбуждённом воображении современников»⁶⁷.

Тем не менее слух о пулемётах перекочевал в качестве исторического факта в советскую историографию. Так, Э.Н. Бурджалов, называя день 26 февраля «кровавым воскресеньем» второй революции, описывал организованный властями расстрел безоружных демонстрантов на Невском проспекте и, ссылаясь на воспоминания рабочих, назвал использование пулемётов «заранее продуманной мерой царских властей»⁶⁸. Впрочем, А.Л. Сидоров и П.В. Волобуев позже отказались от этого мифа⁶⁹. Вернувшийся в 2015 г. к рассмотрению этого вопроса А.Г. Румянцев, пытаясь примирить свидетельские показания о пулемётах с установленным фактом непричастности к ним полиции, допустил, что прятавшиеся на чердаках от революционной толпы полицейские случайно могли обнаружить там бесхозные пулемёты, оставленные службой противовоздушной обороны, и открыть из них стрельбу в целях самообороны. Но эта версия не лишена некоторых противоречий⁷⁰. Прежде всего, точки противовоздушной обороны размещались на крышах правительственных и военных учреждений, заводов, но не частных домов. Румянцев отмечает, что известны случаи похищения пулемётов в февральские дни, но остаётся неясным, кому понадобилось переносить их с одной крыши на другую и затем оставлять без дела.

Возникает также вопрос, могла ли полиция тогда в принципе проявить решимость в подавлении массовых беспорядков. Сегодня некоторые исследователи выдвигают тезис, что негативный образ полицейского как врага революции сформировался под воздействием «инверсивной логики» уже после событий февраля 1917 г.⁷¹ Это, конечно, неверно: история протестного движения в России показывает, что задолго до 1917 г. неприятие царской власти выливалось в столкновения обывателей с полицией. В июле—августе 1914 г. толпы мобилизованных, не испытывавших энтузиазма по поводу отправки на

⁶⁵ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 г. Париж, 1961. С. 413.

⁶⁶ Падение царского режима... Т. 1. С. 295.

⁶⁷ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 401, 413.

⁶⁸ Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 174.

⁶⁹ Волобуев П.В. По поводу числа убитых и раненых в Петрограде в дни Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Статьи. М., 2000. С. 76.

⁷⁰ Румянцев А.Г. «Полицейские пулемёты» в Феврале 1917 года: миф или реальность? // Революция 1917 года в России: Новые подходы и взгляды. Сборник научных статей. СПб., 2015. С. 38—54.

⁷¹ Абдурахманова И.В. Образ полиции в массовом правосознании накануне и во время Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2006. № 1. С. 27—31.

фронт, забрасывали полицейских камнями и устраивали им «кошачьи концерты». В Екатеринославе, дабы не провоцировать призывников, полицию вообще убрали с улиц города⁷². Однако необходимо учитывать, что чины полиции, как и всё российское общество, наблюдавшее за конвульсиями власти накануне революции, не могли не проникнуться оппозиционными настроениями. А.Б. Николаев отмечает, что часть петроградских полицейских сочувственно относилась к революционерам, и противоречия внутри полиции «могли сыграть не на руку царизму в том случае, если бы он решился использовать полицейские силы для активного участия в подавлении назревающей революции»⁷³. Некоторые полицейские в февральские дни открыто заявляли приставам, что не будут стрелять в народ⁷⁴. Таким образом, полиция не была силой, способной, даже при наличии пулемётов, оказать решительное сопротивление восставшим, что не помешало революционизированным горожанам счесть её главной силой контрреволюционного сопротивления.

Примечательно, что обыватели заговорили о пулемётах задолго до описываемых событий. Осенью 1916 г. мало кто сомневался в неизбежности революции, многие отмечали усиление бунтарских настроений и гадали, чем на них ответят власти. В результате в конце октября в Москве распространился слух, что полицию начали вооружать пулемётами⁷⁵. Однако настоящий шум поднялся в Петрограде, где шло обучение стрельбе из пулемётов молодых солдат. Обыватели, прослышав, что ранее чины полиции испрашивали пулемёты для себя, в декабре 1916 г. решили, что идёт тренировка жандармов и городских⁷⁶. Не последнюю роль в истории с пулемётами сыграла и некоторая демонизация образа Протопопова, которого общественное сознание воспринимало как властного и жестокого преемника Распутина. В конце 1916 г. ходила даже молва, что сам Протопопов утверждал, будто в него вселился дух Распутина⁷⁷. Гиппиус передавала слухи о министре внутренних дел, который якобы хвастался, что «подавил революцию сверху и подавит её и снизу», для чего и расставил на улицах пулемёты 14 февраля, когда власти ожидали беспорядков в связи с открытием очередной сессии Думы⁷⁸. Однако 14 февраля беспорядков не произошло, пулемёты с улиц исчезли, а воображение напуганных обывателей «рассетило» их на крышах соседних домов. Нельзя отрицать и версию, что в ряде случаев некомпетентные в военном деле и напуганные обыватели принимали за пулемётную очередь беглый ружейный огонь.

Так или иначе, но слухи о пулемётах привели к массовым незаконным обыскам, которые устраивались на частных квартирах не только представителями новоиспечённой власти, но и вооружёнными грабителями. А нередко «подозрительный блеск» в чьём-либо окне становился сигналом к действию для возбуждённых обывателей — они вламывались в квартиры верхних этажей и избивали подозрительных жильцов. Н.Е. Врангель вспоминал, как в одной из них под кроватью нашли полотёра, выполнявшего свою работу, и, приняв его за спрятавшегося переодетого городского, чуть не убили. В другой раз

⁷² ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 976, л. 48.

⁷³ Николаев А.Б. Настроения и политические взгляды петроградских полицейских накануне Февральской революции // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2012. № 5. С. 16.

⁷⁴ Там же. С. 9 (прим.).

⁷⁵ Дневник Л.А. Тихомирова... С. 298.

⁷⁶ Ломоносов Ю.В. Указ. соч. С. 222–223.

⁷⁷ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 1069, л. 186.

⁷⁸ Гиппиус З.Н. Указ. соч. С. 90.

подстрелили трубочиста на крыше, приняв его за переодетого полицейского с пулемётом⁷⁹. За стволы пулемётов горожане, находившиеся на улице, принимали видневшиеся в окнах гардины, концы водосточных труб, выглядывавших с крыш. 27 февраля толпа пыталась взять приступом Мариинский театр, под крышей которого ясно видели торчащие дула пулемётов. Когда же в сопровождении артиста В.В. Киселёва и режиссёра П.И. Мельникова представители воинственно настроенной публики обошли помещение театра, то убедились, что за стволы пулемётов были ошибочно приняты концы вентиляционных труб⁸⁰. Согласно газетным сведениям, подобные революционные инициативы «бдительных» жителей привели к арестам около 4 тыс. человек, в результате чего Министерству юстиции пришлось создать особую следственную комиссию⁸¹. Однако обнаружить среди задержанных переодетых городских, стрелявших из пулемётов, конечно же, не удалось.

Помимо городских, замешанными в слухах о «протопоповских пулемётах» оказались священники. Гиппиус и Бенуа отмечали в дневниках, что пулемётная стрельба якобы шла с крыши Исаакиевского собора и с колокольни лютеранской церкви Св. Михаила⁸². Вскоре родился и образ священника с пулемётом. В «Новом Сатириконе» в апреле была опубликована карикатура, изображавшая стреляющего из пулемёта попа с крестом в руке. Текст под рисунком гласил: «В дни революции много пулемётов стояло на колокольнях, откуда и обстреливался восставший народ»⁸³. Находились свидетели, которые рассказывали, что пулемёты тайно развозились по церквям в гробах⁸⁴. Размещение пулемётов на крышах столичных соборов опровергалось даже в газетах далекого Томска⁸⁵. Некоторые провинциальные священники, поверив разговорам о разрешении Петроградской епархии расставлять на крышах церквей и колокольнях пулемёты для подавления беспорядков 27–28 февраля, отправляли по этому поводу запросы начальству⁸⁶.

Священники вообще нередко воспринимались обывателями в качестве представителей власти⁸⁷. отождествление полиции и духовенства проходило и на уровне политической лексики: специфические обороты речи, высказывания, приписываемые чинам полиции, переносились и на представителей духовенства. Так, после ареста Протопопова обыватели рассказывали, что министр на допросах оправдывался тем, что сознательно своими действиями способствовал приближению революции: «Я оставался министром, чтобы сделать революцию. Я сознательно подготовил её взрыв»⁸⁸. В мае 1917 г. появилась карикатура, в которой поп-хамелеон схожим образом оправдывал своё реакционное

⁷⁹ Врангель Н.Е. Указ. соч. С. 355.

⁸⁰ Безпалов В.Ф. Театры в дни революции 1917. Л., 1927. С. 23.

⁸¹ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 313.

⁸² Гиппиус З.Н. Указ. соч. С. 90; Бенуа А.Н. Указ. соч. С. 124.

⁸³ Новый Сатирикон. 1917. № 14. С. 7.

⁸⁴ Румянцев А.Г. Указ. соч. С. 49.

⁸⁵ Сибирская жизнь. 1917. 8 марта.

⁸⁶ РГИА, ф. 797, оп. 86, 3 отд., 5 ст., д. 22, л. 157.

⁸⁷ См.: Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс. Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М., 1992; Rogoznyy I.I. Церковная революция 1917 г. СПб., 2008; Аксёнов В.Б. Вера и массовое сознание: расперковление россиян в 1907–1917 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Вып. 6(39). Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000545-8-1> (дата обращения: 06.08.2015).

⁸⁸ Гиппиус З.Н. Указ. соч. С. 100.

прошлое: «Братие! Я всегда стоял за свободу, а если я к погромам призывал, так для того, чтобы граждане скорее потеряли терпение и устроили Революцию»⁸⁹.

Несмотря на победу революции и исчезновение с улиц столицы главного оплота самодержавия — городских, — март принёс лишь внешнее успокоение. «Революционный психоз» принимал новые формы. Одной из них стала инициатива таинственных «активистов», решивших пометить белыми крестами двери квартир некоторых жителей Петрограда. Шла ли речь о шутке, или действительно существовала некая инициативная группа по отлову «внутренних врагов», сейчас сказать трудно, но, учитывая общую социально-психологическую напряжённость, можно представить чувства «помеченных» людей. Кое-кто пытался систематизировать кресты по их виду и социальной принадлежности жильцов «крещёных» квартир. В «Петроградском листке» в марте появилась заметка, в которой отмечалось, что перед квартирами офицеров было по два креста; секретарь петроградской городской милиции З. Кельсон писал о распространённых в то время слухах, что «белыми крестами помечают квартиры евреев, собираясь им устроить Варфоломеевскую ночь»⁹⁰. В период Февральской революции антисемитизм, отождествлявшийся с царской политикой и черносотенцами, популярен не был, хотя в апреле в Москве появлялись воззвания к еврейскому погрому, а чуть позже некоторые крестьяне, предсказывавшие наступление «последних времён», доказывали это тем, что А.Ф. Керенский — «жид-Анчихрист»⁹¹. Это не привело к антисемитским выступлениям, но «белые кресты», отнесённые на счёт черносотенцев, вызвали новое беспокойство по поводу заговора правомонархических сил против революции.

После страхов относительно «протопоповских пулемётов» и «белых крестов» пришла очередь «чёрных автомобилей». Сознание граждан переместило мифические пулемёты с крыш в машины. Некоторые основания для этого имелись. Бывший градоначальник Петрограда А.П. Балк вспоминал о происшествии 28 февраля: «Мимо градоначальства из Гороховой улицы выскочил автомобиль и открыл стрельбу из пулемёта. Окружавшую нас толпу охватила паника. Все бросились на землю и началась беспорядочная стрельба»⁹². Однако в тот день эпитет «чёрный» по отношению к автомобилям ещё не употреблялся.

Н.Н. Суханов относит появление слухов о «чёрных авто» к 2 марту: «Появился в Петербурге некий “чёрный автомобиль”, мчавшийся, как говорили, из конца в конец столицы и стрелявший в прохожих чуть ли не из пулемёта»⁹³. Примечателен слух о «протопоповских автомобилях»: сообщалось, что накануне революции Протопопов в личных целях приобрёл 10 машин⁹⁴. Предполагалось, что теперь именно из них бывшие чины полиции расстреливают обывателей из пулемётов, заготовленных тем же бывшим министром внутренних дел. Секретарь начальника городской милиции З. Кельсон вспоминал, как 3 марта в 3 часа ночи его разбудил комендант Городской думы и передал только что полученный пакет: «Начальнику милиции. Спешно. Секретно. В собственные руки». В пакете было отношение: «Коменданту города. По сообщению

⁸⁹ Стрекоза. 1917. № 18. С. 15.

⁹⁰ Кельсон З. Милиция февральской революции. Воспоминания // Былое. № 1(29). 1925. С. 168.

⁹¹ Русские ведомости. 1917. 9 апреля; *Наживин И.Ф.* Записки о революции. Вена, 1921. С. 17.

⁹² Балк А.П. Гибель царского Петрограда: Февральская революция глазами градоначальника А.П. Балка // Русское прошлое. Кн. 1. 1991. С. 59.

⁹³ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 1. М., 1991. С. 178.

⁹⁴ Саратовский листок. 1917. 22 марта.

членов Совета рабочих депутатов Жукова, Васильева и др., сегодня ночью предполагается выезд чёрных автомобилей с чёрными флагами для обстрела милиционных постов. №№ их следующие...»⁹⁵. Через некоторое время в Думу был доставлен арестованный гласный Д.А. Казицын, проезжавший на автомобиле под одним из этих номеров.

В газетах активно заговорили о «чёрных авто» с 9 марта. Так, «Русские ведомости» сообщили о совершённых в Петрограде «таинственными моторами» ночных разбойничьих набегах, а также об участии в них некоей черносотенной организации⁹⁶. 16 марта чёрные автомобили «добрались» и до Москвы, где их обнаружило воспалённое страхами сознание обывателей⁹⁷. К 20-м числам марта слухи об автомобилях реанимировали слухи о протопоповских пулемётах на крышах, стрельбу из которых якобы обыватели слышали в различных частях города⁹⁸. Своеобразным апогеем слухов о «чёрных авто» стало 13 апреля, когда газеты сообщили сразу о трёх случаях задержания таинственных моторов: первый раз милиционеры около 1 ч ночи обстреляли чёрный автомобиль, своих коллег, ехавших из соседнего комиссариата на облаву; другой раз милиционеры за таинственный автомобиль приняли броневик с вооружёнными солдатами, — услышав удары пуль о броню, они ответили дружным оружейным огнём; третий случай произошёл с возвращавшимися с праздника офицерами и их дамами, за разговорами не услышавшими свистков милиции, в результате их автомобиль был обстрелян милиционерами⁹⁹.

Слухи о загадочных столичных моторах обсуждали по всей стране. 17 апреля «Одесский листок» сообщил, что центральные комиссариаты Петрограда получили телефонограмму, согласно которой по распоряжению министра юстиции милиционеры обязаны без предупреждения открывать огонь по автомобилю с номером 4247. Однако проверка установила, что министр никаких подобных распоряжений не давал, а в автомобиле под указанным номером ездил А.Ф. Керенский. Таким образом родились новые вопросы и слухи о том, кто мог стоять за отправкой подобной телеграммы. Образ «чёрного мотора» пытались использовать в целях политической пропаганды некоторые партии. Так, 10 марта в газете «Правда» появилась статья «Люди чёрного автомобиля», в которой большевики демонизировали своих идеологических противников — гласных петроградской городской думы.

Слухи о «чёрных авто» интересны своей многоуровневой структурой, сочетавшей социально-политические, символические и литературно-художественные пласты. Контекст слухов о «чёрных авто» вполне соответствовал шпионии первых лет войны, когда воспалённое сознание обывателей рисовало образы представителей «тёмных сил» на автомобилях (циркулировали слухи о тайных поездках в Германию Николая II, шпионской деятельности императрицы, разъезжавших в автомобилях и фотографировавших военные укрепления). Также следует обратить внимание на связь этого политического образа со слухами из криминальной области и беллетристической кануна революции. Согласно молве, в январе 1917 г. в пригородах Петрограда орудовала банда на чёрном автомобиле, которая с наступлением темноты отправлялась на охоту

⁹⁵ Кельсон З. Указ. соч. С. 169.

⁹⁶ Русские ведомости. 1917. 9 марта.

⁹⁷ Московский листок. 1917. 17 марта.

⁹⁸ Русские ведомости. 1917. 21 марта.

⁹⁹ Петроградский листок. 1917. 13 апреля.

за молодыми девушками¹⁰⁰. Сообщалось, что было найдено 16 трупов. Главаря банды в народе прозвали Чёрный Биль, обыгрывая, вероятно, имя как производное от слова «автомобиль», а также имея в виду известного персонажа американской беллетристики Чёрного Билла, встречающегося, в частности, в популярных в России рассказах О. Генри.

Не был случаен образ чёрного авто и с точки зрения архетипической символики. В сознании обывателей начала XX в. автомобиль ассоциировался с неким подобием Люцифера, ревущим и несущимся в ночи с бешеной скоростью. Демонизация автомобиля усилилась в годы Первой мировой войны, так как в народе автомобилями называли не только грузовые и пассажирские «моторы», колёсные броневики, но и гусеничные танки. Автомобиль становился порождением эпохи мировой войны, символом насилия. Именно с этим образом И.А. Бунин впоследствии связал все свои страхи революции; об автомобиле как о символе революционного насилия писали в 1917 г. М. Горький, П.А. Сорокин и другие менее именитые современники¹⁰¹.

Нужно сказать, что период «медового месяца» характеризовался не одними только страхами, революционное творчество масс было проникнуто искренним энтузиазмом: на митингах-концертах зрители и артисты хором пели революционные песни, профессиональные литераторы и поэты-любители посвящали революции стихи и рассказы, художники расписывали знамёна, публиковали в журналах эмоционально-позитивные рисунки в виде открыток. Однако за фасадом общенародного ликования прятались потаённые фобии обывателей, выдаваемые массовыми слухами. Восторг и страх, любовь и ненависть, великодушие и жестокость становились постоянными спутниками революции, определяя её дуалистическую, противоречивую природу.

Несмотря на широкое распространение различных слухов, следует заметить, что география революционных эмоций имела свои особенности: юго-западные губернии, граничившие с театром военных действий, более активно реагировали на революцию, чем Сибирь. Так, в Томске не было ничего подобного охоте на городских, а полиция первое время продолжала работу вместе с новоиспечённой милицией¹⁰². Одесса пребывала в состоянии неопределённости: «Жутко, мучительно жутко без телеграмм и “внутренних известий”. Словно где-то там, за наглухо запертыми дверьми операционной палаты мрачного больничного корпуса, окружённого высокой оградой, неведомые хирурги третьи сутки кромсают больное тело близкого нам и дорогого существа»¹⁰³. Недостаток информации в конце концов привел к распространению в городе абсурдного слуха, что Временное правительство собирается восстановить крепостное право¹⁰⁴.

Крестьянство же восприняло известие о революции в целом куда менее восторженно, чем городские слои. В то время как столичные жители радовались весеннему солнцу Свободы, в Вологодской губернии крестьянин А. Замараев, наблюдая метель за окном, испытывал совершенно другие чувства: «Погода студёная, пролетает снег. Нашему государству едва ли не приходит конец»¹⁰⁵.

¹⁰⁰ Одесский листок. 1917. 22 января.

¹⁰¹ Бунин И. Окаянные дни. М., 1991. С. 54; Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 91; Сорокин П. Указ. соч. С. 79; Окунев Н.П. Указ. соч. С. 125.

¹⁰² Сибирская жизнь. 1917. 5 марта.

¹⁰³ Одесский листок. 1917. 3 марта.

¹⁰⁴ Там же. 4 марта.

¹⁰⁵ Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева. 1906–1922 годы. М., 1995. С. 160.

Локальные особенности эмоциональной географии, их связь с местными хозяйственно-экономическими, политическими или культурно-историческими особенностями должны стать предметом отдельного исследования.

Таким образом, информационный кризис кануна революции, характеризовавшийся огромной ролью слухов, радикализировал общественные настроения, подготовив ментальную почву для революции. В то время как большинство революционных фобий оказывалось безосновательными, страхи сами порождали волну революционного насилия, которая подпитывалась слухами, коренившимися в политической информации, криминальных легендах, архетипах и литературных образах. Не удивительно, что слухи и страхи «медового месяца» 1917 г. воскресли на последующих этапах российской смуты.

Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи)

Валентин Шелохаев

Re-formatting of the partisan structure in Russia in 1917: Results of recent studies and prospectives for the further research

*Valentin Shelokhaev (Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

Глобальные революционные трансформации 1917 г. оказали мощное воздействие на ещё не завершившийся в России процесс формирования многопартийности. Причины позднего возникновения в стране политических партий (по сравнению с развитыми западноевропейскими государствами), а также особенности сложного процесса их формирования и эволюции обстоятельно раскрыты в трудах российских историков¹.

Цель данной статьи – показать состояние современной отечественной историографии российских политических партий на переломном этапе их эволюции – в 1917 г., а также определить исследовательские задачи дальнейшего изучения этой проблемы. Однако перед её детальным освещением представляется важным хотя бы лапидарно напомнить итоговые результаты изучения истории российских политических партий в отечественной и зарубежной историографии предшествующего периода. Прежде всего для них характерно наличие полярных подходов и итоговых оценок исторических судеб партий

© 2017 г. В.В. Шелохаев

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-31-12025а(ц).

¹ Подробно см.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. М., 1996. С. 5–12; *Леонов С.В.* Партийная система России (конец XIX в. – 1917 год) // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 29–48; *Шелохаев В.В.* Политические партии в свете новых источников // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С. 97–105.

в России. В принципе это состояние было обусловлено выходом страны после большевистского переворота из уже устоявшейся общеевропейской мировоззренческой ценностной системы и предельно обострившимся идеологическим и политическим противостоянием, затронувшим и научную сферу.

По завершении глубинных социальных и политических трансформаций (революция 1917 г., Гражданская война 1918–1920 гг.) учёные освещали произошедшие в России события с позиций «победителей» или «побеждённых». Так, в советской историографии более 70 лет господствовал первый подход, когда история партий рассматривалась с позиции победившей большевистской партии, адепты и исследователи которой изображали своих поверженных политических противников с долей пренебрежения и даже сарказма. Методологической основой их изысканий служила ленинская классификация российских партий – «помещичьи», «буржуазные», «мелкобуржуазные», «пролетарские». При этом итоговая оценка их политического поведения неизменно сопровождалась эпитетами «реакционные», «контрреволюционные», «соглашательские», «подлинно революционные». Такой подход (несмотря на накопленный исследователями значительный фактографический материал) мало способствовал воссозданию реальной картины генезиса, формирования и эволюции политических партий в России, определению их места и роли в отечественной истории в целом и в период революции 1917 г. в частности.

Та же участь постигла эмигрантских авторов, которые, в свою очередь, не смогли преодолеть «синдрома побеждённых». Что касается зарубежной историографии с её изначальным плюрализмом исследовательских методов, то она (вплоть до 1960-х гг.), с одной стороны, продолжала «подпитываться» идеями русской эмигрантской литературы, а с другой – испытывала негативное воздействие «синдромов» холодной войны. В последующий период ситуация в зарубежной историографии рассматриваемой проблемы стала постепенно меняться, прежде всего благодаря начавшемуся процессу научного диалога с отечественными историками. В результате началась разработка совместного проекта документальной публикации «Меньшевики в 1917 г.», инициированного советскими и американскими исследователями.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. контакты между отечественными и зарубежными учёными участились, периодически в России, Англии, США, Франции и Италии проводились совместные международные конференции. Примером такого сотрудничества стало издание «Критического словаря русской революции. 1914–1921», в подготовке которого участвовали историки многих стран, включая и российских. Этот труд был издан в Англии и США в 1997 г., переиздан в Англии в 2001 г. и на русском языке вышел в России в 2014 г.²

Тем не менее коренной перелом в отечественной и зарубежной историографии названной проблемы, на мой взгляд, наступил в ходе подготовки и издания 57-томного масштабного проекта «Политические партии России.

² В разделе этого словаря «Партии, движения, идеологии» опубликованы статьи У.Г. Розенберга «Конституционно-демократическая партия (кадеты)»; М. Мелансона «Партия социалистов-революционеров (эсеры)» и «Левые социалисты-революционеры. 1917–1918 годы»; З. Галили и А. Ненарокова «Меньшевики в 1917 году: от демократов к государственным деятелям»; Р. Сервиса «Большевистская партия». См.: Критический словарь русской революции. 1914–1921. СПб., 2014. С. 212–263. О состоянии зарубежной, в частности, англоязычной историографии подробно см.: Уэйд Р.А. К столетию революции: тематика и проблематика англоязычной историографии русской революции 1917 г. // Политическая история России XX века: К 85-летию профессора Виталия Ивановича Старцева. Сборник научных трудов. СПб., 2016. С. 274–303.

Документальное наследие» (материалы и документы партийных съездов, конференций, ЦК; вошёл в него и проект «Меньшевики в 1917 г.»). Считаю, что его реализация не только позволила ввести в научный оборот огромный массив источников, но и способствовала в процессе длительных дискуссий выработке общей исследовательской методологии и методики.

Комплексный анализ источников, содержащийся в аналитических предисловиях к данным документальным публикациям³, убедительно показал методологическую неэффективность классового подхода при характеристике мотивации формирования и практической деятельности партий. По сути, они носили внеклассовый, сугубо интеллигентский характер, как и в других европейских странах. В создании партий в России (как и в конструировании моделей её преобразования, и в формировании различных типов политических организаций) была признана особая роль интеллектуального меньшинства, что в силу исторических особенностей страны стало доминирующим фактором. Данная исходная посылка является общепризнанной в современной отечественной и зарубежной историографии.

Характерный для российского интеллектуального меньшинства мировоззренческий «плюрализм» в условиях системного кризиса, переживаемого Российским государством на рубеже двух веков, позволял предложить общественному мнению не только различные модели выхода из данной ситуации, но и определить дальнейшие пути и перспективы развития страны. Разумеется, это не снимало проблему острейшего идеологического противостояния внутри прослойки интеллектуалов, несколько поколений которой начиная с середины XVIII в. вели исключаящую возможность конструктивного диалога яростную полемику о будущем России. Революция 1917 г. лишь предельно обострила конфронтационную ситуацию внутри интеллектуального меньшинства, составившего костяк руководства всех без исключения российских партий.

В соответствии с мировоззренческими представлениями и выстроенными на их основе моделями преобразования страны тем же меньшинством формировалась многослойная конструкция политических партий и организаций. Соответственно их можно подразделить на консервативные, либеральные и социалистические. Изменение исследовательских методологических подходов к их изучению привело к приращению знания о месте и роли партий в истории России.

Анализ состояния современной историографии рассматриваемой темы позволяет верифицировать достигнутые на сегодняшний день результаты. Так, в энциклопедии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века» выявлены динамика численности партий (100 – в 1906 г., 280 – в 1917 г.) и изменение числа их членов относительно населения страны (0,5% – в 1906 г., 1,2–1,5% – в 1917 г.). Как видим, революционные трансформации 1917 г. способствовали росту общего числа политических партий – 56 общероссийских и 224 национальных. Последний показатель свидетельствует прежде всего о пробуждении национального сознания входивших в состав Российской империи народов, об активизации действий их интеллектуальных

³ Непосредственно периоду революции 1917 г. посвящены: Меньшевики в 1917 году. В 3 т. М., 1994–1997; Правые партии. Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. М., 1998; Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 3. М., 1998; Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. М., 2000; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т. Т. 3. Ч. 1, 2. М., 2000; Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т. Т. 1. М., 2000.

меньшинств, отчётливо отразивших общую тенденцию стремления к национальной независимости представляемых ими народов⁴.

Целью издания энциклопедии являлось не только обобщение результатов, достигнутых к тому времени в отечественной и зарубежной историографии темы, но и стимулирование дальнейших изысканий на основе предложенных историками методологии и методики. Думаю, несмотря на определённые «недочёты», во многом типичные для переходного периода в условиях явного финансового дефицита, данный труд внёс вклад в дело утверждения новых подходов к исследованию названной проблемы. Так, методологические подвижки и дальнейшие фактографические наработки отражены в учебнике, специально подготовленном для высших учебных заведений⁵.

Существенный прорыв был сделан в отношении истории российских консервативных партий. Если до 1990-х гг. исследователи главным образом акцентировали внимание на ранних этапах их деятельности, то затем — на периоде Первой мировой войны и начала революции 1917 г. Расширение хронологии позволило не только «вписать» эти партии в общий контекст политической и социальной трансформации России, но и приступить к изучению ряда малоисследованных тем и дискуссионных проблем, которые по разным причинам (прежде всего из-за недоступности архивов) выпадали из поля зрения учёных⁶.

Аналогичная тенденция прослеживается относительно исследования деятельности либеральных и социалистических партий. Предпринятый в последние годы историографический анализ показал: отказавшись от априорных рассуждений по поводу этих партий — о «природной контрреволюционности» (либералы) и «соглашательской сущности» (социалисты-революционеры и меньшевики), — исследователи перешли к осмыслению их реального места и роли в революции 1917 г.⁷ Определённые результаты были достигнуты и в изучении развернувшегося одновременно анархистского движения⁸.

Если обобщить современные историографические наработки отечественных и зарубежных учёных в области исследования состояния российской многопартийности непосредственно в 1917 г., то можно сделать следующие выводы.

⁴ Подробно см.: Политические партии России. Конец XIX... С. 5–12.

⁵ История политических партий России: история и современность. М., 2000.

⁶ Подробно см.: *Колоницкий Б.И.* Правоэкстремистские силы в марте–октябре 1917 г. (на материалах петроградской печати) // Национальная правая прежде и теперь. Ч. 1. СПб., 1992; *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 г.: причины кризиса и краха // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 79–94; *Иванов А.А.* В.М. Пуришкевич и Временное правительство: от поддержки к разочарованию // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2011. С. 70–81; *Стогов Д.И.* Дело о «монархическом контрреволюционном заговоре» в контексте июльского политического кризиса 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2012. С. 73–82.

⁷ См.: *Тютюкин С.В.* Современная отечественная историография РСДРП // Отечественная история. 1998. № 6; *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. М., 2002; *Кононенко А.А.* Партия социалистов-революционеров в 1901–1922 гг.: Проблемы историографии. Тюмень, 2004; *Суслов А.Ю.* Социалисты-революционеры в Советской России: Источники и историография. Казань, 2007; *Егоров А.Н.* Российские либералы начала XX в. и власть. Историографические дискуссии. Череповец, 2007; *Ненароков А.П.* Правый меньшевизм: прозрения российской социал-демократии. М., 2012; *Урилов И.Х.* История российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 5. М., 2013; *Макаров Н.В.* Русский либерализм в зеркале англо-американской историографии. М., 2015; *Савельев П.Ю.* Генезис РСДРП: Историография и источники. М., 2016.

⁸ *Ермаков В.Д.* Анархистское движение в России: история и современность. СПб., 1997; *Салтон В.П.* Терновый венец свободы. Либертаризм в идеологии и революционной практике российских левых радикалов (1917–1918 гг.). Нижний Новгород, 2008.

Во-первых, революция 1917 г. привела не только к весьма значительному росту политических партий, но и к качественному изменению всей конфигурации российской многопартийности. В результате крушения трёхсотлетней царской монархии в Феврале 1917 г. с политической сцены исчезли консервативные партии и организации как в центре, так и на местах. Значительная часть состоявших в их рядах людей, испытав настоящий шок от внезапного краха самодержавия, не только стремительно покинула ряды своих организаций, но и вообще отказалась от политической деятельности. Безусловно, панический страх мести со стороны либеральных и социалистических партий, пришедших после победы Февральской революции к власти, стимулировал окончательный развал консервативного спектра партий и организаций, ибо их руководство прекрасно понимало, что придётся держать ответ за многолетнее глумление и преследование либералов и социалистов.

Лишь незначительное меньшинство центрального и регионального руководства консервативных партий какое-то время продолжало сохранять робкую надежду на будущее возрождение монархической государственности. Причём некоторые лидеры этих партий, уже не представлявшие своей жизни вне политической борьбы, вынуждены были принять Февральскую революцию и поддержать Временное правительство, рассчитывая на то, что оно остановит развитие революционного процесса и не допустит сползания страны к национальной катастрофе. По сути, Февральская революция сама стала «зарубкой», поставившей точку в истории консервативных партий и организаций. Всех, кто состоял в них, после Октябрьского большевистского переворота подвергли жёстким репрессиям не только политического, но и физического характера. Можно утверждать, что революция стала завершающим этапом в истории консервативных партий, уход которых с политической арены привёл к серьёзной перегруппировке оставшихся там политических партий и организаций. Участие некоторых бывших лидеров консервативных партий в Белом движении определялось уже не партийным, а личным выбором.

Во-вторых, после Февраля 1917 г. наметились существенные изменения в либеральном партийном сегменте. Лидеры правого фланга и «центра» партий октябристов и прогрессистов, организационно распавшихся ещё в годы Первой мировой войны, пытались создать новые партийные структуры (Либерально-республиканская, Национально-республиканская, Национально-демократическая республиканская и Российская радикально-демократическая партии, Партия радикалов социалистов и т.п.), которые «перекрасились» под новую политическую реальность. Вместо прежних умеренных программ и тактик они стали предлагать обществу такие радикальные требования, как, например, введение республиканского правления, федеративного устройства государства, прогрессивного налога и осуществление передела земельной собственности. В области тактики началось «заигрывание» с умеренными социалистами и лидерами некоторых национальных партий.

Однако подобного рода «перекраска» в более яркие цвета в условиях динамического развития революционного процесса и стремительной перегруппировки политических партий (общероссийских и национальных) уже не помогла «соблазнить» демократические элементы, в том числе и массового избирателя, который не забыл сервильного поведения лидеров октябристов и прогрессистов в Государственной думе III и IV созывов. В новой политической реальности они оказались не способными ни создать разветвлённой организационной структуры, ни сформировать эффективно работающий пропагандистский

аппарат. Подобного рода партии — «однодневки» не имели успеха среди демократического избирателя, следовательно, не играли какой-либо активной политической роли. Можно утверждать, что по мере обострения ситуации в стране правый фланг и «центр» русского либерализма вслед за консерваторами сошёл с политической арены.

Там, по сути, осталась одна эффективно действующая либеральная политическая партия — Конституционно-демократическая. Ей удалось не только сохранить единство своих рядов, но и пополнить их за счёт перебежчиков — консерваторов, правых либералов и «центристов», а также небольшой части правых и умеренных социалистов. Феномен «мартовских кадетов» ярко свидетельствовал о том, что к правящей либеральной партии готовы были примкнуть элементы, ранее не разделявшие её мировоззренческую позицию, программу преобразования страны и тактического курса.

После Февральской революции Конституционно-демократическая партия не только восстановила общее число своих организаций, возникших в 1906 г., но даже несколько их увеличила (с 360 в 1906 г. до 380 в марте—апреле 1917 г.). Принципиально новым явлением стала её активизация в армии и на флоте (было создано примерно 600 ячеек), что свидетельствовало о пересмотре кадетским руководством своего отношения к агитационно-пропагандистской работе среди солдат и матросов. До Февраля кадеты выступали категорически против вовлечения в политическую борьбу вооружённых сил, но затем, осознав прежнюю ошибку, намеревались подчинить своему политическому влиянию определённую часть армии (прежде всего офицерский корпус). Однако в этом кадетское руководство явно опоздало. Его попытки блокировали представители социалистических партий, уже давно и успешно работавшие в армии и на флоте. Прокадетски настроенному «Союзу офицеров армии и флота» пришлось ограничить деятельность офицерской средой, в результате стремительный процесс демократизации в армии, начавшийся после принятия мартовского Приказа № 1 Совета рабочих и солдатских депутатов, заблокировать не удалось.

После Февральской революции численность кадетской партии возросла примерно вдвое (до 100—120 тыс.) по сравнению с периодом Первой российской революции. В распоряжении кадетов имелись весьма значительные финансовые ресурсы, агитационно-пропагандистские механизмы и инструменты влияния на массовое сознание (разветвлённая центральная и региональная пресса, партийные клубы, общественные организации).

Перестройка кадетской партии (идеологическая, программная и организационная) позволила её лидерам играть важную роль в деятельности всех составов Временного правительства, других государственных и общественных структур. Члены главной либеральной партии России в 1917 г. делали всё возможное для предотвращения дальнейшего развития революции, но остановить сползание страны к национальной катастрофе не смогли. Большевистский переворот продемонстрировал глубинные причины слабости русского либерализма⁹. Не укоренившись на российской почве в лице партии кадетов, он оказался один на один с мощным сегментом общероссийских социалистических и национальных партий.

В-третьих, Февральская революция и последующий ход событий в России обусловили значительные структурные изменения во всём спектре

⁹ Подробно см.: Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015.

социалистических партий и организаций. С одной стороны, начался стремительный рост их рядов, в частности, за счёт представителей различных демократических социальных страт, в той или иной степени разделявших идеологию, программу и тактический курс этих партий. Например, численность Партии социалистов-революционеров по сравнению с периодом 1906 г. возросла более чем в 10 раз, составив 0,8–1 млн человек. Примерно то же наблюдалось в Российской социал-демократической рабочей партии. В частности, к октябрю 1917 г. численность большевиков и меньшевиков была примерно равной и суммарно составляла около 700 тыс. человек.

С другой стороны, благодаря революции произошло резкое разделение внутри социалистического блока — на умеренные и радикальные элементы. Первые, придерживаясь концепции поэтапного развития революционного процесса в России, считали возможным действовать совместно с либеральными партиями, прежде всего с кадетами. Умеренные социалисты оказали поддержку первому составу Временного правительства, затем активно работали в трёх его коалиционных составах. Выступая за единовластие этого правительства, они рассматривали Советы в качестве одного из мощных рычагов воздействия на его курс, который должен был отражать и учитывать чаяния и настроения большинства народа.

Иной позиции придерживались представители радикального крыла социалистических партий (большевики, левые эсеры-социалисты, меньшевики-интернационалисты, анархисты), ратовавшие за дальнейшее «подталкивание» революционного процесса влево и перевод политической революции в качественно новую социальную фазу. Радикалы видели в Советах властные органы, призванные не только постоянно «давить» на Временное правительство, но планировать и осуществлять действия, направленные на кардинальное преобразование страны. После июльских событий 1917 г. такая позиция радикального крыла социалистических партий стала определяющей, способствовала их консолидации вокруг большевистских лозунгов. Эта тенденция ещё больше усилилась после корниловского мятежа, в подавлении которого участвовали практически все социалистические партии.

Вместе с тем в современной отечественной историографии основательно выявлены и изучены причины (идеологического, политического и организационного характера), лежавшие в основе традиционного противостояния между социалистическими партиями (и внутри них). Развитие революционного процесса в 1917 г. ещё более обострило эти противоречия, что привело к окончательному расколу внутри партий социалистов-революционеров и социал-демократов, постепенному превращению их из потенциальных союзников в непримиримых политических противников. Более того, после Октябрьского переворота большевики, узурпировав власть, стали применять меры не только подавления любых форм инакомыслия (заккрытие органов печати эсеров, меньшевиков, а также консервативного и либерального направлений), но и насильственного воздействия (аресты и расстрелы).

В-четвёртых, после Февральской революции ускорился процесс формирования национальных партий и организаций на фоне сокращения числа общероссийских (с политической арены ушли консервативные партии, значительная часть праволиберальных). Причём заметно больше стало партий социалистической и демократической направленности, активнее зазвучали откровенные националистические лозунги, в частности выхода из состава послереволюционной России. Временному правительству пришлось столкнуться с требованиями политической независимости, выдвигавшимися не только

либеральными и социалистическими партиями Польши и Финляндии, но и украинскими, литовскими, эстонскими, армянскими, грузинскими, мусульманскими сепаратистами. Обострение национального вопроса в стране стало одним из факторов, приведших к конфликтам внутри центрального руководства общероссийских партий.

В-пятых, революция «потребовала» от политических партий пересмотреть их программные и тактические установки, быстро перегруппировать силы в либеральном и социалистическом спектрах. Что касается либералов (прежде всего кадетов) и умеренных социалистов, пытавшихся наладить сотрудничество в рамках коалиционного Временного правительства, то они постепенно утрачивали влияние на демократический электорат, который после апрельских и особенно июльских событий 1917 г. начал склоняться к поддержке радикальных лозунгов большевиков, меньшевиков-интернационалистов, левых эсеров и анархистов. Октябрьский переворот, как показано в современной историографии, являлся делом «совместного творчества» леворадикальных партий, а не только одних большевиков.

Таким образом, революционный процесс 1917 г. стал своеобразным итоговым экзаменом для российской многопартийности, выявил степень влияния каждой из политических партий и организаций на массовое движение и общественное сознание. Консервативные и либеральные партии этого экзамена не выдержали. Традиционное сознание, характерное для народных масс, воспринимало их в роли защитников узкоклассовых интересов помещиков и капиталистов. Даже самая либеральная партия – Конституционно-демократическая – в массовом сознании закрепились как «буржуазная», а после корниловского мятежа кадетов стали презрительно называть «корниловцами». Революция 1917 г. показала, что ни консерватизм, ни либерализм (как идеология и политическая практика) не смогли «укорениться» на российской почве, стать структурной компонентой менталитета большинства народа.

В ментальности масс превалировал традиционный лозунг «Земля и Воля», к которому во время Первой мировой войны был добавлен новый – «Мир без аннексий и контрибуций». Те политические партии, которые безоговорочно поддержали эти лозунги и настаивали на коренном переустройстве всей системы отношений (включая отмену частной собственности), получили массовую поддержку и в конечном счёте одержали победу.

Революция 1917 г. выявила глубинные расхождения не только между консервативными, либеральными и социалистическими партиями, но и внутри каждого из этих направлений. Наиболее трагически складывались взаимоотношения в блоке социалистических партий, на протяжении многих лет борющихся с самодержавным режимом. После победы Февральской революции бывшие союзники по борьбе с самодержавием стали непримиримыми политическими противниками, были готовы пойти на крайние меры для уничтожения конкурентов. Именно конфликт между умеренными социалистическими партиями и большевиками привёл к Гражданской войне, ставшей подлинной трагедией для всех народов многонациональной страны.

В целом же революция показала неустойчивость и хрупкость российской многопартийности. За короткий срок существования политические партии так и не смогли «укорениться» в России. По сути, они являли собой идеологические конструкторы, выработанные разными слоями российской интеллектуальной элиты и не нашедшие свою «социальную полочку». На победу могли претендовать лишь партии, делавшие ставку на традиционное массовое сознание

и стихийное массовое движение. Собственно парламентские партии (консервативные, либеральные, умеренные социалистические) в их число не входили и в условиях революционного переворота вынуждены были постепенно сойти с политической сцены.

При подведении историографических итогов изучения российской многопартийности в 1917 г. можно наметить его возможные перспективы. Они связаны, на мой взгляд, прежде всего с выявлением новых источников. Исследователям предстоит большая поисковая работа по введению в научный оборот материалов и документов, в первую очередь региональных архивов и местной периодической печати соответствующих партий и организаций. Считаю, эти изыскания должны оправдать себя, что в итоге позволит дать комплексный анализ проблемы многопартийности как целого. Ещё более масштабная работа предстоит при дальнейшей разработке проблем, связанных с национальными политическими партиями. И дело не в преодолении языковых трудностей, а в разной идеологической оценке содержания архивных источников.

Последняя международная научная конференция по истории национальных политических партий и организаций России состоялась в Москве в мае 1996 г.¹⁰ К сожалению, судя по современным исследованиям в этой сфере, опубликованным в бывших союзных республиках СССР, усилилась тенденция к противопоставлению национальных партийных структур общероссийским. Не случайно в «Критическом словаре русской революции...» нет статьи, посвящённой истории национальных партий в России. Думаю, немало времени потребуется на обретение «общего языка» между исследователями, чтобы выработать единые методические и методологические принципы, на основе которых начнётся работа по созданию подлинной истории национальных партий в Российской империи и первом десятилетии существования советской власти.

Другим важным источником продолжает оставаться партийная периодическая печать — центральная практически полностью введена в научный оборот, чего нельзя сказать о региональной, особенно на национальных языках, хотя в этом отношении в бывших советских союзных республиках за последние годы уже сделано немало.

В процессе «заполнения» исследовательских лакун в истории российской многопартийности было бы актуально проследить прямые и обратные связи между центральными и региональными партийными структурами соответствующих идеологических направлений (консервативного, либерального, социалистического), включая, разумеется, и национальные партии и организации. Это позволило бы всесторонне раскрыть процессы принятия партийных решений на всех уровнях, проследить их мотивацию и аргументацию с учётом массовых настроений и общественного мнения и в результате выявить связи региональных партий и организаций с соответствующими электоральными слоями, на которые предполагалось сделать ставку при разработке общих программных и тактических задач. Важно ввести в научный оборот данные о выборах в органы власти общероссийского уровня, особенно — муниципального.

Исследование источников, хранящихся в региональных архивах, и периодической печати позволило бы значительно расширить представление о численности, социальном составе местных партийных организаций

¹⁰ См.: История национальных политических партий России. Материалы международной научной конференции. Москва, 21–22 мая 1996 г. М., 1997.

и сформировать необходимую фактографическую основу для статистических и социологических обобщений. К сожалению, работа в этом направлении — к ней приступили в начале 1980-х гг. — до сих пор не завершена. Количественные методы, используемые при изучении рассматриваемой темы, на мой взгляд, вполне могут быть применены к 1917–1920 гг.¹¹ В результате был бы создан единый банк данных о политических партиях России.

В более углублённой разработке по-прежнему нуждается проблема взаимоотношений между партиями различных идеологических направлений и внутри них. Что касается сравнительного анализа общих моделей общественного развития, предложенных консерваторами, либералами и социалистами, то его уже провели¹². Аналогичную работу следовало бы сделать и в отношении национальных партий.

Вместе с тем почти не изучена сфера восприятия этих общественных моделей различными социальными стратами. Причём следует учитывать, что в революционные эпохи эффективность деятельности той или иной партии зависела от оперативности корректировки её программы и тактики с учётом изменения общественного мнения и настроения большинства народа. Опыт революции 1917 г. убедительно показал, что политические партии, вносящие такие корректировки в программы и тактики, на какое-то время продлевали своё политическое бытие и даже одерживали временные победы.

Актуальными продолжают оставаться следующие проблемы: принятие партийными лидерами политических решений; их соотнесение с мировоззренческими и идеологическими установками; выработка оптимальных форм взаимоотношений между центральными и региональными комитетами, между последними и массовыми движениями, а также между блоками политических партий и организаций («по горизонтали» и «вертикали») и внутри каждого из них. Перспективной представляется и проблема морально-нравственной ответственности лидеров, рядовых членов партий и организаций за выбор средств и форм борьбы за политическую власть. Считаю, разработка этой темы особенно необходима и в научных, и в воспитательных целях с учётом опыта партийной борьбы в России в период революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны.

Несмотря на вполне определённые достижения последних лет в деле изучения взаимоотношений политических партий с Временным правительством, Советами, общественными организациями разных уровней и направлений, данная проблема, на мой взгляд, нуждается в дальнейшей разработке. Важно выявить механизмы и степень влияния политических партий на выработку программ и тактики действий на разных этапах революционного процесса 1917 г., а также реакцию соответствующих секторов электората.

В заключение отмечу: вопреки возникшим за последние десятилетия всевозможным трудностям при изучении истории российских политических партий в условиях революции 1917 г., исследователи достигли вполне определённых результатов, однако логика развития науки настоятельно требует от них продолжения начатого дела.

¹¹ См.: Политические партии в первой революции 1905–1907 гг.: Количественный анализ. М., 1987; *Киселёв И.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В.* Политические партии в России в 1905–1907 гг.: численность, состав, размещение // История СССР. 1990. № 4; *Постников Н.Д.* Территориальное размещение и численность политических партий России (1907 – февраль 1917). М., 2013.

¹² См.: Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004.

«Чёрная сотня сгинула в подполье»: русские правые и революция 1917 г.

Андрей Иванов

«The Black Hundred vanished to the underground»: the Russian right-wing and the revolution of 1917

Andrey Ivanov (Saint Petersburg State University, Institute of History, Russia)

За последнюю четверть века о черносотенцах и представителях других консервативных сил написано не менее двух десятков монографий, а число статей, пожалуй, исчисляется уже не одной сотней¹. Однако подавляющее большинство этих исследований освещают период становления, развития и кризиса правых партий и союзов до начала Первой мировой войны², либо до крушения самодержавия³. Об их судьбе в революционном 1917 г.⁴ если и говорится, то гораздо более скупо, что вполне объяснимо: весной—осенью дискредитированные, разрозненные и потерявшие всякое влияние в обществе правомонархические организации быстро сгинули в водовороте трагических событий, не сумев, за редким исключением, сыграть в них сколько-нибудь заметной роли. В результате в историографии раскрыты лишь отдельные сюжеты, связанные с гибелью правого движения в 1917 г.⁵

© 2017 г. А.А. Иванов

¹ Подробнее см.: *Кириянов Ю.И.* Обзор литературы о правых партиях и организациях в России в 1905–1917 гг. // Правые партии. Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. М., 1998; *Фоменков А.А.* Отечественная историография черносотенного движения в России // Дискуссионные вопросы российской истории: Материалы IV межвузовской научно-практической конференции. Арзамас, 2000; *Репников А.В.* Проблемы историографии правомонархического движения в России // Российские университеты в XVIII–XX веках. Вып. 7. Воронеж, 2004; *Богоявленский Д.Д.* Современная отечественная историография правомонархического движения в России // Задавая вопросы прошлому... М., 2006; *Карлухин Д.В.* «Чёрная сотня»: Вехи осмысления в России. М., 2009; и др.

² *Степанов С.А.* Чёрная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992; *Омельяничук И.В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2006.

³ *Тарасов О.А.* Политическая деятельность национал-монархических партий и организаций России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997; *Кириянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001; *Репников А.В.* Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). М., 2006; *Иванов А.А.* Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013.

⁴ *Степанов С.А.* Чёрная сотня. Изд. 2. М., 2005; *Степанов С.А.* Чёрная сотня. Что они сделали для величия России? М., 2013; *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007; *Репников А.В.* Консервативные модели российской государственности. М., 2014.

⁵ *Колоницкий Б.И.* Правозэкстремистские силы в марте–октябре 1917 г. (на материалах петроградской печати) // Национальная правая прежде и теперь. Ч. 1: Россия и русское зарубежье. СПб., 1992; *Чхартушвили П.Ш.* Черносотенцы в 1917 г. // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 133–143; *Кириянов Ю.И.* Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 г.: причины кризиса и краха // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 79–94; *Михайлова Е.М.* Правые партии в дискурсе двух революций: победа в 1905 г. и поражение в 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей / Сост. А.Б. Николаев. СПб., 2009. С. 84–90; *Иванов А.А., Стогов Д.И.* Черносотенцы и большевики: правый взгляд на триумфаторов Октября // Там же. С. 90–98; *Михайлова Е.М.* «Не Дума нужна, а диктатура, Государь»: Астраханская

Между тем анализ поведения черносотенцев после победы революции и их отношения к ней позволяет лучше понять особенности политической эволюции правых партий в России. К февралю 1917 г. они подошли в состоянии полного разброда и глубокого уныния, дискредитированные, раздираемые расколами и внутренней борьбой. Численность черносотенцев стремительно падала, практическая деятельность большинства отделов их партий за время Первой мировой войны замерла, многие из них прекратили своё существование. Растеряв за время Первой мировой войны остатки бывшего влияния и поддержку широких масс, осознавая свою обречённость⁶, Союз русского народа (СРН), Всероссийский Дубровинский союз русского народа, Русский народный союз им. Михаила Архангела (РНСМА), Отечественный патриотический союз, с некоторыми оговорками Всероссийский национальный союз и др. уже были не в силах противостоять революционным выступлениям в условиях нарастающей радикализации общества (в том числе и той его части, в которой ранее преобладали консервативные настроения).

Им оставалось только упорно твердить о катастрофических последствиях надвигающейся бури. Уже в эмиграции один из кадетских лидеров В.А. Маклаков признал, что «в своих предсказаниях правые оказались пророками»: «Они предсказали, что либералы у власти будут лишь предтечами революции, сдадут ей свои позиции. Это был главный аргумент, почему они так упорно боролись против либерализма. И их предсказания подтвердились во всех мелочах: либералы получили из рук Государя его отречение, приняли от него назначение быть новой властью и менее чем через 24 часа сдали эту власть революции, убедили Михаила отречься, предпочли быть революционным, а не назначенным Государем правительством. Правые не ошиблись и в том, что революционеры у власти не будут похожи на тех идеалистов, которыми их по традиции изображали русские либералы»⁷.

Как известно, ещё в феврале 1914 г. лидер правой группы Государственного совета П.Н. Дурново, пытаясь предотвратить втягивание России в вооружённый конфликт с Германией, предупреждал, что в случае более чем вероятных военных поражений, «все неудачи будут приписаны правительству». Затем «в законодательных учреждениях начнётся яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала чёрный передел, а затем и общий раздел всех ценностей и имуществ. Победённая армия, лишившаяся, к тому же, за время войны наиболее надёжного кадрового своего состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишённые действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут

народно-монархическая партия накануне и в 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей / Сост. А.Б. Николаев. СПб., 2010. С. 17–24; *Стогов Д.И.* Дело о «монархическом контрреволюционном заговоре» в контексте июльского политического кризиса 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей / Сост. А.Б. Николаев. СПб., 2012. С. 73–82; и др.

⁶ См.: *Иванов А.А.* Консервативные партии // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Под ред. Ю.А. Петрова. М., 2014. С. 519–559.

⁷ Цит. по: Двуглавый орёл (Париж). 1929. № 34. 30 ноября (13 декабря). С. 27.

не в силах сдержатъ расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддаётся даже предвидению»⁸. О том, что война с Германией послужит катализатором революции, после чего «государства все могут развалиться, а на месте их явятся Аттилы, имя которым социал-демократы», говорил и председатель Главного совета СРН, один из лидеров правых в Государственной думе Н.Е. Марков⁹.

Летом 1915 г., когда либеральная оппозиция объединилась в Прогрессивный блок и от «патриотической тревоги» стала переходить к «осаде власти», член думской фракции правых В.Н. Снежков обратился к депутатам с открытым письмом, указывая, что вырванные у царя «радикальные реформы, вплоть до отмены Основных законов», — лишь начало пути, в конце которого — «внутренняя междоусобица, забастовки, баррикады и прочие прелести, и несомненный результат всего этого — принятие самых позорных условий мира, сдача России торжествующему врагу, неслыханное предательство по отношению к доблестной Бельгии, Франции, Англии и Италии, бесплодные жертвы — потоки крови, миллионы убитых и искалеченных людей, разрушенные города и сёла, разорённое население, проклятия всего мира»¹⁰.

О революционной угрозе не раз говорилось на совещаниях правых, состоявшихся в 1915 г. в Петрограде и Нижнем Новгороде¹¹, а на страницах «Российского гражданина» известный публицист, член СРН П.Ф. Булацель сравнивал происходящее в России с событиями французской революции конца XVIII в. «Если правительство, — писал он в ноябре 1916 г., — будет продолжать идти по следам французских жирондистов, унижаясь и заискивая перед Думским блоком, то мы доживём и до того, что “блокистов” сметут более искренние и более смелые Керенские, Чхеидзе, Сухановы и К°... Уступками и самоуничтожением правительство лишь облегчает наступление катастрофы»¹². Как пессимистично констатировал Булацель, «всё, что теперь совершается в России, сеет семена близкой бури»¹³. Причём «если все эти ужасы могли иметь место в богатой, просвещённой Франции, где сама природа, тучная почва и мягкий климат располагают к добродушию и весёлости, то какие чудовищные формы анархии могут принять политические потрясения в стране снегов, бездорожья, голодовок и “ханжи”»¹⁴. «Вы с думской кафедры призываете безнаказанно к революции, — воскликнул публицист, споря с участниками начавшегося в конце 1916 г. “штурма власти”, — но вы не предвидите, что ужасы французской революции побледнеют перед ужасами той революции, которую вы хотите создать в России, пользуясь нерешительностью теперешнего правительства. Вы готовите могилу не только “старому режиму”, но бессознательно вы готовите могилы себе и миллионам ни в чём неповинным гражданам. Вы создадите такие погромы,

⁸ Записка П.Н. Дурново / Публ. А.А. Иванова и Б.С. Котова // Свет и тени Великой войны / Сост. А.В. Репников, Е.Н. Рудая, А.А. Иванов. М., 2014. С. 72. Об обстоятельствах её появления см.: *Иванов А.А., Котов Б.С.* «Предвидение необычайной силы»: о «пророческой» записке П.Н. Дурново // Там же. С. 51–57.

⁹ Цит. по: *Богоявленский Д.Д.* Проблема лидерства в Союзе русского народа. М., 2012. С. 177.

¹⁰ РГИА, ф. 1090, оп. 1, д. 162, л. 1 об.

¹¹ Совещание монархистов 21–23 ноября 1915 года в Петрограде. Постановления и краткий отчёт. М., 1915; Труды Всероссийского Монархического совещания в г. Н. Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916.

¹² Российский гражданин. 1916. № 42. С. 16.

¹³ Там же. № 7. С. 16.

¹⁴ Там же. № 8. С. 15.

такие варфоломеевские ночи, от которых содрогнутся даже “одержимые революционной манией” демагоги бунта социал-демократии и трудовиков!»¹⁵.

К началу 1917 г. у правых уже практически не оставалось сомнений в том, что Россия стоит на пороге революции. Менее чем за месяц до февральских событий Марков заявлял: «Мы не можем молчать, когда забывшие присягу сановники, попавшие милостью царской в Государственный совет, крамольные бояре на дворянском съезде и жаждущие дорваться до власти депутаты Государственной думы, бесчестно надеясь на свою безнаказанность, замышляют революционные акты»¹⁶. Жандармский генерал А.И. Спиридович в февральские дни 1917 г., находясь в гостях, слышал слова одного из правых думцев, «боевого монархиста, любившего Государя»: «Идём к развязке, все порицают Государя. Люди, носящие придворные мундиры, призывают к революции... И если что случится, вы увидите, что Государя никто не поддержит, за него никто не вступится»¹⁷.

В этих условиях, пытаясь что-то предпринять, члены кружка А.А. Римского-Корсакова в ноябре 1916 г. составили и передали императору «Записку»¹⁸, в которой констатировалось, что Государственная дума при поддержке ряда общественных организаций бесповоротно вступила на революционный путь и готовит государственный переворот. Для того же, чтобы предотвратить его и спасти монархию, предлагалось назначить на высшие государственные и командные посты верных самодержавию, близких по взглядам и энергичных деятелей, способных бороться «с наступающим мятежом и анархией», немедленно распустить Думу без указания срока нового её созыва, но с упоминанием о предстоящем «коренном изменении» порядка формирования и деятельности законодательных учреждений, ввести военное положение в Петрограде и Москве, сосредоточив в столицах надёжные войска, вооружённые пулемётами, закрыть все органы левой печати, одновременно усилив правые газеты, провести милитаризацию всех предприятий, работающих на оборону, подчинив их работников законам военного времени, направить правительственных комиссаров во все главные и местные комитеты союзов земств и городов; предоставить генерал-губернаторам и губернаторам право отстранять от должности «чинов всех рангов и ведомств», проявивших сочувствие или слабость к антиправительственным выступлениям; прекратить назначение в Государственный совет сторонников Прогрессивного блока и проч.¹⁹

По свидетельству Н.А. Маклакова, автором записки являлся член Главного совета СРН М.Я. Говорухо-Отрок. Несколько позже, 8 января 1917 г., Маклаков передал императору вторую «Записку», полученную от того же Говорухо-Отрока, с подробным обоснованием необходимости роспуска Думы. Сложившееся положение признавалось в записке «нетерпимым» и постоянно ухудшающимся, а перед царём и правительством ставилась «трудно разрешимая задача: остановить ли решительными мерами поступательное движение России в сторону демократической республики, либо положиться на Волю Божию и спокойно ждать

¹⁵ Там же. № 46. С. 14.

¹⁶ Утро России. 1917. 9 февраля; Новое время. 1917. 10(23) февраля.

¹⁷ Спиридович А.И. Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск, 2004. С. 500–501.

¹⁸ Подробнее см.: Стогов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга–Петрограда (конец XIX – начало XX века). СПб., 2007. С. 217.

¹⁹ Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова // Блок А. Последние дни Императорской власти / Сост. С.С. Лесневский, З.И. Перегудова. М., 2012. С. 81–83. См. также: Архив русской революции. Т. 5. Берлин, 1922. С. 337–338.

государственной катастрофы»²⁰. При этом какие-либо уступки кадетам и октябристам бессмысленны, поскольку они «столь слабы, столь разрозненны..., столь бездарны, что торжество их было бы столь кратковременно, сколь и непрочно»²¹. Впрочем, и «правые партии находятся в состоянии летаргии». Допустив роковую ошибку, они «сразу и бесповоротно не устранили себя от участия в осуществлении Манифеста 17 октября, основанного на началах, совершенно противоречащих их государственному самосознанию», а включились в парламентскую игру, в которой неизбежно должны были потерпеть поражение²². Напротив, у левых «есть идея, есть деньги и есть толпа, готовая и хорошо организованная»: «Эта толпа часто меняет свои политические устремления, с тем же увлечением поёт “Боже, царя храни”, как и орёт “Долой самодержавие”, но в ненависти к имущим классам, в завистливом порыве разделить чужое богатство, в так называемой классовой борьбе толпа эта крепка и постоянна; она вправе притом рассчитывать на сочувствие подавляющего большинства крестьянства, которое пойдёт за пролетарием тотчас же, как революционные вожди укажут им на чужую землю»²³. «Ярый защитник своей собственности и такой же консерватор в своем быту, русский мужик, — писал Говорухо-Отрок, — делается самым убеждённым социал-демократом с той минуты, когда дело коснётся чужого добра». Поэтому торжество либералов обернулось бы сперва «полным и окончательным разгромом партий правых», а затем постепенным ослаблением и исчезновением «партий промежуточных». Кадеты, «бессильные в борьбе с левыми и тотчас утратившие всё своё влияние, если бы вздумали идти против них, оказались бы вытесненными и разбитыми своими же друзьями слева», а «затем выступила бы революционная толпа, коммуна, гибель династии, погром имущественных классов и, наконец, мужик-разбойник»²⁴.

Избежать этого, по мнению Говорухо-Отрока, было невозможно без полного преобразования государственного строя — восстановления неограниченного самодержавия, изменения Основных законов и системы выборов в теперь уже только законосовещательную Думу, находящуюся под жёстким контролем правительства и т.п.²⁵

Ещё две записки сходного содержания были составлены Римским-Корсаковым и Говорухо-Отроком в середине января 1917 г.²⁶ В одной из них, переданной 15 января министру внутренних дел А.Д. Протопопову, конспективно резюмировались рекомендации крайне правых: введение в стране военной диктатуры, роспуск Думы, восстановление прав самодержца и соответствующий пересмотр Основных законов.

Пути выхода из политического кризиса искали не только в столице, но и в провинции. Так, лидер Астраханской народно-монархической партии Н.Н. Тиханович-Савицкий в конце августа 1916 г. разослал «Обращение ко всем монархическим союзам и деятелям». Отметив, что «большинство интеллигенции и наиболее самостоятельная часть торгово-промышленных классов, искусно направляемые партией ка-дэ, возглавляемые Государственной думой

²⁰ Объяснительная записка к пункту II предыдущей записки, составленной в кружке Римского-Корсакова // *Блок А.* Указ. соч. С. 84.

²¹ Там же. С. 84–86.

²² Там же. С. 86–87.

²³ Там же. С. 87.

²⁴ Там же. С. 88.

²⁵ Там же. С. 88–93.

²⁶ См.: *Стогов Д.И.* Правомонархические салоны... С. 220–225.

и поддерживаемые левой и еврейской печатью, подняли в стране смуту», Тиханович-Савицкий требовал обуздать оппозиционную печать, призывал монархистов сплотиться и еженедельно проводить общенародные собрания, разблачая на них «происки левых», а также массово издавать «разъяснительные листки» для народа. Кроме того, правым рекомендовалось активнее бороться за снижение цен на хлеб и предметы первой необходимости и чаще заступаться за простых людей перед представителями власти. Наиболее стойких рядовых монархистов предлагалось внедрять в антиправительственные организации, «с тем, чтобы следить за революционной пропагандой вожаков их, раскрывать её членам этих обществ и поднимать свой разумный голос против вынесения революционных постановлений, дабы, если не побудить этим и других выступить против, то хотя заронить в их душу сомнения». Не ограничиваясь этим, следовало установить наблюдение за либеральными общественными деятелями, добиться разрешения на вооружение членов монархических союзов и обязать духовенство постоянно указывать в проповедях «на необходимость сосредоточить все свои помыслы на войне и на недопустимость возбуждения таких вопросов, которые могут вызвать в населении разногласия и раздоры»²⁷.

В случае, если «смута выйдет на улицу», Тиханович-Савицкий советовал сразу же объявить страну на военном положении, назначив решительного диктатора, который закрыл бы все оппозиционные столичные газеты, надёжно защитил телеграф, почту и железные дороги, занял войсками соборные площади и другие места массового скопления горожан, выдал черносотенцам оружие и при их содействии провёл аресты бунтовщиков. Сами же правые должны поднять народ и, взяв из церквей хоругви и иконы, идти с ними и царскими портретами на соборную площадь, «а там будет видно»²⁸. «Помните, Государь, — наставлял астраханский монархист Николай II 30 декабря 1916 г., — что положение опасно необычайно, не только в смысле проигрыша войны, но опасно и для Вас, и для династии. Но в то же время помните и крепко помните, что всё в Вашей власти: допустите — всё может быть; не допустите — ничего не будет. Советующие не прибегают к крутым мерам, дабы не раздражать “общественность”, не правы; полумеры только раздражают и восстанавливают. Решительная мера ударяет сильно, но с ней сразу примиряются»²⁹. Накануне революции Тиханович-Савицкий передал Н.Е. Маркову, Г.Г. Замысловскому, И.Г. Щегловитову и Н.А. Маклакову свои проекты изменения Основных законов. О возможности пересмотра их статей размышлял тогда и член РНСМА Г.А. Шечков³⁰.

Правый националист Ф.Н. Безак, состоявший киевским губернским предводителем дворянства, узнав о разговорах в высшем обществе про возможность отстранения царя от власти, просил об аудиенции у Николая II, собираясь «с полной искренностью доложить, что полумеры уже не годятся, а надо принять одно из двух решений — или согласиться на все домогательства общества и дать конституцию с ответственным перед Думой правительством, или решительными мерами подавить всё это движение». «Моё мнение, — вспоминал Безак, — решительные меры, так как ответственное министерство начало бы

²⁷ Правые партии. Документы и материалы. Т. 2. С. 445–453. Подробнее см.: Михайлова Е.М. «Не Дума нужна, а диктатура, Государь»...

²⁸ Правые партии. Документы и материалы. Т. 2. С. 452.

²⁹ Там же. С. 606.

³⁰ Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 годах // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 216–217, 220, 224.

с разных широких амнистий и не справилось бы с положением, как не справилось впоследствии Временное правительство, а потому только ускорило бы торжество тёмных сил»³¹. Однако Николай II уехал на рождественские дни в Царское Село, а в придворных кругах Безака заверили, что императору и так всё прекрасно известно и все необходимые меры уже приняты.

Но все эти далеко идущие планы разрабатывались в стране, где уже не было ни решительной власти, ни готовой брать на себя личную ответственность администрации, ни верного царю генералитета, ни сплочённых монархических союзов. «Я с ужасом смотрю на развал работы и на полную никчёмность правых организаций, которые спят и не противодействуют гибели родины, — писал в 1916 г. И.И. Дудниченко. — “Русское знамя” ведётся возмутительно, — не газета, а какой-то злобный листок..., люди бегут от такой пустоты и выписывают газеты противоположного направления»³². «Дело наше гложет, а революционное процветает..., — сетовал в начале января 1917 г. К.Н. Пасхалов, — нас, провинциалов, следовало бы будить, тормошить, побуждать к содействию на местах, а от нас презрительно отворачиваются даже тогда, когда мы предлагаем помощь, и оставляют совершенно в потёмках о том, что делается, что нужно делать и что нужно распространять»³³. В эмиграции Марков констатировал: «Монархия пала не потому, что слишком сильны были её враги, а потому, что слишком слабы были её защитники». По его словам, «падению монархии предшествовало численное и качественное оскудение монархистов, падение монархического духа, расслабление монархической воли». «Хорошим дореволюционным тоном, — отмечал он, — считалось пренебрегать и презирать монархизм; так было в обществе, так было в правительстве, так шло до самого трона... Всеобщее забвение и пренебрежение к монархическому делу разрушили великое государство Российское»³⁴. В итоге черносотенцы, так много сделавшие для подавления революции 1905–1907 гг., к февралю 1917 г. оказались абсолютно недееспособны.

К тому же, понимая неизбежность революционного взрыва, правые не ожидали, что он произойдёт уже в феврале 1917 г. «Что шумят?! — иронизировал над оппозицией в частном письме правый думский депутат священник В.И. Лентовский. — Пусть шумят. Т.е. в общем — пасмурно. Но опасаться крайностей — не след. Попытаются повторить 1905—06 гг., но и только. Меры приняты»³⁵. Октябрист Н.В. Савич вспоминал, как однажды бывший председатель правой группы Государственного совета гр. А.А. Бобринский заявил в беседе с кадетом А.И. Шингарёвым: «Знаю, что революция будет, но когда она ещё будет...». Но встретив графа 25 февраля 1917 г., Савич, к своему удивлению, услышал от него: «Вот как начинается наша революция»³⁶.

На допросе Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Марков признавал: «Революции я не мог предвидеть и не предвидел»³⁷. Но

³¹ Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов / Сост. А.А. Иванов. М., 2008. С. 322.

³² Цит. по: *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 г. ... С. 85.

³³ Там же.

³⁴ *Марков Н.Е.* Речь при открытии съезда хозяйственного восстановления России // *Марков Н.Е.* Войны тёмных сил. Статьи. 1921–1937 / Сост. М.Б. Смолин. М., 2002. С. 385.

³⁵ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 1069, л. 191 б.

³⁶ *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб., 1993. С. 194.

³⁷ Падение царского режима: По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Ред. П.Е. Щёголев. Т. 6. М.; Л., 1926. С. 183.

тут же он утверждал, что монархисты «ясно видели» усиление революционной деятельности, добавив: «Мы видели в ней величайшее зло и, конечно, призывали к борьбе с этим злом»³⁸. В эмиграции Марков сетовал на то, что хотя «руководящие члены Союза русского народа видели надвигающуюся с 1915 года революцию с отчётливой ясностью и об этом неумолчно, настойчиво и громко предупреждали всех, кому то ведать надлежало», министры игнорировали все их предостережения и советы. Более того, чиновники на протяжении десяти лет загоняли черносотенцев «в глубокий тыл для сбережения святыни и знамён самодержавия», и «в этом скорбном отступлении Союз русского народа растерял множество сторонников и большинство своих руководителей и из могучей, действительно грозной для врагов народной силы мало-помалу превратился в организацию пропаганды идей самодержавия и идейной борьбы с тёмными силами». Таким образом, «полки превратились в академии», которые не могли защитить царскую власть в момент её обрушения.

Но даже считая, что «правительственная бюрократия сознательно и бессознательно попустительствует революции», черносотенцы не могли позволить себе сразу же вступить в борьбу с властью, откладывая «эту необходимую и неизбежную войну» до победы над Германией. «Конечно, — писал Марков, — мы ожидали революцию, но ожидали её снизу, а не сверху, от революционной демократии и фабричных, а не от дворцовой аристократии и генерал-адъютантов, от недостаточных и обездоленных, а не от пресыщенных и с жиром взбесившихся»³⁹. Между тем русские правые традиционно были уверены в том, что задача черносотенных партий и союзов состоит лишь в содействии государственной власти, играющей ведущую роль в «крестовом походе» против революции.

Февральские события «захватили монархистов врасплох», а стремительность и массовая поддержка совершившегося переворота ошеломили и привели их в полную растерянность. Как справедливо отмечал Ю.И. Кирьянов, «в февральско-мартовские дни 1917 г. — в отличие от 1905—1906 гг. — не произошло ни одного массового выступления правых в защиту самодержавных устоев и монарха — важнейшей цели их существования и деятельности», а их партии «превратились в аморфные объединения, которые без боя сдали позиции, отстаиваемые в течение 10—12 лет»⁴⁰. Лишь три представителя правой группы Государственного совета (кн. А.А. Ширинский-Шихматов, А.Ф. Трепов и Н.А. Маклаков) 25 февраля 1917 г. явились на заседание Совета министров и настаивали на введении в охваченном беспорядками Петрограде осадного положения, но правительство на этот шаг так и не решилось. По словам Протопопова, данная мера показалась ему тогда «возможной, но нежелательной», поскольку «дальнейший нажим мог бы снести всё здание монархии»⁴¹. То же самое происходило и на местах. Когда революция докатилась до Киева, Безак заявил о необходимости сохранять верность императору и требовать присылки в город казачьих частей для наведения порядка, но столкнулся с общим сопротивлением — никто не желал «идти против народа»⁴².

³⁸ Там же. С. 196.

³⁹ Марков Н.Е. Войны тёмных сил... С. 151—152, 395—396.

⁴⁰ Кирьянов Ю.И. Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 г. ... С. 79.

⁴¹ Падение царского режима... Т. 4. Л., 1925. С. 25.

⁴² Верная гвардия... С. 323.

Неудивительно, что, как выразился меньшевик Н.Н. Суханов, «чёрная сотня сгнула в подполье», не предприняв никаких контрреволюционных действий, если не считать посланных с мест телеграмм, в которых от правительства требовалось немедленно остановить беспорядки⁴³. Деморализацию лишь усилило «добровольное» отречение Николая II, не только освободившего подданных от присяги, но и призвавшего их «во что бы то ни стало» обеспечить «тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы» над Германией⁴⁴. Последовавший на следующий день отказ вел. кн. Михаила Александровича вступить в свои права до решения Учредительного собрания не давал монархистам формального повода протестовать — ведь юридически Россия всё ещё оставалась империей с законным претендентом на престол, отложившим своё восшествие на него и передавшим власть в руки Временного правительства.

При этом, в отличие от 1905 г., в 1917 г. революция разразилась под национальными, патриотическими лозунгами. Как писал в эмиграции Марков, «российское государство было загублено в 1917 году под видом нарочитого патриотизма, во имя победы, якобы для спасения России»⁴⁵. «“Правые” Шульгин и Пуришкевич оказались куда вреднее самого Милюкова, — отмечал он в одном из частных писем в 1935 г. — Ведь только им, да “патриоту” Гучкову, а не Керенскому и К° поверили все эти генералы, сделавшие успех революции»⁴⁶.

Консервативный публицист А.Д. Муретов впоследствии точно выразил затруднительное положение своих единомышленников: «если бы мы и имели надежду увлечь за собой горсть людей, было бы противно нашей совести начать идейное междоусобие в дни, когда в полном единодушии всех виделась сила России в великой борьбе с нашим врагом»⁴⁷. «Думаю, — полагал Марков, — что русские монархисты поступили так, как повелевал им долг перед отечеством: ни единым словом, ни единым действием не помешали они Временному правительству вести войну до счастливого для России конца. И если война всё же закончилась неслыханным позором и развалом, то это не была вина монархистов, это была вина тех, кто в разгаре мировой войны вовлёл русский народ в преступную и безумную революцию»⁴⁸.

К удивлению либеральных и левых политиков, угроза черносотенной реакции, которой они пугали читателей своих изданий накануне февраля 1917 г., оказалась беспочвенной. Протоиерей И.И. Восторгов, ещё 28 февраля считавший, что правым «защищаться надо», как в 1905 г., видя бездействие администрации,

⁴³ Суханов Н.Н. Записки о революции. Кн. 2. Берлин, 1922. С. 9.

⁴⁴ Отречение Николая II. Сборник. М., 1990. С. 223.

⁴⁵ По мнению Маркова, «за десять лет конституционного обмана» российское общество привыкло видеть в Думе «средоточие государственной заботливости и истинного патриотизма», «и когда это “высшее государственное учреждение”, используя тяжёлое напряжение временных военных неудач, устами прогрессивного блока объявило царя и его правительство изменниками России и врагами отечества, то этому поверили почти все, начиная с высших командиров армии и кончая последним свинопасом». Тогда, «поверив преступному вымыслу, все кинулись так или иначе в революцию, которая и пожрала Россию». В результате, «конституция и Государственная дума погубили Российскую империю» (Марков Н.Е. Войны тёмных сил. Кн. 1 // Марков Н.Е. Войны тёмных сил... С. 153).

⁴⁶ Иванов А.А., Машкевич С.В., Пученков А.С. «Царь и народ: вот формула нашего времени». О взглядах Н.Е. Маркова в 1930-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 151.

⁴⁷ Муретов А. Накануне. Пг., 1917. С. 3.

⁴⁸ Марков Н.Е. Ответ монархиста // Марков Н.Е. Войны тёмных сил... С. 372.

заговорил о солидарности с победителями⁴⁹. Лидер РНСМА В.М. Пуришкевич, заметно полежавший за время войны, появившись в Петрограде 2 марта 1917 г., сразу же поддержал Временное правительство, выступил с речами, оправдывавшими свершившийся переворот, в Государственной думе и перед несколькими полками, а затем, разъезжая по фронту, убеждал солдат и офицеров сохранять порядок и спокойно дожидаться Учредительного собрания⁵⁰. Правый депутат Г.Г. Замысловский уведомил М.В. Родзянко о том, что признаёт законность революционной власти и будет ей повиноваться⁵¹. Член правой группы Государственного совета А.А. Римский-Корсаков заявил министру-председателю Временного правительства кн. Г.Е. Львову о готовности служить новому строю⁵². Бывший член фракции правых IV Государственной думы священник С.А. Попов с крестом в руках благословлял революционные войска⁵³.

Б.А. Энгельгардт позднее вспоминал, как в один из первых дней марта А.Ф. Керенский, набиравший всё большую популярность, зашёл в кабинет председателя Государственной думы, где собрались оставшиеся не у дел депутаты, принадлежавшие преимущественно к правому крылу, т.е. все те, кто ещё недавно встречали его не иначе как насмешками, а иногда шиканьем и свистом. Керенский произнёс короткую, воодушевленную до истерики речь, вызвавшую гром аплодисментов. Среди прочих «с ожесточением колотил ладонью о ладонь» товарищ председателя фракции независимых правых А.А. Радкевич, смущённо ответивший на вопрос удивлённого Энгельгардта, неужели он аплодирует «самому Керенскому»: «Да, но знаешь, сейчас Керенский на высоте положения»⁵⁴.

Растерявшись в водовороте событий, часть правых цеплялась за Керенского, как за якорь спасения, другие стали присматриваться к кадетам, которых ранее так ненавидели, а то и к социал-демократам. Так, председатель Русского монархического союза С.А. Кельцев провозгласил после ареста, что присоединяется «к партии народной свободы» и «даже примыкает к с-д “меньшевикам”»⁵⁵. Позже, оправдываясь, монархисты писали о «помрачении умов» весной 1917 г. «Всё жило в каком-то угаре, — говорилось в редактируемом Марковым эмигрантском журнале “Двуглавый орёл”, — вчерашние консерваторы кричали о демократической республике, люди порядка и закона восторгались Родзянко, Гучковым, Милюковым, Терещенкой и прочими убийцами России. Боевые генералы восторженно “ели глазами” жалкого главковерха, истерика Керенского и, казалось, всерьёз ожидали, что фонтанами красноречия ему удастся победить стальную силу германских штыков. Монархисты молчали»⁵⁶.

Многие правые стали покидать организации, оставаться в которых после крушения самодержавия стало бесперспективно, невыгодно и небезопасно. В первые же дни революции здание Главного совета СРН, располагавшееся в Басковом переулке, сожгла революционно настроенная толпа. В ночь на

⁴⁹ *Чхартшвили П.Ш.* Указ. соч. С. 134.

⁵⁰ Солдатское слово. 1917. 4 марта; *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. С. 69.

⁵¹ Новое время. 1917. 10(23) марта; *Чхартшвили П.Ш.* Указ. соч. С. 134.

⁵² *Чхартшвили П.Ш.* Указ. соч. С. 134.

⁵³ *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. Изд. 2. СПб., 2005. С. 279.

⁵⁴ ОР РНБ, ф. 1052, оп. 1, д. 23, л. 57; д. 32, л. 12; ОР РГБ, ф. 218, карт. 306, д. 3, л. 109.

⁵⁵ *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 г. ... С. 88.

⁵⁶ *Двуглавый орёл* (Берлин). 1920. № 1. 14(27) сентября. С. 3; *Иоффе Г.З.* Указ. соч. С. 60–61.

2 марта было разгромлено помещение гимназии Русского собрания (находившееся в том же здании, что и само собрание, в Кузнечном переулке)⁵⁷. А вскоре начались репрессии: в Петрограде закрыли все правые газеты (нелегально продолжала выходить лишь ультраправая «Гроза»), монархические партии фактически оказались под запретом, были арестованы или привлечены к дознанию А.И. Дубровин, Г.Г. Замысловский, Л.Т. Злотников, С.А. Кельцев, Н.А. Маклаков, Н.Е. Марков, В.Г. Орлов, Е.А. Полубояринова, В.П. Соколов, Н.Н. Тиханович-Савицкий, А.Н. Хвостов, И.Г. Щегловитов, Н.М. Юскевич-Красковский и др. Пресса сообщала о череде арестов лидеров монархистов в провинции. Марков утверждал, что в родном Курске его хотят застрелить. В Житомире за «погромную агитацию» задержали бывшего члена думской фракции правых В.И. Мельникова⁵⁸, а в Курске преследованиям подвергся секретарь фракции правых священник А.Д. Мешковский, которому пришлось бежать в Москву⁵⁹. В мае 1917 г. односельчане схватили правого депутата И.Е. Пулина, отказавшегося передать им часть своей земли (освободили его только по личной телеграмме Родзянко). В показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Марков констатировал: «Мы все уничтожены, мы фактически разгромлены, отделы наши сожжены, а руководители, которые не арестованы, в том числе и я, пока не арестован, — мы скрываемся»⁶⁰.

В особом положении оказались лишь примкнувший ещё в 1915 г. к Прогрессивному блоку бывший правый, а затем националист В.В. Шульгин и В.М. Пуришкевич, также переметнувшийся на сторону либеральной оппозиции незадолго до революции⁶¹. Шульгин, как известно, 27 февраля 1917 г. стал членом Временного комитета Государственной думы, 2 марта вместе с Гучковым принимал отречение Николая II, а 3 марта участвовал в переговорах с вел. кн. Михаилом Александровичем. Пуришкевич даже отправил Керенскому письмо, предлагая «трудовую руку» для общей работы на фронте, ему хотелось получить руководство всей санитарной частью армии (без включения в состав Временного правительства), но ответа он не дождался⁶².

Весной 1917 г. Пуришкевич не отделял себя от революции и высказывался весьма либерально. «Мы, — заявлял Владимир Митрофанович, — произвели тот переворот, который дал первые лучи свободы, заблестевшей 27 февраля»⁶³. «Из нашей (дворянской. — *А.И.*) среды, — напоминал он, — вышли благородные глашатаи действительной русской свободы — славная плеяда декабристов..., и мы, сейчас, в том законодательном учреждении России, которое признавалось вами очагом застоя и рутины, подняли первые действительное знамя свободы, став её первыми глашатаями во имя любви к своему народу, угнетённому бесправием и самовластием полицейско-бюрократических сил, толкавших

⁵⁷ Николаев А.Б. Указ. соч. С. 407–408.

⁵⁸ Чхартишвили П.Ш. Указ. соч. С. 138.

⁵⁹ Курский край. 1917. 11–12 апреля.

⁶⁰ Падение царского режима... Т. 6. С. 191.

⁶¹ Подробную биографию В.М. Пуришкевича после 1917 г. см.: Иванов А.А. Владимир Пуришкевич: опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб., 2011. С. 303–398.

⁶² Энгельгардт Н.А. Эпизоды моей жизни (Воспоминания) / Публ. С.В. Шумихина // Минувшее. Исторический альманах. Т. 24. СПб., 1998. С. 61; «27-го февраля мы могли стать гражданами...». Тюремные записи В.М. Пуришкевича. Декабрь 1917 – март 1918 г. / Публ. И.С. Розенталя // Исторический архив. 1996. № 5–6. С. 130.

⁶³ Буржуазия и помещики в 1917 г. Частные совещания членов Государственной думы / Под ред. А.К. Дрезена. М.; Л., 1932. С. 127.

Россию на антинациональные пути в последние годы царствования императора Николая II – Слабовольного»⁶⁴. Недавний черносотенец и поборник патриархальных начал, горячо отстаивавший их с думской трибуны, призывал теперь «лучших русских людей» «поднимать выше священное знамя гражданской свободы, свободы западного образца». «Забитой и загнанной русской буржуазии» он советовал скорее встать на защиту завоеваний революции и не дать безответственным силам «замутить великой демократической реки нам предстоящих реформ грязью анархии»⁶⁵. Более того, Пуришкевич поспешил перефразировать триаду «православие, самодержавие, народность», сочинив довольно неуклюжую, но соответствовавшую духу времени формулу: «Родина. Отечество. Свободная Россия»⁶⁶.

Но не все правые лидеры в революционные дни изменили своим убеждениям. Марков, высланный и схваченный на территории Финляндии, вёл себя на допросах Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства спокойно, уверенно и даже вызывающе. Редактор стенографических отчётов комиссии А.А. Блок так описывал эту сцену: «Щипля бороду и глядя усы, Марков скалит белые зубы. Он говорит всё тоном, вплотную подходящим к нахальному... Родичев злобно смеётся, смотря на Маркова. Такой атмосферы ещё не было»⁶⁷. По оценке Блока, это был «очень умный и очень сильный затравленный человек, с хитрецей и с тактом, который позволял ему всё время держаться вызывающе, у предела наглости, и высказывать много горьких замечаний, среди которых были и “истины”»⁶⁸. Рассказывая о деятельности СРН, об отношении правых к террору и политическим убийствам, о Государственной думе, правительственных субсидиях и противодействии революции, Марков не заискивал перед следователями, не сожалел о своей деятельности, на вопросы отвечал твёрдо, по-деловому, спорил, отстаивая свою точку зрения, никого не оговаривал и наотрез отказался называть следствию имена единомышленников, дабы не подвергать их опасности. Впрочем, уверенности ему придавало то, что, в отличие от других вождей правых, арестованных новыми властями, он, являясь депутатом Думы, продолжал пользоваться неприкосновенностью и допрашивался не как обвиняемый, а в качестве свидетеля «преступлений старого режима»⁶⁹.

Лишь к концу весны – началу лета 1917 г. правые несколько оправились от постигшего их краха и начали критиковать политику Временного правительства, стремительно терявшего популярность. Шульгин, понимавший, что ему «от этой революции не отречься», стал выступать против отмены смертной казни, выборных комитетов, автономии Украины и требовал от министров

⁶⁴ Там же. С. 21, 34.

⁶⁵ Там же. С. 17–18.

⁶⁶ Там же. С. 36.

⁶⁷ Цит. по: *Фомин С.В.* Наказание правдой. М., 2007. С. 397.

⁶⁸ *Бекетова М.А.* Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 169–170. О спокойствии и невозмутимости Маркова свидетельствует и стенограмма допроса. См.: Падение царского режима... Т. 6. С. 175–205.

⁶⁹ Подробнее о судьбе и деятельности Маркова в 1917 г. см.: *Иванов А.А.* «Отречённые дни Февральской революции» в судьбе и восприятии Н.Е. Маркова // *Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей / Сост. А.Б. Николаев.* СПб., 2013. С. 15–24; *Иванов А.А.* «На костях ужасного разгрома». Деятельность лидера правых Н.Е. Маркова во второй половине 1917 года // *Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей / Сост. А.Б. Николаев.* СПб., 2015. С. 187–195.

Временного правительства сильной власти. Пуришкевич также заговорил о необходимости ужесточения дисциплины в армии, введения смертной казни и установления военной диктатуры для борьбы с большевистской угрозой. «В дни революции, — поучал он, — нельзя быть Антонием, нужно быть Цезарем, а когда народ обращается в толпу Спартака, долг власти стать Крассом»⁷⁰.

На базе «Общества русской государственной карты», образованного ещё до революции, а затем расширенного за счёт офицеров, он создал организацию, целью которой первоначально ставилось «наведение порядка в стране». Когда же Россия была провозглашена республикой, Пуришкевич задумался о возможности перехвата власти у Временного правительства, не исключая и последующего восстановления монархии. Тем временем вся эта конспирация не осталась незамеченной, и в дни корниловского выступления он оказался в «Крестах», откуда вышел только 20 сентября: обвинить в чём-либо его было трудно — от Корнилова он сразу отмежевался, противозаконных действий за ним не числилось. Наладив издание газеты «Народный трибун», Пуришкевич тут же с жёсткой критикой обрушился на власть, обличая и высмеивая её в заметках, стихах, пословицах и поговорках. 18 октября 1917 г. он опубликовал крайне резкое стихотворение «Довольно», призвав «смести» Директорию и поднять национальный флаг из «керенской пыли»⁷¹.

Включился в борьбу и Марков. По его словам, весной «даже и помыслить было нельзя о начинании гражданской войны. Эти месяцы ушли на восстановление порванных связей, отыскание уцелевших и не потерявших духа людей, на выяснение дальнейших способов действий. Это было время тайного сбора “на костях” ужасного разгрома»⁷². Но уже к лету 1917 г. им была создана в Петрограде подпольная монархическая организация, целью которой являлось спасение царской семьи. В неё входили В.П. Соколов, Н.Д. Тальберг, правые депутаты Государственной думы Г.Г. Замысловский, Г.М. Дерюгин, Н.Н. Лавриновский, А.П. Горсткин, гвардейские офицеры. Проживая на одной из дач в районе посёлка Куоккала (Репино), Николай Евгеньевич часто инкогнито бывал в Петрограде, «меняя фамилии и наружность, по временам уезжая в Москву»⁷³. Конспиративная квартира располагалась на Невском проспекте в одной из коммерческих контор, «где под видом купли и продажи и заключения сделок собирались нужные лица и где Марков 2-ой принимал по делам организации»⁷⁴. Там велась тайная мобилизация «всех сочувствующих восстановлению монархии и верных присяге людей» и даже действовал военный отдел, вербовавший офицеров в надежде на то, что при благоприятных обстоятельствах удастся совершить в Петрограде переворот, освободить царскую семью и вернуть престол Николаю II или цесаревичу Алексею⁷⁵. Впрочем, восстановить силы и добиться хоть какого-то успеха правым не удалось. Этому помешало отсутствие сколько-нибудь значимой поддержки в обществе, острая нехватка людей и денег, а также последовавший вскоре захват власти большевиками.

⁷⁰ Пуришкевич В.М. Вперёд! Под двухцветным флагом. Пг., 1917. С. 34.

⁷¹ Пуришкевич В.М. Долой // Народный трибун. 1917. 18 октября.

⁷² Марков Н.Е. Попытки спасения Царской Семьи // Марков Н.Е. Войны тёмных сил... С. 396.

⁷³ Марков Н.Е. Ловцы правды // Там же. С. 405.

⁷⁴ Марков С. Покинутая царская семья. Царское село—Тобольск—Екатеринбург. 1917—1918. Вена, 1928. С. 176.

⁷⁵ Там же.

В диктатуре левых радикалов монархисты увидели закономерное следствие февральской победы либералов и умеренных социалистов. Ещё в 1912 г. Марков предупреждал думскую оппозицию, что массы пойдут либо с правыми, либо с левыми, но не с кадетами и октябристами, «ничего общего с народом не имеющими»⁷⁶. Когда осенью 1917 г. это предсказание исполнилось, часть правых с сочувствием отнеслась к ликвидации Временного правительства⁷⁷.

Издатель «Грозы» Н.Н. Жеденов 5 ноября утверждал в передовице, что «порядок в Петрограде за 8 дней правления большевиков прекрасный: ни грабежей, ни насилий». Более того, антисемитская «Гроза» заверяла читателей, что «большевики имеют врагов в лице жидовского кагала, предателей и изменников из помещиков, генералов, купцов и чиновников», а «в войске против них лишь солдаты, проникшие в комитеты и заразившиеся властью»⁷⁸. Во время выборов в Учредительное собрание бывший товарищ председателя СРН академик А.И. Соболевский сообщал другому видному черносотенцу приват-доценту Б.В. Никольскому: «Я голосую за список большевиков (они теперь моя пассия), веду за собой сестру и братьев и убеждаю знакомых»⁷⁹. Свой довольно странный для убеждённого монархиста выбор Соболевский объяснял тем, что его «теперешние любимцы» большевики «уж больно здорово... расправляются с либеральной слякотью»⁸⁰.

Никольский, первоначально рассматривавший большевистский переворот как авантюру, весной 1918 г. будет сотрудничать со Всеобучем и доказывать в частном письме, что ленинцы не хуже «кадетов, эсеров, октябристов, Штурмеров и Протопоповых», Россией же правят не они, а «карающий Бог и беспощадная история, какие бы черви ни заводились в её зияющих ранах»⁸¹. Оставаясь противником большевиков, Никольский признавался, что не питает к ним злобы, поскольку «это единственные политически честные люди за всё время революции»⁸². По мнению Никольского, хотя они и занялись «разрушением России», но вместе с тем, являясь «орудием исторической неизбежности», «вопреки своей воле и мысли», выполняют «всю закладку объединительной политики по нашей, русской патриотической программе», и довольно скоро «среди смердящих и дымящихся пожарищ» им придётся восстанавливать страну «с таким нечеловеческим напряжением, которого не выдержать было бы никому из прежних деятелей»⁸³. «Вы знаете, до какой степени я не большевик и даже не социалист, — писал Никольский Б.А. Садовскому, — но я, увы, много учился, много думал, и совесть и правда мне дороже всего. Заслуг у вождей нашего большевизма нет, как нет заслуг у бомбы, которая взрывает, как нет заслуги у рычага, который опрокидывает, у тарана, который проламывает: заслуга (или преступление) в той разумной воле, которая ими движет (когда такая воля есть); но они стихийные, неуправляемые и верные исполнители исторической неизбежности. Делать то, что они делают, я по совести не могу и не стану... но

⁷⁶ Государственная дума. Стенографический отчёт. Созыв IV. Сессия I. СПб., 1912. Стб. 527.

⁷⁷ См.: *Иванов А.А., Стогов Д.И.* Указ. соч.

⁷⁸ Цит. по: *Стогов Д.И.* Право-консервативная печать и события июля–октября 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2010. С. 116–117.

⁷⁹ Цит. по: *Степанов А.* Соболевский А.И. // Чёрная сотня. Историческая энциклопедия. 1900–1917 / Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. М., 2008. С. 494.

⁸⁰ *Степанов С.А.* Чёрная сотня. Изд. 2. С. 462.

⁸¹ Цит. по: *Иванов А.А., Стогов Д.И.* Указ. соч. С. 91–92.

⁸² Там же. С. 91.

⁸³ Монархист и Советы. Письма Б.В. Никольского к Б.А. Садовскому 1913–1918 / Публ. С.В. Шумихина // Звенья. М.; СПб., 1992. С. 371–372.

я не иду и не пойду против них: они исполнители воли Божией и правят Россией если не Божией милостию, то Божиим гневом и попущением»⁸⁴. Такой же позиции придерживался и Дубровин. «Я как человек религиозный, прежде всего, — говорил он на следствии, — все свои взгляды объясняю на указаниях Евангелия: “Всякая душа властям придержащим да повинуется, несть бо власти, аще не от Бога”»⁸⁵.

Постепенно часть правых стала склоняться к мысли, что большевики, борясь за свои идеалы, одновременно наводят порядок, укрепляют государственность и, по сути, не провозглашая этого, собирают «великую, единую и неделимую» Россию. Так, Шульгин, убеждённый противник большевиков, со временем признал, что «хотя и бессознательно, они льют кровь только для того, чтобы восстановить “Богохранимую Державу Российскую”... Они своими красными армиями (сделанными “по-белому”) движутся во все стороны только до тех пор, пока не дойдут до твёрдых пределов, где начинается крепкое сопротивление других государственных организмов... Это и будут естественные границы Будущей России»⁸⁶.

Другим казалось уже, что «чем хуже — тем лучше». Бывший член РНСМА полковник Ф.В. Винберг писал в дневнике, что из двух зол — эсеров и большевиков — он предпочитает последних как «более сильную, более действенную, а потому и отколовшуюся от остальных социалистов группу: доводя до крайних пределов проведения в жизнь своих утопических теорий, большевики, пожалуй, подрывают все основы и всю популярность своей доктрины лучше, чем мог бы это сделать злейший и сильнейший враг социализма». Таким образом, полагал Винберг, временное торжество самой радикальной левой партии, чуждой какого-либо заигрывания с либерализмом, приведёт к тому, что после краха советской власти «социализм потеряет своё обаяние и значение среди народных масс не только в России, но и во всём мире»⁸⁷.

Марков ещё с июля 1917 г. рассчитывал «использовать большевиков в том смысле, чтобы дать им возможность свергнуть Вр[ременное] правительство, а потом придушить их самих». «Во всяком случае, — утверждал С.В. Марков, — среди большевиков М[арков] 2-й имеет большое количество своих приверженцев, умышленно пошедших на службу к ним, и стремится к тому, чтобы во всех учреждениях и во всех партийных и внепартийных организациях иметь побольше своих надёжных людей, дабы быть всё время в курсе общего положения дел из первых источников»⁸⁸. Конечно, нельзя не усомниться в большом количестве приверженцев Маркова в РКП(б), но наличие той или иной его агентуры подтверждают показания В.П. Соколова (в прошлом — товарища председателя Главного совета СРН), сообщавшего в 1921 г., что фотографические снимки некоторых нужных для тайной монархической организации документов её

⁸⁴ Там же. С. 372–373. В 1930-е гг. корреспондент Б.В. Никольского писатель-монархист Б.А. Садовский запишет в дневнике: «Всякий честный монархист должен сознаться, что большевики всё же лучше президента Милюкова или императора Кирилла» (Цит. по: *Репников А.В.* Консервативные концепции... С. 446).

⁸⁵ Следственное дело доктора Дубровина / Публ. В.Г. Макарова // Архив еврейской истории. Т. 1. М., 2004. С. 301.

⁸⁶ Шульгин В.В. Дни. 1920. М., 1989. С. 527–528.

⁸⁷ Винберг Ф.В. В плену у «обезьян» (Записки «контрреволюционера») // Верная гвардия... С. 101.

⁸⁸ Марков С. Указ. соч. С. 176.

руководство получало «через своих людей, служивших от нас в большевистских учреждениях»⁸⁹.

Однако среди правых было немало и тех, кто воспринимал большевизм сугубо отрицательно и призывал к борьбе с ним. Член Главной палаты РНСМА и Русского собрания Г.А. Шечков резко осуждал советскую власть, опиравшуюся на самые низменные человеческие свойства: эгоизм, жадность, вероломство, разврат, жестокость. Если не одолеть большевизм, предостерегал Шечков, «то Россия останется без Церкви, без национальной интеллигенции, без традиций и обратится в страну измученных, голодных, обнищавших рабов, готовых за краюшку заплесневелого хлеба работать физически на кого угодно, кто только обеспечит им кое-какую безопасность и относительное спокойствие»⁹⁰.

Пуришкевич, одним из первых указавший на исходящую от большевиков угрозу⁹¹, сразу же после октябрьского переворота со свойственной ему энергией включился в борьбу с ними и уже 4 ноября звал атамана А.М. Каледина скинуть с Петрограда «большевистское ярмо» и «публичными расстрелами и виселицей» очистить столицу от захвативших её «преступников и черни»⁹². Выступая в начале 1918 г. перед революционным трибуналом, Владимир Митрофанович, ещё не избавившийся от усвоенной им весной 1917 г. риторики, обвинял большевиков в контрреволюционности: «Теперь, когда партия большевиков захватила власть, — Россия стала распинаться ими, и начался великий распад. Стали отделяться Украина, Дон, Финляндия, за ними объявляют свою независимость чуть не каждая область — вся Россия, не признавая власти большевиков, раскалывается, уходит от них. Что же это? Все они заговорщики против вас, ничтожного меньшинства? Заговорщики — вы. Контрреволюционеры — вы, ибо в тюрьмы сажают всех истинных защитников революции»⁹³. Оказавшись в ходе Гражданской войны на юге, Пуришкевич будет разъяснять вождям Белого движения, что, борясь исключительно с большевиками, они сражаются лишь с последствиями, а не с причинами — либерализмом и ослаблением православной веры и монархического чувства в народе. Признавая твёрдость советской власти и «волевой импульс её проводников», Пуришкевич ничего позитивного в этом не усматривал, поскольку для него большевики всегда оставались узурпаторами и насильниками, заливавшими «реками русской народ[ной] крови родные поля в братоубийственной распре». Главной же их целью, по его мнению, являлось «растление христианских народов мира в интересах иудаизма»⁹⁴.

В целом же правые вовсе не отводили большевикам решающей роли в революции. Гораздо чаще черносотенцы рассматривали их как орудие немцев, еврейства, тайных масонских центров и т.п. «Проклятие и позор большевикам,

⁸⁹ Н.А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг. / Сост. Л.А. Лыкова. Т. 8. М., 1998. С. 302.

⁹⁰ Цит. по: Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода кн. Н.Д. Жевахова. СПб., 2007. С. 579–580.

⁹¹ См., например: *Пуришкевич В.М.* Без забрала: открытое письмо большевикам Совета петроградских рабочих депутатов. Пг., 1917.

⁹² Заговор монархической организации В.М. Пуришкевича // Красный архив. 1928. Т. 1(26). С. 171.

⁹³ Новая жизнь. 1918. 5(18) января.

⁹⁴ *Пуришкевич В.М.* Монархия или Республика? Издание Главного Совета Всероссийской Народно-Государственной Партии. Ростов н/Д, 1919. Вступление; «27-го февраля мы могли стать гражданами...». С. 122.

на немецкие и жидовские деньги торгующим Россией оптом и в розницу, — негодвал Винберг. — Но первое и сугубое проклятие, несмыаемый позор нам, всем без меры преступным русским людям, нанесшим первые удары, поведшие к развалу и гибели родной страны»⁹⁵. «Считая их всех, и большевиков, и эсеров, и кадет, виновными в развале и гибели России, меня несказанно бесит, — признавался он, — это непонимание своей тяжёлой вины и самообольщение партий, стоящих правее большевиков. К нашему национальному позору все вы руки приложили, государи мои, одни по незнанию и неумению, другие по глупости и злобности, третьи по пристрастью к немецким подкупам, четвёртые по дикости и невежеству — все виноваты общей вашей круговой порукой и партийной косностью»⁹⁶.

Когда Винберг размышлял о судьбе страны, его явно переполняли эмоции: «Мне противно и мерзко читать и слышать теперь слезливые жалобы этих преступных партий, сетующих на то, что не сумели удержать, выпустили из своих рук своё злое дело, и решающихся взывать к таким святым словам, как Родина, национальность, между тем как сами же они одухотворяющую силу этих слов систематически разрушали. И как смеют они теперь, все, сколько их не есть, участники пресловутого “освободительного движения”, сваливать всю вину на большевиков..., когда сами же виноваты во всей катастрофе, когда сами же они подготовили возможность для большевиков стать у власти... Напрасно только все эти господа “освободители”, начиная с Родзянко и Милюкова и кончая Савинковым и селянским Черновым, стараются на большевиков свалить вину за то, что хвалёная их революция оказалась охваченным пожаром публичным домом. Большевики в своём роде также хороши, но это — особая статья. Но в развале России и в гнусных формах, принятых революцией, они нисколько не больше виноваты, чем все их предшественники. В самой же революции виновато, разумеется, всё гнилое и безнравственное русское общество, все русские люди»⁹⁷. Схожих взглядов придерживался и Муретов. «Винят “большевиков” с их “безответственной агитацией”, — отмечал публицист. — Но узколобые изверы бывали во все времена и у всех народов. Винить большевиков — всё равно, что винить холерного эмбриона. Разве его вина, что он создан бациллою?»⁹⁸.

Разгон Учредительного собрания черносотенцы восприняли с явным удовлетворением. Марков с едким сарказмом описывал жалкий конец «Учредилки», «когда по приказу шустрого иудея Урицкого пьяный матрос Желязняков вошёл в зал торжественного заседания Учредительного собрания и, хлопнув по плечу председателя собрания — великого селянина Чернова, заявил, что ему, Желязнякову, и его матросам надоела эта болтовня и что Учредительному собранию приказано зашабашить». Николай Евгеньевич, отказавшийся примириться с советской властью и объявивший ей войну, признавал при этом, что «если говорить правду, то в большинстве своём народ сочувствовал матросу Желязнякову». По словам черносотенца, «для простонародья (значит для большинства) социалисты-большевики были желаннее всех, ибо всё то, что социалисты отдельных мастей обещали давать лишь в постепенности и в соразмерности

⁹⁵ Винберг Ф.В. Указ. соч. С. 108.

⁹⁶ Там же. С. 121.

⁹⁷ Там же. С. 107, 275.

⁹⁸ Муретов А. Указ. соч. С. 5.

с остатками здравого смысла, социалисты-большевики выбрасывали сразу же и без всякой соразмерности»⁹⁹.

Характерно, что подавляющее большинство активных деятелей правых партий, не испытывая никаких симпатий к большевистской власти, тем не менее уклонились от вооружённого противостояния ей. Лишь единицы из них приняли участие в Белом движении, да и то, как правило, находились в правой оппозиции генералитету (как Марков и Пуришкевич). Были и те, кто примкнул к красным, как, например, член совета Русского собрания военный инженер К.И. Величко, поступивший на службу в РККА, которую счёл единственной в стране организованной силой, обороняющей Россию от немцев, или бывший хозяин правого салона кн. М.М. Андроников, сотрудничавший, по некоторым сведениям, с кронштадтской ЧК¹⁰⁰. В отличие от либералов и социалистов, процент эмигрировавших правых был невелик — большинство их осталось в России. Почти все они погибли в период «красного террора» или в 1930-е гг.

⁹⁹ Марков Н.Е. Учредительное собрание // Марков Н.Е. Войны тёмных сил... С. 374.

¹⁰⁰ Стогов Д.И. Князь М.М. Андроников и революционные события 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей / Сост. А.Б. Николаев. СПб., 2014. С. 227–229.

Комиссариат Временного правительства над бывшим Министерством двора

Пётр Гордеев

The Commissariat of the Provisional Government over the former Ministry of the Court

Petr Gordeev (Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg)

История Министерства императорского двора и уделов Российской империи (далее — МИДв) в постсоветские годы пристально изучалась исследователями, однако в ней остаётся ещё немало «белых пятен». Эти пробелы до сих пор не позволяли составить целостное представление о том, что же произошло с громоздкой структурой МИДв в 1917 г., хотя отдельные сюжеты (например, попытка создания «Министерства искусств») хорошо изучены. В историографии утвердилось лишь представление об упразднении МИДв после Февральской революции¹.

После падения монархии положение придворного ведомства оказалось, по понятным причинам, особенно уязвимым. В начале марта 1917 г. в печати

© 2017 г. П.Н. Гордеев

¹ Шенелёв Л.Е. Титулы, мундиры и ордена Российской империи. М., 2004. С. 381; Управленческая элита Российской империи. История министерств. 1802–1917. СПб., 2008. С. 568.

регулярно появлялись слухи о грядущем его присоединении к Министерству народного просвещения, разделении между разными ведомствами или преобразовании в Министерство изящных искусств², но ни один из подобных прогнозов не сбывся. Существование более трёх десятков разнообразных «установлений», подчинённых МИДв, а также отсутствие у членов Временного комитета Государственной думы (далее – ВКГД) и Временного правительства чётких представлений о том, что с ними делать, привели 1–8 марта к назначению в различные структуры МИДв нескольких комиссаров. 2 марта ВКГД направил в Дирекцию императорских театров Н.Н. Львова, которому 4 марта Временное правительство поручило «общее заведывание» имуществами МИДв; его помощником стал архитектор и общественный деятель П.М. Макаров. Члену Государственной думы И.В. Титову 4 марта было поручено управление делами Кабинета его величества. С 1 по 7 марта журналист Ф.П. Купчинский получил от ВКГД и правительства ряд полномочий, передавших ему руководство Собственным его величества гаражом, а затем и Придворной конюшенной частью. Наконец, 8 марта комиссаром над бывшим МИДв Временное правительство назначило видного деятеля кадетской партии Ф.А. Головина, в 1907 г. занимавшего пост председателя II Думы. 10 марта он взял в помощники Макарова и не позднее 11 марта сформировал «Канцелярию комиссара Временного правительства над бывшим Министерством двора», являвшуюся его личным секретариатом и обеспечивавшую связь между ним и различными учреждениями, включая Канцелярию бывшего МИДв³. 20 марта последовало постановление Временного правительства «О порядке распоряжения имуществами, предприятиями и капиталами бывшего Министерства двора, перешедшими ныне в собственность государства», объявлявшее о национализации всего, что принадлежало МИДв, и определявшее полномочия комиссара, «от которого только и могут исходить распоряжения, касающиеся упомянутых имуществ, предприятий и капиталов»⁴. Следует отметить, что хотя в журнале заседания инициатором принятия данного постановления назван управляющий делами Временного правительства В.Д. Набоков, в действительности этот проект был подготовлен и отправлен министру-председателю кн. Г.Е. Львову Головиным⁵.

8 марта 1917 г. с назначением Головина возникло новое государственное учреждение – Комиссариат Временного правительства над бывшим Министер-

² Учреждение министерства изящных искусств // Петроградская газета. 1917. 5 марта; Охрана художественных ценностей // Речь. 1917. 7 марта; Последние известия // Там же. 8 марта; *Ган Л.* Как будет ликвидировано министерство бывшего императорского двора? // Биржевые ведомости (вечерний выпуск). 1917. 12 марта.

³ *Гордеев П.Н.* Февральская революция и Министерство двора // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2011. С. 36–44; *Гордеев П.Н.* Председатель II Государственной думы Ф.А. Головин – комиссар Временного правительства над бывшим Министерством двора // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. СПб., 2012. С. 172–177; *Гордеев П.Н.* Ф.П. Купчинский – уполномоченный Временного комитета Государственной думы и Временного правительства по делам бывшей Придворной конюшенной части и бывшего Гаража его величества // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма. Ч. 2. СПб., 2013. С. 65–66.

⁴ Журналы заседаний Временного правительства: Март–октябрь 1917 года. Т. 1. М., 2001. С. 139.

⁵ ГА РФ, ф. 1778, оп. 1, д. 283, л. 33.

ством двора⁶. Характерно, что из названия выпало слово «императорского», попавшее в опалу после Февральской революции. В своих приказах по ведомству Головин ни разу не употребил этот эпитет⁷. В правительственных постановлениях, касавшихся МИДв, об «императорском» дворе упоминалось до 8 марта включительно⁸. В служебной переписке на старых бланках «неудобное» слово нередко вычёркивали⁹.

В постановлении Временного правительства о назначении Головина комиссаром над МИДв отсутствовало также привычное продолжение «и уделов». Между тем прежде удельное ведомство было не просто одним из учреждений МИДв, а фактически объединялось с ним на началах «личной унии» — под руководством одного министра¹⁰. 10 марта правительство решило «Главное управление уделов сохранить, предоставив князю Виктору Сергеевичу Кочубею остаться во главе этого Управления». 15 марта министры, ничего не говоря о Головине, признали, что «ввиду сохранения заведования Главным управлением уделов за князем Кочубеем, надобности в назначении в это ведомство комиссара в настоящее время не имеется»¹¹. Наконец, 16 марта был установлен порядок руководства удельным ведомством, в котором, впредь до решения Учредительного собрания, все имущества объявлялись «государственной (национальной) собственностью», любые выдачи членам бывшего императорского дома воспрещались, а распоряжение «всеми означенными имуществами, предприятиями и капиталами» предписывалось возложить на Главное управление уделов, «выделив таковое в особое главное управление, с предоставлением начальнику его права производства всех расходов, потребных на управление и хозяйственную деятельность ведомства, в пределах назначений по смете, утверждаемой Временным правительством»¹². При этом с 3 по 16 марта (т.е. и до, и после назначения комиссара над бывшим МИДв) между кн. В.С. Кочубеем и кн. Г.Е. Львовым шла переписка, в которой имя Головина и занимаемая им должность даже не упоминались. Кроме того, ещё 7 марта Главное управление уделов разослало начальникам удельных округов подписанный помощником начальника управления Г.Г. Снежковым циркуляр, рекомендовавший изменить форму бланков для переписки, «сохранив в них только

⁶ Именно так ведомство, руководимое Головиным, называлось в дневниках В.А. Теляковского, А.Н. Бенуа, делопроизводстве Особого совещания по делам искусства, хотя в служебной переписке, как правило, употреблялось наименование «бывшее Министерство двора» — понятное, но не особенно удачное применительно к действующему государственному учреждению. Слово «бывшее» использовалось практически во всех официальных бумагах и для обозначения отдельных учреждений Комиссариата — Канцелярии *бывшего* МИДв, *бывшего* Кабинета Его Величества и др. Подробнее см.: *Гордеев П.Н.* Председатель II Государственной думы Ф.А. Головин... С. 164–165.

⁷ Их подлинники сохранились в фонде Канцелярии МИДв: РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 1, л. 1–133. При их публикации в «Вестнике Временного правительства» лишь единожды, в приказе № 7 от 18 марта, выражение «императорского» использовалось в заголовке (Приказ комиссара Временного Правительства над бывшим министерством императорского двора и уделов // Вестник Временного правительства. 1917. 25 марта).

⁸ Журналы заседаний Временного правительства... С. 27, 39, 53, 139.

⁹ См., например: РГИА, ф. 472, оп. 60, д. 2312, л. 51–53, 57–58.

¹⁰ Например, в списке 33 учреждений, входивших в состав МИДв, направленном 4 марта помощником министра двора гр. М.Е. Ниродом министру-председателю кн. Г.Е. Львову, Главное управление уделов указано не было: Там же, оп. 58 (15 доп.), д. 2, л. 3–3 об.

¹¹ Журналы заседаний Временного правительства... С. 53, 67, 101.

¹² Постановления Временного правительства // Вестник Временного правительства. 1917. 17 марта.

наименование учреждения и адрес». Тут же приводился и образец: «Управление или Начальник... Удельного округа, управления, имения и т.п.»¹³. Таким образом, с бланков удалялось упоминание о МИДв.

Тем самым Главное управление уделов с самого начала революции фактически, а с 16 марта и формально выделилось из состава МИДв и приобрело самостоятельный статус¹⁴. Однако в первых 16 приказах (вплоть до 17 апреля) Головин именовал себя «комиссаром над бывшим Министерством двора и уделов»¹⁵, с такой же формулировкой до 21 апреля его распоряжения публиковались в официальном правительственном издании¹⁶. Впрочем, в сами дела руководимого кн. Кочубеем ведомства комиссар не вмешивался. Лишь 14 апреля состоялся окончательный раздел удельной собственности: дворцы перешли в ведение комиссара над бывшим МИДв¹⁷, Балаханский нефтяной промысел — Министерству торговли и промышленности, «все остальные имущества и предприятия» — Министерству земледелия, а капиталы — в казну и в заведование Министерства финансов¹⁸. 21 апреля Канцелярия комиссара над бывшим МИДв предписала Канцелярии бывшего МИДв «ввиду постановления Временного правительства от 14-го сего апреля, по поручению г. комиссара... заказать возможное количество всех бланков для Канцелярии комиссара без надписи “и уделов”, а также заказать новые штемпеля и печати с устранением той же надписи»¹⁹.

При этом правительство только усиливало путаницу, присваивая удельному ведомству статус «особого Главного управления», отдавая указания непосредственно его начальнику и в то же время в своих журналах именуя Головина комиссаром над бывшим МИДв «и уделов» — и после 16 марта, и даже некоторое время после 14 апреля (последний раз — 23 апреля)²⁰. Подобные противоречия наглядно свидетельствуют о том, что изучать политическую историю революционного времени, опираясь только на законодательные акты, невозможно — они могли обесмысливать друг друга, поскольку издавались в условиях нарушения обычного хода дел и, зачастую, случайно оказавшимися во главе ведомств людьми.

Возглавлявшийся Головиным Комиссариат был не в очередной раз реорганизованным МИДв (с 8 марта его следует считать упразднённым), а новым учреждением, которое уже не имело статуса министерства (Головин, соответственно, не являлся членом Временного правительства). Его положение в системе государственного управления России было исключительным, поскольку ни один из действовавших на схожих основаниях органов власти (например, Комиссариат над Канцелярией по принятию прошений) не был создан на основе ведомства, сопоставимого с МИДв по обширности и значимости.

¹³ РГИА, ф. 515, оп. 69, д. 650, л. 1, 3, 6–6 об., 8, 12, 19.

¹⁴ *Любарская Т.Г.* Учреждения удельного ведомства // Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 3. СПб., 2002. С. 189.

¹⁵ РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 1, л. 2–30.

¹⁶ Приказ комиссара Временного правительства над бывшим министерством двора и уделов // Вестник Временного правительства. 1917. 21 апреля.

¹⁷ Дворцы поступили в ведение бывшего Кабинета его величества, к которому дополнительно прикомандировали трёх чиновников из Главного управления уделов: РГИА, ф. 468, оп. 30, д. 913, л. 3–11.

¹⁸ Журналы заседаний Временного правительства... С. 289.

¹⁹ РГИА, ф. 472, оп. 60, д. 2344, л. 40.

²⁰ Журналы заседаний Временного правительства... С. 256, 340.

Первоначально Комиссариат рассматривался всеми как недолговечное, переходное образование. Сам Головин говорил 11 марта начальникам структурных подразделений МиДв: «Так как министерство обладает громадным имуществом, составляющим теперь достояние всего русского народа – необходимо его сберечь и сдать в полном порядке и сохранности туда, куда прикажет будущее правительство, причём, может быть, часть отойдёт в другие министерства, а может быть, будет образовано особое Министерство изящных искусств»²¹. 28 марта на совещании в Зимнем дворце те же лица вместе с Головиным «обсуждали общие вопросы и решали, какие установления министерства могут быть переведены в другие ведомства в предположении, что оставшиеся образуют ядро для будущего Министерства изящных искусств»²². Наконец, 30 марта, выступая перед театральными деятелями, Головин высказался ещё более категорично: «Это министерство находится в таком положении, когда от него, как от ветхой шелухи, опадают все наросшие на него исторические наслоения... Бывшее Министерство двора должно быть раскассировано по различным министерствам, ныне существующим»²³. Подобная решительность отчасти объяснялась тем, что в конце марта Головин рассчитывал на пост комиссара Временного правительства на Кавказе. Когда же, по независящим от него причинам²⁴, это назначение не состоялось, он, начиная с апреля, в большей степени стал связывать свою судьбу с Комиссариатом.

Впрочем, Головин не случайно говорил об «отпадении исторических наслоений»: не только Главное управление уделов, но и некоторые учреждения собственно МИДв были изъяты из ведения Комиссариата. 27 марта правительство передало все капиталы Кабинета его величества Министерству финансов, а земли – министерствам земледелия и торговли и промышленности, временно, до разделения между ведомствами, предоставив заведование данными имуществами соответствующим кабинетским органам (Земельно-заводскому отделу и управлениям Алтайского и Нерчинского округов), которые должны были подчиняться, «по принадлежности», указаниям обоих министров²⁵. 14 апреля к Министерству земледелия отошла Императорская охота²⁶. 6 июня Министерство продовольствия получило в своё распоряжение Аничков дворец и обеспечивавшее его управление вместе со всеми служащими во главе с генерал-майором П.А. Ереховичем²⁷.

8 апреля, в соответствии с представлением Головина от 30 марта, Временное правительство признало «подлежащим упразднению» Управление дворцового коменданта (однако приведение в порядок его дел растянулось до 11 июля)²⁸. 24 апреля, также по инициативе комиссара, прекратил существование Совет

²¹ Эти слова привёл в дневнике присутствовавший на встрече директор театров В.А. Теляковский: Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина, ф. 280, № 1325, л. 58 об.

²² Там же, л. 82.

²³ Отдел рукописей и документов Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства, ф. 66, ГИК 20848, л. 3.

²⁴ *Бенуа А.Н.* Дневник. 1916–1918. М., 2010. С. 237–246.

²⁵ Журналы заседаний Временного правительства... С. 180–181. Хозяйственного отдела Кабинета это постановление практически не коснулось: РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 3а, л. 250.

²⁶ Журналы заседаний Временного правительства... С. 289.

²⁷ РГИА, ф. 474, оп. 1, л. 427, л. 13 об.; д. 429, л. 9 об.

²⁸ Там же, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 4, л. 2–3 об., 5–7, 10; Журналы заседаний Временного правительства... С. 256; *Любарская Т.Г.* Министерство императорского двора и его учреждения // Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 3. С. 186.

при министре двора²⁹. Весной 1917 г. ходили не подтвердившиеся затем слухи о грядущем расформировании Капитула орденов³⁰, а также Собственных его величества библиотек³¹, которым, впрочем, удалось пережить 1917 г. С 1 августа по решению, принятому правительством 26 июля, Контроль бывшего МИДв включался в состав Государственного контроля; вскоре возникла «Временная комиссия по ликвидации контролей» бывшего МИДв во главе с Д.П. Богдановым, но в ноябре её деятельность фактически прекратилась, и 18 декабря на общем собрании служащие контроля постановили продолжать работу «совместно с другими центральными установлениями б[ывшего] Министерства двора»³². 30 сентября 1917 г. Временное правительство упразднило Павловское городское правление³³. Однако большинство учреждений бывшего МИДв оставались в течение всего 1917 г. в ведении Комиссариата.

Между тем и в обществе, и в государственных структурах составлялись многочисленные проекты раздела наследства придворного ведомства. 4 марта в ходе совещания деятелей искусства на квартире М. Горького была образована «Комиссия по делам искусства», или «Комиссия Горького». 13 марта её переименовали в Особое совещание по делам искусства при комиссаре Временного правительства над бывшим МИДв. При этом Горький сохранил пост председателя, а его товарищем и одним из наиболее активных сотрудников стал А.Н. Бенуа. И Горького, и Бенуа в газетах прочили в будущие министры изящных искусств. Однако уже 20 апреля Особое совещание объявило о своём роспуске — сказались конфликты Бенуа с Головиным и Макаровым, нежелание Горького «состоять на службе» Временного правительства, а также протесты целого ряда художественных организаций против планов образования Министерства искусств. Затем при Головине был созван «Совет по делам искусств» (во многом с теми же участниками), существовавший вплоть до прихода к власти большевиков³⁴.

Наибольшей интенсивности учредительная работа деятелей искусства достигла в марте—апреле, в период существования Особого совещания, сформировавшего из своих членов восемь комиссий, одна из которых называлась «законодательной». В её состав вошли представители художественного мира (А.Н. Бенуа, Ф.Ф. Нотгафт, Н.К. Рерих, А.И. Таманов, А.Н. Тихонов, И.А. Фомин), политические деятели (С.В. Завадский, В.Д. Набоков, П.А. Неклюдов, барон Б.Э. Нольде, Н.Д. Соколов), а также Горький и Макаров³⁵. Эта комиссия, согласно сохранившемуся «Проекту Положения о временных комиссиях при Особом совещании, образованном ведающим делами бывшего Министерства

²⁹ Журналы заседаний Временного правительства... С. 347.

³⁰ Упразднение капитула орденов // Новое время. 1917. 11 марта. 18 августа Ф.А. Головин сообщил А.Ф. Керенскому, что Капитул «не предполагается к ликвидации» (РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 2, л. 324).

³¹ Об этих слухах 10 апреля писал Головину директор Эрмитажа гр. Д.И. Толстой, желавший, в том случае, если они подтвердятся, принять участие «в разборе хранящихся в библиотеке б[ывшего] императора книг и других предметов с целью выбора того, что могло бы быть передано в Эрмитаж». Головин дал на это своё согласие (ГА РФ, ф. 1907, оп. 1, д. 3, л. 9–9 об., 11).

³² РГИА, ф. 482, оп. 10, д. 1336, л. 1, 12–15; ф. 1276, оп. 14, д. 71, л. 2; ЦГАЛИ СПб, ф. 29, оп. 1, д. 3, л. 1–1 об.

³³ Об упразднении должности управляющего городом Павловском и Павловского городского правления // Вестник Временного правительства. 1917. 20 октября.

³⁴ Бенуа А.Н. Дневник. 1916–1918. С. 124–165, 197–279; Ланшин В.П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983. С. 74, 90–93, 149, 152.

³⁵ РГИА, ф. 472, оп. 60, д. 2345, л. 18.

императорского двора», должна была составить «законопроект о будущем ведомстве изящных искусств, имеющем включить в себя как все установления художественного порядка, находившиеся в ведении бывшего Министерства двора, так и те установления художественного порядка, которые находятся в ведении других министерств (кроме того, комиссия законопроекта имеет создать проекты новых художественных установлений, вызываемых жизненными потребностями государства)»³⁶.

Вскоре после вступления Головина в должность комиссара началась волна увольнений высших чиновников ведомства. Хотя в подавляющем большинстве случаев они покидали службу «по прошению», на самом деле отставки были «добровольно-принудительными». Тем, кто не спешил с подачей прошения, Головин напоминал, что «ввиду предстоящего полного реформирования бывшего Министерства двора, лица, служившие по сему министерству, подлежат увольнению от занимаемых ими должностей». «Принимая во внимание, — уведомлял комиссар, — что большинство подобных лиц уже обратились ко мне с ходатайствами об увольнении их от службы, считаю долгом, предварительно дальнейших распоряжений, об изложенном сообщить Вам, дабы Вы могли также своевременно подать прошение об увольнении Вас в отставку»³⁷. Такие письма 18 мая получили состоявший при императрице Александре Фёдоровне гр. П.Н. Апраксин, чиновник для особых поручений при министре двора С.А. Обухов, управляющий Московской конторой государственных театров С.Т. Обухов, чуть позже — 10 июня — обер-гофмаршал гр. П.К. Бенкендорф.

20 марта Временным правительством были уволены помощник министра двора гр. М.Е. Нирод и заведующий Придворной конюшенной частью А.А. фон Гринвальд, 24 марта — начальник Придворного оркестра барон К.К. Штакельберг и обер-церемониймейстер барон П.П. Корф, 28 марта — бывший министр двора гр. В.Б. Фредерикс³⁸ и начальник Императорской охоты кн. Д.Б. Голицын, 29 марта — управляющий делами Капитула орденов К.М. Злобин и член Совета при министре двора В.С. Кривенко, 11, 17 и 30 апреля соответственно — члены Совета при министре двора В.П. Погожев, С.Е. Смельский и Б.К. Ордин, 26 апреля — управляющий Кабинетом его величества Е.Н. Волков, 29 апреля — инспектор Придворной медицинской части Н.А. Вельяминов, 6 мая — директор государственных театров В.А. Теляковский, 8 мая — начальник Канцелярии МИДв А.А. Мосолов, 10 мая — начальник Придворной певческой капеллы гр. А.Д. Шереметев, 15 мая — чиновник особых поручений IV класса при министре двора А.Г. фон Кнорринг, 18 мая — состоявший при бывшем министре двора Д.Н. Ломан, 20 мая — член Совета при министре двора Г.А. Федосеев, 5 июня — начальник Царскосельского дворцового управления кн. М.С. Путятин, 20 июня — состоявший при бывшей императрице Александре Фёдоровне гр. П.Н. Апраксин, 6 июля — состоявший при бывшем министре двора Н.И. Непорожнев, 8 июля — начальник Петергофского дворцового управления М.А. Лермонтов, 29 июля — начальник Гатчинского дворцового управления Н.Н. Крестьянов и член Совета при министре двора

³⁶ Там же, л. 3.

³⁷ Там же, оп. 58 (15 доп.), д. 2, л. 273; д. 14, л. 171; ГА РФ, ф. 553, оп. 1, д. 38, л. 1–1 об.; РГАЛИ, ф. 878, оп. 2, д. 44, л. 9.

³⁸ Пример революционной путаницы: увольняя Фредерикса 28 марта без каких-либо оговорок, правительство тем самым подтверждало, что до этого указа он оставался министром императорского двора.

В.Е. Андро-де-Бюи-Гинглятт, 26 августа – обер-гофмаршал, заведующий Гофмаршальской частью гр. П.К. Бенкендорф. Заведующий Контролем МИДв В.С. Фёдоров с 1 августа был оставлен за штатом, «за упразднением означенной должности»³⁹. 30 сентября по той же причине лишился своего поста управляющий городом Павловском инженер путей сообщения С.Н. Смирнов⁴⁰. Одновременно «кадровая чистка» коснулась служащих великокняжеских дворов, также числившихся по ведомству МИДв⁴¹.

Большинство увольняемых чиновников подавали прошения «по болезни». При этом практически никто не пытался предъявить документы, подтверждавшие заболевание (впрочем, новая власть их и не требовала). Исключений было немного, например, Смельский, которому шёл 80-й год, передал в Канцелярию МИДв два медицинских свидетельства⁴². По-видимому, всем, уходившим в отставку, предстояло пройти врачебные комиссии, заседавшие весной 1917 г. еженедельно (ранее они собирались один раз в месяц или ещё реже). Помощник инспектора бывшей Придворной медицинской части Н.А. Андреев-Твердов даже обратился 13 апреля к Головину с просьбой о вознаграждении врачам (по 10 руб. на всех членов комиссии за каждого осмотренного и по рублю за медицинский акт работникам канцелярии дворцового госпиталя). Комиссар счёл данное ходатайство вполне обоснованным⁴³.

Далеко не все служащие бывшего МИДв легко соглашались отойти от дел. Так, 29 марта Головин сообщал кн. Львову, что Кривенко, некогда руководивший канцелярией гр. И.И. Воронцова-Дашкова, когда тот возглавлял МИДв, «просит меня довести до сведения Временного правительства о его горячем желании послужить Отечеству при обновлённом строе и что, несмотря на некоторые свои физические недочёты, он полон готовности по мере своих сил, знаний и опыта исполнять поручения Временного правительства даже находясь в отставке»⁴⁴. Вероятно, ценя такое выражение лояльности, Головин разрешил Кривенко временно остаться в казённой квартире⁴⁵. 30 марта, посылая кн. Львову прошение об отставке, Мосолов писал: «Было бы печальным для меня недоразумением, если бы настоящая моя просьба была истолкована либо как демонстрация против обновлённого строя и Временного правительства, либо как отказ от работы, от службы государству, притом в такую тяжкую годину, когда все верные его сыны обязаны приложить свои силы к внутреннему устройству отечества или к защите его неприкосновенности перед грозным его внешним врагом... Я не желаю лишь номинально “числиться” по тому или иному ведомству, не принося пользы делу. Но, чувствуя себя физически совершенно здоровым и бодрым, проникнутый сознанием важности переживаемого нашею великою Россией исторического момента и горячею любовью послужить её дальнейшему процветанию, считаю себя нравственно обязанным предложить с полною готовностью свои услуги Временному правительству, в надежде, что мой свыше 40-летний опыт, приобретённый на различных

³⁹ Указы Временного правительства // Вестник Временного правительства. 1917. 7, 9, 18, 29 апреля, 5, 16, 21, 26, 30 мая, 2, 15, 28 июня, 20 июля, 3, 8 августа, 7 октября.

⁴⁰ РГИА, ф. 493, оп. 5, д. 327, л. 1 об., 50 об.

⁴¹ Там же, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 3а, л. 170–190, 323–325, 420–429, 555–565, 569–574, 593–599, 638–656, 717–718, 780–784, 910–920.

⁴² Там же, д. 2, л. 182–184.

⁴³ Там же, д. 3а, л. 193, 393.

⁴⁴ Там же, д. 2, л. 77.

⁴⁵ Там же, л. 78.

поприщах государственной службы, помог бы мне, наравне с другими, внести и свою посильную лепту в ту громадную общую работу, которая в настоящее время повелительно требует трудоспособных людей, как на фронте, так и в глухом тылу»⁴⁶.

Начальник Гатчинского дворцового управления генерал-майор Н.Н. Крестьянов ещё 2 марта сдал свои полномочия полковнику А.К. фон Рейеру, а 14 апреля отправил Головину прошение о предоставлении ему перед отставкой шестинедельного отпуска, на что комиссар дал согласие⁴⁷. По истечении срока отпуска на службу он так и не явился и 17 июня Рейер отправил в Канцелярию бывшего МИДв донесение, спрашивая о целесообразности дальнейшего производства содержания генералу, отсутствовавшему на службе более четырёх месяцев, сказавшись больным⁴⁸. В ходе завязавшейся по этому поводу переписки Головин поддержал Крестьянова, уволив его 29 июля с мундиром и пенсией⁴⁹.

Однако когда 28 мая с аналогичной просьбой о двухмесячном отпуске перед увольнением к Головину обратился гр. Апраксин, его ждал отказ⁵⁰. Видимо, тут сказалась неприязнь либерала Головина к одному из старейших членов Русского собрания. Ещё резче произвол комиссара по отношению к его новым подчинённым проявился при увольнении В.Н. Воейкова, который считался другом А.А. Вырубовой и Г.Е. Распутина и по слухам, распространившимся в печати в марте 1917 г., советовал Николаю II «открыть Минский фронт» для подавления революции⁵¹. 20 апреля Головин обратился к министру юстиции Керенскому со служебным письмом деликатного содержания: «Отношением от 17-го апреля за № 44 мною сообщено военному министру, что с моей стороны не встречается препятствий к откомандированию в его распоряжение состоявших на службе или числившихся по Управлению б[ывшего] дворцового коменданта военных чинов, кроме дворцового коменданта, генерал-майора Воейкова, который до сих продолжает числиться в своей должности. Полагая необходимым незамедлительно устранить названное лицо от занимаемой им должности, прошу Вас, предварительно возбуждения мною в этом смысле вопроса пред Временным правительством, не отказать в сообщении Вашего по сему предмету отзыва»⁵². 30 апреля последовал лаконичный ответ Керенского: «Вследствие письма от 20-го сего апреля за № 62 уведомляю Вас, что я считал, что генерал Воейков уже давно отставлен»⁵³.

Тогда 12 мая комиссар обратился уже к главе правительства. «С момента отречения бывшего императора от престола деятельность Управления дворцового коменданта почитается оконченной, — писал он. — В виду сего мною был представлен 30 марта сего года за № 153 доклад Временному правительству по делу об упразднении названного Управления. Вместе с сим я признавал бы соответственным уволить начальника сего установления — дворцового коменданта, генерал-майора Воейкова от занимаемой им должности. При этом,

⁴⁶ ГА РФ, ф. 1778, оп. 1, д. 300, л. 49 об.—50.

⁴⁷ РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 2, л. 113.

⁴⁸ Там же, л. 123—124.

⁴⁹ Там же, л. 119.

⁵⁰ Там же, л. 274.

⁵¹ *Азов В.* Корона и Кувака // Русская воля (вечерний выпуск). 1917. 7 марта; *Воейков В.Н.* С царём и без царя. М., 1995. С. 216.

⁵² РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 2, л. 258—258 об.

⁵³ Там же, л. 258 об.

по мнению моему, представлялось бы желательным считать таковое увольнение со 2-го марта, т.е. со дня отречения бывшего императора от престола»⁵⁴. Одновременно Головин послал проект указа, в соответствии с которым Временное правительство 15 мая и отправило Воейкова в отставку «со 2-го марта 1917 г.» — без всякого «собственного прошения», в отличие от других чиновников⁵⁵. С его непосредственным начальником, министром двора гр. Фредериксом, обошлись снисходительнее — он был уволен 28 марта «согласно прошению..., с мундиром и пенсиею» (правда, переписка о её назначении растянулась до Октябрьской революции)⁵⁶. 18 мая комиссар приказал уволить другого близкого к царской семье служащего — полковника Д.Н. Ломана «теперь же от занимаемой должности, не ожидая увольнения его от службы»⁵⁷. Между тем в большинстве случаев подобные распоряжения в 1917 г. старались синхронизировать, а начальник придворного оркестра генерал-лейтенант К.К. Штакельберг, благодаря поддержке Головина, даже получил при отставке чин генерала от кавалерии⁵⁸.

Вынуждены были покинуть свои посты члены Императорской фамилии — вел. кн. Мария Павловна (Старшая), являвшаяся президентом Академии художеств, и вел. кн. Георгий Михайлович, управлявший Русским музеем со времени его основания. Великая княгиня, которую печать обвиняла в симпатиях к немцам и пренебрежительном отношении к русскому искусству и его деятелям⁵⁹, была отстранена от должности Временным правительством 12 марта⁶⁰. 14 марта она писала из Кисловодска секретарю Академии художеств В.П. Лобойкову: «В ответ на Ваше письмо прошу Вас объявить Академии Художеств, что я слагаю с себя звание президента этого учреждения и поручаю Вам передать всему составу Академии за восьмилетнее сотрудничество мою сердечную благодарность»⁶¹. Вел. кн. Георгий Михайлович 24 августа 1917 г. сообщал директору Эрмитажа (и своему помощнику в Русском музее) гр. Д.И. Толстому: «Просил я пустить меня на фронт, но в этом мне было отказано; тогда я подал в отставку, которая вышла 31 марта, но никогда не была опубликована, и только в мае я узнал, что приказ состоялся 31 марта»⁶².

Уволенных замещали либо чиновники «второго эшелона» (как правило, помощники прежних руководителей), либо близкие к Головину и его окружению люди, либо профессионалы, пользовавшиеся определённым авторитетом в тех учреждениях, которые им предлагалось возглавить на правах «уполномоченных» комиссара над бывшим МИДв. Так, начальником Канцелярии МИДв 15 сентября стал кн. С.В. Гагарин, до революции являвшийся помощником Мосолова⁶³. Заведующему Хозяйственным отделом Кабинета его величества

⁵⁴ Там же, л. 259.

⁵⁵ Там же, л. 261; Указы Временного правительства, данные Правительствующему Сенату // Вестник Временного правительства. 1917. 2 июня.

⁵⁶ РГИА, ф. 472, оп. 66, д. 599, л. 1–14.

⁵⁷ Там же, оп. 58 (15 доп.), д. 1, л. 65. Как и многие военные, служившие в МИДв, он, занимая придворную должность, числился состоящим по Главному штабу.

⁵⁸ Там же, д. 2, л. 55–68.

⁵⁹ *Кравченко Н.* Освобождённая Академия художеств // Новое время. 1917. 17 марта; Мария Павловна и поклонны // Петроградская газета. 1917. 11 апреля.

⁶⁰ Журналы заседаний Временного правительства... С. 82.

⁶¹ РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 2, л. 154.

⁶² Там же, ф. 696, оп. 1, д. 210, л. 12–12 об.

⁶³ *Григорьев С.И.* Придворная цензура и образ Верховной власти (1831–1917). СПб., 2007. С. 344.

Н.Э. Рюдману 12 мая было поручено «разрешать дела за управляющего бывшим Кабинетом его величества и подписывать бумаги по делам бывшего Кабинета его величества»⁶⁴, помощник инспектора Придворной медицинской части Н.А. Андреев-Твердов с 5 мая исправлял должность инспектора⁶⁵. В середине марта в Придворный оркестр и Придворную певческую капеллу комиссаром был направлен депутат Думы М.Д. Калугин⁶⁶, но уже 22 июня начальником Государственного (бывшего Придворного) оркестра стал знаменитый дирижёр С.А. Кусевицкий⁶⁷.

«Уполномоченными» по бывшей Придворной конюшенной части состояли депутат Государственной думы В.И. Дзюбинский (с 30 марта по 15 мая) и Е.А. Френкель (с 1 мая)⁶⁸; по Капитулу орденов и ликвидируемому Управлению дворцового коменданта — делопроизводитель Канцелярии Государственной думы Б.А. Калачёв (во II Думе он исполнял обязанности секретаря при председателе)⁶⁹, по Петергофскому дворцовому управлению — архитектор А.К. Миняев, по Царскосельскому дворцовому управлению — барон Б.Л. Штейнгель⁷⁰, по делам Академии художеств — архитектор А.И. Таманов (с 29 апреля), по делам Русского музея — М.В. Челноков (с 27 мая); по Гатчинскому дворцовому управлению — знакомый Макарова по Институту и Обществу гражданских инженеров А.Г. Голубков (с 21 июля)⁷¹. 29 апреля (а фактически — ещё 22 апреля) главноуполномоченным комиссара Временного правительства над

⁶⁴ РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 3а, л. 251.

⁶⁵ Там же, ф. 479, оп. 6, д. 1280, л. 19 об.—20.

⁶⁶ Там же, ф. 500, оп. 1, д. 822, л. 48–50; *Бенуа А.Н.* Дневник. 1916–1918. М., 2010. С. 217; *Николаев А.Б.* Калугин Михаил Дмитриевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 230.

⁶⁷ РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 1, л. 89.

⁶⁸ Там же, ф. 477, оп. 11, д. 680, л. 4–5, 10–11. Приказ о назначении Френкеля был издан 31 мая.

⁶⁹ 24 марта Головин сообщил секретарю Думы И.И. Дмитрюкову о намерении возложить на Калачёва «обязанности уполномоченного по заведыванию делами Капитула орденов, а также по ликвидации Управления бывшего дворцового коменданта». 23 августа указом Временного правительства Калачёв был назначен управляющим делами Капитула орденов. Перед этим, 31 июля, Головин поручил ему ознакомиться с «порядком производства ликвидации» канцелярий императриц Александровны Феодоровны и Марии Феодоровны, а также с имеющимися в них материалами (РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 2, л. 321–331; д. 3а, л. 791; ф. 1278, оп. 9, д. 1054, л. 59–61, 66 об.—68; Указ Временного правительства // Вестник Временного правительства. 1917. 2 сентября).

⁷⁰ Приказ комиссара Временного правительства над бывшим министерством двора и уделов // Вестник Временного правительства. 1917. 18 апреля. Б.Л. Штейнгель — масон и двоюродный брат известного масона Ф.Р. Штейнгеля, прекрасно знакомого «братьям» Головину и Макарову (*Серков А.И.* Русское масонство 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 256–257, 509, 907–908; *Головин П.А.* Бароны фон Штейнгель в истории России // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 8. СПб., 2014. С. 306, 308). 17 марта А.Н. Бенуа записал в дневнике: «Удивительно показательным является назначение Макаровым какого-то барончика Штенгеля, не имеющего никакого касательства к искусству, в уполномоченные по Царскосельским дворцам, и как с нами сначала не посоветоваться?» (*Бенуа А.Н.* Дневник. 1916–1918. С. 205). Деятельность Штейнгеля началась ещё в марте, хотя, как и Калачёв и Миняев, впервые он был официально назван уполномоченным лишь в приказе, подписанном Головиным 17 апреля.

⁷¹ РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 3а, л. 822а; Сведения о деятельности Правления за март–сентябрь 1906 года // Известия Общества гражданских инженеров. 1906. № 6–10. С. 116; Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века: Справочник / Под общ. ред. Б.М. Кирикова. СПб., 1996. С. 104; Приказы комиссара Временного правительства над бывшим министерством двора // Вестник Временного правительства. 1917. 3 мая, 30 мая, 6 августа.

бывшим МИДв по государственным театрам был назначен известный филолог и театральный критик Ф.Д. Батюшков⁷². Кроме того, 24 апреля специальные «уполномоченные» комиссара появились при московских Большом (Л.В. Собинов) и Малом (А.И. Сумбатов-Южин) театрах⁷³, требовавших «автономии» и лишь отчасти подчинявшихся Батюшкову. 25 апреля Головин сделал товарища председателя Ялтинского Исполнительного общественного комитета В.В. Келлера уполномоченным по управлению Ливадийскими дворцами. Наконец, обязанности уполномоченного комиссара по заведованию делами Александровского дворца в Царском Селе, где содержалась под арестом императорская семья, 19 июля были возложены на коменданта этого дворца полковника Е.С. Кобылинского⁷⁴.

В то же время целый ряд руководителей учреждений, входивших ранее в состав МИДв, сохранили свои посты при Временном правительстве. К примеру, директора Эрмитажа гр. Толстого уволили лишь 1 сентября 1918 г.⁷⁵ Продолжали работать на занимаемых ранее должностях начальники дворцовых управлений: Петроградского – В.А. Комаров⁷⁶, Московского – кн. Н.Н. Одоевский-Маслов⁷⁷, Варшавского – К.М. Каменев⁷⁸; заведующие канцеляриями бывших императриц Александры Феодоровны и Марии Феодоровны гр. Я.Н. Ростовцов и А.А. Куломзин⁷⁹, заведующий придворным духовенством протопресвитер А.А. Дернов⁸⁰. Председатель Императорской Археологической комиссии граф А.А. Бобринский возглавлял её вплоть до июля 1918 г., когда, опасаясь репрессий, вынужден был эмигрировать во Францию⁸¹. М.Г. Ильин заведовал Кассой бывшего МИДв до её упразднения 20 сентября 1918 г.⁸² Заведующий Общим архивом МИДв К.Я. Грот продолжал руководить им и после того, как 1 июня 1918 г. подчинённое ему учреждение преобразовали во 2-е отделение I секции Единого государственного архивного фонда⁸³. С середины апреля 1917 г. по просьбе тяжело болевшего с ноября 1916 г. В.В. Щеглова

⁷² Гордеев П.Н. Смена руководства в государственных театрах после Февральской революции // Герценовские чтения 2011. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2012. С. 149–150.

⁷³ РГАЛИ, ф. 659, оп. 4, д. 700, л. 12; оп. 6, д. 146, л. 10; ф. 864, оп. 1, д. 1031, л. 26 об. С 31 марта они считались комиссарами этих театров.

⁷⁴ Приказы комиссара Временного правительства над бывшим министерством двора // Вестник Временного правительства. 1917. 29 апреля, 22 июля.

⁷⁵ РГИА, ф. 483, оп. 6/2863, д. 89, л. 64 об. Приказ по Отделу имуществ Республики Наркомпроса последовал 15 ноября 1918 г.

⁷⁶ Уволен приказом по Народному комиссариату имуществ Республики (далее – НКИР) 31 января 1918 г. (Там же, ф. 475, оп. 2, д. 216, л. 48).

⁷⁷ Уволен с 1 февраля 1918 г. приказом по Управлению московскими дворцами от 6 июня 1918 г. (ГА РФ, ф. Р-1056, оп. 1, д. 11, л. 18).

⁷⁸ Уволен с 1 января 1918 г. приказом по НКИР от 26 апреля 1918 г. (Там же, ф. 1261, оп. 1, д. 9, л. 313).

⁷⁹ Оба уволены приказами по НКИР 22 марта 1918 г. (РГИА, ф. 525, оп. 3, д. 539, л. 115–116 об.).

⁸⁰ Уволен с 29 марта 1918 г. приказом по НКИР от 23 апреля (Там же, ф. 483, оп. 6/2863, д. 89, л. 31).

⁸¹ Императорская Археологическая комиссия. (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Под ред. Г.В. Длужневской, А.Е. Мусина, Е.Н. Носова, И.Л. Тихонова. СПб., 2009. С. 1067–1080.

⁸² РГИА, ф. 483, оп. 1 (вн. оп. 2/2285), д. 28, л. 307–307 об.

⁸³ Китлова Е.А. История Общего архива Министерства Императорского Двора: 1869–1918 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 20; Копылова О.Н., Хорхордина Т.И. «Спасены архивные дела, фактически спасены от гибели». Из протоколов руководящих органов управления архивным делом в 1918–1928 гг. (1918–1919 гг.) // Отечественные архивы. 2010. № 4. С. 85, 90.

обязанности заведующего Собственными его величества библиотеками временно исполнял его помощник В.В. Гельмерсен. Только 1 августа 1918 г. приказом по НКИР он был назначен (с 1 июня 1918 г.) «заведывающим библиотеками Комиссариата» вместо скончавшегося ещё 1 июня 1917 г. Шеглова⁸⁴.

Острой проблемой для служащих Комиссариата стало вселение различных учреждений в помещения бывшего придворного ведомства. К лету 1917 г. в домах, принадлежавших бывшему МИДв в Петрограде, расположились Георгиевский комитет (набережная Мойки, 18), Убежище пострадавших воинов (Захарьевская, 17) и Комиссия по расследованию германских зверств (часть особняка Канцелярии МИДв на набережной Фонтанки, 20). Кроме того, верхний этаж здания Капитула орденов (Гагаринская, 6) был занят под общежитие солдат-делегатов с фронта⁸⁵. Претендовали на площади бывшего МИДв и органы городского самоуправления Петрограда, и М.В. Родзянко, желавший получить дома 52 и 54 на Шпалерной улице «в ведение Государственной думы»⁸⁶. Летом Временное правительство распорядилось отдать Министерству продовольствия Аничков дворец (там размещались тогда Кабинет его величества и квартиры 49 чиновников, в основном – гофмаршальской и придворной конюшенной частей, а также Канцелярии императрицы Марии Феодоровны) и произвести отчуждение для нужд Учредительного собрания домов 52 и 54 по Шпалерной улице, где проживали 24 семьи представителей придворного духовенства и находились 33 квартиры служащих Петроградского дворцового управления и Эрмитажа, положение которых стало критическим⁸⁷.

19 августа Головин созвал «Особое Совещание по вопросу о распределении помещений в зданиях, подведомственных б[ывшему] Министерству двора». В нём приняли участие начальник Петроградского дворцового управления В.А. Комаров, заведующий зданиями и служительскими командами Аничкова дворца И.Н. Анненков⁸⁸, временно исполняющий обязанности управляющего Кабинетом Н.Э. Рюдман, заведующий хозяйством Гофмаршальской части М.М. Аничков, начальник Управления Аничковым дворцом П.А. Ерехович, директор Эрмитажа гр. Д.И. Толстой, уполномоченный по Придворной конюшенной части Е.А. Френкель и представитель придворного духовенства протоиерей А.М. Белавин. Они признали необходимым расселить служащих, проживавших в Аничковом дворце, на дачах Петроградского дворцового управления, предоставить чинам дворцовой полиции арендованную ещё в 1916 г. квартиру по памятному адресу Мойка, 12, просить правительство не отчуждать дом 54 на Шпалерной, отказать Управлению военно-воздушного флота в ранее обещанном Головиным вселении в одно из зданий придворного ведомства (Миллионная, 11). Также совещание приняло резолюцию: «1) предоставить д. № 12 по Мойке для квартир служащих в Канцелярии б[ывшей] Императрицы Марии Феодоровны; 2) просить г. комиссара над б[ывшим] Министерством двора сделать распоряжение начальнику Петроградского дворцового управления о выселении, всеми имеющимися в распоряжении б[ывшего] Министерства двора законными

⁸⁴ РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 3а, л. 247–248, 635–637; ф. 483, оп. 6/2863, л. 89, л. 57.

⁸⁵ ГА РФ, ф. 1907, оп. 1, д. 4, л. 10; д. 10, л. 1.

⁸⁶ РГИА, ф. 1278, оп. 10, д. 9, л. 121–121 об., 288–289 об.; О дворцовых помещениях // Новое время. 1917. 17 марта.

⁸⁷ ГА РФ, ф. 1907, оп. 1, д. 3, л. 60; д. 4, л. 1–3.

⁸⁸ С 30 июня по 12 августа Анненков заменял бывшего в отпуске Комарова, а с 6 июля по 17 августа также временно исполнял должность коменданта Зимнего дворца (РГИА, ф. 474, оп. 1, д. 427, л. 12 об.).

мерами (вплоть до судебных) всех военных и частных организаций, занимающих ныне помещения б[ывшего] Министерства двора; 3) освобождённые таким образом квартиры предоставить для нужд б[ывшего] придворного духовенства, выселяемого из д. № 52 по Шпалерной улице, приспособив предварительно эти квартиры соответственно его требованиям и руководствуясь, при предоставлении этих квартир духовенству, прежде всего количеством семьи выселяемого лица»⁸⁹. Накануне, 18 августа, Ф.А. Головин письменно просил Н.С. Чхеидзе «оказать содействие» переводу общежития солдат-делегатов фронта «из здания Капитула орденов в какое-либо иное помещение»⁹⁰.

Головину был присущ определённый консерватизм в административных делах. Тем не менее в начале своей деятельности в Комиссариате он провёл, отчасти по инициативе своих подчинённых, ряд необходимых в условиях революции изменений. Так, 15 марта приказом № 5, по предложению Ереховича, Управление Собственным его императорского величества дворцом было переименовано в Управление Аничковым дворцом⁹¹. 11 и 18 марта «охранные унтер-офицерские команды» бывших императорских дворцов превращались приказами № 3 и № 6 в команды их сторожей⁹². С 27 марта приказом № 10 полицеймейстеры дворцов и дворцовых управлений получали статус «заведывающих зданиями и служительскими командами дворцов или дворцовых управлений, с сохранением всех прежних служебных прав и обязанностей, а также положенного по штату содержания»⁹³. 6 апреля Головин переименовал Придворный оркестр в Государственный (приказ № 12), 31 мая лакеев — в комнатных служителей (приказ № 35)⁹⁴. Любопытно, что эти приказы, в отличие от многих других, не публиковались в «Вестнике Временного правительства» — вероятно, привлекать общественное внимание к мимикрии бывшего придворного ведомства считалось излишним.

Нежелание Головина заниматься революционным правотворчеством и его верность букве закона проявились в реакции комиссара на прошение, поданное 12 марта известным художником Л.О. Пастернаком (отцом знаменитого поэта), который с 1894 г. служил преподавателем в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, но, будучи иудейского вероисповедания, не имел права поступать на государственную службу и соответственно не мог претендовать на пенсию, поскольку числился работающим по вольному найму. Ссылаясь на отмену конфессиональных ограничений, Пастернак ходатайствовал о зачислении его на службу с момента фактического её начала, т.е. с 1894 г. В Канцелярии бывшего МИДв составили по этому поводу две справки: в первой указывалось, что соответствующий закон правительством ещё не принят, а во второй, подготовленной уже после публикации 22 марта постановления «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», допускалась возможность удовлетворить желание Пастернака «при наличии в названном Училище свободной преподавательской вакансии», однако и в этом случае определение его на службу «могло бы состояться лишь *со дня распубликования упомянутого закона об отмене сословных и иных ограничений* (слова, выделенные курсивом,

⁸⁹ ГА РФ, ф. 1907, оп. 1, д. 2, л. 79–80 об.; д. 4, л. 8–10, 12.

⁹⁰ Там же, д. 10, л. 1–1 об.

⁹¹ РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 1, л. 14; д. 3а, л. 6.

⁹² Там же, д. 1, л. 4, 16.

⁹³ Там же, л. 21.

⁹⁴ Там же, л. 24, 74.

в тексте подчеркнуты. — *П.Г.*)⁹⁵. 6 апреля приказом Головина художник был назначен преподавателем училища с 22 марта 1917 г.⁹⁶

Подобный ответ не устроил ни Пастернака, ни его коллег по училищу. Однако, несмотря на четыре (!) обращения к Головину администрации училища (29 марта, 19 апреля, 27 мая, 9 июня⁹⁷), поддержанной 12 июня Советом Московского художественного общества⁹⁸, и два письма, отправленных 22 апреля и 16 июня самим Пастернаком, выражавшим «всю горечь обиды, верю невольной, а также недоумения» и призывавшим «не отказать в акте справедливости»⁹⁹, комиссар своей позиции не изменил. 14 июля Канцелярия бывшего МИДв, отвечая художнику и его московским коллегам, с сожалением констатировала отсутствие возможности «удовлетворить означенное ходатайство, так как закон об отмене сословных и вероисповедных ограничений обратной силы не имеет», а комиссар «не признал возможным со своей стороны возбудить перед Временным правительством ходатайство о допущении для Л.О. Пастернака единичного изъятия из существующих законоположений»¹⁰⁰.

Общественный вес Головина, неформальное знакомство Макарова с Керенским, масонские связи руководителей Комиссариата, а также размещение его резиденции в Зимнем дворце обеспечивали известную степень политического влияния. Уже в эмиграции Макаров вспоминал, что ему «каждый день приходилось говорить и спорить о судьбах России» с Головиным и у обоих даже «выработалась привычка записывать наши предположения о будущих событиях»¹⁰¹. 27 августа, во время корниловского выступления, посовещавшись в Зимнем дворце с В.В. Вырубовым, Ф.Ф. Кокошкиным и П.П. Юреневым, Головин и Макаров решили вдвоём подняться к Керенскому, находившемуся этажом выше, и настоять на том, чтобы он принял М.В. Алексева и П.Н. Милюкова и согласился на их посредничество в переговорах с Корниловым. Министр-председатель поначалу встретил это предложение «крайне недружелюбно», но в итоге, «благодаря спокойному тону Головина», всё-таки с ним согласился¹⁰².

Руководители Комиссариата также могли влиять на положение арестованной царской семьи. Конечно, её судьба оставалась в руках Временного правительства, но Комиссариатом регулировалось и обеспечивалось множество бытовых мелочей, связанных с повседневной жизнью Николая II и его близких. Головин уже давно лично знал императора, которому в 1907 г. несколько раз докладывал о деятельности Думы. «Николай II — плохая копия дурных свойств Александра I..., — утверждал Фёдор Александрович в очерке, написанном в 1912 г. — по природе хитрый, двуличный и трусливый, он охотно готов свалить на голову другого ненависть народа, возбуждаемую его собственной внутренней политикой»¹⁰³. Мнение самодержца, кстати, оказалось столь же категоричным: после разговора с председателем Думы в 1907 г. царь в письме

⁹⁵ Там же, д. 3а, л. 8–11.

⁹⁶ Приказы комиссара Временного правительства над бывшим министерством двора и уделов // Вестник Временного правительства. 1917. 15 апреля.

⁹⁷ РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 3а, л. 12–12 об., 17–17 об., 21–23.

⁹⁸ Там же, л. 24.

⁹⁹ Там же, л. 18, 25.

¹⁰⁰ Там же, л. 26–27.

¹⁰¹ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 465, л. 37.

¹⁰² Там же, л. 33–36.

¹⁰³ Головин Ф.А. Записки // Красный архив. 1926. Т. 19. С. 125.

к матери характеризовал своего собеседника как «nullité complète»¹⁰⁴. Макаров до революции придерживался весьма радикальных взглядов, был близок к эсерам и состоял в дружеской переписке с Б.В. Савинковым, за встречу с которым сидел с февраля по апрель 1911 г. в Петропавловской крепости¹⁰⁵. Подобное прошлое, казалось бы, не располагало к хорошим отношениям между свергнутым монархом и руководством Комиссариата.

Поначалу Головин действовал очень осторожно, сверяя свои шаги с позицией министров. Так, 21 марта на заседании Временного правительства рассматривалось доложенное Набоковым представление комиссара «О преподавании указаний Гофмаршальской части по вопросу о дальнейшем отпуске продовольствия отрекшемуся от престола императору Николаю II, супруге его и детям, вдовствующей государыне Марии Фёдоровне, а также пользовавшейся до сих пор продовольствием их свите, комнатной прислуге, придворно-служителям и служителям бывшего Высочайшего двора». Министры решили, что Головину следует самому «преподать указания» своим подчинённым «впредь до новых по этому предмету распоряжений Временного правительства»¹⁰⁶.

Как пишет И.В. Зимин, «в определении судеб царской собственности именно Фёдору Александровичу Головину предстояло сыграть важную роль»¹⁰⁷. Именно от него МИД получил точные сведения о размерах зарубежных капиталов Николая II. Деликатность данной информации состояла не в размерах этих сумм, отнюдь не баснословных (всего 16 522 347 руб. 65 коп.), а в том, что ещё со времён революции 1905 г. они размещались на счетах немецких банков (12 862 978 руб. 24 коп. — в Германском имперском банке, 3 659 369 руб. 41 коп. — в банкирском доме «Мендельсон и К^о»)¹⁰⁸. Когда в начале 1918 г. народный комиссар имуществ Республики В.А. Карелин заинтересовался действиями Канцелярии императрицы Александры Фёдоровны, продолжавшей выдачу средств (как царской семье, так и тем, кому Романовы платили пенсии и пособия) из «собственных капиталов», выяснилось, что «все расходы из упомянутых капиталов со времени Февральской революции производились каждый раз не иначе как с разрешения б[ывшего] комиссара Временного правительства Головина»¹⁰⁹. Свою позицию глава Комиссариата выразил в марте в одном из интервью, оговорив, что решающее слово — за Учредительным собранием: «Земли, принадлежащие членам семьи бывшего царя на правах частной собственности, подвергнутся той же участи, какой подвергнутся частновладельческие земли... Капитал царской фамилии, вероятно, конфискован не будет. Уделы же и многие дворцы, составлявшие не личную собственность Николая II, а принадлежавшие ему, как императору, перейдут к государству, просто потому, что теперь нет царя. Чтобы дать возможность бывшей царской семье существовать, будет выработан особый цивильный лист, который будет представлен на утверждение Учредительного собрания»¹¹⁰.

¹⁰⁴ Полное ничтожество (фр.). Цит. по: *Маклаков В.А.* Вторая Государственная дума. Л., 1991. С. 77.

¹⁰⁵ *Гордеев П.Н.* Павел Макаров — архитектор, масон, революционер // *Родина*. 2015. № 11. С. 108.

¹⁰⁶ Журналы заседаний Временного правительства... С. 155.

¹⁰⁷ *Зимин И.В.* Царские деньги: доходы и расходы Дома Романовых. Повседневная жизнь Российского Императорского Двора. М.; СПб., 2011. С. 479.

¹⁰⁸ ГА РФ, ф. 1907, оп. 1, д. 1, л. 10—12 об., 18; *Зимин И.В.* Указ. соч. С. 337—350.

¹⁰⁹ РГИА, ф. 525, оп. 3, д. 539, л. 118 об.

¹¹⁰ Ликвидация министерства двора // *Русская воля* (вечерний выпуск). 1917. 24 марта.

27 марта Головин сообщил кн. Львову о том, что им «образована особая юридическая комиссия для рассмотрения вопросов, связанных с необходимостью разграничить личное имущество отрекшегося б[ывшего] императора Николая II и членов его семьи от имущества государственного, в состав коей мною приглашены В.А. Маклаков, в качестве председателя, и членами: А.А. Демьянов, Ф.А. Вальтер, барон Б.Э. Нольде, А.Я. Гальперн, В.В. Исаченко и К.К. Дымовский; кроме того, от Совета рабочих и солдатских депутатов вошли М.Ю. Козловский и В.Н. Крахмаль¹¹¹»¹¹². Вероятно, выделение движимой собственности царской семьи оказалось настолько сложной задачей, что потребовало создания ещё одной комиссии, созданной комиссаром 16 сентября под председательством Макарова. В ней большинство составляли уже представители Комиссариата¹¹³.

По своим служебным обязанностям помощник комиссара общался с царской семьёй особенно близко: контролировал работу Канцелярии бывшей императрицы Александры Феодоровны, вскрывал письма, адресованные Николаю II, безуспешно пытался добиться поселения августейших узников в Ливадии, а затем сопровождал их в Тобольск, уговорив Керенского разрешить снабжение ссыльных вином¹¹⁴. В своих неопубликованных воспоминаниях, написанных в эмиграции, Макаров отзывался о семье свергнутого монарха вполне комплиментарно¹¹⁵.

Тем временем осенью 1917 г. чиновники бывшего МИДв активно занялись преобразованием Комиссариата в «нормальное» ведомство. Со 2 октября действовало созданное Головиным «Совещание по пересмотру штатов бывшего Министерства двора». На первом же его заседании председательствовавший начальник Канцелярии бывшего МИДв кн. Гагарин «заявил о необходимости пересмотра штатов дворцовых управлений в связи с предполагаемым преобразованием б[ывшего] Министерства двора в Главное управление государственных художественных имуществ и учреждений»¹¹⁶. Члены Совещания собирались пять раз (2, 19 и 24 октября, 24 ноября и 4 декабря), обсудив штаты и будущее положение дворцовых управлений, Эрмитажа, Русского музея, Археологической комиссии, Академии художеств, Управления государственными театрами, Государственного оркестра, Кассы и Общего архива бывшего МИДв, бывших придворных конюшенной и медицинской, а также гофмаршальской частей, Гаража его величества, бывших Собственных его величества библиотек и придворного духовенства. На заседаниях присутствовали их начальники, а также временно исполнявший обязанности управляющего Кабинетом Рюдман (кроме 4 декабря)¹¹⁷, оставленный за штатом бывший начальник Контроля МИДв Фёдоров и помощник начальника Канцелярии бывшего МИДв Р.А. Штакельберг. Председательствовал неизменно кн. Гагарин¹¹⁸.

¹¹¹ Так в тексте; имеется в виду В.Н. Крохмаль.

¹¹² ГА РФ, ф. 1778, оп. 1, л. 300, л. 23.

¹¹³ РГИА, ф. 472, оп. 66, л. 607, л. 8.

¹¹⁴ Там же, ф. 525, оп. 3, л. 540, л. 1, 9; ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, л. 465, л. 27–28, 44–52.

¹¹⁵ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, л. 465, л. 48–50. Благожелательное отношение Макарова к царской семье подтверждается и другими источниками: *Боткина Т.Е.* Воспоминания о Царской семье // Царский лейб-медик: жизнь и подвиг Евгения Боткина / Сост. О.Т. Ковалевская. СПб., 2011. С. 339.

¹¹⁶ РГИА, ф. 482, оп. 10, л. 1337, л. 1.

¹¹⁷ Там же, л. 13.

¹¹⁸ Там же, л. 1–14.

В результате был разработан «Проект штатов Главного управления государственных художественных имуществ и учреждений», согласно которому должности его главноуправляющего присваивался II класс, причём жалование ему назначалось «по особому постановлению Временного правительства», тогда как его товарищу (III класс) полагалось 15 тыс. руб. в год. Главное управление состояло из административного и хозяйственного управлений (другие в проекте не упоминались). Начальник административного управления (IV класс) должен был получать 12 тыс. руб. жалования и столовых, его помощник (V класс) — 8 тыс. руб. Им подчинялось четыре отдела — инспекторский и пенсионный; художественных учреждений; юрисконсульская и секретарская части (в них по штату предусматривалось 15, 15, 5 и 9 чиновников соответственно). Структура Хозяйственного управления в проекте столь подробно не расписывалась¹¹⁹. В целом штаты и функции Административного управления соответствовали прежним размерам и обязанностям Канцелярии МИДв, до войны насчитывавшей 50 служащих¹²⁰. Хозяйственное управление, по-видимому, должно было заменить Хозяйственный отдел Кабинета (оставшийся, в отличие от Земельно-заводского отдела, в составе Комиссариата). Кроме того, сохранился недатированный проект «Положения о Совете по делам искусств», который предполагалось образовать «при главноуправляющем государственными художественными имуществами и учреждениями»¹²¹.

Имена главноуправляющего и его товарища в документах «Совещания по пересмотру штатов», разумеется, не назывались. Однако, в отличие от так и не созданного Министерства искусств, во главе которого, по общему мнению, должен был встать деятель творческой профессии, управление, призванное заведовать «имуществами и учреждениями», вполне мог возглавить и Головин. Характерно, что, в отличие от бурно обсуждавшихся весной проектов, «перестроение» Комиссариата в новое Главное управление готовилось без какой-либо огласки.

Разработанный Совещанием проект стал своеобразным итогом деятельности Головина на посту комиссара. Не сумев договориться с деятелями искусства из Комиссии Горького и Особого совещания, требовавшими радикальной реформы бывшего придворного ведомства, он доверил подготовку преобразования начальникам отдельных частей Комиссариата, большинство из которых долго служило в МИДв. Неудивительно, что они постарались максимально, насколько это было возможно в условиях революции, сохранить структуру (а вероятно, и личный состав) своих учреждений.

Падение Временного правительства перечеркнуло эти замыслы. Ещё в середине октября Головин уехал в Москву, где и остался после большевистского переворота, поручив 4 ноября временно исполнять обязанности комиссара Временного правительства над бывшим МИДв Рюдману, который до 30 ноября продолжал подписывать приказы по ведомству¹²². При этом, переписываясь с Рюдманом и Батюшковым, Головин вплоть до декабря пытался принимать участие в делах Комиссариата¹²³.

¹¹⁹ Там же, л. 15–16.

¹²⁰ Там же, ф. 472, оп. 66, д. 595, л. 59.

¹²¹ Там же, оп. 50, д. 1663, л. 62.

¹²² Там же, оп. 58 (15 доп.), д. 1, л. 134–137.

¹²³ *Гордеев П.Н.* Председатель II Государственной думы Ф.А. Головин. С. 180–188.

Между тем народный комиссар по просвещению А.В. Луначарский, уже 30 октября назвавший себя в приказе «временно получившим в своё заведование бывшее дворцовое ведомство»¹²⁴, также начал издавать распоряжения, а 2 декабря объявил об увольнении Рюдмана и назначении своего помощника Ю.Н. Флаксермана «временным полномочным комиссаром» по «ведомству бывшего кабинета царя и центральному ведомству бывшего министерства двора»¹²⁵. До поры до времени приказы Луначарского игнорировались служащими, участвовавшими, наряду с чиновниками других учреждений, в пассивном сопротивлении большевистской власти. Выразилось оно во вступлении в ноябре в «Союз союзов служащих государственных учреждений»¹²⁶ и в организации собственного «Союза служащих в установлениях бывшего Министерства двора», устав которого 17 декабря рассматривался на «Учредительном собрании служащих б[ывшего] Министерства двора по утверждению устава Союза служащих названного министерства»¹²⁷.

В декабре начались переговоры между делегатами от чиновников ведомства и Луначарским, Флаксерманом и народным комиссаром имуществ Республики Карелиным¹²⁸. Любопытно, что за исключением Батюшкова, ставшего организатором и лидером сопротивления большевикам в государственных театрах и избранным председателем Делегатского собрания служащих бывшего МИДв, все остальные руководители, игравшие видную роль в то время — Рюдман, начальник Петроградского дворцового управления Комаров, избранный председателем Учредительного собрания служащих б[ывшего] Министерства двора, чиновник Контроля МИДв И.М. Логинов, назначенный 4 ноября предпоследним приказом Головина временно исполняющим обязанности уполномоченного по Царскосельскому дворцовому управлению (вместо «отъехавшего» барона Штейнгеля) и ставший одним из основных переговорщиков с большевиками¹²⁹ — были типичными «царскими слугами», далёкими от «политики». Так, Рюдман, родившийся в 1866 г. и в 1889 г. окончивший юридический факультет Санкт-Петербургского университета, состоял на службе в МИДв с 1890 г. — начав карьеру со скромных должностей контролёра и бухгалтера, он с 1905 г. являлся помощником управляющего Кабинетом и руководил его Хозяйственным отделом¹³⁰. Практически все, кого привёл в Комиссариат Головин, как и он, покинули свои посты. В числе последних из Петрограда и Гатчины уехали Френкель и Голубков, 20 и 30 ноября Рюдман передал их полномочия подполковнику А.Г. Болину и полковнику А.К. фон Рейеру¹³¹. Как ни парадоксально, но в дни «саботажа» бюрократы, долго служившие императору, оказались для большевиков более приемлемыми переговорщиками, чем ставленники Временного правительства.

¹²⁴ Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы. В 3 т. Т. 1. М., 1966. С. 419.

¹²⁵ Луначарский А.В. Приказ // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. 5 декабря.

¹²⁶ РГИА, ф. 472, оп. 66, д. 611, л. 1–4.

¹²⁷ Там же, л. 6–9 об.; д. 615, л. 4–8 об.

¹²⁸ Там же, д. 611, л. 23–30, 36–45; Постановления Ц. И. К. // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. 15 декабря.

¹²⁹ РГИА, ф. 472, оп. 66, д. 615, л. 4; оп. 58 (15 доп.), д. 1, л. 132; ф. 482, оп. 6, д. 423, л. 1–27.

¹³⁰ Там же, ф. 482, оп. 6, д. 489, л. 1–4; ф. 1343, оп. 28, д. 4039, л. 7–21; ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 3, д. 24099, л. 1, 63; д. 62014, л. 11–24.

¹³¹ РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 1, л. 135, 137.

Фактическое подчинение ведомства новой власти произошло в конце декабря 1917 – начале января 1918 г. При участии делегата от служащих центральных установлений бывшего МИДв удалось сформулировать условия, при которых могла продолжаться их деятельность. 29 декабря они были подписаны Карелиным и Флаксерманом. 2 января 1918 г. Батюшкова силой отстранили от руководства государственными театрами. Наконец, 4 января постановлением по НКИР была упразднена Канцелярия бывшего МИДв¹³². Остальные «установления» Комиссариата перешли в ведение Народного комиссариата имуществ Республики.

Таким образом, возникший 8 марта 1917 г. Комиссариат Временного правительства над бывшим Министерством двора до конца оставался уникальным государственным учреждением, так и не получившим какого-либо определённого статуса. Ни весенние оживлённые дискуссии о создании «Министерства искусств», ни бюрократические проекты, без всякой огласки составлявшиеся осенью, не изменили его временного, переходного характера.

¹³² Там же, оп. 66, л. 611, л. 45; ЦГАЛИ СПб., ф. 29, оп. 1, д. 74, л. 1–2; *Бертенсон С.Л.* Вокруг искусства. Холливуд, 1957. С. 242–243.

Братание идеи со штыком. Политико-культурные смыслы Великой российской революции

Татьяна Филиппова

Marriage of an idea with a bayonet: Political and cultural meanings of the Great Russian Revolution

*Tatiana Filippova (Institute of Russian History and Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

Именно так, «братанием идеи со штыком», определял культурный смысл революций западный исследователь Л. Питер, подчёркивая тем самым парадоксальность и драматизм момента – готовность революционного духа к самоутверждению ценою насилия над плотью. Но можно ли говорить о культурных смыслах революции, на деле попирающей гуманистические основания человеческой культуры как таковой?

Главную ценностную коллизию Великой российской революции 1917 г. можно увидеть как взаимную ответственность культуры перед обществом и общества перед культурой в условиях краха прежних политических,

нравственных, идейных, эстетических ориентиров и ускоренного формирования новых. Понятие *политической культуры* – при всей его полемичности и неоднозначности – представляется ключевым для понимания дихотомии момента: культура в революции, революция в культуре. В этом смысле важно определить, в какой степени сама политическая культура (или *культуры*) интегрировала характеристики культурного пространства, в котором непосредственно проявляла себя революционная реальность эпохи.

«Смыслы открываются завтра», – любил повторять философ-постструктуралист Ж. Лакан. Постараемся наметить некоторые «вчерашние» смыслы Великой российской революции, не потерявшие значения и сегодня.

Преимственность или разрыв? Множественность трактовок

В самом начале 1917 г. А. Аверченко написал небольшой рассказик «Добрые калифорнийские нравы». В нём – отчаянная мечта типичного российского обывателя, измученного повседневными трудностями военного времени и бесправием перед лицом официальной власти, вороватых торговцев, хамовой obsługi, бессердечных банкиров...

...И чудится обывателю – словно он в Новом Свете! – в клубах пыли скачут по улицам российской столицы «несколько всадников с мрачными лицами» – представители «Комитета общественной безопасности». И вот уже у дверей бакалейной лавки булочнику объявляют суровый, но справедливый приговор – за непропечённый хлеб, проданный на « $1\frac{1}{2}$ копейки более против таксы». «Пара пистолетов и тонкая волосяная верёвка, перекинута через сук ближайшего дерева», быстро восстанавливают социальную справедливость. То же происходит и с ненавистным извозчиком, потребовавшим с «седока рубль за конец с Литейного театра в Троицкий». А потом приходит черёд и выжиги-банкира. В ответ на его отчаянный вопль: «Вы не смеете меня брать, нет такого закона», – предводитель нагнул с взмыленного коня и заглянул прямо в глаза банкиру. «Нет, есть такой закон, холодно сказал он. Калифорнийский закон, закон Линча!»¹.

Остроумнейший человек своей эпохи, писатель-сатирик точно выразил психологический настрой значительной части российского общества накануне революции. Обострённое (и оскорблённое!) чувство справедливости перед лицом бед и лишений, жажда мести опостылевшему режиму Романовых, предвкушение воздаяния всему укладу прежней жизни сплелись в болезненный клубок эмоций, настроений и ожиданий, получив в тот исторический момент редкую возможность – напрямую воздействовать на сферу политического. Десятилетия глубоких академических штудий и напряжённых общественных поисков формулы «новой гражданственности», «подлинного законопорядка», «либерального правосознания», трудный опыт подготовки реформ для общества и общества к реформам – вся мучительно долгая работа над эволюционным преобразованием России будет сметена стремительным прорывом архаической идеи *возмездия* прежнему миру – здесь и сейчас. Пройдёт немного времени, и уцелевшие остатки «старого общества» придут в ужас от того, чем на деле обернётся «революционная законность», с быстротой и неумолимостью суда Линча прокладывавшая дорогу новому «порядку» по трупам реальных и мнимых противников.

¹ *Аверченко А.* Караси и шуки (Рассказы последнего дня). Пг., 1917. С. 67–68.

И тогда уже не деморализованная революционной реальностью интеллигенция, а «широкие массы трудящихся» получают свой шанс «восстановить историческую справедливость» — в меру собственного разума или неразумия. Деграция самого дискурса «справедливости» до уровня ветхозаветного «око за око» станет одним из самых наглядных явлений революционной политической культуры, захватывавшей всё новые социальные и этнические слои. До тех пор, пока власть большевиков не найдёт путей укрощения стихии масс в новых формах организованного, государственного насилия.

Разговор о терминах в применении к понятию «политическая культура» — не формальная дань академизму, а попытка обозначить познавательную рамку объекта исследовательского интереса. Это понятие, имея в современной науке множество трактовок, возвращает к «человеческому измерению» политического, подразумевая субъективное восприятие людьми политических явлений и событий, их реагирование действием (или бездействием) на важнейшие вызовы времени².

Современное (наиболее интегральное, признанное в мировой политологии и политической философии XX–XXI вв.) понимание политической культуры восходит к классическим определениям американских исследователей Г. Алмонда и С. Вербы, сделавших в 1960-х гг. вывод о том, что каждая политическая система покоится на своеобразной структуре ориентаций относительно политического действия. Сама же политическая культура — есть только проявление того, как люди воспринимают политику и интерпретируют увиденное, а потому непременно включает поведенческие ценности и стереотипные образцы³. Иными словами, если согласиться с максимой, что «политика — искусство возможного», то политическую культуру можно интерпретировать как стиль этого искусства. Вот почему трактовки и оценки характера той или иной политической культуры находятся вне определений «развитая» — «неразвитая», лишь отсылая к историческому своеобразию, «возрасту», стадийности и преемственности (или разрыву) в транслировании тех или иных её черт.

Сказанное особенно важно учитывать, обращаясь к российскому культурному ландшафту 1917 г., ставшему пространством небывалых революционных перемен. Опыт последующих десятилетий научного освоения политико-культурной тематики подтвердил справедливость мнения: политическая культура не означает степень «окультуривания» общества по мере продвижения его по пути цивилизации и в этом смысле не сводима к просвещенческой линии. Речь идёт в каждом случае о выявлении особого характера актуального социопсихического, интеллектуального, административного, военно-политического и прочего реагирования на изменение условий существования общества.

² Термин «политическая культура» был впервые введён в оборот немецким мыслителем И. Гердером (1744–1803) в связи с анализом истории еврейского народа: данное словосочетание употреблялось в контексте специфических особенностей богоизбранного народа, не позволивших создать ему собственную государственность. Однако в рамках данной проблематики основной для Гердера стала идея «народного духа» (*Volksgeist* — нем.), лишь отчасти соответствующая современным смыслам понятия «политическая культура» (*Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества*. М., 1997. С. 339, 368).

³ Almond G., Verba S. *The Civic Culture; Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton, 1963; Алмонд Г., Верба С. Буржуазные исследования политики, политической культуры и политических систем. М., 1985; Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Политические исследования. 1992. № 4. С. 117–134.

Четверть века назад, в самом начале горбачёвской эпохи, среди историков и политологов ведущих западных университетов развернулась дискуссия на тему политико-культурной идентичности Руси–России–СССР. Сутью её был спор на тему: существует ли некий неизменный генный код, свойственный российской политической культуре, постоянно воспроизводящий её историческое своеобразие вопреки революционным сломам? Или же в случае с Россией имеет место периодический разрыв преемственности, а следовательно, политическая культура феодальной Руси, императорской России и Советского государства – явления принципиально разного порядка?

«Застрельщиком» дискуссии стал историк-медиевист Э. Киннан, выступивший в 1986 г. на страницах журнала «Russian Review» с яркой интеллектуальной провокацией⁴. Суть его тезиса сводилась к утверждению, что политическая культура Руси–России–СССР отличается удивительным постоянством. Её главные составляющие – принципиальная монологичность и функциональная «закрытость» от внешнего мира. В практике государственного менеджмента это означает, что (вне зависимости от политического режима и социального строя) власть не нуждается в диалоге с обществом. Она общается с ним в режиме монолога, не ищет «обратной связи» и допускает для внешнего пользования (общения с соседями) лишь тот образ страны и государства, который сама создаёт и продвигает вовне. Это политическая культура-интроверт, закрытая, «молчаливая» система («silent Muscovy») тем и сильна, ибо любые внешние изменения способна поставить себе на службу, дабы воспроизводить себя, придерживаясь неизменного типа реагирования на вызов времени.

Если учесть, что эта статья появилась в самом начале «горбимании» на Западе, то становится очевидным её политический подтекст: не стоит ждать от Советов ничего принципиально нового. Обновлённый фасад по привычке закамуфлирует ту же архаичную конструкцию авторитарной закрытости, а значит, гарантирует торжество Традиции над Современностью.

Бурное несогласие с этими тезисами высказали практически все участники дискуссии, длившейся на страницах «Russian Review» более двух лет⁵. Причём позицией Киннана остались недовольны как «оптимисты», так и «пессимисты», т.е. и те, кто верил в способность Советского Союза осуществить либеральные реформы, и те, кто относился к подобной перспективе со скепсисом. Они подчёркивали, что при внешних признаках неизменной авторитарности государственной власти в России разные периоды её исторического развития имели свою специфику. Соотношение элементов демократии, гражданственности, сословного представительства и правосознания в общем поле государственного диктата было весьма подвижным и менялось в зависимости от вектора государственного целеполагания, степени ориентации на Запад, энергии мобилизационных рывков, личностных черт глав государства и их окружения, степени активности масс и проч.

Однако сам итог дискуссии оказался неожиданным для её участников. Выяснилось, что гуманитарии из США – страны, где на протяжении XX в. содержание понятия «политическая культура» являлось предметом углублённых научных штудий, не способны точно сформулировать параметры политико-культурного подхода к России на разных этапах её истории. Само явление (и объект исследования) почти невозможно было подвергнуть социологическому анализу

⁴Russian political folkways // Russian Review. 1986. Vol. 45. № 2. P. 115–181.

⁵См.: «The Silent Muscovy». The Roots of Russian Traditional Political Culture // Ibid. 1987. Vol. 46. № 2.

с помощью каких-либо формализующих критериев. Простая же описательность сводила всю проблему к банальностям на уровне «загадочной русской души» или «империи зла». Бурное развитие политических событий в последующие годы обеспечило обильный и противоречивый материал для исследователей, но, как представляется, придало ещё бóльшую неоднозначность проблемам выяснения «генного кода», «преемственности» и «разрыва» в политической культуре России на сломе эпох.

Не удивительно, что в последние годы в центр внимания западных исследователей снова попали политико-культурные сюжеты, связанные в том числе с тематикой 1917 г. как ключевого момента для фиксации своеобразия российского исторического процесса⁶.

Коллективный труд отечественных и зарубежных историков, посвящённый культурной проблематике в рамках масштабного международного проекта о «Великой войне и Великой революции в России», наглядно характеризует современное состояние изученности политико-культурной реальности революции как пространства фрагментированного, но яркого и насыщенного, всё ещё ожидающего анализа и обобщения⁷.

Не менее показательным представляется и переиздание (уточнённое и дополненное) в России «Критического словаря Русской революции: 1914–1921», закономерно отразившего объёмное, внутренне противоречивое, а потому polemичное восприятие в мировой исторической науке культурных смыслов 1917 г.⁸

Впрочем, о сложности данной проблематики в целом, а также о том, что типы политической культуры (культур) — это не «хорошо» и не «плохо», ибо оценка их требует соотнесения с определённой исторической контекстуальностью, догадывались в России уже в начале XX в. Причём не только философы и историки, но и журналисты. О многозначности понимания культуры, в том числе и политической, свидетельствует популярная тогда злая и самокритичная шутка, бытовавшая в предвоенной печати. На вокзале в Берлине таможенник интересуется у российского студента, мол, зачем тот едет в Европу. И тот отвечает: «культуры» изучать — Англии, Франции, Германии. На аналогичный вопрос, заданный приехавшим в Россию европейским студентам — англичанину, французу и немцу, уже петербургский таможенник получает ответ: «культуры» изучать — холеры, тифа, оспы⁹...

Не используя, как правило, самого термина, общественные деятели и политические мыслители России обосновывали свои размышления о *желательности* перемен и *готовности* масс к ним именно соображениями политико-культурного порядка¹⁰. Здесь-то и начинаются трудности.

Утвердившееся в современной науке разделение политической культуры на типы предполагает наличие определённых векторов в системе координат их бытования: по исторической «вертикали» — архаическая, патриархальная,

⁶ См., например: *Steinberg M. Voices of Revolution*. New Haven, 2001; *Russia and Western Civilization. Cultural and Historical Encounters*. N.Y.; L., 2003; *Rendle M. The Symbolic Revolution // Revolutionary Russia*. 2005. № 1; *Heretz L. Russia on the Eve of Modernity: Popular Religion and Traditional Culture Under the Last Tsar*. Cambridge, 2008; *Smish D. Former People. The Final of the Russian Aristocracy*. N.Y., 2012.

⁷ См.: *Russian Culture in War and Revolution, 1914–22*. В. 2. Bloomington, 2014.

⁸ Критический словарь Русской революции: 1914–1921 / Сост. Э. Актоп, У.Г. Розенберг, В.Ю. Черняев. СПб., 2014.

⁹ Новый Сатирикон. 1913. № 2. С. 6.

¹⁰ *Шелохаев В.В. Либеральный проект: цена и ценность // Вестник актуальных прогнозов. Россия: Третье тысячелетие*. 2004. № 12. С. 78–79.

подданническая, активистская, тоталитарная, культура гражданского участия и т.д., по идейной «горизонтالي» – демократическая, консервативная, либеральная и т.д. Эта типология применима в какой-то мере и к России, но она не всегда функциональна, ибо не учитывает такую особенность, как синхронное сосуществование в бытии российского социума стадияльно разных политико-культурных типов. Соответственно, и осмысление революционных событий в России, продолжавшей в начале XX столетия привычно существовать в разных политических временах (от патриархальной деревни до модерна городской жизни), происходило в формате стадияльно разных политических культур, параллельно – и кризисно! – сосуществовавших. Конфликтное наложение соответствующих этим культурам идейных ориентиров, реакций, практик и самочувствий способно многое объяснить в феномене русской революции.

Причины такого своеобразия – холизм традиционного общества, разрыв культуры «верхов» и «низов», различие «исторических возрастов» у множества этносов, населяющих страну, неодинаковые темпы модернизации отраслей экономики и социальной жизни, многообразное, противоречивое содержание «депо» исторической памяти народа и конфликтность культурных ассоциаций у разных слоёв общества. Все эти факторы опасно накапливались по мере ускорения исторического времени, что не могло не спровоцировать кумулятивный эффект острейшего кризиса. Одним из наиболее ярких его проявлений и стала Великая российская революция.

В применении к событиям 1917 г. политико-культурная оценка российской исторической специфики стала в последние годы объектом интересных дискуссий (явных и подспудных) в отечественной и мировой исторической науке, что отразилось в ряде ярких публикаций. В настоящий момент в центре полемики находится вопрос о приоритетности познавательных стратегий применительно к политической культуре революционного времени – обращение к «символьному» и «ритуалистическому» коду новой реальности¹¹; внимание к её «человеческой», «низовой» повседневности в психоисторическом измерении¹²; подход к анализу политико-культурных характеристик революции, исходя из нового прочтения самой природы институциональных, властных и общественно-политических явлений¹³. Подобная множественность исследовательских «оптик» видится явлением продуктивным и подчёркивает важную роль политико-культурной тематики в общем потоке исследований революционной темы.

¹¹ См.: *Уортман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. М., 2004; *Ямпольский М.* Революция как событие смысла // *Антропология революции. Сборник статей.* М., 2009; *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2012; *Колчинский Д.В.* Формы самовыражения массовой политической культуры в 1917 г. (по материалам Тамбовской губернии) // *Вестник Тамбовского государственного университета.* 2015. Вып. 3(143).

¹² См.: *Ширинянец А.А.* Вне власти и народа: Политическая культура интеллигенции России XIX–XX века. М., 2002; *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010; *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. Россия, 1914–1918. М., 2015.

¹³ См., например: *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996; *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск, 1998; *Ахиезер А.С.* Специфика российской политической культуры и предмета политологии. М., 2002; *Штырбул А.А.* Политическая культура Сибири: опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX в.). Омск, 2008; *Соловьёв К.* Очерки политической культуры имперской России (URL: <http://gefter.ru/archive/11650>; дата обращения: 16.05.2016).

Поиск формулы оптимального соотношения между «горизонтом ожиданий» и реальными возможностями (культурной готовностью к переменам) социума был типичен не только для России 1917 г., но и для любой государственности на пороге неизбежного слома. Об этом свидетельствует в том числе известная фраза государственного деятеля и историка викторианской Англии Т. Маколея: «Если рабы будут ждать свободы до тех пор, пока они не поумнеют, ждать придётся долго». Исторического времени на ожидание «зрелого» политико-культурного отношения масс к острейшим проблемам российской действительности в начале рокового 1917 г. уже не оставалось. По словам историка-очевидца, накануне революции провидевшего её перспективу, «Россия станет демократической республикой не потому, что выросла в своей массе до этой формы правления, а потому, что царизм в ней опозорен, и престолюдин потерял веру в святость царя»¹⁴.

Не только — а возможно, и не столько — объективные социально-экономические и военные обстоятельства следует считать причиной Великой революции. Свою разрушительную роль сыграли и трудно поддающиеся оценке политико-культурные факторы, насквозь проникнутые к тому же психопатологическими настроениями масс¹⁵. Ценностный кризис переходного в цивилизационном отношении периода «спроецировался» на ментальные и психологические области, порождая взаимное недоверие общества и власти, создавая ту атмосферу в правительственных кругах, которую современники характеризовали как «паралич воли, растерянность, потеря веры в себя»¹⁶. Неудивительно, что накануне Февраля на общий ход дел воздействовали не столько фактические призывы к свержению режима, сколько общая негативистская атмосфера по отношению к любым мероприятиям правительства, вылившаяся в итоге, по словам историка, в «социальное буйство»¹⁷.

Согласимся с исследователями, точно определившими роль личностного фактора как детонатора обострения общественно-политической ситуации накануне революции: «Российская политическая культура (читай: подданнического типа. — *Т.Ф.*) предполагает, что император должен уметь одновременно царствовать и командовать. Николай II не умел ни того, ни другого»¹⁸. В политико-культурном смысле этот момент отразил и более общую закономерность, сработавшую в той ситуации. Ведь протест против «гипертонии» авторитарно-бюрократического давления был характерен для культуры в целом — по причине гуманистического потенциала, присущего культуре как таковой. Сложнее обстоит дело с культурой политической. Носители её различных исторических типов (архаического, патерналистского, подданнического, гражданского участия и т.д.) во многом одинаково реагировали на кризис самодержавной государственности, но по-разному видели цели и способы слома старой власти, а также последующие социально-политические задачи, которые неизбежно пришлось бы решать социуму. Причём степень радикализма

¹⁴ Дубнов С.М. Книга жизни. Воспоминания и размышления (Материалы для истории моего времени). СПб., 1998. С. 386.

¹⁵ Булдаков В.П. Указ. соч. С. 65–67.

¹⁶ Зеньковский В.В. Пять месяцев у власти. Воспоминания. М., 2011. С. 57.

¹⁷ Булдаков В.П. Указ. соч. С. 351.

¹⁸ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Указ. соч. С. 397.

и протестного потенциала отнюдь не напрямую зависела от степени «правизны», «центризма» или «левизны» этих носителей.

Подобный парадокс частично объясняется тем известным фактом, что в России культура в целом (вполне независимо от её конкретных творцов) становилась, по пресловутой формулировке Ю.М. Лотмана, «культурой взрыва», культурой революции¹⁹, не исключая при этом и её контрреволюционного компонента²⁰. На одни и те же кризисные явления представители разных политико-культурных типов стремились дать свои (часто взаимоисключающие) ответы, исходя из собственного опыта или отсутствия такового, что, разумеется, лишь добавляло кризисности и непредсказуемости внутривнутриполитической атмосфере в стране.

Критически важным для понимания специфики политико-культурной ситуации момента было то, что социальные институты, общественные слои и политические объединения, считавшиеся опорой царского трона, т.е. носители прежней, подданнической культуры самодержавного имперства, не выступили в защиту свергаемого монарха, проявив на деле апатию и пассивность. Это, бесспорно, факт, имеющий не только социально-психологическое или идейное, но и политико-культурное значение. Можно сказать, что пресловутые «тёмные силы», вызывавшие такие опасения «передового общества» и такое буйство постфевральской риторики в демократической печати, блистательно проявили синдром «неучастия» в исторических судьбах «старого режима».

Поднятая революционным потоком волна архаизации политического сознания²¹ «вымывала» собственно «политическое» из него, переводя задачи создания нового государственно-правового каркаса в привычное русло поисков «врагов»²². Впрочем, в этом Революция 1917 г. не была оригинальна. Ещё во времена Великой французской революции «всякое событие осмыслялось как результат борьбы сил добра и зла, перенесённых с небес и из преисподней в сферу текущей политики». Причём, с точки зрения носителя такого сознания, «у несчастий, выпавших на долю отечества, не может быть объективных причин вроде плохой экономической конъюнктуры или, например, неурожая, но во всём, везде и всегда виноваты конкретные люди или группы»²³.

Именно поэтому, по мнению историка Ф. Фюре, уже современники Великой французской революции «испытывали настоятельную потребность в мифологизации того, что совершалось у них на глазах». Что тем более закономерно в случае с Россией: у общества, обделённого опытом реального политического представительства и подлинного соучастия в управлении государством, но вместе с тем сугубо литературоцентричного, насквозь пропитанного философско-романтической озабоченностью «судьбами Отечества», типичным способом политического общения становится язык образов, символов и эмблем. Чего стоит, к примеру, устойчивая, если не сказать назойливая, метафора «тёмные силы», означавшая в меняющемся контексте между

¹⁹ См.: Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992.

²⁰ См.: Стайтс Р. Русская революционная культура и её место в истории культурных революций // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994.

²¹ См. подробнее: Булдаков В.П. Указ. соч.

²² Филиппова Т.А., Баратов П.Н. Враги России. Образы и риторики вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. М., 2014. С. 247–250.

²³ В.К. О попытках «завершить» Французскую революцию // Новый мир. 1999. № 4 (URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/4/fure.html; дата обращения: 05.05.2016).

Февралём и Октябрём (и позднее) принципиально разные объекты политических неприязней.

Репертуар революционных фобий был столь подвижен и ситуационен, что зачастую не оставлял шанса находить более рациональные маркёры идентичности для политических противников. Сам язык революции — от крика толпы до гневных взаимных филиппик лидеров — фиксировал специфику времени, когда традиционный монолог власти на фоне молчания массы («silent Muscovy»!) сменился в Феврале непривычным многоголосьем плохо слышащих друг друга политических сил, по-прежнему далёких от освоения едва нарождавшейся культуры диалога.

Не удивительно, что одной из важнейших задач власти после Октября стала широко понимаемая работа с языком — от завершения реформы орфографии, до преобразования *крика улицы* в молчаливое принятие нового монолога адептов «единственно верного учения». И в этом деле большевизм хорошо выучил уроки самодержавия. Исторический проигрыш последнего был ускорен фактом нарастающей культурно-информационной изоляции власти в течение предреволюционных месяцев, что точно охарактеризовал С.С. Ольденбург: «Русская власть никогда не отличалась умением саморекламы»²⁴. В России же критика если не лично императора, то правительства стала не просто «хорошим тоном», но едва ли не обязательным условием журналистской состоятельности и стилем политической культуры в целом. А между тем в эпоху Николая II фактически формировались предпосылки не только политической и социальной, но и информационно-культурной революции. Ширилось, крепло и до известной степени демократизировалось научно-образовательное сообщество²⁵, росло число грамотных людей, причём миссия расширения народной грамотности зачастую была доверена откровенным противникам императорской власти. Стремительно развивались новые виды культурной продукции, рассчитанные на массового потребителя²⁶ — уже не «барина», а вчерашнего или нынешнего «мужика».

Вопреки таким обстоятельствам, правительственная бюрократия, возлагая надежды на традиционные, не действовавшие в условиях цивилизации модерна каналы коммуникации с народом (исконные верноподданнические чувства русского «мужика», присяга и честь «барина», мистическое единение монарха и подданных в лоне православной Церкви), так и не выработала наступательные информационные стратегии, которые позволили бы в условиях военного времени наладить взаимопонимание с обществом. Не удалось это и либеральному Временному правительству, слишком рефлексивному и осторожному в своём «непредрешенчестве» и в излишне умозрительном подходе к властному менеджменту в условиях кризиса. *Логос* либеральной политической культуры явно проигрывал *стихии* охлоса, успешно преобразуемой большевизмом в новые формы контркультуры. Подобную ситуацию исследователи трактуют как ещё один парадокс — иррациональный характер культурной инволюции российского социума: «Развитие информационных технологий произвело парадоксальный эффект: мир стал в наибольшей степени руководствоваться

²⁴ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Т. II. Мюнхен, 1949 [репринт: М., 1992]. С. 205.

²⁵ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 352–353.

²⁶ Купцова И.В. Художественная интеллигенция России в годы Первой мировой войны. М., 2007. С. 217–219.

не наукой, а эмоциями, не разумом, а чувствами, не расчётом, а инстинктом. И в России “откат в прошлое” произошёл с особой силой»²⁷.

Прибавим к этому порождённые революцией трудности осмысления и вербального отражения действительности – временную отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов, стремительное появление и развитие особого языка символов и метафор, новое прочтение старых политических и культурных смыслов, плотный контакт массовой культуры с народной и элитарной как модель выживания в условиях кризиса, идейный разлом внутри прежде единых профессиональных и культурных корпораций, ускоренную символизацию революционных событий в сугубо утилитарных целях, ширящуюся риторику «враждебного окружения» и «заговора тёмных сил», архаичность народной «почвы» и авангардизм гипермодернизаторских установок власти... И мы получаем картину глубокой политико-культурной фрустрации, подвижности смыслов и быстрой ротации поясняющих стратегий, на фоне которых очередной революционной власти в центре и на местах приходилось утверждаться в качестве таковой.

Примечательная подробность: наблюдательные современники-иностранцы в эпоху между Февралём и Октябрём чувствовали удивительное сходство политического языка, на котором заговорили официальные документы разных политических сил (к примеру, Временного правительства и Петросовета). Прежде всего отмечались его содержательная несостоятельность и непрофессионализм форм, длинноты и многословность текстов, «бесконечное извержение напыщенных слов», превращавшее важнейшие манифесты новой власти всех оттенков в «длинный мессианистический дифирамб»²⁸. Язык революционной власти (властей) весной–летом 1917 г. точно отражал эпоху, но оказался нефункциональным для задач самоутверждения новой власти и транслирования её воли массам.

К новой авторитарности – романтизм и прагматика

Отмеченное многими исследователями бездействие «правых» – промонархических, черносотенных сил и организаций – накануне и в ходе революции, как казалось, освободило место на авансцене политического театра для утверждения либеральной теории и практики. Редкая в отечественной истории ситуация, когда Февраль 1917 г. привёл в высшие эшелоны власти такое количество деятелей либеральных убеждений, заставляет обратиться к своеобразию российского либерализма в его политико-культурном измерении, к тому стратегическому и тактическому багажу, с которым он подошёл ко времени испытания революцией.

Российский либерализм начала XX в., сохраняя определённое культурное родство с западноевропейской традицией (этика компромисса, культура диалога между властью и обществом и проч.), имел дополнительные черты, отразившиеся в своеобразных практиках. В числе таких особенностей – нежелание брать на себя всю полноту политической ответственности при стремлении избежать насилия, принуждения и навязывания в духовной сфере; «непредрешенчество» как форма антидецизионизма; культуроцентричность,

²⁷ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Указ. соч. С. 17.

²⁸ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 268, 284.

приводившая к недооценке формальных правил политического поведения и акцентировавшая внимание на воспитании и просвещении народа, который-де сам достигнет нового уровня политической зрелости. Причудливая связь идеализма и реализма давала особенные политические результаты: от поддержки «левых» и «заигрывания с революцией» до симпатии к авторитарным политическим формам и стратегиям, особенно по части реформ «сверху»²⁹.

Перманентный политический дрейф отечественного либерализма и либералов справа налево и обратно удивлял западных наблюдателей и ослаблял единую линию политического поведения в условиях революции. Этому способствовало и сложное сосуществование в сознании российских либералов разных смыслов опеки как одного из ключевых параметров отношения интеллектуалов к русскому народу — и как предоставление шанса на реализацию жизненных возможностей, и как «прикрытие от невзгод» — читай: социальной несправедливости (лишь первый смысл соответствует классическому либеральному пониманию опеки).

Политическая культура российских либералов была проникнута напряжённой рефлексией на извечную тему почвенности и заимствования, приспособления и подражания. Свойственное либеральному мышлению представление об оптимальном уровне культуры заимствования, в своём оптимуме, равноудалённом от слепого копирования и идейной автаркии, свидетельствовало о достаточно высоком теоретическом уровне политической культуры самих российских либералов³⁰. Но оно оказалось беспомощным перед сокрушительной реальностью революционного кризиса, сместившего и европейские, и отечественные критерии оценки политических идентичностей. В результате в пространстве реальной политики революционного времени укрепилась ещё одна характерная черта отечественной либеральной традиции. *Быть* либералом в России означало *слыть* им. Эту особенность можно маркировать как проявление *репутационного* либерализма, ибо европейская «классика» либеральной идентичности не полностью «вписывалась» в российскую ситуацию, затрудняя и внутреннему, и внешнему наблюдателю задачу точного определения политико-культурных особенностей новой, постфевральской власти.

Так, этикоцентризм либеральной политической культуры в России (впрочем, и культуры в целом³¹) часто вёл к противопоставлению рациональных установок и моральных ценностей. Подобной антиномией не был отягощён западный либерализм. Этическая (если не сказать морализаторская) доминанта отечественной политической мысли и практики, ставшая идентификационным признаком российского либерализма, в чрезвычайных условиях революции изрядно затрудняла принятие рационально выверенных, прагматических решений. Неудивительно, что статолатрия — один из важнейших политико-культурных принципов российского либерализма — также подразумевала в своих основаниях этическую составляющую — «априорные указания нравственного сознания», по П. Новгородцеву. Это неизбежно порождало острую борьбу мнений по конкретным вопросам построения и функционирования

²⁹ Секиринский С.С. Либеральный идеал и российская действительность XIX века: некоторые аспекты взаимодействия // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: Материалы международной научной конференции. М., 1999. С. 185–200.

³⁰ См.: Шелохаев В.В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 316.

³¹ Шелохаев В.В. Либеральный проект... С. 79.

новых государственных структур, что в промежутке между Февралём и Октябрём, когда историческое время в России критически «сгустилось», никак не добавляло стабильности новой власти. Особенно в чрезвычайных условиях: *демос революции* стремительно превращался в *охлос смуты*, если и демонстрируя при этом что-то «априорное», то чаще всего свирепую жестокость на уровне архаики домонотеистических силовых реакций.

Взаимоотношения либерализма и демократизма – как на доктринальном, так и на практическом уровнях – всегда оказывались непростыми для российских политиков, в 1917 г. особенно. Последствия освоения российскими либералами ценностей демократии были неоднозначными в разные эпохи, что хорошо понимали и сами либералы. Периоды «дрейфа» в сторону демократизма имели разную мотивацию: от сознательного этического выбора, свойственного российскому интеллигентскому этосу в целом, до вынужденных уступок духу времени и общей радикализации («полевению») политической обстановки в стране. Как бы то ни было, от успешности совмещения этих двух во многом отличных систем ценностей напрямую зависело благополучие политического присутствия российских либералов в государственной и общественной жизни революционного времени. Тактическая изменчивость и историческая контекстуальность³², склонность к апроприированию достижений смежных идеологий (к примеру, сильных консервативно-реформаторских программ «сверху» и социалистических проектов «снизу»)³³ способны были сохранять аксиологическое ядро политической культуры российского либерализма в мирных условиях, но потерпели крах с вступлением страны в «век войн и революций».

Столь же примечательным для фиксации «своеобразия текущего момента» было и подвижное отношение либералов к национальному вопросу, в ходе разработки которого их риторика причудливо обновлялась терминологически («этический национализм», «эстетический национализм», «национальная гигиена», «космонационализм» и т.д.)³⁴, демонстрируя разнообразие подходов к видению и достижению главной цели отечественных либералов – России «единой и неделимой». Однако теоретическое разнообразие и богатство мнений по актуальнейшему для революционного времени вопросу о национальном строительстве нового государства явно ослабляли политическую стратегию принятия адекватных решений в этой сфере.

Похоже, само время работало в противофазе развитию доктрины и практики либералов, неожиданно для себя пришедших в тот момент к реальной власти. Меж тем политические коллизии лета 1917 г., несостоявшиеся попытки «бонапартистских» решений³⁵ наглядно демонстрировали дрейф от традиции отечественного либерализма, растворявшейся в стихии революции, к новому «изданию» авторитаризма, готовившего почву для жёстких конструкций большевистской государственности.

³² Подробнее см.: Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России. М., 1995.

³³ Секиринский С.С. Российский либерализм XIX века: формула судьбы // Россия. XXI. 2002. № 1. С. 85–87.

³⁴ Канищева Н.И., Шелохаев В.В. Российские либералы: между правыми националистами и леворадикальными пораженцами // Патриотизм и национализм как факторы российской истории. М., 2015. С. 323–353.

³⁵ Секиринский С.С. Наполеон в России: судьба легенды // Российская история. 2012. № 6. С. 143–157.

Пресловутая проблема «двоевластия» (продолжающийся спор об этом явлении как о политической реальности или идеологической метафоре³⁶) также видится в ракурсе более позднего политического опыта. Исследователи дают пример деконструкции феномена (читай: «мифа») двоевластия в революционных условиях, когда рассматривают его функцию в период обострения политической борьбы между Временным правительством и социалистами: «Со временем представления о двоевластии подхватили большевики, нуждавшиеся в “легитимации” собственного единовластия. Понятно, что устойчивость данного мифа связана с доминированием авторитарной политической культуры, отторгающей диалоговые формы взаимоотношения власти и общества»³⁷.

Как бы то ни было, и европейская *классика*, и отечественная *самобытность* либеральной политической культуры оказались в итоге не фактором (субъектом), а жертвой (объектом) революционного вихря, уже унёсшего в историческое небытие подданническую культуру традиционной монархии. Но поскольку «свято место пусто не бывает», на смену риторике «правосознания», «непредрешенчества» и «защиты революционной весны» пришли иные формы и способы интеллигентского самовыражения.

Многообразие идеологических комплексов российской интеллигенции предреволюционной поры — абстрактное народолюбие, неприятие эстетики богатства и благополучия, социалистические воззрения, согласно которым каждый предприниматель есть «плутократ», барственое презрение к любой экономической инициативе — всё это в целом обесценивало реальный протестный потенциал в революции данной социальной группы. Романтическое неприятие диалога с властью, ветшающее, но пока ничем не замещённое популистское клише «неправоты денег» проявлялись как отличительные свойства политико-культурного «лица» значительной части российского «образованного общества». Даже признавая новые реалии стремительно модернизирующейся страны, русский интеллигент продолжал подменять рациональную рефлексию относительно политики как «искусства возможного» возвышенными идеалами и морализирующими поучениями. И на фоне расширявшегося зазора между действительным, желаемым и возможным впадал в отмеченную современниками опасную прострацию и бездействие³⁸...

В постоктябрьское время эта общественная группа, которой, по идее, надлежало рекрутировать из своей среды политиков и управленцев нового типа, оказалась одновременно транслятором и жертвой культурной архаики русской «почвы», которая с очевидностью грубого холста проступала сквозь красочный слой революционного обновления. В лице большевизма новая власть легко, без излишней рефлексии утилизировала специфику упомянутой «почвы» и охотно брала из арсенала чужих идейно-политических ориентиров всё, необходимое ей «здесь и сейчас» для укрепления собственных позиций. Без ложных сожалений она избавлялась от оппонентов, особенно тех, кто не был готов безоговорочно принять свирепый прагматизм тактически гибких основателей «дивного, нового мира».

³⁶ См., например: Диагноз: революция. Исцелимся ли от извечного российского радикализма? // Родина. 1997. № 11. С. 11–17.

³⁷ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Указ. соч. С. 481.

³⁸ См., например: Маклаков В.А. Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике. 1880–1917. М., 2006. С. 282, 324, 344; Дневник императора Николая II (1894–1918). Т. 2. Ч. 2. М., 2013. С. 296; Бубнов А.Д., Пронин В.М. В Ставке Верховного Главнокомандующего. М., 2014. С. 290.

Неудивительно, что именно большевики, не скованные ни этической, ни идейной нормативностью, смогли овладеть стихией революции и направить её энергию в русло своих жёстких, но изменчивых установок и неизменно силовых тактик. Утилитарное отношение к репертуару чужих идейных ориентиров было не только закономерным, но и единственно возможным условием выживания самой власти, сформировав в итоге её принципиально новое политико-культурное «лицо». В дальнейшем — в отсутствие реально работающего народного представительства, структур многопартийности, законной оппозиции, экономической конкуренции, сильного среднего класса и общественного диалога — сама власть осуществляла право-левый дрейф. Даже уходя от революционной «классики», она неизменно использовала символичный потенциал революционного мифа³⁹.

В 1917–1918 гг. подобные приёмы и методы только начали апробироваться большевиками, но сама их идейно-политическая «беспринципность» во имя сохранения собственной власти и продвижения своего государственного проекта сработала успешно, если, конечно, измерять успех степенью неоспоримости такой власти, достигаемой любыми средствами и ценой. Всё логично, если учесть, что к власти в октябре 1917 г. пришла политическая партия, относившаяся в лице своих лидеров к проблеме политического убийства как к вопросу целесообразности, унаследовав традицию, «достойный вклад в которую внесли и полубразованный фанатик Нечаев, и рафинированный “европеец” Плеханов»⁴⁰.

К политико-культурным потерям 1917 г. следует отнести бесценную в этическом смысле, но «излишнюю» в условиях революционного противостояния культуру рефлексии и критической самооценки⁴¹ — в пользу триумфалистских настроений собственной правоты, свойственных адептам «единственно правильной» идеологии. Если что и удалось большевикам — это погасить со временем «тигель» революционного кипения в пользу кристаллизации твёрдых форм государственной власти нового типа и соответствующей ей политической культуры советского образца.

Непомерно высокая «человеческая» цена, которую заплатила Россия в XX в. за революционный эксперимент, во многом стала следствием того, что её прежняя культурная (в том числе и государственная, политическая) элита не справилась с исторической задачей актуализации ценностей, переводом смыслов традиционной аксиологии патриархального общества на язык цивилизации модерна. Жёсткие, болезненные, травмирующие действия новой власти были сколь этически преступными, столь и исторически неизбежными ответами на реальные, остро назревшие вопросы российской действительности. По справедливому суждению А. Вишневого, «при всей невероятности масштабов долговременного “красного террора”, нельзя поручиться, что “белый террор” стал бы более умеренным. Предреволюционный раскол общества был очень глубоким, белым победителям пришлось бы опираться на те же социальные слои, на которые опирались и красные, а параноики были не только у большевиков»⁴².

³⁹ См., например: *Тихонов В.В.* Историки и советская власть в 1920-е–1940-е гг.: патроны и клиенты // Вестник РГГУ. Сер.: История России. 2014. № 19. С. 200–204.

⁴⁰ *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000. С. 335.

⁴¹ См.: *Филитова Т.А.* «Враг внутренний» — «враг внешний». Образы революции 1917 года в русской сатирической журналистике // Российская история. 2015. № 6.

⁴² *Вишневский А.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 417.

Отечественный историк-публицист В. Бондарев сказал об итогах русской революции: «“Изнасилование” было ужасно, но “ребёнок” родился крепким». Развивая эту жутковатую метафору, добавим: «новорождённый» прожил насыщенную жизнь и – по иронии истории – покинул этот мир в семьдесят с небольшим, в соответствии со сроком жизни среднестатистического россиянина.

«Красное ли знамя безобразит собой Зимний дворец – или, напротив, Зимний дворец красит собой Красное знамя? “Интернационал” ли нечестивыми звуками оскверняет Спасские ворота, или Спасские ворота кремлёвским веянием влагают новый смысл в “Интернационал”?, – задавался вопросом Н. Устрялов, по горячим следам революции всматриваясь в контуры возникающей Советской России. Дистанция в 100 лет не только не «снимает» эти отнюдь не риторические вопросы, но множит новые задачи, встающие перед исследователями. И ответы на них не могут быть «окончательными».

Роль обрушения ценностной вертикали прежней власти и замены её неосакральностью большевистского образца; реальность или утопичность демократической альтернативы в российской революции; причины слабости либерального курса и краха многопартийности; конспирология «заговора» в «подтексте» большевистского переворота; спор о сути большевизма (торжество архаики над «модерном» революции или утилизация традиционной «почвы» для целей модернизации?); ответственность общества перед культурой и культуры перед обществом на переломном этапе отечественной истории... Эти и многие другие политико-культурные темы по-своему прочитываются на каждом новом историческом этапе научного осмысления революции 1917 г. Инструментарий политико-культурного анализа как познавательной стратегии расширяется по мере прирастания исторического знания, актуализируя и «вчерашие», и «сегодняшние» смыслы феномена под названием «Великая российская революция».

Революция 1917 г. в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи

Виталий Тихонов

Revolution of 1917 in commemorative practices and historical policy of the Soviet era

Vitaly Tikhonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

В современном мире история – по-прежнему ключевой элемент этнической, политической и нередко социальной идентичности. На личностное «присвоение» прошлого давят «социальные рамки памяти» (термин М. Хальбвакса¹), т.е.

© 2017 г. В.В. Тихонов

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 15-31-12025 а(ц).

¹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.

сильное влияние различных общественных групп и социальных институтов на индивидуальные воспоминания и представления граждан о прошлом. Именно эти «рамки» задают стандарты объяснения событий, тем самым придавая историческим фактам социально-политическое значение. Огромную роль в формировании таких «рамок» играет государство, обладающее мощными информационными ресурсами, а также возможностью подавлять конкурентов². Особенно ярко это проявляется в России, где роль государства традиционно сильна (при такой же традиционной слабости других социальных институтов) и именно оно претендует если не на монополию, то на доминирование в процессе формирования нужного образа прошлого.

События 1917 г. — ключевая для России историческая развилка. Они не только задали вектор развития на более чем 70 лет, но и оказывают непосредственное влияние на современность. К ним регулярно обращаются при осмыслении не только прошлого, но и будущего страны. Споры о революции не стихли до сих пор. Однако сохраняется значительный разрыв между научным осмыслением проблемы, когда Февральская и Октябрьская революции предстают единым процессом, и общественно-политическим сознанием, в котором две стороны одной медали жёстко разграничены и несут совершенно разную культурную и социально-политическую нагрузку.

Стоит подчеркнуть особое место революции 1917 г. в отечественной исторической политике. Тем не менее проблема символической (ре)актуализации данного образа редко становилась предметом специального анализа. Большое внимание в исследовательской литературе уделялось формированию мифа об Октябрьской революции в советское время³ и тому, как тесно он связан с культом Ленина⁴. Оба мифа составляют один большой миф о рождении СССР и начале советской эры.

Изучались коммеморативные практики, связанные с Октябрьской революцией⁵. Т. Шерлок проследил процесс включения Октября в идеологию перестройки как элемента её легитимации⁶. Наконец, общий обзор использования образа революции как элемента символической политики был дан Г.А. Бордюговым⁷ и О.Ю. Малиновой⁸. Серия ёмких публикаций о мифологизации истории революции принадлежит В.П. Булдакову⁹.

² Обзор теорий мемориальной культуры см.: *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.

³ *Corney F.C.* Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca; L., 2004.

⁴ *Рольф М.* Советские массовые праздники. М., 2009; *Эннкер Б.* Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М., 2011.

⁵ *Petrone K.* Life has become more joyous, comrades: Celebration in the Time of Stalin. Bloomington and Indianapolis, 2000. P. 149–174; *Рольф М.* Указ. соч.

⁶ *Шерлок Т.* Исторические нарративы и политика в Советском Союзе и постсоветской России. М., 2014.

⁷ *Бордюгов Г.А.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М., 2010. С. 15–89.

⁸ *Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015. С. 32–87.

⁹ *Булдаков В.П.* Феномен русской революции: между мифом и реальностью // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2005. № 4. С. 24–33; *Булдаков В.П.* Революция и историческая память: российские параметры клиотравматизма // Россия и современный мир. 2008. № 2. С. 5–27; *Булдаков В.П.* Историк и миф: перверсии современного исторического воображения // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 54–65; и др.

Однако внимание исследователей в основном сосредоточено на правящих режимах и их исторической политике, из-за чего другие акторы общественно-политической жизни оказываются в тени. Стоит отметить и узость источниковой базы (впрочем, изучение проблемы только начинается). Ещё одной чертой складывающейся историографической традиции является отрыв дискуссий вокруг Октябрьской революции от аналогичных споров о значении Февральской. Между тем такой разрыв не позволяет понять всех нюансов и контекстов политических баталий, стратегий конструирования образов прошлого и т.д.

В качестве методологического фундамента предлагаемого очерка выступает широкий спектр теорий памяти, рассматривающих целенаправленный характер конструирования массовых представлений о прошлом¹⁰.

Актуальное прошлое: мемориализация революции в 1920-е гг.

Любая политическая сила стремится легитимировать себя, используя значимые для неё события. Отличительной особенностью революционного времени является чрезвычайно быстрая «символизация жизни»¹¹. Несмотря на краткость пребывания у власти сил, получивших её после Февраля, общественность молодой Российской республики успела запустить ряд мемориальных проектов. Низвергая памятники дореволюционной, «царской» культуры, она ставила свои, утверждая таким образом новые ценности¹². Вводились и новые праздники — так, 10 марта было объявлено «днём воспоминания о жертвах Революции и всенародным праздником Великой Русской Революции на все времена». Уже 23 марта на Марсовом поле в Петрограде состоялись торжественные похороны 184 жертв уличных боёв февраля¹³. Был объявлен конкурс на лучший памятник, в котором победил проект Л.В. Руднева. Правда, открыт был памятник только 7 ноября 1919 г. и служил уже, по сути, увековечиванию памяти борцов Октябрьской революции.

Мемориализация Февральской революции приобретала и религиозный характер. Так, 18 августа крестьянский совет «Освобождение земли» ходатайствовал перед Московской городской думой о предоставлении участка на Красной площади для постройки часовни в «память об освобождении от рабства»¹⁴. Учитывая огромное символическое значение кремлёвского комплекса, появление часовни должно было закрепить завоевания революции.

Политически значимым мероприятием считалась организация специального музея революции. Уже в марте 1917 г. было решено открыть Дом-музей в Петрограде и Музей Революции в Москве, которые должны были выполнять политико-просветительские и научные функции¹⁵. Любопытно отметить

¹⁰ См.: Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Гл. 11. М., 2011; Асман А. Указ. соч.

¹¹ Ямпольский М. Революция как событие смысла // Антропология революции. Сборник статей. М., 2009. С. 21.

¹² Святославский А.В. История России в зеркале памяти: механизмы формирования исторических образов. М., 2013. С. 281.

¹³ Чертилина М.А. Похороны жертв Февральской революции в Петрограде 23 марта 1917 г. в фотодокументах РГАКФД // Отечественные архивы. 2011. № 1. С. 45–51.

¹⁴ Святославский А.В. Указ. соч. С. 290.

¹⁵ Там же. С. 294–295.

и то, что Февральская революция подтолкнула к первому масштабному проекту сбора устных свидетельств о произошедшем. Инициатива исходила от петербургских историков А.Е. Преснякова и М.А. Полиевктова. Однако идея не была реализована из-за начавшейся Гражданской войны и переезда (по сути, бегства) Полиевктова в Грузию¹⁶.

Приход к власти большевиков запустил процесс нового «мемориально-культурного строительства». Уже 10 ноября 1917 г. у Кремлёвской стены заложили Революционный некрополь, в котором были похоронены 238 красногвардейцев, павших за советскую власть¹⁷. К первой годовщине Октябрьской революции (7 ноября 1918 г.) была организована серия мероприятий, включавших демонстрации, торжественные митинги (на крупнейшем выступил В.И. Ленин), а также установку памятников революционерам и общественным деятелям, писателям и поэтам, философам и деятелям искусств, идейно связанным с большевиками и признанным новой властью¹⁸.

В том же году была заложена традиция – предназначенные для демонстраций лозунги печатались в газете «Правда». Так контролировалось идейное наполнение годовщины. Поначалу доминировали мобилизующие на борьбу призывы, заметную роль играли и лозунги жертвенности во имя революции¹⁹. Отдельным элементом демонстрации стали портреты павших борцов, которые рекомендовалось дополнить следующими стихами: «Не нужно ни песен, ни слёз мертвецам: // Иной им воздайте почёт! // Шагайте без страха по мёртвым телам, // Несите их знамя вперёд!»²⁰. Лозунги всегда отражали политическую обстановку. В зависимости от ситуации усиливался то внешне-, то внутриполитический блок.

7 ноября 1918 г. в Москве, на площади Революции, открыли памятники Марксу и Энгельсу работы скульптора С.А. Мезенцева. На стене Кремля появилась мемориальная доска «Павшим в борьбе за мир и братство народов»²¹. Было выпущено 4 млн открыток с изображением лидеров партии большевиков и событий Октябрьской революции. Для широкого проката подготовили фильм «Годовщина Революции», который должны были показывать в разных городах 10 поездов им. Ленина с киноустановками²².

Уже первая годовщина показала, что символика Октябрьской революции тесно переплетается с фигурой Ленина. Покушение Ф. Каплан летом 1918 г. создало вокруг него ореол «мученика за Революцию», чудом выжившего после выстрела. Не были забыты и лозунги мировой революции.

Но разруха мало способствовала духовному подъёму граждан. Например, в Университете им. А.Л. Шанявского студентам предложили написать

¹⁶ Lyandres S. M.A. Polievktov and the First Oral Histories of the February Revolution // Lyandres S. The Fall of Tsarism. Oxford, 2013. P. 5–42.

¹⁷ Святославский А.В. Указ. соч. С. 336–337.

¹⁸ О нём см.: Еремеева С.А. Монументальные практики коммеморации в России XIX и начала XX века // Образы времени и исторические представления. Россия – Восток – Запад. М., 2010. С. 911–921.

¹⁹ Тема жертвенности сопровождала революционный миф с самого начала. Это отчётливо проявилось уже в 1917 г. См.: Будаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. Изд. 2. М., 2010. С. 171.

²⁰ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ), ф. 3, оп. 22, д. 214, л. 1.

²¹ Святославский А.В. Указ. соч. С. 324.

²² Еремеева С.А. Указ. соч. С. 921.

сочинение на тему «Москва в ноябре 1919 г.». Однако в большинстве работ обнаружилась не радость, а горькие рассуждения вроде: «Какая ужасная бесцельная жизнь. Разрушены все планы, намеченные в моей юности»²³. В условиях озабоченности выживанием становилось не до торжеств.

Ранние годовщины отличались масштабностью и театрализованностью. Например, в 1920 г. на площади Урицкого (ранее Дворцовая площадь) прошла инсценировка взятия Зимнего дворца, в которой участвовали до 6 тыс. человек²⁴. Но с наступлением нэпа настала эпоха экономии и средств на празднование отпускалось немного²⁵.

Тем не менее именно в 1920-е гг. в советской культурной политике, благодаря в первую очередь А.В. Луначарскому, коммеморации приобрели функцию утверждения новых ценностей и приобщения к ним человека, советизации его мышления²⁶. Популярными стали вечера воспоминаний революционеров, была организована Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии (Истпарт) с многочисленными отделениями на местах. Особый акцент делался на личностное переживание Октября²⁷.

Деятели искусства внесли в торжества немалый вклад. Например, сценарии для них (правда, нереализованные) писали поэты С.А. Есенин, Д.Д. Бурлюк и др. Революционный миф увлекал многих служителей культуры²⁸. Благодаря деятельности представителей русского авангарда формировался «революционный культурный код», включавший узнаваемые графические, визуальные, звуковые и текстовые образы²⁹. Таковым стал, например, поезд, мчащийся вперёд.

На пятилетие закладывается ещё одна традиция. 24 августа 1922 г. Политбюро решило подготовить и выпустить сборник по хозяйственному и административному строительству в Советской России, призванный продемонстрировать достижения нового строя³⁰. Подобные издания впоследствии регулярно появлялись к очередным юбилеям (и постепенно начали вызывать иронию).

Относительная скромность эпохи нэпа в преддверии празднования «Великого юбилея» (десятилетия Октября) была признана неуместной. Критики указывали: революционные годовщины перестали вдохновлять людей, они скучны и незрелищны и т.д.³¹ Теоретики массовой культуры видели в торжествах способ борьбы за повышение производительности труда и против пережитков старого мира. К организации десятилетнего юбилея решили подойти со всей ответственностью. В ноябре 1926 г. учредили Центральную праздничную комиссию по подготовке и проведению празднования под руководством

²³ Москва в ноябре 1919 года: Сочинения учащихся научно-популярного отделения Университета им. А.Л. Шанявского / Публ. М.В. Катагощиной и А.В. Емельянова // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. I–II. М., 1992. С. 364.

²⁴ Джурова Т.С. Театрализация действительности. «Взятие Зимнего дворца» Николая Евреинова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 43–1(17). С. 104–107; Еремеева С.А. Указ. соч. С. 922.

²⁵ Рольф М. Указ. соч. С. 84.

²⁶ Там же. С. 259–260.

²⁷ Corney F.C. Op. cit. P. 202–203.

²⁸ Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть: Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М., 2012. С. 151, 153–154.

²⁹ Савицкий С. Поезд революции и исторический опыт // Антропология революции. С. 373–399; Раку М. «Музыка революции» в поисках языка // Там же. С. 400–432; и др.

³⁰ РГАНИ, ф. 3, оп. 22, д. 214, л. 4.

³¹ Рольф М. Указ. соч. С. 91.

М.И. Калинина³², а торжественные мероприятия должны были возглавить И.В. Сталин и В.М. Молотов³³.

В подготовленном комиссией специальным воззвании отражены многие положения, впоследствии ставшие каноническими при описании октябрьских событий. Например, тезис о руководящей роли партии, которая «в феврале 1917 г. возглавляла рабочих и солдат, штурмовала вместе с ними царские чертоги»³⁴. Далее, то, что ранее чаще всего именовалось «переворотом», получило официальное название «Великая Октябрьская социалистическая революция». Путь, пройденный Советской Россией за 10 лет, расценивался как прорыв из царства угнетения к новой жизни.

Юбилей сопровождался масштабной социальной программой. Была объявлена широкая амнистия, охватившая даже политических заключённых, обещалось ввести в эксплуатацию или начать строительство нового жилья. Для студентов учредили специальную «юбилейную» стипендию. Изготовили награды для участников революции и Гражданской войны³⁵. Большое значение придавалось планам в ближайшее время перейти на семичасовой рабочий день, которое руководством партии расценивалось как зримый пример достижений в социальной сфере. Эксперименты на ряде предприятий, как уверяли, доказали возможность этого шага, он даже был отражён в лозунге: «Наступающий капитал на Западе удлинит рабочий день. Рабочие СССР завоевали в Октябре восьмичасовой день и идут к семичасовому рабочему дню!»³⁶.

Для успешного проведения мероприятий разрабатывались общесоюзные стандарты торжеств³⁷. Представителей провинции специально приглашали в Москву для обмена опытом и инструктажа. Юбилей должен был не только стать политическим триумфом большевиков, но и продемонстрировать торжество нового мира над старым, материальные успехи и изменения в сознании людей. Предписывалось «внедрить празднование в быт, для чего надо проводить кампанию за генеральную уборку жилищ и улиц, покупку обновок... всему празднику придать характер проверки», «отказаться от спиртных напитков на праздничных столах»³⁸.

Особенностью юбилея стало то, что он совпал с напряжённой международной обстановкой. Летом началась так называемая военная тревога, вызванная обострением отношений с Великобританией и ожиданиями начала полномасштабной войны с капиталистическими странами. В этой связи мероприятия приобрели заметный милитаризированный оттенок. Газетная информация о торжествах часто соседствовала с новостями о вводе в строй новой военной техники, звучали лозунги о необходимости вступления граждан СССР в Осавиахим. Между тем революция 1925–1927 гг. в Китае всколыхнула надежды на мировую революцию. С высоких трибун вновь зазвучали оптимистичные заявления о том, что социализм вскоре завоюет весь мир.

³² Там же. С. 104–105.

³³ РГАНИ, ф. 3, оп. 22, д. 214, л. 54.

³⁴ Там же, л. 56.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, л. 85.

³⁷ *Плаггенборг Ш.* Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. С. 310–317.

³⁸ Цит. по: *Шаповалов С.Н.* Празднование партийных и государственных юбилеев на Кубани в 1920-е гг. // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 178.

Непростой была и внутренняя обстановка. К тому времени стало ясно, что крестьяне сдадут заметно меньше хлеба, чем рассчитывали власти, что грозило серьёзным кризисом снабжения городского населения. «Головной болью» оставалась и оппозиция. Сторонники Троцкого активно, пусть и не всегда открыто, использовали для критики своих политических оппонентов метафору «преданной революции», выступая за смену политического и экономического курса. Вызывали опасение действия со стороны троцкистов — борьба за наследие Октября ещё не завершилось. Не случайно в перечне лозунгов встречаем и такой: «Кто нарушает единство ВКП(б), тот изменяет Октябрю. Долой раскольников и дезорганизаторов!»³⁹.

В демонстрации 7 ноября 1927 г. в Москве участвовало около 1 млн человек, по Красной площади прошли колонны военных (с духовым оркестром) и рабочих. Окрестные здания были увешаны плакатами, на которых красовались цифры достижений советского строя. С речами выступили М.И. Калинин и Н.И. Бухарин, на празднике присутствовали иностранные делегации⁴⁰. Юбилею старались придать и международное звучание — советские газеты чутко фиксировали факты солидарности зарубежных трудящихся с СССР в день юбилея, что было особенно важно в связи с «военной тревогой» и надеждами на поддержку рабочих капиталистических стран в случае войны.

В сценарий триумфа явно не вписывались выступления троцкистов в Москве и Ленинграде с лозунгами «Выполним завещание Ленина», «Повернём огонь направо — против нэпмана, кулака и бюрократа», «За ленинский Центральный Комитет» и др. Демонстранты были разогнаны, вскоре прошли аресты⁴¹. Впрочем, если в крупных городах торжества более или менее удались (хотя часто на них не хватало средств), то на селе их встретили сдержанно. Понимая, что для крестьян советский праздник остаётся чуждым, организаторы юбилея рекомендовали совместить его с Праздником урожая⁴². Несмотря на это, отчёты фиксировали скорее равнодушие людей, чем энтузиазм⁴³.

В юбилейный год вышел ряд фильмов, определивших канонический образ революции. Среди них — «Конец Санкт-Петербурга» В.И. Пудовкина и «Москва в Октябре» Б.В. Барнета. Но самым масштабным проектом стала картина «Октябрь» С.М. Эйзенштейна, премьера которого состоялась 7 ноября 1927 г. В тот же день, после разгона оппозиционных демонстрантов, из фильма пришлось удалить все сцены с Троцким. Тем не менее картина стала классической в отражении событий 1917 г.⁴⁴

Десятилетний юбилей Октябрьской революции, в свою очередь, стал эталоном для дальнейших коммеморативных торжеств⁴⁵. Отныне 7 и 8 ноября стали выходными днями (до этого нерабочим был только первый из них), что повышало значение праздника в глазах простых людей. В 1929 г. была проведена очередная реформа календаря и нерабочими были также объявлены 1 мая и день смерти Ленина (22 января). Так формировался «советский» годовой праздничный цикл. Вовлечение в него широких масс населения призвано

³⁹ РГАНИ, ф. 3, оп. 22, д. 214, л. 88.

⁴⁰ Правда. 1927. 9 ноября.

⁴¹ Бордюгов Г.А. Указ. соч. С. 35.

⁴² Шаповалов С.Н. Указ. соч. С. 178.

⁴³ Рольф М. Указ. соч. С. 189.

⁴⁴ Романова О. «Октябрь» Эйзенштейна: между художественным изобретением и мифом о революции (URL: <http://urokiistorii.ru/learning/method/2549>; дата обращения 25.10.2016).

⁴⁵ Рольф М. Указ. соч. С. 8, 93.

было компенсировать сложности настоящего: «Создавалось пространство новых жизненных форм, призванных определить будущее. И шёл этот процесс скорее снизу, нежели сверху: праздник – это суррогат невозможного “чуда”»⁴⁶.

Интересно, что на протяжении всех 1920-х гг. 12 марта (День низвержения самодержавия) также был выходным. Но реформа праздничного календаря привела к тому, что это событие, прочно связанное с Февральской революцией, оказалось затушёвано и скоро потеряло свой статус и значение. По сути, был запущен механизм «забывания» февральских событий.

Революция по-сталински

1930-е гг. ознаменовались «сталинизацией» мифа о революции. Письмо «вождя» в журнал «Пролетарская революция» (1931 г.) окончательно закрепило миф о непогрешимости Ленина, якобы сумевшего в мельчайших деталях предвидеть победу большевистской партии в 1917 г. Это способствовало упрочению культа самого Сталина, который становился «Лениным сегодня». Более того, революционный миф должен был играть на утверждение актуальной идеологической повестки. Концепт «построения социализма в отдельно взятой стране» требовал переформатирования и мифа об Октябре как об отправной точке мировой революции. Сталин даже решился на критику Маркса и Энгельса: пусть когда-то они и были правы, утверждая, что пролетариат не имеет отечества, но Октябрьская революция создала первое в мире государство рабочих и крестьян, тем самым изменив положение вещей⁴⁷. Так Октябрь вписывался в контекст нарождавшегося советского патриотизма и частично «изымался» из концепции мировой революции, ассоциировавшейся с Троцким.

Утверждается традиция приглашать на годовщины и юбилеи делегации иностранных рабочих. Они должны были видеть достижения динамично развивающегося Советского Союза, противостоящего погрязшему в «Великой депрессии» капитализму, и избавляться от стереотипов западной пропаганды о советском строе. В.М. Молотов на торжественном собрании Московского совета 6 ноября 1931 г. заявил, что «линии развития социализма и капитализма идут в противоположном направлении. Социализм идёт победоносно вверх, на подъём. Капитализм всё больше запутывается в своих противоречиях и под тяжестью мирового кризиса теряет одну позицию за другой»⁴⁸.

Идеологическое перевооружение шло полным ходом. Для сплочения «Страны Советов» перед внешней угрозой всё большее значение приобретала актуализация исторических образов, способных воспитывать в духе преданности партии и стране. Правда, для этого пришлось обратиться к дореволюционной истории, поскольку внутрипартийная борьба привела к исчезновению из пантеона исторических героев многих из тех, кто делал революцию 1917 г. Наглядно данный феномен демонстрирует написание «Истории гражданской войны»: когда её первый том, вышедший в 1936 г., захотели переиздать в 1938 г., выяснилось, что в нём упомянуто очень много лиц, репрессированных в 1937 г.⁴⁹

⁴⁶ Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть... С. 154.

⁴⁷ Бранденбергер Д. Национал-большевизм: сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009. С. 40.

⁴⁸ РГАНИ, ф. 3, оп. 22, д. 216, л. 56.

⁴⁹ Бранденбергер Д. Указ. соч. С. 53.

Революция 1917 г., несмотря на официальное прославление, стала «неудобным прошлым», которое сложно инкорпорировать в прагматичную и очень подвижную идеологическую систему сталинизма. Гораздо проще было мифологизировать в нужном ключе давно ушедшее прошлое, чем то, что ещё было живо в памяти.

Ярким примером нового контекста стал 20-летний юбилей революции в 1937 г., проходивший на фоне усиливающегося русоцентризма в идеологии и обращения к истории как пропагандистскому ресурсу. Теперь гордость должно было внушать не только недавнее революционное прошлое, но и исторические и культурные достижения народов СССР, в особенности русских. Формировался пантеон выдающихся государственных и военных деятелей, представителей культуры и науки прошлого, подходивших для использования в советской патриотической пропаганде. Теперь 1917 г. становился началом не нового мира, а нового этапа великой русской истории и истории народов СССР.

В 1937 г. был опубликован учебник истории под редакцией А.В. Шестакова, закреплявший поворот к концепции континуитета между советским настоящим и дореволюционным (пусть и выборочным) прошлым. Масштабно отмечалось 100-летие со дня смерти А.С. Пушкина⁵⁰, символа русской классической культуры. В сентябре на экраны вышла первая серия эпического фильма «Пётр Первый» В.М. Петрова. Образ «большевика на троне» опять-таки работал на утверждение связи прошлого и настоящего. Это не могло не сказаться на смысловом наполнении юбилея Октябрьской революции, всё больше терявшей роль символа классового освобождения и приобретающей великодержавный оттенок.

Тем не менее юбилей был делом чрезвычайно серьёзным, особенно в условиях усиливающегося перформативного поворота идеологии. Комиссия по подготовке юбилея была создана за два года до его начала, аналогичные комиссии действовали в советских республиках и на местах. Их работа осложнялась репрессиями, что приводило к постоянным ротациям составов юбилейных комитетов⁵¹.

Накануне юбилея Институт Маркса, Энгельса и Ленина (ИМЭЛ) подготовил тезисы «XX лет Великой Октябрьской социалистической революции в СССР». Первоначальная версия включала неумеренные славословия в адрес Ленина и Сталина, но была отредактирована последним. Например, исчез следующий абзац: «Великая Октябрьская революция победила потому, что большевистскую партию создали и выпестовали гениальнейший из гениальнейших вождей пролетариата Ленин и его великий ученик и соратник Сталин»⁵².

Идейной основой юбилейных торжеств стала концепция Октябрьской революции как поворотного события в мировой истории в целом и истории страны в частности⁵³. Для демонстрации достижений советского строя Центральное статистическое управление выпустило сборник, в котором сравнивались 1937 и 1913 гг.⁵⁴ Естественно, цифры демонстрировали впечатляющий

⁵⁰ *Petrone K.* Life has become more joyous, comrades: Celebration in the Time of Stalin. Bloomington; Indianapolis, 2000. P. 113–148.

⁵¹ *Рольф М.* Указ. соч. С. 111.

⁵² РГАНИ, ф. 3, оп. 22, д. 218, л. 26.

⁵³ *Petrone K.* Op. cit. P. 154–158.

⁵⁴ *Ibid.* P. 155.

прорыв — из «отсталой крестьянской страны» СССР стал индустриальной державой. Подчёркивался огромный рост социальной заботы государства.

7 ноября прошёл обязательный парад. Его сценарий был стандартным для всего Союза и включал в качестве самостоятельной части демонстрацию мощи Красной армии. После военных шли гражданские и ехала техника хозяйственного назначения. Все они проходили мимо трибуны, на которой присутствовала партийная и государственная элита. Празднование обязательно включало митинг⁵⁵.

20-летний юбилей использовали и для формирования нового образа творца революции. Ключевую роль в этом сыграл фильм «Ленин в Октябре» М.И. Ромма, pompезно представленный в декабре. Происходила канонизация образа Ленина, который из живого человека превратился в высший моральный авторитет. Сталин в фильме предстал как правая рука вождя мирового пролетариата, часто обращавшегося к нему за советом⁵⁶.

Международный контекст юбилея определялся очередным военным противостоянием. Испанская революция придавала новый импульс революционной романтике: страна с напряжённым вниманием следила за происходящим, немало «добровольцев» участвовало в боевых действиях. Эти события часто сравнивали с революцией 1917 г. и последовавшими за ней Гражданской войной и иностранной интервенцией⁵⁷. Теперь в Испании сражались силы прогресса (коммунисты) и силы реакции (фашисты) — так это преподносилось в советской пропаганде. Сталин объявлялся лидером сил прогресса. Известный журналист М.Е. Кольцов писал в «Правде»: «Сталин виден даже из Мадрида... Он виден всему миру, он виден отовсюду, где людям хочется лучше жить... Мы голосуем за Сталина, а мир голосует за нас»⁵⁸.

Новые догмы утверждались и на уровне политпросвещения. Публикация в 1938 г. «Краткого курса Истории ВКП(б)», в написании которого личное участие принимал сам Сталин⁵⁹, закрепила этот процесс. Концепция состояла из следующих положений. Во-первых, Российская империя накануне Первой мировой войны объявлялась «полукOLONией и слабым звеном фронта капитализма»⁶⁰, постулировался «глубокий кризис царского режима»⁶¹. Во-вторых, большевики объявлялись инициаторами и главными акторами революции (меньшевикам и эсерам отводилась сдерживающая роль), а кадеты — главной партией контрреволюции. В-третьих, победа революции объяснялась тем, что рабочий класс «возглавлял движение миллионных масс крестьян, передетых в солдатские шинели»⁶². В-четвёртых, подчёркивалось единство партии большевиков, ведомой В.И. Лениным к закономерному успеху. Ленинской линии противоречили только одиночки — Каменев, Зиновьев, Рыков, Пятаков, Троцкий. В-пятых, всячески выпячивалась роль Сталина как руководителя октябрьского восстания. Фактически обосновывалась концепция «двух

⁵⁵ Рольф М. Указ. соч. С. 130—131.

⁵⁶ Petrone К. Op. cit. P. 163—165.

⁵⁷ Мухаматулин Т.А. «Мадрид 1936 года — это Петроград 1919 года» // Родина. 2011. № 12. С. 117—118.

⁵⁸ Цит. по: Бордюгов Г.А. Указ. соч. С. 44.

⁵⁹ Историю создания см.: «Краткий курс истории ВКП(б)»: текст и его история. В 2 ч. Ч. 1 / Сост.: М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. М., 2014.

⁶⁰ История ВКП(б). Краткий курс. М., 1997. С. 156, 173.

⁶¹ Там же. С. 168.

⁶² Там же. С. 169.

вождей революции». Фигура Троцкого замалчивалась или подвергалась уничижительной критике. Утверждалось, что он стремился к развалу партии. В-шестых, Гражданская война рассматривалась как последствие интервенции единого империалистического фронта против «молодого советского государства».

Данные положения, оценки событий и личностей, хронологическая канва, прописанная в книге, легли в основу изучения революции до конца сталинской эпохи. Показательно, что в «Кратком курсе» Февральская революция стала называться «буржуазно-демократической» — определение, бытующее до сих пор⁶³. Схема «Краткого курса» закреплялась во втором томе «Истории гражданской войны»⁶⁴, получившем Сталинскую премию за 1943 г.

Итак, юбилей 1937 г. утвердил новый символический статус Октябрьской революции, которая представляла в виде довольно противоречивой диалектической конструкции. С одной стороны, она продолжала прогрессивные традиции прошлого, с другой — становилась поворотным событием в судьбах мира. Немаловажно, что революция всецело должна была играть на легитимацию власти Сталина. Его политические враги оказались попросту «изгнанными» из истории, а сам он объявлялся прямым наследником Ленина.

В годы Великой Отечественной войны образ Октября ещё больше оттеснили досоветские герои. В знаменитой речи 7 ноября 1941 г. на параде в честь 24-летия революции Сталин, упомянув про дело, дух и знамя Ленина, в качестве вдохновляющих примеров назвал полководцев прошлого. Из недавней советской истории он напомнил о тяжёлой ситуации 1918 г., когда три четверти страны оказались захвачены «иностранными интервентами» и «в огне войны организовали тогда мы Красную Армию и превратили нашу страну в военный лагерь»⁶⁵.

В дальнейшем образ Октября утратил ведущие позиции в советской пропаганде. Ею использовалась, пожалуй, лишь история обороны Царицына под руководством Сталина в 1918 г., в которой виделась аллюзия на битву под Сталинградом⁶⁶. 25-летний юбилей отмечался более чем скромно. Запланированные мероприятия включали только публикации статей в центральной прессе, издание ряда книг, проведение собраний, лекций и бесед, научных сессий и повторный показ кинокартин о революции и Ленине⁶⁷. Принципиально не изменили ситуацию и послевоенные годы. Показательно, что 800-летие Москвы было отмечено с большим размахом, чем очередной юбилей революции: если первое тщательно организовывалось, то для второго не создали даже традиционной комиссии⁶⁸; не публиковались и подготовленные тезисы⁶⁹.

⁶³ Булдаков В.П. Красная смута... С. 594.

⁶⁴ История Гражданской войны в СССР. Т. 2: Великая пролетарская революция (октябрь–ноябрь 1917 г.). М., 1943.

⁶⁵ Речь на Красной площади 7 ноября 1941 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 15. С. 84–85.

⁶⁶ Тихонов В.В. Отечественная история как оружие пропаганды в условиях войны // Великая Отечественная — известная и неизвестная: историческая память и современность. Материалы международной конференции. Москва–Коломна, 6–8 мая 2015 г. М., 2015. С. 152–159.

⁶⁷ Письмо Г.Ф. Александрова А.А. Андрееву, Г.М. Маленкову и А.С. Щербакову [6 октября 1942 г.] // Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны / Авт.-сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 2007. С. 395–397.

⁶⁸ Махнырев А.Л. Роль и место исторических юбилеев в общественно-политической жизни СССР (1945–1964 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 44.

⁶⁹ Там же. С. 57.

Учитывая описанный выше идеологический поворот, такие сбои в праздновании предстают не случайностью, а закономерностью.

В условиях возрастающей конфронтации с западными странами и внутренней кампании по борьбе с космополитизмом Октябрь стал позиционироваться как событие, спасшее страну от порабощения иностранцами⁷⁰. В то же время в революционный миф была инкорпорирована Великая Отечественная война, закономерную победу в которой объясняли наследием Октября⁷¹.

Актуализация революционного мифа в эпоху «оттепели»

Смерть Сталина и последовавшие за ней процессы десталинизации не могли не отразиться и на символическом наполнении образа Октября. Шаг за шагом происходило «очищение» революционных символов от фигуры бывшего «вождя». Наглядно это проявилось в праздновании 40-летнего юбилея революции. В противовес культу личности выдвигался «человечный, скромный» Ленин. Именно на «оттепель» пришлась новая волна увлечения интеллигенции ленинским наследием, в котором искали альтернативу сталинизму. В массовом же сознании «вождь мирового пролетариата» постепенно начал превращаться в «доброего дедушку Ленина».

Особое внимание уделялось научной пропаганде истории Октябрьской революции. Очень скоро выяснилось, что некоторые историки готовы начать демифологизацию революции не только в дозволенных рамках (нечётких и официально не очерченных, но оттого не менее жёстких). Скандал с журналом «Вопросы истории», вызванный статьёй Э.Н. Бурджалова «О тактике большевиков в марте—апреле 1917 г.», случился из-за того, что её автор продемонстрировал колебания в рядах большевиков в ходе тех событий, а также сотрудничество местных партийных ячеек с меньшевиками и эсерами. Это разрушало миф о монолитности партии и компрометировало её сотрудничеством с политическими врагами. 9 марта 1957 г. последовало специальное постановление ЦК КПСС с осуждением линии журнала.

В июне была разгромлена «антипартийная» группа. Непосредственно накануне юбилея в отставку был отправлен министр обороны СССР Г.К. Жуков. Не менее насыщенным фоном были внешнеполитические события. С одной стороны, происходило ослабление конфронтации с капиталистическим лагерем (это, в частности, выразилось в проведении летом в Москве Всемирного фестиваля молодёжи и студентов), а с другой — брожения в социалистическом лагере (венгерское восстание, волнения в Польше, Румынии). Наконец, в октябре на орбиту был выведен первый в истории искусственный спутник Земли.

Всё это так или иначе отразилось в официальных тезисах «К сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1957 гг.)», опубликованных от имени Отдела агитации и пропаганды и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС⁷². В новых условиях они должны были стать не только отчётом и подведением итогов, но и программой на ближайшее будущее. Подчёркивались — уже больше по традиции — «небывалые успехи» развития СССР по сравнению с Российской империей 1913 г. Одновременно партия устанавливала

⁷⁰ Там же. С. 86, 91.

⁷¹ Там же. С. 92, 94.

⁷² Правда. 1957. 15 сентября.

новый ориентир — догнать и перегнать США по темпам развития экономики. Главным итогом Октябрьской революции называлось построение социализма, что предполагало скорый переход к строительству коммунизма.

Великая Отечественная война рассматривалась как важнейшая проверка революционного строя на прочность. При этом важно отметить, что, сделав упор на роль СССР во Второй мировой войне, власть считала нужным признать и заслуги союзников — США и Великобритании. Это был своеобразный жест доброй воли бывшим соратникам по антигитлеровской коалиции в свете Женевских соглашений 1955 г. Более того, утверждалось, что «в наше время война не является фатально неизбежной». Всё это давало сигнал как зарубежным партнёрам, так и гражданам СССР о постепенном ослаблении мобилизационного настроя последних десятилетий.

Ситуация в партии выразилась в пространном напоминании о борьбе против разнообразных уклонистов. Врагом объявлялся и современный ревизионизм, искажающий социалистическую идею. Примером был назван бывший премьер-министр Венгрии И. Надь.

Тезисы определяли идеологическое наполнение юбилея. Но написание коммеморативного сценария и его воплощение столкнулись с рядом проблем, вызванных отсутствием чётких указаний. Так, не вполне ясно было, что делать с фигурой Сталина (на всякий случай рекомендовалось во время торжеств вынести некоторое количество его портретов⁷³). Одновременно звучали призывы максимально показать народный характер революции, а не концентрировать её на вождях.

Важно указать, что не забыли и о Февральской революции⁷⁴. Конечно, по-прежнему подчеркивалось, что она была реализована силами большевиков, однако как символ демократизации хорошо вписывалась в идеологию «оттепели».

Особое место занимала международная программа юбилея. СССР стремился продемонстрировать открытость и готовность стать лидером «прогрессивного человечества». Советская пресса публиковала теоретические статьи представителей зарубежных коммунистических и социалистических партий, в том числе и бывших противников, вроде Югославии. 6 ноября на юбилейной сессии Верховного совета СССР присутствовали делегаты десятков стран мира⁷⁵. Юбилей стал ещё и смотром сил социалистического лагеря. Так, по инициативе нового венгерского лидера Я. Кадара, которому важно было продемонстрировать лояльность Кремлю, в параде приняли участие военные стран «народной демократии»⁷⁶.

«Оттепель» в политической и культурной жизни советского общества оказалась питательной средой для возрождения революционного мифа, и 40-летний юбилей стал одним из его мощнейших толчков. Не меньший вклад внесла кубинская революция, харизматичный лидер которой Ф. Кастро в 1961 г. заявил о стремлении строить социализм. Куба стала символическим продолжением Октября, породив в Советском Союзе неподдельный интерес к собственному революционному прошлому. События на острове, окутанные ореолом

⁷³ Махнырев А.Л. Указ. соч. С. 191.

⁷⁴ Там же. С. 193–194.

⁷⁵ Там же. С. 280. Приложение В.

⁷⁶ РГИАИ, ф. 3, оп. 22, д. 235, л. 81–83.

романтизма, демократичности и борьбы с империализмом, воспринимались как своеобразная метафора «оттепельной» либерализации⁷⁷.

Революционная романтика возрождалась и на официальном уровне. Принятая на XXII съезде Программа партии провозглашала скорое построение коммунизма. На фоне общего социального оптимизма в советском обществе это не казалось чем-то абсолютно фантастическим, хотя сразу же вызывало массу саркастических откликов и прямой критики. Советские фантасты с энтузиазмом откликнулись на актуальный социально-политический запрос написанием многочисленных утопий⁷⁸. Самой известной из них стала «Туманность Андромеды» И.А. Ефремова, хотя критика ставила автору «на вид» именно отсутствие в его романе памяти о революции 1917 г.: «Люди будущего в его изображении слишком равнодушны к памяти о революционном героизме наших дней. Даже Великая Октябрьская революция, а также имена основоположников марксизма-ленинизма ими нигде не упоминаются»⁷⁹.

На 1960-е гг. приходится время искреннего, неформального обращения к образам революции. В театре на Таганке с аншлагами шла пьеса «Десять дней, которые потрясли мир», были написаны пьесы М.Ф. Шатрова «Именем революции», «Большевики» и др. Революционные метафоры охотно использовались в стихах А.А. Вознесенского, Е.А. Евтушенко и других поэтов. Вышел на экраны фильм «Неуловимые мстители» (новая версия картины 1930-х гг. «Красные дьяволята»), пропитанный романтикой революции и Гражданской войны.

В то же время революция и лозунги верности её идеалам оставались ареной борьбы между властью и активной частью общества. Радикальное расхождение между пропагандой и реальностью приводило к тому, что люди начинали ностальгировать по прошлому, символом которого стал Сталин. Показательны массовые волнения во время ноябрьской демонстрации 1963 г. в Сумгаите, когда местные власти запретили приносить на парад портреты «вождя». Попытки отобрать самодельные плакаты привели к столкновениям демонстрантов с милицией. Портрет Хрущёва забросали камнями. Наиболее активные участники были арестованы и получили сроки⁸⁰.

В 1964 г. Хрущёва сместили. Новая политическая обстановка отличалась сложным переплетением различных тенденций и идейных поисков. С одной стороны, продолжалась инерция «оттепели», а с другой — наблюдались попытки осторожной реабилитации Сталина⁸¹. Публикация письма историков Е.М. Жукова, В.И. Шункова и В.Г. Трухановского, в котором ставилась под сомнение правомерность использования термина «культ личности», вызвала ответную реакцию в виде «письма 25-ти» с протестом против замалчивания сталинских преступлений.

Инерция «оттепели» проявлялась и в стремлении ряда интеллектуалов отказать от некоторых основополагающих мифов об Октябрьской революции.

⁷⁷ Вайль П., Генис А. 60-е: Мир советского человека. М., 2013. С. 78.

⁷⁸ Фокин А.А. «Коммунизм не за горами»: Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. Челябинск, 2012. С. 114–115.

⁷⁹ Дмитриевский В., Брандис Е. Современность и научная фантастика // Коммунист. 1960. № 1. С. 71.

⁸⁰ Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущёве и Брежнев. Новосибирск, 1999. С. 392–396.

⁸¹ Бордюгов Г.А. Указ. соч. С. 65.

Большой резонанс вызвала статья публициста В. Кардина⁸², где доказывалось, что легендарного залпа крейсера «Аврора» не было. Это, впрочем, не помешало сделать крейсер одним из символов юбилейных торжеств в 1967 г. Корабль даже дал холостой залп по Зимнему дворцу.

50-летний юбилей стал демонстрацией возросшей технической мощи СССР. Накануне юбилея введены в эксплуатацию Останкинская телебашня, грандиозная гостиница «Россия». Над Москвой устроена огромная инсталляция: на дирижабле над Библиотекой им. Ленина был подвешен гигантский плакат с изображением Ленина, который подсвечивался в сумерках. Также прошли уже традиционные парады и митинги. Хитом по кассовым сборам стала приуроченная к юбилею кинокартина «Свадьба в Малиновке», показывающая Гражданскую войну в опереточном стиле. Таким образом, трагедия всячески затушёвывалась, превращаясь в романтико-героический эпос.

Но настоящим прорывом в «присвоении» Октябрьской революции не помнившим её поколением стала постановка пьесы «Большевики» в театре «Современник». «Вершина режиссуры Олега Ефремова – хором с залом петь “Интернационал”», – записал в своём дневнике сценарист Г.А. Елин⁸³.

1967 г. отмечен и случаем в истории советского футбола – курьёзным, но напрямую связанным с юбилеем. По итогам сезона из высшего дивизиона «вылетал» неудачник – ленинградский футбольный клуб «Зенит». Местная общественность и партийная элита подняли большой шум: неужели клуб из «колыбели революции» окажется в низшей лиге в год юбилея Октября?! В итоге было решено «спасти» «Зенит», увеличив количество клубов в высшей лиге⁸⁴.

Образ революции 1917 г. в брежневскую эпоху

В те же годы набирали популярность не только революционная романтика и интернационализм, но и почвеннические идеи. С конца 1960-х гг. вокруг журнала «Молодая гвардия», редактируемого А.В. Никоновым, сформировался круг публицистов национал-большевистского направления⁸⁵. Идеи, исповедуемые ими, получили завуалированную, но широкую поддержку среди партийных и государственных деятелей, а также интеллигенции. В своей идеологии «молодогвардейцы» попытались объединить революцию как ценностный символ и традиции русской истории. Так, В.А. Чалмаев сравнивал патриарха Гермогена, боровшегося с поляками в Смутное время, и Ленина, называя их «духовными отцами нации»⁸⁶. С.Н. Семанов объявил Октябрьскую революцию «бесценным национальным достоянием» – но в качестве стимула для развития русского народа и его культуры⁸⁷. В 1970 г. Никонов был снят с поста главного редактора за излишний пиетет перед дореволюционной Россией, но возглавил журнал идейно близкий ему А.С. Иванов.

⁸² Кардин В. Легенды и факты // Новый мир. 1966. № 2.

⁸³ Елин Г.А. Дневник. 7 ноября 1967 г. (URL: [http://prozhito.org/search/diaries/\[328\]/date/1967-01-01/dateTop/-/keywords/-/locations/-/mentioned_persons/-/tags/-/langauges/\[01\]/](http://prozhito.org/search/diaries/[328]/date/1967-01-01/dateTop/-/keywords/-/locations/-/mentioned_persons/-/tags/-/langauges/[01]/)).

⁸⁴ Прозуменищев М.Ю. Большой спорт и большая политика. М., 2004. С. 354–355; Летопись Акселя Вартапяна // Спорт-Экспресс (URL: <http://www.sport-express.ua/football/rest1/news/285624-letopis-akselja-vartanjanana-dva-ochka-za-shestsot-rublej.html>).

⁸⁵ Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.) // Отв. ред. В.В. Журавлёв. М., 2015. С. 670.

⁸⁶ Там же. С. 674.

⁸⁷ Там же. С. 677.

Отповедь национал-большевикам попытался дать заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС (а с учётом того, что должность была вакантной, фактически его глава) А.Н. Яковлев. Он выступил против идеализации дореволюционного прошлого, «патриархальщины», разжигания русского национализма и забвения интернациональных идеалов⁸⁸. Подковёрная номенклатурная борьба привела к тому, что его выступление не получило поддержки, а статья была объявлена частным мнением. Вскоре Яковлева отправили в почётную ссылку послом в Канаду⁸⁹.

В 1970-е гг. Октябрьскую революцию, как главное событие советской истории, вытесняет Великая Отечественная война⁹⁰. Это было во многом связано с тем, что у власти находилось поколение ветеранов войны, для которых она была не просто символом, а частью биографии, на которой во многом строилась их социальная идентичность. К тому же, если революция и гражданская война априори разъединяли, то миф о Великой Отечественной войне играл объединяющую роль.

Правда, юбилей Победы в 1975 г. был отмечен более чем скромно⁹¹. В противовес этому юбилей Октябрьской революции в 1977 г. оказался очень масштабным. В том же году приняли новую Конституцию СССР, объявлявшую о построении «развитого социализма». По традиции к юбилею вводились в строй грандиозные объекты народного хозяйства, демонстрируя достижения советского строя. Выпускались многочисленные памятные сувениры. Выступление главы государства Л.И. Брежнева было выдержано в оптимистическом духе: достижения подчёркивались, а неудобные страницы истории бегло перелистывались⁹².

Память о Великой Октябрьской социалистической революции буквально пронизывала символическое пространство: монументы, пантеоны героев, о которых знали с детства, города и улицы, названные в честь революционеров и даже юбилеев революции. В младших классах школьники становились октябрятами — юный возраст и Октябрьская революция символически тесно переплетались. Как пелось в популярной песне, «и Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди». Октябрьской революции и Гражданской войне был посвящен почти весь школьный учебник истории для 10-го класса. Революционные символы проникали в повседневную жизнь: люди охотно поздравляли друг друга с очередной революционной годовщиной, причём для поздравлений использовались как раз стандартные фразы, почерпнутые из пропаганды. Вот только смысловое наполнение часто менялось, разрывая тем самым идеологическое единство⁹³. С одной стороны, это работало на укоренение ценностей Октябрьской революции, с другой — выводило их из сакральной сферы в профанную, постепенно лишая «высокого» смысла.

Естественно, Февральской революции повезло меньше. Советский режим не имел никакого резона актуализировать её образ. В массовом сознании

⁸⁸ Яковлев А.Н. Против антиисторизма // Литературная газета. 1972. 15 ноября.

⁸⁹ Патриотизм и национализм как факторы российской истории... С. 678–695.

⁹⁰ Копосов Н. Память строго режима: История и политика в России. М., 2011. С. 102–103.

⁹¹ Андреев Д., Бордюгов Г. Пространство памяти и власть // Победа-70: реконструкция юбилея. М., 2015. С. 33.

⁹² Малинова О.Ю. Указ. соч. С. 33.

⁹³ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М., 2014. С. 242–243.

Февраль резко разграничивали с Октябрём. Тем не менее в научном дискурсе такое противопоставление осторожно осуждалось⁹⁴.

Однако тотальная пропаганда часто вызывала и отторжение, даже неприятие. В народе ходили издевательские анекдоты, песенки и про Ленина, и про революцию, не говоря уже о партии⁹⁵. Интеллектуальная элита всё скептичнее смотрела на современность. Члены партии повторяли заученные идеологические формулы, но вряд ли в них по-настоящему верили. Правда, сохранялась уверенность в том, что Октябрьская революция позволила перейти на новую стадию развития — нужно лишь исправить ошибки, допущенные недалёковидным руководством, и социалистическое общество наконец-то будет построено. Особенно мощный импульс исходил от «шестидесятников». В этом проявлялся свойственный советскому обществу феномен «разномыслия»⁹⁶.

Революция повторяется: переживание революции в эпоху «перестройки»

Запуск «перестройки» как проекта радикального обновления советской системы потребовал возрождения революционного романтизма как мобилизующего фактора. Память об Октябре должна была сыграть роль в легитимации действующей власти и обеспечить свободу действий. Всячески подчёркивалось, что «перестройка» — это именно революция, поскольку в советской мифологии данный термин имел строго положительные коннотации⁹⁷. А поскольку революция прочно ассоциировалась с фигурой Ленина, его идейное наследие теперь противопоставляли догматике предыдущих десятилетий, искали в нём вдохновение и рецепты преобразований⁹⁸.

Большое значение в складывавшихся условиях приобрёл юбилейный доклад нового лидера М.С. Горбачёва. При обсуждении его итоговой версии среди высшего руководства страны вскрылся ряд противоречий в оценке исторических событий. Особенно остро встал вопрос о переосмыслении роли Февральской революции. Так, Б.Н. Ельцин и Н.И. Рыжков выступили против излишнего, по их мнению, выпячивания Февраля в ущерб Октябрю; последний предлагал «приглушить» февральскую тему⁹⁹.

Несмотря на возражения, тема Февраля прозвучала в докладе очень сильно. Он объявлялся «первой победоносной народной революцией», первым «опытом реального демократизма». Более того, отмечалось, что «Февраль уникален и по своей возможности мирного перехода власти в руки трудящихся, возможности, не ставшей, к сожалению, в силу исторических обстоятельств действительностью. Февраль был важнейшим историческим этапом на пути к Октябрю»¹⁰⁰.

⁹⁴ Городецкий Е.Н. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. М., 1982. С. 121.

⁹⁵ Мельниченко М. Советские анекдоты: указатель сюжетов. М., 2014. С. 143–192.

⁹⁶ Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практика. СПб., 2008.

⁹⁷ Горбачёв М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988. С. 46–47; Шерлок Т. Указ. соч. С. 92–96.

⁹⁸ Шерлок Т. Указ. соч. С. 95.

⁹⁹ Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох: 1972–1991 годы. М., 2010. С. 57, 62.

¹⁰⁰ Горбачёв М.С. Октябрь и Перестройка: революция продолжается. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвящённом 70-летию Великой Октябрьской Социалистической Революции, в Кремлёвском дворце съездов 2 ноября 1987 года. М., 1987. С. 6.

Почему было важно усилить позитивную оценку февральских событий? Привлекал их демократический потенциал. Кроме того, позитивная оценка «буржуазной» революции была очень кстати, если учесть, что именно в 1987 г. началось активное обсуждение дальнейшей модели экономического развития СССР¹⁰¹, в которой нашлось бы место рыночным факторам и институтам. Так ненавязчиво население подводило к мысли о том, что не всё «буржуазное» плохо. Что касается Октябрьской революции, то в докладе всячески подчеркивался её демократический характер, отсутствие догматизма её творцов. Не была обойдена и тема мобилизующей роли партии, готовности трудящихся сплотиться вокруг неё и «перетерпеть» трудности.

Общество остро почувствовало новые веяния. Писатель и сценарист Д.Н. Каралис так описал праздничный день: «70 лет Октябрьской революции. Ездил в город, ходили на салют. Народу – тьма. Движение на Невском остановлено. После салюта зашли с детьми на Дворцовую площадь – она в свете мощных армейских прожекторов. Почти не было пьяных. Шли до Садовой улицы, дурачились и кричали лозунги:

– Слава теоретику анархизма Бакунину! Ур-р-а!

– Слава князю-анархисту Кропоткину! Ур-р-а!

Мы с Максимкой кричали: “Слава перестройке!” и “Да здравствует перестройка!”. Максим даже охрип, бедняга. Молодёжь веселилась на славу. И откуда что бралось?

– Да здравствуют Советские вооружённые силы, самые вооружённые силы в мире!

– Да здравствуют советские микросхемы, самые крупные микросхемы в мире!

– Слава советским хлебобулочным изделиям! (Когда проходили мимо булочной).

– Слава советскому ремонту обуви!

– Да здравствуют советские бюрократы!

Я крикнул: “Да здравствуют советские неформалы – пружина перестройки! Ур-р-а!” Хотел ещё крикнуть: “Позор советским проституткам! Ура!”, но Ольга запретила. Народ раскован, весел, полон энергии – раньше такого не было»¹⁰².

В этих условиях 70-летний юбилей Октябрьской революции становился важным элементом пропаганды «перестройки». Но обращение к символике Октября запустило и ряд процессов, работавших на эрозию системы. Во-первых, раскол партийной элиты на «консерваторов» и «демократов»¹⁰³ заставил последних апеллировать к массам и в стремлении привлечь их на свою сторону всё более расширять пространство свободы слова. Либерализация напрямую коснулась и прошлого: «Отказ от контроля над советской историей... частично был обусловлен признанием реформаторами того, что достоверная информация о прошлом необходима для адекватного обсуждения альтернативы будущего развития, поскольку исторические мифы выполняли консервирующую

¹⁰¹ Пихоя Р.Г., Соколов А.К. История современной России: кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х – 1991 гг. М., 2008. С. 185.

¹⁰² Каралис Д.Н. Дневник. 1987. 7 ноября (URL: [http://prozhito.org/search/diaries/\[251\]/date/1987-01-01/dateTop/-/keywords/-/locations/-/mentioned_persons/-/tags/-/langauges/\[01\]/](http://prozhito.org/search/diaries/[251]/date/1987-01-01/dateTop/-/keywords/-/locations/-/mentioned_persons/-/tags/-/langauges/[01]/)).

¹⁰³ Шубин А.В. Трансформация элит в период перестройки // Элиты и лидеры: традиционализм и новаторство. М., 2007. С. 93.

функцию»¹⁰⁴. В условиях реализации лозунгов гласности и, как следствие, формирования более плюралистического общественно-политического пространства юбилей заставлял оглянуться назад и оценить достижения советского строя. Многие делали неутешительные выводы...

Тем не менее в 1987–1988 гг. мифология Октября всё ещё играла объединяющую роль. Не случайно Ю.Н. Афанасьев в интеллектуальном бестселлере эпохи сборнике «Иного не дано» писал: «Вступление на путь радикальных преобразований, совпавшее с 70-летним юбилеем Октября, заставляет всех нас призадуматься, осмыслить пройденное и достигнутое. Несмотря на всё пережитое обществом до сегодняшнего дня, в нём сохраняется присущее нашим людям духовное единство, питаемое импульсами, которые исходят из Октября 1917-го»¹⁰⁵. Но клятва верности идеалам Октября не распространялась на действующий режим. В той же статье автор заявил, что в существующих учебниках по советскому периоду нет «ни одной нефальсифицированной страницы»¹⁰⁶.

Во-вторых, революционная риторика неизбежно радикализовала общество¹⁰⁷. Метафора революции играла отнюдь не на стабилизацию ситуации, наоборот, революционный процесс всегда противостоит стабильности, защитницей которой выступала партийная номенклатура. Особенно сильно радикализация коснулась, в силу возрастных и социальных особенностей её положения, молодёжи. Пользовавшиеся в конце 1980-х гг. бешеной популярностью отечественные рок-группы активно использовали образы революции в своих песнях – если и не явно антисоветских, то уж точно протестных. Лидер группы «ДДТ» Ю.Ю. Шевчук в хите «Революция» воспевал революционную романтику: «В этом мире того, что хотелось бы нам – нет! Мы верим, что в силах его изменить – да!»

И, наконец, в-третьих, юбилей подтолкнул к переосмыслению наследия Октября широкими кругами интеллектуалов от историков до публицистов. Согласно законам функционирования символической реальности, для уничтожения господствующего дискурса необходима его деконструкция¹⁰⁸. Она заключается в разрушении сложившихся мифологических конструкций или включении их в новый контекст. Собственно говоря, именно процедура деконструкции (осознанно и неосознанно) и была проведена в отношении революции как символа, в чём большую роль сыграли многочисленные разоблачительные статьи публицистов о революции в стиле «как это было на самом деле», дискуссии профессионалов и любителей.

Государство перестало быть монополистом в наполнении смыслами революционных символов. Наоборот, они стали использоваться в целях дискредитации действующей власти. Так, рок-группа «Аквариум» при участии группы художников «Митьки» сняла в 1988 г. видеоклип на песню «Поезд в огне», где метафора локомотива-революции подавалась в негативном ключе – как

¹⁰⁴ Шерлок Т. Указ. соч. С. 54, 59.

¹⁰⁵ Афанасьев Ю.Н. Перестройка и историческое знание // Иного не дано. М., 1988. С. 491.

¹⁰⁶ Там же. С. 498.

¹⁰⁷ Елисева Н.В. Революция как реформаторская стратегия перестройки СССР: 1985–1991 годы // Гефтер: Электронный журнал (URL: <http://gefteger.ru/archive/7823>; дата обращения: 25.10.2016).

¹⁰⁸ См.: Ван Дейк Т. Дискурс и власть: репрезентации доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.

события, сломавшего естественный ход истории¹⁰⁹. Революционный дискурс стал одной из главных причин радикализации масс в «перестроечные» годы. В данном случае мы сталкиваемся с ситуацией, когда система исторических мифов, созданных правящим режимом, перестала играть на его сохранение и начала разрушать его изнутри.

В общественном пространстве альтернативой мифологии Октября стала мифология дореволюционной России. Её проводниками выступили разные, часто непохожие силы: и общества сохранения культурного наследия, и нарождающиеся националистические движения, и «демократы», видевшие в России начала XX в. здоровую альтернативу и нереализованный потенциал. В ситуации, когда воспитанные на карикатурно негативном образе Российской империи граждане узнавали, что всё было не так уж плохо, возникал миф о «России, которую мы потеряли», спустя некоторое время воплощенный в одноимённом фильме С.С. Говорухина. Революционеру-разрушителю Ленину противопоставлялась фигура реформатора П.А. Столыпина — твёрдого политика, способного противостоять беспорядкам¹¹⁰. Естественно, революция быстро теряла своё ценностное значение и из величайшего исторического прорыва превращалась в трагедию, погубившую страну.

На протяжении последних лет существования СССР происходило неудержимое «размывание», деконструкция символического статуса Октября. В этом процессе принимали активное участие различные социальные и профессиональные группы, часто имевшие противоположные интересы и цели, но объективно оказавшиеся на короткое время по одну сторону баррикад. В результате политическая легитимность режима, основанная на мифе об Октябре, оказалась поставлена под сомнение, а коммунистическая идентичность, являвшаяся стрепнем советского общества, перестала быть привлекательной для большинства. Перестройка, потеряв опору в прошлом, не сумела обрести её в современности. Вместо успехов реформ люди видели пустые полки и очереди.

Ноябрьские демонстрации незаметно перестали быть праздником единения народа и партии. Символично, что именно на демонстрации 7 ноября 1990 г. на Горбачёва было совершено покушение: в него пытался выстрелить из обрез ленинградец А. Шмонов, которому успели помешать сотрудники милиции. Свой поступок он объяснял падением уровня жизни, а также обвинял Горбачёва в убийстве людей во время разгона апрельской демонстрации 1989 г. в Тбилиси¹¹¹.

Правда, в 1989 г. 62% опрошенных назвали Октябрь 1917 г. одним из самых значимых событий в истории страны¹¹², однако из формулировки не очень понятна оценка. Потерял своё былое обаяние и Ленин, о чём свидетельствует, к примеру, опрос, проведенный в Ленинграде в 1990 г. На вопрос «Назовите, пожалуйста, двух–трёх государственных деятелей прошлого, которые наиболее симпатичны Вам», респонденты чаще всего указывали Петра I, Ленин же оказался лишь на пятом месте, пропустив вперёд американских президентов

¹⁰⁹ Савицкий С. Указ. соч.

¹¹⁰ де Кегель И. Исторический дискурс и общественность эпохи перестройки: дебаты о реформах Столыпина // Советская общественность в эпоху перестройки (1985–1991). М., 2009. С. 123–143.

¹¹¹ Мухаматуллин Т. Как пытались убить Горбачёва // Газета.Ру (URL: http://www.gazeta.ru/science/2015/11/07_a_7877645.shtml).

¹¹² Дубин Б.В. Россия нулевых: политическая культура — историческая память — повседневная жизнь. М., 2011. С. 49.

Ф. Рузвельта, А. Линкольна и Дж. Вашингтона¹¹³. Как видно, ценности капитализма и либерализма оказались привлекательнее ценностей коммунизма. Конечно же, необходимо учитывать популярность либерально-демократических, прозападных взглядов в Ленинграде того времени, но то, что «колыбель трёх революций» и «город Ленина», по сути, отверг своего патрона — глубоко символично.

Стоит отметить ещё, что советские граждане, воспитанные на историческом материализме, верили в непреложные закономерности. Они помнили, что Октябрьская революция переросла в Гражданскую войну. В начале 1990-х гг. многим на горизонте мерещился призрак нового братоубийственного конфликта (и не без оснований). Восприятие Октября в столь нервной обстановке просто не могло оставаться положительным.

Подводя итог, констатируем, что за более чем 70 лет правления большевиков была создана индустрия памяти о революции 1917 г., в зависимости от контекста и актуальной политической ситуации то оказывавшейся неудобным прошлым, то наполнявшейся новыми смыслами. В любом случае она оставалась ключевым элементом советской идеологии и играла важнейшую роль в формировании советской идентичности, а посвященные её коммеморации служили оплотом мифа. Но постепенно агрессивный миф, призывающий к мировой революции и радикальному переустройству общества, терял свой мобилизующий заряд. По мере его выхолащивания слабела и символическая мощь советской власти.

С развалом СССР миф о революции потерял официальный статус. Более того, пришедший к власти политический класс постарался наполнить его негативными коннотациями, представив как событие, нарушившее нормальное развитие России. С середины 1990-х гг. место центрального исторического мифа окончательно заняла Великая Отечественная война, а политика памяти оказалась направлена на вытеснение образа 1917 г. из массового исторического сознания, замену его патриотическими и государственническими символами. Всё меньше людей называли революцию важнейшим событием отечественной истории. Заметное оживление наблюдается лишь в наши дни, в преддверии столетнего юбилея событий. Очевидно, что споры вокруг революции и борьба за её интерпретацию только усилятся. К сожалению, доминирует не научный взгляд, а различные политические оценки, как правило, конспирологического характера.

¹¹³ *Конюсов Н.Е.* Указ. соч. С. 172.

Провинциальная контрреволюция: Иваново-вознесенская самодержавно-монархическая партия в 1905–1917 гг.

Игорь Омелянчук

Provincial counter-revolution: The autocratic monarchist party of Ivanovo-Voznesensk in 1905–1917

Igor Omelianchuk (Vladimir State University, Russia)

Иваново-вознесенская самодержавно-монархическая партия (ИВСМП) являлась одной из многочисленных региональных черносотенных организаций, возникших в годы Первой русской революции. Несмотря на размещение в безлюдном городе и отсутствие харизматических лидеров, она была достаточно заметна в правом движении. Именно её депутацию выбрал Николай II, чтобы несколько сгладить впечатление, произведённое Манифестом 17 октября 1905 г. на сторонников самодержавия. «Передайте вашим братьям-единомышленникам, — заявил он 16 февраля 1906 г., — что я как встарь буду самодержавный и неограниченный»¹. Позднее император пожаловал этой партии свой портрет. Подобной чести до этого удостоился только Одесский отдел Союза русского народа (СРН)². Неудивительно, что ИВСМП достаточно часто упоминалась в работах историков³, однако специально её деятельность практически не исследовалась. Непосредственно ей посвящена лишь энциклопедическая статья С.О. Алексинского⁴.

Углубление политического кризиса осенью 1905 г. сопровождалось поляризацией населения, разделившегося на два враждебных лагеря — сторонников и противников революции. Манифест 17 октября, спровоцировав кровавые столкновения между ними (в том числе и в Иваново-Вознесенске), в то же время создал условия для введения противостояния в законные рамки и легализации различных партий. Вскоре начался процесс институционализации правого движения, результатом которого стало создание многочисленных монархических союзов и организаций, в том числе и ИВСМП.

23 декабря 1905 г. от имени партии было опубликовано воззвание, в котором указывалось, что «постоянные смуты, волнения, национальные распри грозят великим бедствиями нашему отечеству». Причиной их признавались

© 2017 г. И.В. Омелянчук

Статья подготовлена при поддержке РФНФ, проект № 14-11-33002.

¹ Государственный архив Владимирской области (далее — ГА ВО), ф. 14, оп. 4, д. 2833, л. 32.

² Старый Владимирец. 1908. 27 августа. № 21.

³ См., например: *Белов А.М.* Монархисты и рабочие в 1905–1907 гг. // Цивилизационные и формационные подходы к изучению отечественной истории. Вып. 1. М., 1996. С. 134–145; *Степанов С.А.* Чёрная сотня. М., 2005; *Рубанков К.С.* Правомонархическое движение в российской провинции. 1905 – февраль 1917 гг. (на материалах Владимирской и Костромской губерний). Дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2007; и др.

⁴ *Алексинский С.О.* Иваново-вознесенская самодержавно-монархическая партия // Чёрная сотня. Историческая энциклопедия. М., 2008. С. 219.

«настойчивые стремления крайних левых партий произвести анархию и поколебать существующие государственные устои, обеспечивающие народное благо и цельность государства». Эти партии характеризовались как «без сомнения немногочисленные, но вследствие хорошей организации, представляющие... силу», поскольку в русском народе «нет желательной сплочённости» и он не подготовлен «к наступающей политической жизни». «Потому, — призывала ИВСМП, — в настоящее время необходимо всем истинно русским людям, чтущим царя и любящим отечество, не теряя времени, сплотиться воедино и всеми силами встать на защиту родины, помочь правительству в прекращении смуты и междоусобия»⁵.

Программа партии, составленная членами партийного комитета И.П. Борисовым (председатель), М.Т. Кашиным (товарищ председателя), А.Р. Фельдманом (казначей), А.Н. Ардасовым и Д.А. Гуреевым⁶, включала как «классические» для черносотенных организаций положения («неприкосновенность самодержавной власти государя императора», «желательность распространения учения Церкви православной», «желательность ограничения места жительства людей иудейского происхождения», «организация борьбы против сильных проявлений работы крайних партий», таких как «противоправительственные демонстрации» и «приготовления к вооружённому восстанию»), так и умеренно-либеральные идеи («свобода, независимость и полная неприкосновенность всех исповеданий», установление «ответственности и полной отчётности министров перед государем императором и народным представительством»). Последний и наиболее обширный 12-й пункт программы содержал целый ряд социально-экономических требований: введение всеобщего бесплатного начального обучения и доступность среднего образования; подоходное налогообложение, снижение акциза «на продукты первой необходимости» и его повышение «на вино»; наделение землёй безземельных и малоземельных крестьян «при содействии Крестьянского банка и другими законными способами»; развитие промышленности и сельского хозяйства «путём распространения специальных знаний и орудий производства»; государственное содействие переселению крестьян.

Чтобы не оттолкнуть от партии иваново-вознесенских рабочих, программа предусматривала «допустимость защиты рабочим своих интересов путём экономических стачек без применения насилия над несочувствующими». Готовясь участвовать в предстоящих выборах, партия собиралась «выяснить нужды России и, крепко держась нашей программы, наметить из числа наших членов лиц, коих мы введём... в Государственную думу»⁷.

1 января 1906 г., разъясняя позиции ИВСМП, Фельдман заявил на общем собрании: «наименование партии “самодержавно-монархическая” и её программа указывают, что члены её путём строгого логического вывода пришли к заключению, что рациональный способ управления государством российского должен быть в настоящее время самодержавный». По словам казначея, назвав партию просто монархической, «мы должны были бы этим показать, что совершенно отрекаемся от старого строя управления государственным и переходим к новому конституционному». Но в отличие от крайне правых монархистов, выступавших против намеченных в 1905 г. реформ, Фельдман полагал, что «тот дар, который мы получили 17 октября от государя императора, должен

⁵ РГИА, ф. 1284, оп. 187, 1906 г., д. 38, л. 12.

⁶ ГА ВО, ф. 14, оп. 4, д. 2833, л. 1.

⁷ РГИА, ф. 1284, оп. 187, 1906 г., д. 38, л. 12, 12 об.

служить нам путеводной звездой к новой эре», создание Государственной думы несколько не ограничило власти монарха, а «самодержавие остаётся в полном объёме, как и раньше». «Во главе Российского государства, — утверждал он, — должен стоять император, как единственный законодатель и управитель, как это искони велось на Руси, с тем только изменением, что для большего ознакомления с нуждами российского государства, т.е. населения, по непреклонной воле государя из среды его выбираются народные представители, которые по мере сил своих представляли бы государю суждения по поводу различных нужд народных». Соответственно необходимо, чтобы эти избранники «имели бы голос законосовещательный и законодательный»⁸.

На общем собрании 7 января Фельдман назвал «раскрепощение русской мысли, слова, личности», объявленное манифестом 17 октября, реформой «чуть не мирового значения», и выразил уверенность в том, что «с дарованием последней... Россия, наша родина, пойдёт дорогой прогресса и мира к свету, к цивилизации». Конечно, император по-прежнему будет самодержавен, но «из этого ещё не следует делать заключения, что самодержавие останется именно таким, каким оно было до манифеста 6 августа и в особенности до Манифеста 17 октября». Напротив, уже идёт «коренная ломка всего государственного организма» и «противники этого прилагают все свои усилия затруднить, затормозить и даже уничтожить эту ломку», чем и должна быть «объяснена кажущаяся нерешительность, как бы двойственность, которая шла всё время якобы от царя», тогда как на самом деле «русский царь во имя блага своей, нашей, господа, родины выдерживал бури и прошёл все мели и скалы с отважностью ловкого моряка»⁹.

На том же собрании был утверждён устав партии. В его преамбуле провозглашалось, что ИВСМП «признаёт главнейшей своей целью соблюдение полной неприкосновенности самодержавной власти государя императора на основах Манифеста от 17 октября 1905 года». При этом «самодержавно-монархическая партия берёт на себя смелость занять положение руководителя и советника среди рабочего и крестьянского люда и борца за его интересы, но борца мирного, путём закона и справедливости». Соответственно «главной своей задачей» ИВСМП называла «объединение под своим знаменем рабочего и крестьянского классов, как более недостаточных и более нуждающихся в улучшении своего экономического положения и быта», ибо «потребности этого улучшения стали более очевидны за последнее время, благодаря сильно отражающейся агитации крайних левых партий среди этих классов»¹⁰.

В партию могли вступать только лица, достигшие 25 лет, «мужского пола всех званий, состояний и вероисповеданий, за исключением иудейского» (лютеране и католики принимались, «если они находятся не менее 3 лет в подданстве»). Финансировать её деятельность предполагалось за счёт членских взносов, частных пожертвований, «доходов с устраиваемых партией лекций, концертов, литературных чтений и других полезных партии и обществу увеселений». Общее собрание, являвшееся высшим руководящим органом, могло изменять устав, проводить ревизию денежных сумм и т.п. Оно же ежегодно переизбирало партийный комитет (15 членов «и к ним не менее 5 кандидатов»

⁸ Там же, л. 6, 6 об., 7 об. Несколько лет спустя о том же писал Л.А. Тихомиров: «Иногда нужен решающий голос, иногда совещательный, иногда простая работа по порученному делу» (Тихомиров Л.А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М., 2003. С. 463).

⁹ РГИА, ф. 1284, оп. 187, 1906 г., д. 38, л. 11, 11 об.

¹⁰ Там же, л. 2, 2 об.

с равным правом голоса), в обязанности которого входило управление текущими делами и «составление планов борьбы против левых крайних партий»¹¹.

Характерно, что, несмотря на декларируемую ИВСМП лояльность, в МВД не сочли возможным утвердить её устав, так как «в отношении... политических союзов, обществ, собраний, партий и т.п. в нашем законодательстве... отсутствуют надлежащие указания», и «до издания ожидаемого в ближайшем будущем специального закона... надлежит, в силу положенных в основание Высочайшего Манифеста 17 октября новых начал, признать, что образовавшимся за последнее время многочисленным союзам и партиям должно быть предоставлено право действовать без утверждённых правительством уставов, но с ведома местных властей»¹².

Во второй половине 1906 г. ИВСМП, как и многие другие провинциальные монархические организации, вошла в состав Союза русского народа на правах отдела, сохранив при этом своё название и устав¹³. Поначалу это укрепило репутацию партии — на III Всероссийском съезде русских людей было решено провести IV съезд в декабре 1906 г. в Иваново-Вознесенске, подготовка его поручалась председателю ИВСМП Борису и Московской областной управе Объединённого русского народа, которой руководили В.А. Грингмут и протоиерей Иоанн Восторгов. 21 ноября они даже посетили Иваново-Вознесенск¹⁴. Однако в середине декабря 1906 г. Главная управа Объединённого русского народа сообщила Борису, «что, не находя возможным ослаблять свои силы в предвыборное время, она отклоняет от себя приглашение прибыть... в Иваново-Вознесенск на Всероссийский съезд монархистов»¹⁵. Попытки ИВСМП провести в городе в марте 1907 г. хотя бы съезд «патриотических организаций, находящихся в ведении Московской областной управы объединённого русского народа», также не увенчались успехом¹⁶.

Между тем летом 1909 г. СРН раскололся на два враждебных течения — сторонников А.И. Дубровина, выступавших за возвращение к порядкам, существовавшим до 1905 г., и тех, кто примирился с Думской монархией. Последние, во главе с Н.Е. Марковым 2-м, пользуясь отсутствием Дубровина в Петербурге, «обновили» состав Главного совета СРН и добились в нём численного преобладания. Дубровин же, не сумев вернуть контроль над Главным советом, решил вывести из его подчинения местные отделы, сделав их самостоятельными организациями.

Владимирским правым пришлось выбирать сторону в этом конфликте. В противовес «обновленческому» Владимирскому губернскому отделу СРН, «дубровинский» Шуйский союз русских православных людей (ШСРПЛ), также числившийся отделом СРН, 26 августа 1909 г. учредил «Областной совет Союза русского народа для всей Владимирской губернии, в который все отделы (в этой губернии) Союза русского народа должны обращаться с запросами и за разъяснениями»¹⁷. Иваново-вознесенские монархисты поначалу с осторожностью отнеслись к новой организации, заявив, что, «хотя и сочувствуют открытому в Шуге Областному совету, но... думают вести свой отдел самостоятельно...

¹¹ Там же, л. 3–4 об.

¹² Там же, л. 20.

¹³ *Шевцов А.В.* Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX в. СПб., 1997. С. 243.

¹⁴ Владимирский край. 1906. 16 декабря. № 36.

¹⁵ Там же. 17 декабря. № 37.

¹⁶ Ивановский листок. 1907. 7 марта. № 52.

¹⁷ Там же. 1909. 28 августа. № 183.

подчиняясь лишь только Главному совету Союза русского народа»¹⁸. Однако в мае 1910 г. ИВСМП встала на сторону «дубровинцев» и вошла в «Областной совет Шуйско-Ивановского отдела СРН», заявивший, что «сила Союза не в Главном совете, а во множестве отделов Союза, которые существуют и будут существовать, хотя бы Главный совет... и упразднился»¹⁹. Правда, объединение шуйских и ивановских черносотенцев оказалось нежизнеспособным и вскоре распалось, а ИВСМП продолжила самостоятельное существование.

Собственного печатного органа партия не имела. В Иваново-Вознесенске с 15 февраля 1906 г. выходила газета «Ивановский листок»²⁰, редактором-издателем которой был П.И. Зайцев. Уже 2 марта губернатор И.Н. Сазонов охарактеризовал новую газету как правую²¹, а в конце 1906 г. «Владимирский край» назвал «Ивановский листок» органом СРН²². Однако, несмотря на тесное сотрудничество с ИВСМП, данное издание сохраняло самостоятельность и зарабатывало средства всеми доступными способами, то публикуя призывы к переходу на Григорианский календарь²³, то размещая рекламу «небывало-пикантной эротической библиотеки» в пяти томах²⁴. При этом «Ивановский листок» пользовался определённой популярностью — разносчики газет порой продавали его номера по 5 коп., чем вызывали возмущение в редакции, напоминая, что отпускная цена — всего 3 коп.²⁵ Успех у читателей и частные пожертвования, список которых регулярно публиковался на страницах газеты, позволили ей приобрести в 1911 г. собственную типографию и благополучно просуществовать до весны 1917 г.

Говоря о социальном составе ИВСМП, либеральная «Клязьма» утверждала, что в ряды «случайно образовавшейся у нас самодержавно-монархической партии... первыми стали местные мелкие торговцы и обыватели»²⁶. «Дворники да извозчики опора “союза истинных”, сокрушители крамолы», — иронизировал «Владимирец»²⁷. «Старый Владимирец» отмечал присутствие в рядах ивановских монархистов «извозчиков, мясников, торговцев»²⁸. Участие городских низов в деятельности правых, как правило, вызывало у оппозиции почти нескрываемое презрение. Но сами монархисты этим скорее гордились. Так, когда «Клязьма» заявляла, что в составе ИВСМП «по большей части мелкие лавочники и малограмотные», партийный комитет отвечал: «Это правда, но в этом-то и заслуга нашей партии... Если Ивановская Талка (река, на берегу которой проходили собрания бастующих рабочих и заседания первого Совета в мае-июне 1905 г. — *И.О.*) представляла собой университет... с революционным направлением, то и наши заседания... представляют из себя маленький университет, но для труда мирного, для ограждения интереса неимущих легальными средствами»²⁹.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Русское знамя. 1910. 14 мая. № 107.

²⁰ Клязьма. 1906. 18 февраля. № 44.

²¹ ГА ВО, ф. 14, оп. 4, д. 2871, л. 3.

²² Владимирский край. 1906. 5 декабря. № 27.

²³ Ивановский листок. 1913. 11 января. № 8.

²⁴ Там же. 1907. 6 февраля. № 29.

²⁵ Там же. 1913. 25 июля. № 157.

²⁶ Клязьма. 1906. 14 января. № 12.

²⁷ Владимирец. 1907. 24 февраля. № 43.

²⁸ Старый Владимирец. 1911. 6 февраля. № 29.

²⁹ Клязьма. 1906. 19 января. № 17.

В действительности среди членов ИВСМП преобладали рабочие. «Клязьма» объясняла их симпатии к монархистам с ошибками других политических сил, в частности, тем, что фабриканты заставляли пролетариев вступать в партию октябристов. «Когда рабочие... убедились, — сообщал корреспондент этой газеты, — что их интересы находятся в руках лиц, стремящихся разрешить рабочий вопрос далеко не беспристрастно, они стали серьёзно думать о своём уходе из этой партии, а рабочие одного местного завода, в количестве до 200 человек... решили демонстративно примкнуть к другой местной партии «Самодержавно-монархической»³⁰.

Но едва ли не в большей степени популярность правых у городских низов Иваново-Вознесенска была связана с экономическими трудностями, вызванными революцией. Средняя оплата труда в текстильном производстве (а именно оно являлось основой промышленности города) оставалась одной из самых низких, и рабочие практически не имели сбережений. Теряя заработок из-за забастовки, они оказывались на грани физического выживания. Поэтому многие из них поддерживали ИВСМП, выступавшую «за порядок» и возобновление работ на фабриках. Схожими мотивами руководствовались и мелкие предприниматели, благосостояние которых напрямую зависело от покупательной способности населения.

Другие социальные группы в ИВСМП практически не были представлены. Фабриканты, купцы и интеллигенция Иваново-Вознесенска, будучи тесно между собой связанными экономически, в большинстве своём предпочитали между октябристов или кадетов. «Среди ивановской интеллигенции эта партия далеко не пользуется сочувствием», — с удовлетворением писала про ИВСМП «Клязьма»³¹. А публицист «Ивановского листка» сожалел, что на освящении хоругви и стяга ИВСМП «не видел... местное именитое купечество»³². Правда, иногда монархистов поддерживали представители деловых кругов, желавшие с их помощью избавиться от конкурентов. Так, купец А.В. Константинов и заводчик М.В. Журавлёв постоянно призывали «к мирной борьбе» против евреев, «эксплуатирующих русских»³³.

О социальной принадлежности лидеров ИВСМП можно судить по депутатии, представлявшей императору: потомственный почётный гражданин Борисов (в тот момент — конторщик Куваевской фабрики³⁴), комиссионер Фельдман — из дворян; крестьяне — частный поверенный А.И. Ардасов, огородник Д.А. Гуреев, владелец кирпичного завода М.В. Журавлёв, артельщик М.Т. Кашин, фотограф М.Н. Щербаков; мещане — мясоторговец С.М. Мужжавлев и служащий городской управы А.Г. Селивановский³⁵.

Преобладание в руководстве ИВСМП выходцев из крестьян и мещан было вполне естественным — крупные собственники и интеллигенция игнорировали партию, а преобладавшие среди её членов рабочие в силу отсутствия образования и скромных доходов не претендовали на ведущие роли в партийных структурах.

Данные о половозрастном составе ИВСМП практически отсутствуют, если не считать обрывочных упоминаний в печати. Так, «Старый Владимирец»

³⁰ Там же. 8 февраля. № 36.

³¹ Там же. 14 января. № 12.

³² Ивановский листок. 1907. 17 февраля. № 39.

³³ Там же. 1911. 16 ноября. № 246.

³⁴ Клязьма. 1906. 10 февраля. № 38.

³⁵ ГА ВО, ф. 14, оп. 4, д. 2833, л. 12.

утверждал, что на собраниях ИВСМП «преобладают пожилые с бородами и волосами в скобку», при этом среди них, наряду с извозчиками и мясниками, можно встретить «двух–трёх молоденьких, в шляпках, девушек»³⁶.

Количество участников партийных мероприятий колебалось от нескольких десятков до нескольких сотен. «Ивановский листок» писал, что 17 февраля 1913 г. на собрание явилось «членов комитета 6 человек и остальных членов партии 32», а 21 апреля того же года — «громадный зал окружного суда не смог вместить всех присутствующих»³⁷. Появление известных правых политиков привлекало особое внимание. Так, в декабре 1906 г. послушать протоиерея Иоанна Восторгова и Грингмута пришло около 500 человек³⁸. Настоящий ажиотаж вызвало выступление депутата Государственной думы и председателя Русского народного союза им. Михаила Архангела В.М. Пуришкевича. «Ивановский листок» уверял, что перед ним «ходко выправляются членские билеты, дабы монархистам возможно было присутствовать на том собрании»³⁹.

По данным владимирского губернатора, к осени 1907 г. численность ИВСМП достигала 16 500 человек (ещё 150 членов состояли в подотделе СРН при станции Иваново)⁴⁰. Для города с населением около 60 тыс. жителей, из которых примерно половину составляли рабочие местных фабрик, это было очень много. Однако активных черносотенцев набиралось гораздо меньше. «Владимирец» свидетельствовал, что на церемонии освящения хоругви и знамени в феврале 1907 г. было всё — «и 3 священника, и хор певчих, и 2 сотни казаков, и 1½-часовой звон, но одного не было — это тысяч монархистов»⁴¹. В марте 1909 г. начальник губернии сообщал в Департамент полиции, что «Иваново-Вознесенский отдел Союза русских людей (так в документе. — *И.О.*) насчитывает в своих рядах несколько тысяч человек»⁴². Создавать собственные филиалы ИВСМП не удавалось, если не считать открытого в ноябре 1906 г. отдела в фабричном селе Серёда Нерехтского уезда Костромской губ. (ныне г. Фурманов)⁴³. Однако, в соответствии с уставом, он подчинялся Костромской губернской организации СРН.

Позиции председателя партии сперва казались незыблемыми. В конце 1906 г. на одном из собраний приехавший в Иваново-Вознесенск Грингмут, «оценив деятельность Борисова, просил благодарить его за понесённые труды..., рассказал о киевском съезде, опять вспомнил о Борисове и похвалил его»⁴⁴. Один из членов ИВСМП говорил, что «И.П. Борисов... первый работник в партии, имевший счастье в 1905 году представляться государю императору»⁴⁵. «Он для нас — всё! — заявлял другой. — Он наша фирма!»⁴⁶.

Однако уже 2 января 1907 г. товарищ председателя Кашин на собрании «констатировал охлаждение и недовольство членов партии своим исполнительным

³⁶ Старый Владимирец. 1911. 6 февраля. № 29.

³⁷ Ивановский листок. 1913. 20 февраля. № 41; 23 апреля. № 84.

³⁸ Владимирец. 1906. 3 декабря. № 103.

³⁹ Ивановский листок. 1913. 28 апреля. № 89.

⁴⁰ Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 гг. // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 111. С.О. Алексинский называет другую цифру — не более 7 500 человек (*Алексинский С.О.* Указ. соч. С. 219).

⁴¹ Владимирец. 1907. 20 февраля. № 40.

⁴² РГИА, ф. 1284, оп. 187, 1909 г., д. 25, л. 5.

⁴³ Русское знамя. 1906. 29 ноября. № 294.

⁴⁴ Владимирец. 1906. 3 декабря. № 103.

⁴⁵ Владимирский край. 1907. 12 января. № 9.

⁴⁶ Владимирец. 1907. 11 января. № 7.

органом»⁴⁷. Он предсказывал, что из-за «недостаточно энергичной деятельности комитета» «недалеко то время, когда от партии не останется ни одного человека», и «предлагал избрать новый состав комитета»⁴⁸. Борисов при этом не упоминался, но вскоре на собраниях ИВСМП уже открыто звучали «некоторые неудовольствия... по поводу того, что председатель партии якобы потерял энергию и не представляет долго отчётность и т.п.»⁴⁹.

Недовольные этой критикой сторонники Борисова на перевыборах партийного комитета забаллотировали Кашина⁵⁰. Тот не подчинился и решил провести 28 марта собрание членов ИВСМП под своим руководством. Однако новоизбранный комитет дезавуировал его действия, заявив в печати, что «с назначенным г. Кашиным собранием... ничего общего не имеет». Ивановским черносотенцам предлагалось собраться 1 апреля, а новому товарищу председателя А.Н. Бочарову поручалось «проверить отчётность»⁵¹. 1 апреля Кашин и его последователи, разумеется, не явились. Между тем заседание «было очень оживлённым и интересным», проверка показала, что отчётность «в полном порядке и все расходы подтверждены документально», и в правой прессе даже высказывались надежды на то, что это «вернёт отделившихся в свою родную старую семью», выразившую «полное единодушие к председателю»⁵².

Вопреки этим ожиданиям, те, кто поддерживал Кашина, вышли из ИВСМП, и попытались создать собственную монархическую организацию «Царь и народ». Прошение о регистрации её устава, подписанное Кашиным, крестьянином М.Е. Сесоровым и мещанином Н.В. Мешковым, 24 мая 1907 г. поступило в губернское по делам об обществах присутствие. Иваново-Вознесенский полицмейстер, представляя его губернатору, отметил, что «учреждение упомянутого общества... является более чем желательным и препятствий к удовлетворению ходатайства вышеозначенных лиц не встречается». И всё же, из-за несоблюдения бюрократических требований, в регистрации обществу было отказано: в уставе забыли указать район деятельности и местонахождение комитета⁵³. Только 24 августа 1907 г., после устранения формальных препятствий, организацию «Царь и народ» внесли в реестр обществ и союзов Владимирской губернии. Но этим всё и кончилось. 20 марта 1910 г. губернское по делам об обществах присутствие «постановило: общество “Царь и народ”..., как не открывшее свои действия в течение более чем двух лет, закрыть»⁵⁴.

После конфликта с Кашиным состав партийного комитета ИВСМП несколько изменился. Теперь в него входили А.Н. Бочаров, Н.П. Демидов, Д.А. Гуреев, А.Г. Блинов, Г.П. Шохнин, С.К. Мужжавлев, М.П. Щербаков, А.Г. Селивановский и Г.Ф. Суслов⁵⁵. Возглавлял партию по-прежнему И.П. Борисов, избранный 5 октября 1908 г. «пожизненным председателем»⁵⁶. Впрочем, уже в марте 1909 г. губернатор констатировал, что лидер ИВСМП «в последнее время... не пользовался в отделе надлежащим доверием, благодаря своему

⁴⁷ Там же. 5 января. № 3.

⁴⁸ Там же. 11 января. № 7.

⁴⁹ Ивановский листок. 1907. 3 апреля. № 75.

⁵⁰ Там же. 27 марта. № 69.

⁵¹ Там же. 27 марта. № 69; 3 апреля. № 75.

⁵² Там же. 3 апреля. № 75.

⁵³ ГА ВО, ф. 521, оп. 1, д. 23, л. 1, 10.

⁵⁴ Там же, л. 16, 38.

⁵⁵ Ивановский листок. 1907. 12 апреля. № 83.

⁵⁶ Русское знамя. 1908. 16 октября. № 233.

небрежному отношению к партийным деньгам»⁵⁷. А в августе «Ивановский листок» писал, что черносотенцы «сильно разочарованы» своим председателем⁵⁸. О пожизненном избрании его соратники, вероятно, быстро «забыли».

В конце 1909 г. срок полномочий Борисова истёк, и в начале 1910 г. проголосовали за некоего Столярова, который, сославшись на болезнь, практически сразу же отказался от должности⁵⁹ и назначил дату следующих выборов, упомянув, что после официальной части состоится «духовная беседа со световыми картинами при участии хора певчих Александро-Невской церкви»⁶⁰. Но даже такое приглашение не помогло, и собрание «за неприбытием должного числа членов, не состоялось»⁶¹. Тогда комитет постановил, что повторное заседание «будет считаться окончательно состоявшимся при всяком количестве присутствующих»⁶². 11 апреля всё же удалось собрать около сотни членов ИВСМП. Руководил выборами секретарь А.Г. Блинов, и он же предложил кандидатуру нового председателя — «торговца» М.М. Бабанина, который «заочно и был единодушно избран»⁶³.

«Во время своего председательства» он «принял» все расходы партии «на свой счёт»⁶⁴, и особых претензий к лидеру у членов ИВСМП не возникало, но в начале 1914 г. пришла пора искать преемника и ему. Голосование предполагалось провести 19 января, однако обсуждение различных вопросов затянулось, и «ввиду позднего времени выборы председателя партии» решили отложить «до другого раза». При этом было известно, что Бабанин хочет уйти, и «на его место прочат А.В. Константинова, как энергичного человека и лучшего патриота»⁶⁵. Два месяца спустя, 16 марта, Бабанин, напомнив об окончании своих полномочий, сам попросил однопартийцев «избрать на его место нового председателя». «В ответ на это последовала усердная просьба собравшихся послужить ещё святому делу..., — сообщал «Ивановский листок», — но г. Бабанин категорично отказался, ссылаясь на свои личные дела и т.п.». После этого «всё собрание остановилось на давно намеченном кандидате в председатели А.В. Константинове, но последний через своего племянника тоже отказался». В итоге ИВСМП возглавил бывший секретарь партии Блинов — «человек свободный, благонамеренных убеждений, патриот, видимо, хорошо знающий национальное дело»⁶⁶.

«Старый Владимирец» изображал смену руководства ИВСМП несколько иначе. Бабанин, объясняя произошедшее, «упомянул о ропоте среди членов по его адресу как председателя». Оппозиционная газета объясняла это лицемерием: «Не покупайте ничего у жидов, не ходите к еврею адвокату за советом, не лечитесь у них, дорогие единомышленники! — поучал Бабанин на собраниях. Но за порогом собрания вверх дном перевёртывались у него все патриотические мысли. И не только купить резину или галантерею у еврея, но и разделить с ним в ресторане компанию составляло его удовольствие. Этот “еврейский вопрос” и понудил его отказаться от должности председателя»⁶⁷.

⁵⁷ РГИА, ф. 1284, оп. 187, 1909 г., д. 25, л. 5.

⁵⁸ Ивановский листок. 1909. 28 августа. № 183.

⁵⁹ Там же. 1910. 13 апреля. № 81.

⁶⁰ Там же. 25 марта. № 66.

⁶¹ Там же. 30 марта. № 69.

⁶² Там же. 8 апреля. № 77.

⁶³ Там же. 13 апреля. № 81.

⁶⁴ Там же. 1914. 19 марта. № 63.

⁶⁵ Там же. 21 января. № 15.

⁶⁶ Там же. 19 марта. № 63.

⁶⁷ Там же. 21 марта. № 65.

ИВСМП всячески дистанцировалась от политического террора и погромов осени 1905 г. В январе 1906 г. её комитет, отвечая на обвинения, раздававшиеся со стороны оппозиции и однозначно осуждая насилие, вынужден был напомнить, что еврейский погром произошёл «в нашем городе 22 октября, а партия же Самодержавно-монархическая начала лишь организовываться с 18 декабря», причём создавалась она исключительно для мирного противодействия экстремизму «путём разумного душевного слова-вразумления», поскольку её учредители не могли оставаться «равнодушными зрителями произвола и насилия, происходящих по Руси и, в частности, в Иваново-Вознесенске»⁶⁸. Впрочем, в марте 1913 г., во время суда над погромщиками, партия встала на их защиту, поскольку к этому времени некоторые из подсудимых являлись уже видными членами ИВСМП. Среди них – товарищ председателя А.Г. Селивановский и владелец типографии, печатавшей «Ивановский листок», В.П. Тихомиров. Из признанных виновными в октябрьских погромах именно они получили наиболее строгие наказания – по году в арестантских отделениях⁶⁹. 24 марта партия решила «ходатайствовать перед государем императором о полном помиловании всех осуждённых», которых насчитывалось 21 человек⁷⁰. И менее чем через месяц, 21 апреля, Бабанин «доложил собравшимся о царской милости к осуждённым... и прочёл о помиловании их телеграмму». «Это известие..., – как сообщила газета, – было покрыто криками “Да здравствует государь император!”»⁷¹.

После создания ИВСМП силовое противостояние в Иваново-Вознесенске постепенно затихло, хотя незначительные эксцессы ещё случались. Так, в начале февраля 1906 г. «Клязьма» жаловалась на «ивановских извозчиков», совершивших ряд «безобразных черносотенных выходов»: «разносчикам прогрессивных журналов и газет они не только позволяли делать угрозы, но и допускали неоднократно произвольные насилия, вырывая, например, у них из рук газеты и уничтожая их»⁷². В октябре 1906 г. правая газета «Вече» опубликовала телеграмму, отправленную от имени ИВСМП ярославскому губернатору: «Возмущаясь подлыми поступками рабочих ярославской Большой мануфактуры с рабочими членами Союза русского народа, иваново-вознесенские рабочие предупреждают Ваше превосходительство, что если не будут приняты решительные меры в их защиту, то ивановцы явятся в Ярославль лично защищать своих союзников от насилия»⁷³. Но дальше грозных телеграмм дело не пошло.

При этом активистам ИВСМП также угрожали их политические противники. Так, в апреле 1907 г. «монархист С-ов» получил «письмо, в котором неизвестный автор, именующий себя членом боевой организации, от имени главного революционного комитета просит монархиста выписаться из монархической партии, в противном случае угрожает смертью». Правые в ответ обещали, «что за каждого убитого революционером монархиста по меньшей мере будет уничтожено 5 революционеров»⁷⁴. Тем не менее на деле обе стороны не выходили за рамки подобной газетной полемики.

⁶⁸ Клязьма. 1906. 19 января. № 17.

⁶⁹ Ивановский листок. 1913. 19 марта. № 62.

⁷⁰ Там же. 28 марта. № 69.

⁷¹ Там же. 23 апреля. № 84.

⁷² Клязьма. 1906. 6 февраля. № 34.

⁷³ Вече. 1906. 12 октября. № 73.

⁷⁴ Ивановский листок. 1907. 8 апреля. № 80.

В целом же деятельность ИВСМП скорее ставила буйную неконтролируемую контрреволюционную стихию в определённые рамки, что способствовало улучшению обстановки в городе. В конце декабря 1906 г. «Владимирец» с наигранным удивлением информировал читателей об освящении «черносотенного знамени» в соседней Шуге, которое «прошло спокойно, несмотря на присутствие “делегатов” от ивановских погромщиков и даже на то, что молебен был устроен перед самым входом в пивную лавку»⁷⁵. А в феврале 1907 г. в газете признали: «Чёрные тучи, висевшие над Ивановом несколько месяцев тому назад, рассеялись. О погромах понемногу начинают забывать»⁷⁶.

Стычки между монархистами и их противниками больше напоминали теперь бытовые ссоры, чем политические конфликты. Так, 14 мая 1907 г. четыре члена ИВСМП «пошли в пивную у каменного моста», где разговорились о местных делах и политике. «В то время, как один из “монархистов” ораторствовал об Японии, вошёл один плотник..., — писал корреспондент “Владимирца”. — Долго он слушал, что говорил “монархист”, но когда дело дошло до войны с Японией, то плотник заметил: “На войне было убито 90 000 дураков, а 5 000 умных остались живы”. Патриоты возмутились этим и... начали бить плотника, последний еле вырвался и поспешил удраить»⁷⁷. А 16 февраля 1913 г. «какой-то мерзавец-хулиган, очевидно, из красно-тряпичной банды, пользуясь отсутствием на улице публики и полиции, выбил большое стекло в окне типографии “Ивановск[ого] листка”. «Это уже не первая выходка со стороны хулиганов», — сетовала редакция»⁷⁸.

Избегая силовых акций, ИВСМП в соответствии с уставом приняла самое деятельное участие в думских выборах. Первую избирательную кампанию иваново-вознесенские правые начали весьма активно. В марте 1906 г. «Клязьма» указывала на то, что в городе только «Союз 17 октября и Самодержавно-монархическая выступят на предстоящих выборах до некоторой степени организованными и сплочёнными..., благодаря тем частым митингам, которые устраивали в Иванове». По оценке оппозиционной газеты, из 5 400 местных избирателей около 3 тыс. сочувствовали монархистам и октябристам⁷⁹, что гарантировало им победу в случае создания коалиции. Однако ИВСМП решила «ни в каком случае не присоединяться к партии “Союза 17-го октября”», и в результате «все её кандидаты в выборщики “провалились”»⁸⁰. «Выборы для нас — дело новое, непривычное, — объясняли черносотенцы свой провал в послании к царю. — Наша партия, не будучи посвящена в тайники выборной агитации и к тому же не имея на таковую никаких средств, была затёрта»⁸¹.

После роспуска I Думы среди иваново-вознесенских монархистов «возникла мысль просить о созыве вместо Государственной думы Земского собора, выборы в который производились бы “приходами”», но власть явно не собиралась идти на столь кардинальные реформы, и уже в начале августа ИВСМП «дейтельно готовится к предстоящим выборам»⁸². Если во Владимире правые, учитывая предыдущий опыт, пытались, хотя и без особого успеха, координировать действия с «Союзом 17 октября» (не сумев добиться объединения списков, они

⁷⁵ Владимирец. 1906. 21 декабря. № 116.

⁷⁶ Там же. 1907. 23 февраля. № 42.

⁷⁷ Там же. 27 мая. № 113.

⁷⁸ Ивановский листок. 1913. 17 февраля. № 39.

⁷⁹ Клязьма. 1906. 10 марта. № 64.

⁸⁰ Там же. 12 января. № 10; 18 мая. № 124.

⁸¹ Алексинский С.О. Указ. соч. С. 219—220.

⁸² Владимирец. 1906. 2 августа. № 6.

всё же внесли в число своих кандидатов трёх октябристов), то в Иваново-Вознесенске черносотенцы вновь предпочли идти на выборы самостоятельно. Возможно, отчасти на это решение повлияли и заезжие ораторы из Москвы. Так, в декабре 1906 г. Грингмут советовал иваново-вознесенцам «входить в блок со всеми партиями, лишь бы в программе было ясно сказано за жидов или против жидов»⁸³. Октябристы, как известно, против отмены ограничения прав евреев не высказались. Московский рабочий Жилкин на собрании 2 января 1907 г. также агитировал против «всяких блоков с кадетами, мирнообновленцами и даже союзом 17 октября»⁸⁴. 7 января ИВСМП сформировала свой партийный список, включив в него фабриканта П.Н. Дербенева, протоиерея В.Т. Никольского, хлеботорговца Н.И. Куражева, председателя общества хоругвеносцев Г. Лаврентьева, И.П. Борисова и А.Р. Фельдмана⁸⁵. Характерно, что только последние двое являлись членами ИВСМП. Но и на этот раз иваново-вознесенским монархистам удалось лишь провести в выборщики «сочувствующего» Дербенева.

Между тем деятельность думцев I и II созывов разочаровала избирателей, не исключая и жителей Иваново-Вознесенска. Выборы в III Думу проходили уже без прежнего ажиотажа. «Все прошлые выборы велась усиленная агитация всеми партиями, ныне же этого ничего не было», — отмечал «Владимирец». Помня о прошлых неудачах, ИВСМП изменила тактику, выступив в поддержку председателя ШСРПЛ М.К. Петрова. В день выборов Борисов «бегал по площади перед управой и напоминал “своим” о кандидатуре Петрова», который хотя и получил в Иваново более 200 голосов (у себя в Шуге — всего 30), победить не сумел⁸⁶. Ставка на влиятельных в городе представителей деловых кругов также себя не оправдала. Дербенев и Куражев прошли в выборщики, но последний заявил, что по убеждениям он октябрист, беспартийным остаётся лишь из-за отсутствия поблизости организаций этой партии, а на губернском съезде собирается голосовать за прогрессистов⁸⁷.

Избирательная кампания в IV Думу в Иваново-Вознесенске также начиналась вяло. «Наблюдается небывалое равнодушие избирателей к выборам в государственную думу», — писал «Старый Владимирец»⁸⁸. Лишь к концу сентября «стали появляться слухи, намёки и т.п. признаки современной предвыборной “агитации”». Правда, сотрудники газеты отмечали, что «оживление проявляют» только «партии флангов — союз русского народа и прогрессисты»⁸⁹.

На самом деле правые «оживились» ещё 1 июля, когда на собрании ИВСМП недавно к ней присоединившийся священник А. Охотин охарактеризовал работу депутатов предыдущих созывов как антигосударственную и заявил, что «4-я Дума должна быть чисто русская и состоять из русских православных людей». Предполагалось, что для этого на предстоящих выборах «все русские люди должны сплотиться и не быть такими халатными, как были раньше»⁹⁰. Однако кандидатов, способных привлечь избирателей, у черносотенцев оставалось всё меньше: беспартийный фабрикант Дербенев официально

⁸³ Там же. 3 декабря. № 103.

⁸⁴ Там же. 1907. 5 января. № 3.

⁸⁵ Владимирский край. 1907. 12 января. № 9.

⁸⁶ Владимирец. 1907. 3 октября. № 211; Старый Владимирец. 1912. 25 сентября. № 211.

⁸⁷ Владимирец. 1907. 26 сентября. № 207.

⁸⁸ Старый Владимирец. 1912. 10 июля. № 150.

⁸⁹ Там же. 26 сентября. № 212.

⁹⁰ Ивановский листок. 1912. 4 июля. № 142.

баллотировался теперь от октябристов⁹¹, в успех лидера шуйских правых Петрова, имевшего скандальную репутацию, в ИВСМП больше не верили⁹². Поэтому по первой городской курии был выставлен иваново-вознесенский купец А.В. Константинов, являвшийся на тот момент ещё и членом комитета ШСРПЛ, а по второй шли священник А. Охотин и торговец Куражев⁹³. Правда, спустя несколько дней в предвыборном списке ИВСМП фамилии Куражева уже не оказалось⁹⁴. Вероятно, ему припомнили симпатии к октябристам.

Но выборы вновь продемонстрировали электоральную слабость самой многочисленной в Иваново-Вознесенске партии. Константинов остался третьим (68 голосов против 140 и 109 у победителей)⁹⁵, как и Охотин, получивший 32 голоса в Шуе и 218 в Иваново-Вознесенске и значительно уступивший победителю (331 и 605 голосов соответственно). Любопытно, что Петров, лишившись поддержки ИВСМП, набрал всего 19 голосов (на выборах 1907 г. – 230), а перешедший к октябристам Дербенев – всего 2⁹⁶.

Проиграли правые и на выборах уполномоченных от рабочих: из 24 избранных только В.И. Кувальцев (от завода братьев Константиновых) и Н.Г. Беркольцев (от типографии Соколовых) были монархистами⁹⁷. Это было особенно чувствительно для ИВСМП, поскольку она стремилась «занять положение руководителя и советника» рабочего класса. В начале 1908 г. её лидеры решили даже создать профсоюз, вступить в который могли бы только члены партии. Тем самым предполагалось помочь «трудящимся классам» отстаивать свои экономические интересы и одновременно не допустить их вовлечения в политическую борьбу под революционными лозунгами. К реализации этого замысла присоединился близкий к ИВСМП географически и идеологически ШСРПЛ. Председатели обеих организаций обратились к владимирскому губернатору И.Н. Сазонову «с ходатайством об утверждении программы “Национально-русской рабочей организации” при Иваново-Вознесенском, Шуйском и других отделах Союза русского народа». Она должна была оказывать содействие «деятельности рабочих по вопросам, касающимся улучшения экономической жизни и быта», и не только «обсуждать материальные нужды рабочих и меры, направленные к улучшению их экономического положения», но и «входить в непосредственные сношения с предпринимателями по делам рабочих», и даже «ходатайствовать в случае надобности, за каждого отдельного рабочего, состоящего членом Союза русского народа, перед фабрикантами и подлежащей властью»⁹⁸.

Начальник губернии был поставлен этим обращением в затруднительное положение, поскольку понимал, что «упомянутая организация, составляя части означенных отделов, уставы коих уже зарегистрированы, новой регистрации не подлежит», но «во временных правилах 4 марта 1906 г. об обществах и союзах не содержится указаний на допустимость открытия отдела или организации от имени двух и более однородных обществ или союзов» и к тому же «программа организации не во всём соответствует ни уставам упомянутых отделов, ни тем более правилам 4 марта 1906 г. ... и по задачам своим

⁹¹ Старый Владимирец. 1912. 28 сентября. № 213.

⁹² Ивановский листок. 1912. 25 апреля. № 87.

⁹³ Старый Владимирец. 1912. 11 сентября. № 200.

⁹⁴ Ивановский листок. 1912. 26 сентября. № 207.

⁹⁵ Старый Владимирец. 1912. 9 октября. № 221.

⁹⁶ Ивановский листок. 1912. 3 октября. № 212.

⁹⁷ Там же. 18 сентября. № 200.

⁹⁸ РГИА, ф. 1284, оп. 187, д. 50, л. 2.

приближается к профессиональным обществам». В силу этого Сазонов «не нашёл возможным ни лично утвердить эту программу, ни внести её на обсуждение по делам об обществах и союзах присутствия». 19 апреля он переслал её в МВД, откуда 29 апреля связанные с нею документы направили на заключение Министерства торговли и промышленности. Через полтора месяца товарищ министра торговли и промышленности обратил внимание на то, «что названная организация, по-видимому, предположена как составная часть “Союза русского народа”», и поэтому всё дело «сводилось бы к дополнению уставов сих обществ». Данный ответ и был отправлен во Владимир товарищем министра внутренних дел С.Е. Крыжановским, временно управлявшим тогда МВД⁹⁹. Учредители, вероятно, не увидели смысла в создании рабочих секций при Шуйском и Иваново-Вознесенском отделах СРН, которые и так в основном состояли из представителей пролетариата, и оставили свою затею.

Вместо профсоюза руководство ИВСМП задумало учредить кассу взаимопомощи, в уставе которой прямо говорилось, что она создаётся с целью «способствовать благосостоянию своих членов и их семейств, дабы... множились бы... патриотические ряды Союза русского народа». Членские взносы предусматривались небольшие – 50 коп. одновременно и по 1 руб. ежегодно. Устав кассы позволял выдавать пособия «как заимообразные из 4% годовых, так и безвозвратные беспроцентные». Более того, касса фактически отвечала бы за социальную защиту рабочих, занимаясь трудоустройством своих членов, обеспечением их жильём, медицинской помощью, пенсиями и средствами на погребение, устраивая их детей в учебных заведениях и даже выплачивая ежемесячные пособия по безработице «в размере не свыше 30-ти рублей и не более как в течение шести месяцев». Для финансирования столь масштабной деятельности предполагалось создавать потребительские лавки, склады, мастерские, чайные, постоянные дворы и другие доходные предприятия, устраивать платные лекции, концерты, благотворительные базары и т.п.¹⁰⁰ Однако сведений о деятельности кассы не сохранилось, хотя, судя по документам, она всё же была создана. Вероятно, и этот проект иваново-вознесенских монархистов остался на бумаге.

В дальнейшем ИВСМП продолжала изыскивать способы ведения работы среди городских низов. В марте 1908 г. Борисов обратился в Министерство финансов с ходатайством «о передаче... партии дела попечения о народной трезвости в г. Иваново-Вознесенске, вместе со средствами, отпускаемыми ныне попечительству народной трезвости». Из Министерства финансов дело перешло на рассмотрение МВД, где поинтересовались мнением губернатора, который прямо заявил, что «от таковой передачи... ожидать большей пользы нельзя, так как председатель упомянутой партии Борисов, человек без определённых занятий и почти без всяких средств к существованию, следовательно, передача хорошо поставленного в Иваново-Вознесенске дела попечительства о народной трезвости в руки упомянутого Борисова небезопасна для пользы дела». «Кроме того, – полагал Сазонов, – с переходом этим изменится состав членов Комитета, при чём люди более состоятельные заменятся менее состоятельными, что также может только повредить делу попечительства». На основании данного ответа Крыжановский признал «ходатайство г. Борисова подлежащим отклонению», о чём и сообщил министру финансов¹⁰¹.

⁹⁹ Там же, л. 1–1 об., 26, 27, 30.

¹⁰⁰ ГА РФ, ф. 116, оп. 1, д. 91, л. 1, 3, 4, 8.

¹⁰¹ РГИА, ф. 1284, оп. 187, 1908 г., д. 117, л. 1, 6 об.

Тем временем Борисов загорелся идеей построить Народный дом. Как утверждал губернатор, у лидера ивановских черносотенцев мысль эта «возникла вскоре после всероссийского съезда русских людей в 1908 г. в гор[оде] Москве, где... был возбуждён вопрос о сооружении в России патриотических народных домов»¹⁰². Однако ещё в декабре 1906 г. на собрании ИВСМП «одним из членов ея была произнесена речь, в которой он указал на необходимость устройства в Ив[аново]-Вознесенске народного дома, в котором устраивались бы полезные и нравственные развлечения для народа». Уже тогда «собрание отнеслось к проекту весьма сочувственно»¹⁰³, приступить же к его реализации партия смогла лишь в феврале 1909 г.

На сей раз Борисов обратился непосредственно к императору: «Наша патриотическая жизнь в фабричном городе Иваново-Вознесенске Владимирской губернии хотя и вошла в русло порядка и законности, так что не чувствуется недавней мятежной тревоги, но тем не менее мы испытываем насущную нужду в устройстве пристанища..., в котором могли бы мы, рабочие люди, ...видеть общий домашний очаг нашей многочисленной патриотической семьи. В этих целях желательно нам учредить Патриотический народный дом». Устроить его председатель ИВСМП обещал «без всякого обременения казны, единственно на одни совместные средства, при участии благотворителей из среды коренных русских людей», требовалось только разрешить сбор добровольных пожертвований и присвоить Народному дому имя цесаревича Алексея¹⁰⁴.

Департамент полиции МВД, которому было поручено выяснить все обстоятельства дела, обратился к губернатору, подтвердившему, что Иваново-Вознесенский отдел СРН (ИВСМП) «не имеет возможности развиваться и объединяться за отсутствием у него подходящего для своих собраний помещения». Сооружение Народного дома, по мнению начальника губернии, «несомненно должно принести пользу партии не только в смысле обеспеченности надлежащим помещением для партийных целей, но и в смысле увеличения членов партии», что представлялось «весьма важным... в таком крупном фабричном центре, как Иваново-Вознесенск». Однако, хотя губернатор и признавал «желательным удовлетворение ходатайства Борисова, но при условии..., когда во главе этого дела будет поставлен человек, пользующийся авторитетом и уважением, как среди партии, так и местного населения. Борисов же едва ли обладает такими качествами»¹⁰⁵. Получив этот отзыв, министр императорского двора «не признал возможным входить с всепреданнейшим государыне императрице Александре Фёдоровне докладом по вопросу о наименовании сего народного дома» именем наследника престола, после чего ходатайство Борисова было отклонено¹⁰⁶.

Тогда с просьбой об «устройстве» Народного дома к самодержцу обратилось формально независимое Общество хоругвеносцев, возглавлявшееся товарищем председателя ИВСМП А.Г. Селивановским. В феврале 1910 г. стало известно о покупке хоругвеносцами для этой цели имения А.А. Лаврентьева (каменный дом с флигелями и землёй стоимостью 15 500 руб.). Приобретение было совершено «благодаря энергии старшины общества г. Селивановского и одного отзывчивого на доброе дело гражданина города г. С., ссудившего общество

¹⁰² Там же, 1909 г., д. 25, л. 5.

¹⁰³ Владимирский край. 1906. 25 декабря. № 44.

¹⁰⁴ РГИА, ф. 1284, оп. 187, 1909 г., д. 25, л. 3, 3 об.

¹⁰⁵ Там же, л. 5.

¹⁰⁶ Там же, л. 7, 9 об.

деньгами». Здание, правда, требовало ремонта, но монархисты надеялись, что «отцы города» окажут содействие «в успешном открытии народного дома»¹⁰⁷. Не учли они только то, что учреждение Народного дома не соответствовало уставу Общества хоругвеносцев, а изменить его оказалось не так просто¹⁰⁸. В итоге Народный дом так и не открыли, а собрания ИВСМП по-прежнему проходили в различных местах — в казарме для полицейских служащих, где ранее располагалась женская гимназия, в мещанской управе, в окружном суде.

Все эти годы иваново-вознесенские монархисты чутко следили за политической жизнью страны и даже пытались по мере сил влиять на неё, во многом принимая на веру и повторяя постулаты, отшлифованные на страницах правой печати Москвы и Петербурга. Либеральная газета «Клязьма» не случайно иронизировала по поводу того, что «в то время, как вся Россия просит амнистии и отмены смертной казни, председатель нашей “самодержавной партии” г. Борисов пляшет под дудку господ Треповых и Грингмутов и шлёт на имя государя императора просьбу о недаровании таковых»¹⁰⁹. Весной 1907 г. 283 ивановских извозчика, входивших в ИВСМП, направили П.А. Столыпину телеграмму, выразив ему «беспредельную глубокую благодарность» за «твёрдое непоколебимое решение отстаивать интересы мирных граждан России». Вместе с тем они просили главу правительства не предоставлять «евреям как равноправия, так и ответственных должностных мест», поскольку «они уже и так слишком много сделали плохого для русского народа», и не упразднять военно-полевые суды, ибо «они только и сдерживают крамольников, которые при отсутствии строгих мер непременно увеличили бы свои дерзкие разбои и насилия»¹¹⁰. В ноябре 1907 г. члены ИВСМП в телеграмме председателю III Думы Н.А. Хомякову напоминали, что Николай II, принимая в феврале 1906 г. депутацию партии, заявил о своём желании оставаться самодержавным и неограниченным монархом, и «следовательно, ни о какой конституции не может быть и речи». При этом черносотенцы настойчиво просили «настоящую телеграмму прочесть в заседании Думы»¹¹¹.

Волновали ИВСМП и местные проблемы. В конце 1907 г. иваново-вознесенские монархисты публично требовали не допускать необоснованное повышение цен на муку¹¹². На собрании 24 августа 1908 г. они решили «указать» министру народного просвещения «на разложение местной средней школы», «на развращение местной учащейся молодёжи, гуляющей до позднего часа в местных садах и театрах, курящих папиросы», и на необходимость «“подтянуть” виновных»¹¹³.

Пропагандируя свои взгляды, партия открыла киоск, торговавший патриотической литературой¹¹⁴. Периодически правыми использовалась и наглядная агитация. Так, в мае 1906 г. в нескольких киосках города был выставлен «фотографический снимок с депутации, ездившей в Петербург»¹¹⁵, а в июне 1907 г. «в большом количестве расклеена ответная телеграмма государя императора

¹⁰⁷ Ивановский листок. 1910. 9 февраля. № 30.

¹⁰⁸ ГА ВО, ф. 14, оп. 4, д. 3268, л. 29 об.

¹⁰⁹ Клязьма. 1906. 1 июня. № 136.

¹¹⁰ Ивановский листок. 1907. 24 марта. № 67.

¹¹¹ Русское знамя. 1907. 20 ноября. № 253.

¹¹² Русский народ. 1908. 13 января. № 211.

¹¹³ Старый Владимирец. 1908. 27 августа. № 21.

¹¹⁴ Там же. 1909. 2 июля. № 141.

¹¹⁵ Клязьма. 1906. 18 мая. № 124.

Дубровину»¹¹⁶, в которой говорилось: «Да будет же мне Союз русского народа надёжной опорой, служа для всех и во всём примером законности и порядка»¹¹⁷.

Партийные торжества проводились с размахом, в них непременно принимали участие представители Церкви. Например, 16 февраля 1907 г., в годовщину приёма царём депутации ИВСМП, состоялось торжественное освящение партийного знамени и хоругви, сопровождавшееся крестным ходом и молебном. После этого «председатель монархической партии И.П. Борисов прочёл составленную им, по случаю освящения хоругви и стяга, телеграмму государю императору»¹¹⁸.

На первом же собрании ИВСМП прозвучала мысль о сооружении «монумента царствующему государю»: на нём изображались бы стоящая на скале фигура императора, «а у подножия разорванные цепи, как эмблема уничтоженного “средостения” между царём и народом»¹¹⁹. Впрочем, дальше обсуждения проекта дело не продвинулось. В январе 1911 г. Селивановский предложил «увековечить день памяти 19 февраля по случаю освобождения крестьян от крепостной зависимости постановкой памятника Александру II на добровольные пожертвования членов и сочувствующих». Присутствовавшие монархисты его единогласно поддержали и даже собрали несколько рублей по подписке. Затем всё застопорилось и лишь три года спустя, опять же по инициативе возглавляемого Селивановским общества, городская дума постановила соорудить памятник Александру II «на совместные средства города и хоругвеносцев»¹²⁰. Начавшаяся вскоре война сорвала и эти планы.

В первой половине лета 1914 г. члены ИВСМП больше всего беспокоились о поддержании общественного порядка в городе. В июле они собирались ходатайствовать «о закрытии в городе всех казённых лавок и пивных», а также «о запрещении торговли в ресторанах по предпраздничным и праздничным дням»¹²¹. Однако в повестке дня собрания, назначенного на 19 июля, значился уже более актуальный доклад «о сложившихся политических событиях между Австро-Венгрией и королевством Сербией»¹²².

Хотя с началом войны многие члены партии оказались призванными в армию, ИВСМП продолжала свою деятельность, сосредоточив усилия на оказании помощи фронту, в первую очередь – солдатам и офицерам 184-го Варшавского пехотного полка, ранее дислоцировавшегося в Шуе. Через «Ивановский листок» черносотенцы призывали население жертвовать деньги в пользу раненых воинов, сдавать тёплые вещи, «простой табак» и «простую цыгарочную бумагу»¹²³. «Вчера нам доставлено..., – сообщала газета 10 октября, – 12 целых ящиков с табаком, один ящик с чаем, сахаром, курительной и почтовой бумагой, конвертами и мылом для белья, и 76 свёртков с табаком, бумагой и спичками. Все эти пожертвования вчера же сданы унт[ер]-офицеру Колчину для немедленной отправки в Варшавский полк»¹²⁴. С денежными пожертвованиями

¹¹⁶ Владимирец. 1907. 26 июня. № 136.

¹¹⁷ Цит. по: *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001. С. 389.

¹¹⁸ Ивановский листок. 1907. 17 февраля. № 39.

¹¹⁹ Клязьма. 1906. 12 января. № 10.

¹²⁰ Старый Владимирец. 1914. 1 февраля. № 26.

¹²¹ Ивановский листок. 1914. 3 июля. № 142.

¹²² Там же. 19 июля. № 155.

¹²³ Там же. 8 октября. № 219.

¹²⁴ Там же. 10 октября. № 221.

дело обстояло хуже; от железнодорожных мастерских, например, поступило всего 2 руб. 50 коп.¹²⁵

Ухудшение социально-экономической ситуации вынудило монархистов обратиться к внутренним проблемам. На собрании, состоявшемся 1 января 1915 г., «центральный пункт... явилось рассмотрение вопроса о повышении Иваново-Вознесенскими торговцами цен на продукты первой необходимости». Выступавшие «обвиняли городское управление в нежелании оказать помощь обывателю, несмотря на то, что оно располагает достаточными средствами». Участники заседания постановили командировать Блинова во Владимир «для личного доклада г-ну губернатору, прося указать, что считает цены на жизненные продукты вздутыми, а также сообщить желание собрания ввести более справедливую таксировку»¹²⁶.

Последний раз о ИВСМП упоминалось в «Ивановском листке» 15 августа 1915 г. Комитет приглашал членов партии «на совещание по неотложным текущим делам», которое «имеет быть во вторник сего 18-го августа»¹²⁷. Скорее всего, это собрание так и не состоялось, поскольку обычного в таких случаях газетного отчёта о нём не последовало. В марте 1916 г. иваново-вознесенский полицмейстер ещё сообщал губернатору о том, что «в городе... в настоящее время функционирует Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партия, устав которой у председателя партии Бабанина нашёлся лишь в одном экземпляре»¹²⁸. Но фактически она уже прекратила тогда свою деятельность.

В создании ИВСМП, как и других провинциальных правых организаций, проявилась реакция консервативно настроенных слоёв населения на развитие революционных процессов. Манифест 17 октября 1905 г. позволил институализировать стихийно возникавшее на местах движение в защиту самодержавия. Партия опиралась преимущественно на рабочих, лавочников, извозчиков и т.п., наиболее пострадавших от экономического спада, вызванного революцией. В силу этого её материальные средства, основу которых составляли членские взносы, были очень скудны. Состоятельные горожане в большинстве своём сочувствовали либерализации российской политической системы и сторонились ИВСМП. Катастрофическая нехватка денег и отсутствие у ИВСМП «интеллигентных сил» сказались на результатах её деятельности. Партия регулярно проигрывала выборы, теряла популярность у местных рабочих, немалая часть которых поддерживала радикальные политические идеи. Тем не менее в Иваново-Вознесенске приходилось считаться с многочисленной партией «мясников и извозчиков». Начавшаяся война, успешно использованная оппозицией для дискредитации государственного строя, способствовала изоляции монархистов и сокращению их числа. К началу 1917 г. ИВСМП представляла собой «руины» одного из многих «бастионов», воздвигнутых правыми в 1905–1906 гг. Остановить «девятый вал» Февральской революции они не могли.

¹²⁵ Там же. 19 августа. № 179.

¹²⁶ Там же. 1915. 21 января. № 15.

¹²⁷ Там же. 15 августа. № 175.

¹²⁸ ГА ВО, ф. 521, оп. 1, д. 58, л. 10.

Общественное мнение и политический конфликт в Приморье в 1914 г.

Вадим Агапов

Public opinion and political conflict in the Russian Far East in 1914

Vadim Agapov

(Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russky Island, Russia)

2 мая 1914 г. скандально известный лидер Русского народного союза имени Михаила Архангела В.М. Пуришкевич выступил на заседании Государственной думы с речью, в которой резко критиковал деятельность МВД и некоторых губернаторов. При этом особого внимания Владимира Митрофановича удостоился «губернатор Лодыженский, управляющий Приморской обл[астью]». «Здесь мы имеем поразительный документ, — драматически заявил депутат, — один из маленьких людей, почётный гражданин Илья Семёнович Егоров обращается с просьбой к генерал-губернатору Мищенко, указывая на то, что в пределах обл[асти] Приморской работает бюро по освобождению евреев от воинской повинности, и что более 300 жидов освобождены от воинской повинности. Казалось бы, что губернатор Приморской обл[асти] Лодыженский должен был бы только поблагодарить, что ему были открыты глаза на это и была дана возможность парализовать то зло, которое там развивается, между тем мы видим, что губернатор Лодыженский, признавая, что этим показанием Егорова дискредитируется деятельность его власти на месте, не находит ничего лучшего, как целым рядом поклёпов на этого Егорова добиться того, что этого Егорова, как типа неблагонадёжного и неприличного, высылают оттуда, между тем как по официальной записке, поданной этим самым Егоровым губернатору Мищенко, явствует, что этот самый Лодыженский 24 декабря 1913 г. на ёлке в доме некоего Скидельского — крещёного или некрещёного — получил от него в 5 000 р. вексель, который учёл в первых числах января во Владивостокском отделении Русско-Азиатского банка. Вполне понятно, что после учёта этого векселя скрытие подобного рода присутствия, освобождающего евреев от воинской повинности, нетерпимо. Вот вам, господа, факты, один за другим. Я опять-таки повторяю, я надеюсь, что правительство наше примет меры убрать Лодыженского с того места, которое он так недостойно занимает»¹.

«Губернаторская речь» Пуришкевича вызвала в империи заметный резонанс. Её напечатали в столичных газетах и перепечатали в провинции, хотя, например, при публикации во владивостокской «Далёкой окраине» из текста исключили приведённый выше фрагмент, касавшийся Приморья². В МВД выступление черносотенца произвело «в высшей степени неблагоприятное впечатление»³.

© 2017 г. В.Л. Агапов

¹ Государственная дума. Стенографические отчёты. Созыв IV. Сессия II. СПб., 1914. Стб. 1630.

² Государственная дума (заседание 2-го мая) // Далёкая окраина (Владивосток). 1914. 4 мая. С. 2.

³ Пуришкевич и губернаторы // Русский Восток (Владивосток). 1914. 22 мая (4 июня). С. 2.

Некоторые упомянутые Пуришкевичем губернаторы обвинили его в клевете, но тот «заявил, что он не согласится признать свои слова сказанными в пылу эффекта и непременно докажет свою правоту»⁴. Между тем о точности сообщаемых фактов депутат, похоже, особо не заботился. Так, «генерал-губернатора Мищенко» в 1914 г. в Российской империи не было. Вероятно, имелся в виду хорошо известный на Дальнем Востоке по событиям русско-японской войны и революции генерал-лейтенант, а с 1910 г. — генерал от инфантерии Павел Иванович Мищенко (1853—1918), являвшийся в 1908—1909 гг. туркестанским генерал-губернатором, а с 1912 г. командовавший 2-м Кавказским армейским корпусом. Но Егорову явно следовало обращаться с жалобами не к нему, а к приамурскому генерал-губернатору Н.Л. Гондатти. Неправильно была указана Пуришкевичем и должность Владимира Ильича Лодыженского (1880—1915), в 1912—1914 гг. состоявшего вице-губернатором Приморской области и лишь исполнявшего обязанности губернатора с марта 1913 по март 1914 г. 1 мая он покинул Владивосток, хотя формально продолжал числиться вице-губернатором.

Популярная московская либеральная газета «Русское слово» по-своему освещала случившееся. «В своей “знаменитой” думской речи, — говорилось в статье, перепечатанной затем в “Далёкой окраине”, — депутат посвятил, как известно, довольно много “внимания” вице-губернатору Приморской области, камер-юнкеру В.И. Лодыженскому. В.М. Пуришкевич говорил, что В.И. Лодыженский выслал из Приморской области некоего Егорова только за то, что Егоров — “честный патриот и приверженец Союза Михаила Архангела” — раскрыл злоупотребления по приёму евреев в набор. “В благодарность за эту высылку” В.И. Лодыженскому 24 декабря на ёлке у какого-то Скидельского, будто бы, был передан вексель в 5 000 руб.». По сведениям же «Русского слова», Егоров — «мелкий ходатай по делам, не то частный поверенный, не то подпольный адвокат», который «объявил себя “сверхпатриотом”, приверженцем Пуришкевича, и стал наводить панику чуть ли не на весь Владивосток». За очередной дебош в театре и оскорбление местного пристава Лодыженский посадил его на две недели под арест. В тюрьме тот прочёл в «Историческом вестнике», что Лодыженский — не инородец, как ему казалось, а столбовой дворянин. Выйдя на свободу, он даже извинился перед вице-губернатором, и «больше года вёл себя тише воды ниже травы». «Но затем, — сообщала газета, — натура взяла своё! — Егоров снова набедокурил». На этот раз — потребовал арестовать смотрительницу богадельни, обвинив её в воровстве, а попечительницу богадельни госпожу Крузберг (супругу товарища председателя окружного суда) — в том, что она укрывает воровок. Именно за это Лодыженский выслал его из города. Обиженный Егоров помчался с жалобой к Пуришкевичу. При этом «про вексель Скидельского Пуришкевич и Егоров выдумали всё от начала до конца», тогда как вице-губернатор «никаких векселей за высылку Егорова, конечно, не получал», с Скидельским знаком не был и на ёлке у него не появлялся.

Сам Лодыженский, находившийся в то время уже в Петербурге, заявлял в интервью: «Я, к сожалению, не считаю для себя возможным выступать в печати ни с какими заявлениями, а также не могу вступать в полемику с членом Гос[ударственной] думы Пуришкевичем... При исполнении своего долга я не считаюсь ни с хвалой, ни с порицаниями, ни с клеветой. В моих действиях отдаю отчёт своей совести и своему начальству». Тем временем «в газетах

⁴Последняя почта. Губернаторские процессы о клевете // Далёкая окраина. 1914. 4 июня. С. 4.

появилось сообщение, что в связи с вымыслом Пуришкевича В.И. Лодыженский был вызван в Петербург, и что ему предложено, будто бы, подать в отставку». Впрочем, «из министерских кругов сообщают, что это не верно»⁵.

Егоров, отвечая на обвинения в клевете в красноярской черносотенной газете «Сусанин» (редактором которой стал летом 1914 г.), сетовал на то, что «корреспондент “Русского слова”, отбросив в сторону всякие понятия о чести и совести, а также “забыв” и об отношении представляемой им газеты к приморскому вице-губернатору В.И. Лодыженскому, поместил большую в защиту г. Лодыженского статью». Считая её написанной по заказу, Егоров обличал беспринципность и продажность либеральной прессы и напоминал, что ещё недавно тем же «Русским словом» были перепечатаны статьи петербургского «Дня» «Полиция напоролась на юстицию» (2 августа 1913 г.) и «Талантливый администратор» (21 февраля 1914 г.). В первой из них Лодыженский изображался как самодур, на которого подали в суд чины прокуратуры, и указывалось, что «даже правые недовольны им»: «Союзник Егоров, подпольный адвокат, чуть ли не всем показывает исполнительные листы на Лодыженского (в газетах фамилия вице-губернатора часто писалась ошибочно. — А.В.) — один на 1 000 рублей за неплатёж за квартиру, а другой на 400 рублей за купленную лошадь. В этом отношении Лодыженский придерживается системы своего предшественника вице-губернатора Мономахова, не платившего долгов “из принципа”, на которого из Вологодской губернии (бывшего места службы) был прислан целый транспорт исполнительных листов». Во второй публикации рассказывалось, как, занимаясь русификацией края, «и.о. военного губернатора Приморской области вице-губернатор Лодыженский открыл новый способ борьбы с еврейским засильем»: «В последнее время местные банки завалены его векселями, выданными евреям-коммерсантам Скидельскому и Радомышльскому. И без объяснений, конечно, ясно, что этот способ самый действительный из всех практиковавшихся. Чем больше еврейских денег перейдёт в русские карманы, особенно столь благонадёжные, как вице-губернаторские, тем меньше останется их у евреев и тем слабее станут последние. По своей гениальной простоте этот способ заслуживает повсеместного применения». По мнению Егорова, всё это наглядно демонстрировало подлинное отношение «Русского слова» к якобы невинно пострадавшему чиновнику⁶.

У Лодыженского и впрямь была скандальная репутация, в российской прессе он не раз предстал как взяточник, казнокрад, самодур, шантажист, мошенник, плут, растлитель малолетних... Гондатти собрал на него в 1913–1914 гг. внушительное досье из писем, телеграмм, жалоб, анонимных памфлетов и газетных вырезок. Приведённые в «Сусанине» статьи «Дня» присылались в канцелярию генерал-губернатора из МВД и дважды вызывали служебное расследование, в ходе которого многие из обвинений подтвердились. В конце концов его переместили на другую должность, а некоторым его сообщникам даже пришлось уйти в отставку⁷.

⁵ В.М. Пуришкевич и губернаторы. Клевета на В.И. Лодыженского // Далёкая окраина. 1914. 17 июня. С. 3.

⁶ Непредусмотрительность // Сусанин (Красноярск). 1914. 19 июня. С. 2–3.

⁷ Агапов В.Л. «Макс Линдер на экране Владивостока»: российская пресса о дальневосточном вояже вице-губернатора В.И. Лодыженского (1912–1914 гг.) // Новый исторический вестник. 2014. № 4(42). С. 127–148.

Однако не менее колоритной фигурой был и И.С. Егоров. О его характере и мировоззрении позволяет судить составленное им 9 января 1912 г. для военного губернатора Приморской области «Прошение Ильи Егорова потомственного почётного гражданина о производстве расследования о злоупотреблении служебным положением судебных и полицейских чинов». Оно начинается с рассказа о разоблачении Егоровым «“деятельности” присяжного поверенного Дмитренко и врачей Окс, Токкер и Акацатова», уличённых «в организации продажи европейской публике фальшивого “жен-шеня”, в мошенническом получении денег умершей сожительницы доктора Окс и других преступлениях»⁸. Обвинения, выдвинутые Егоровым, частично соответствовали действительности. Согласно рапорту начальника владивостокского охранного отделения, присяжный поверенный и сотрудник газеты «Далёкая окраина» В.В. Дмитренко был «известен мошенническими проделками с корнем “жень-шень” (судебное дело)»⁹.

Мстя за свою дискредитацию, «г.г. Дмитренко, Окс, Токкер и Акацатов», утверждал Егоров, «создали против меня обвинения... в присвоении, краже и мошенничестве», а затем, ничего не добившись, «задались целью во что бы то ни стало прославить меня, как сумасшедшего, делая это при помощи имеющих в их распоряжении местных “прогрессивных” газет “Далёкая окраина” и “Приамурский край”, в которых время от времени стали появляться статьи, фельетоны и заметки о том, что местная администрация и местное общество должны принять все меры к изъятию меня из общества как человека, проявляющего явные признаки ненормальности»¹⁰.

Но это не помешало Егорову приступить к новому «разоблачению». «Компания местных жидков в лице Хайма Циммермана и “казённого” раввина Абрама Лейбовича Рабиновича, — сообщал он, — благодаря “снисходительному” отношению к ним администраторов владивостокского купеческого банка в лице гг. Толмачёва и Амбонопулло, занялась своего рода экспроприацией, выдавая явно незаконные ссуды до трёхсот тысяч рублей сынам племени Иуды, в числе которых был и Рабинович, причём все ссуды обеспечивались ермолками или же лежащими на дне морском разбитыми шаландами. Ввиду того, что от “таких” операций... могли пострадать русские вкладчики..., я донёс своим от 20 июля истекшего [1911] года заявлением местному прокурорскому надзору о том, что по имеющимся у меня, Егорова, достоверным сведениям, названная компания жидков задалась целью пустить по миру русских вкладчиков банка»¹¹.

При этом задевались и другие лица. Так, про прокурора Владивостокского окружного суда Шульца Егоров писал, что он был «страстным картёжником и, как таковой, весьма часто проигрывался в пух и прах», а бывшего нотариуса М.Я. Кушлянского называл «местным Хлестаковым», придумавшим себе послужной список и одолжившим Шульцу под вексель 8 тыс. рублей, желая

⁸ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее — РГИА ДВ), ф. 1, оп. 7, д. 1305, л. 1.

⁹ Там же, д. 1368, л. 13. На судебном процессе по делу о клевете в феврале 1914 г. редактор владивостокской газеты «Текущий день» Ф.В. Мисюра также обвинял Дмитренко, выступавшего представителем истца, в краже документов и махинациях с жень-шенем (Из зала суда. Дело редактора газеты «Текущий день» Ф.В. Мисюра // Вестник океана (Владивосток). 1914. № 9. 5(18) февраля. С. 4; Из зала суда. Дело Мисюры // Приморский край (Владивосток). 1914. 9 февраля. С. 3).

¹⁰ РГИА ДВ, ф. 1, оп. 7, д. 1305, л. 1 об.

¹¹ Там же, л. 2.

«обеспечить себе проход в мировые судьи»¹². И тут же Егоров жаловался на то, что «в последнее время местная присяжная адвокатура в лице мочёного жидка Нахеса Дукельского, ожидавшего Протопопова, Шульца, Баршева заключила союз против меня». «Шульц и Дукельский, — говорилось в “прошении”, — являются ближайшими кандидатами в тюрьму за то, что второй сыграл слишком некрасивую роль в “сахарном” процессе, а первый в качестве прокурора содействовал совместно с председателем суда Гузевичем проведению г. Кушлянского в мировые судьи... Гузевич... стал ходатайствовать пред Вашим превосходительством о признании меня сумасшедшим. Проживающий во Владивостоке по паспорту одесского мещанина содержатель театра “Золотой Рог” жидок Элиас Журинский говорил, что он тоже принял все меры к выселению меня из Владивостока»¹³.

Рассматривавший данный документ советник 3-го отделения Приморского областного правления Н.П. Щербаков предложил «прошение Егорова вернуть ему без рассмотрения по существу»¹⁴, ссылаясь на ст. 4. п. 5 Приложения к ст. 49 Учреждения Правительствующего Сената, предусматривавшую, что «жалобы и прошения не принимаются и возвращаются лицам, их принесшим, с подписью о причинах неприятия» в том случае, «когда в жалобе или прошении помещены укорительные выражения»¹⁵. Военный губернатор М.М. Мананкин 27 января 1912 г. с этим предложением согласился¹⁶.

Между тем, судя по прошению, особые опасения у Егорова вызывала «местная “прогрессивная” печать в лице “Далёкой окраины” и “Приамурского края”». По его мнению, «газеты эти дают приют всяким политическим преступникам для того, чтобы так или иначе выжить из Владивостока посредством их писаний тех или иных деятелей правых консервативных политических партий, как меня в данном случае»¹⁷. Единственной во Владивостоке объективной газетой он считал черносотенный «Дальний Восток»¹⁸. Для противодействия враждебной прессе и более эффективной пропаганды собственных идей Егоров решил издавать и редактировать «правую ежедневную газету» «Русский клич». Подав соответствующее ходатайство 20 ноября 1912 г., он уже 20 декабря получил разрешение¹⁹.

На это сразу же откликнулась «Далёкая окраина». «Местный союзник Егоров, — извещала она читателей, — собирается издавать газету “Русский клич” и намерен привлечь к участию в ней местный отдел “союза русского народа” (*Из газет*). По нашему поручению наш корреспондент посетил редакцию новой газеты и сообщает следующее». За этим шли четыре карикатуры с подписями. На первой из них босоногий секретарь редакции, сидящий с сигаретой за пустым столом, уверяет, что «газета, можно сказать, важная», на другой — автор передовых статей («грамотный писатель, умеющий выражаться, как следует») пишет на заборе, на третьей — «лондонского корреспондента» выкидывают из трактира «Лондон» и, наконец, на четвёртой разносчики воруют деньги из карманов не желающих покупать «Русский клич» горожан²⁰.

¹² Там же, л. 3.

¹³ Там же, л. 3 об.

¹⁴ Там же, л. 5.

¹⁵ Там же, л. 6.

¹⁶ Там же, л. 11.

¹⁷ Там же, л. 4.

¹⁸ *Кудряжинский М.А.* Владивосток в 1905 г. (Из наблюдений очевидца) // *Минувшие годы.* 1908. № 5. С. 63–64.

¹⁹ РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, л. 2265, л. 1–2, 5.

²⁰ «Гром и молния» // *Далёкая окраина.* Иллюстрированное приложение. 1913. 10 марта. С. 2.

Фактически газета «Русский клич» во Владивостоке так и не появилась. 10 февраля 1913 г. Егоров по предписанию военного губернатора был арестован на один месяц в административном порядке за скандал, устроенный им в театре «Золотой Рог»²¹. Под стражей он пробыл, видимо, не более двух недель. Уже 3 марта 1913 г. в хронике «Приамурского края» сообщалось, что «шумливый союзник Егоров, недавно за свои дебоши арестованный администрацией, по выходе из-под ареста сделал, как говорят, новый доклад в Петербург против местных властей по телеграфу»²². В ответ в редакцию поступило письмо, опубликованное газетой 6 марта: «М[илостивый] г[осударь] г-н редактор! Прошу Вас не отказать в опровержение помещённой в воскресном номере Вашей газеты заметки под названием “Продолжение деятельности” – напечатать следующее. Я, Егоров, по выходе из-под ареста никому и куда никаких обращений не делал и делать не намерен; от всякой политической и общественной деятельности навсегда отказываюсь и выступать против кого бы то ни было тоже. Илья Егоров»²³. Перепечатав это письмо, «Уссурийская окраина» иронизировала: «Последнее политическое выступление Егорова выразилось в драке в театре. К сожалению, при этом не были поняты его великие побуждения, и он попал под арест»²⁴.

Несколько дней спустя «Приамурский край» поместил на своих страницах рассказ Константина Попова о том, как его должник Емельянов обратился «к знаменитому местному союзнику Егорову, который и состряпал фиктивный нотариальный акт о продаже лошадей», чтобы избежать уплаты долга. Более того, он будто бы советовал воспользоваться незаполненными векселями Попова для давления на него через третьих лиц²⁵. Егоров всё это решительно отрицал, утверждая, в частности, что векселя Попова, который «по своему имущественному положению немного богаче церковной крысы», ничего не стоят. Одновременно он заявлял, что большинство дел ведёт «без вознаграждения по принципиальным соображениям» и чужд какой-либо корыстной заинтересованности²⁶.

После этой публикации на год имя Ильи Семёновича исчезает со страниц приморской прессы. 3 апреля 1914 г. о нём вспомнила газета «Уссурийский край» (под таким названием с 1914 г. выходила «Уссурийская окраина»). «Всемирно известный городу Никольску и всему Дальнему Востоку г. Егоров уехал отсюда простым человеком, – говорилось в её фельетоне. – Союзником, правда, но разве мало у нас союзников. Пробовал г. Егоров выделиться здесь из общей массы дебошами, но безуспешно: в этой области все союзники выдержали экзамен на высший балл. Талантов Егорова настолько не оценили, что сажали даже за дебоши в кутузку. Кончилось это тем, что г. Егоров осердился и укатил в Питер». Там он «поступил в личные секретари к самому их высокосятельству Григорию Распутину, властителю душ и телес столичной аристократии»²⁷. 9 июля в той же газете утверждалось, что «секретарём Распутина, как известно, служит бывший дальневосточный делец, стяжавший себе

²¹ Хроника. Арест союзника // Уссурийская окраина (Никольск-Уссурийский). 1913. 13 февраля. С. 2.

²² Хроника. Продолжение деятельности // Приамурский край (Владивосток). 1913. 3 марта. С. 4.

²³ Отказ союзника Егорова от... «общественно-политической деятельности» (письмо в редакцию) // Приамурский край. 1913. 6 марта. С. 3.

²⁴ Хроника. Одним политическим деятелем убыло // Уссурийская окраина. 1913. 13 марта. С. 3.

²⁵ Письма в редакцию // Приамурский край. 1913. 16 марта. С. 4.

²⁶ Там же. 17 марта. С. 4.

²⁷ Сильный покровитель // Уссурийский край (Никольск-Уссурийский). 1914. 3 апреля. С. 2.

“громкую” известность скандалами, союзник Егоров. Сотрудник “Дня”, случайно ехавший в экспрессе с Распутиным и его “свитой”, так описывает эту фигуру: “При Распутине трётся нечто вроде секретаря. Он армянин или еврей, судя по физиономии или по отчеству ‘Давидович’...”²⁸.

Был ли у Распутина секретарь Егоров, неизвестно. Отчество Ильи Егорова было Семёнович, а не Давидович. Но либеральных журналистов это не смущало. Война «прогрессивной» прессы («Далёкой окраины», «Приамурского края», «Уссурийской окраины») против черносотенцев продолжалась. Почти в каждом номере местных газет печатались материалы, посвящённые работе Государственной думы, политическим партиям и отдельным депутатам. В них, как правило, содержались весьма не лестные отзывы о лидерах октябристов и монархистов, а крайне правые, как столичные, так и владивостокские, постоянно высмеивались, изображались пьяницами, хулиганами и дебоширами²⁹. При этом, как отмечалось в докладе «О владивостокской прессе», подготовленном начальником Владивостокского охранного отделения Лалевичем для Лодыженского 3 июля 1913 г., «основными штрихами, характеризующими местную прогрессивную печать, ...следует признать: 1) крайнюю невежественность, 2) полную беспринципность, доходящую до хулиганских выпадов против отдельных лиц, и 3) откровенный шантаж»³⁰. Правые, уступая либералам в эффективном использовании печати, чаще прибегали к доносам, иногда бесследно исчезающим в недрах административной машины, а иногда довольно тёмными путями доходившим до самого верха. Именно так случилось с прозвучавшим с трибуны Государственной думы 2 мая 1914 г. доносом Егорова на Лодыженского.

Ещё 18 марта 1914 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков направил приамурскому генерал-губернатору «заявление почётного гражданина Ильи Семёновича Егорова о возникшей в Приморской области еврейской организации по освобождению молодых людей от воинской повинности и связи, существующей между этой организацией и должностными лицами области, покорнейше прося не отказать в расследовании этого дела и сообщении заключения с возвращением приложения»³¹.

Согласно этому «заявлению»: «1) Во Владивостоке и Никольск-Уссурийском имеются “бюро по освобождению от воинской повинности”, руководимые евреями, состоящими в тесных отношениях с должностными лицами. 2) Число освобождённых от воинской повинности незаконным способом в минувшем году достигло 50 человек, причём практиковались такие случаи, как свидетельствование подставного лица, безногого калеки, взамен вполне здорового... 3) Благодаря существованию “бюро”, покровительствуемого властью, преступление разрастается в целую “дальневосточную воинскую Панаму”, сведения о которой сообщены Егоровым в редакцию газет правого направления и доктору Дубровину, а также некоторым членам Государственной думы. 4) Близкий к этой “Панаме” советник Ундриц составил себе состояние и вёл широкий образ жизни, крайне подозрительный при скромном окладе жалованья. 5) Узнав о разоблачении Егорова, Ундриц восстановил против него камер-юнкера Лодыженского, а этот последний — коменданта крепости генерала

²⁸ Наш знакомец // Уссурийский край. 1914. 9 июля. С. 2.

²⁹ По краю. Патриотическая деятельность // Уссурийская окраина. 1912. 27 июля. С. 3; Маленький фельетон. «Заноза» // Океанский вестник (Владивосток). 1914. 19 января (1 февраля). С. 3.

³⁰ РГИА ДВ, ф. 1, оп. 7, д. 1368, л. 10.

³¹ Там же, ф. 702, оп. 1, д. 1004, л. 1.

Нищенкова, бывшего ранее покровителем Егорова, вместе с тем, Лодыженский угрожал через полицию Егорову высылкой за его доносы. 6) Сам Лодыженский также находится в тесной зависимости от евреев, в частности, от раввина Скидельского, которому должен большую сумму денег. 7) Начальник Владивостокского сыскного отделения Мартынов произвёл исчерпывающее дознание и установил существование “бюро”, но всё его расследование движения не получило. 8) Все эти данные побуждают Егорова просить министра о специальном расследовании настоящего дела»³².

Проведённое по приказу Гондатти секретное расследование показало: «Ряд данных... по этому делу свидетельствует, что в заявлении Егорова имеется, по-видимому, доля правды, и что основная часть переписки, в том числе дознание начальника сыскного отделения Мартынова и расследование помощника Никольск-Уссурийского полицмейстера утеряна или скрыта бывшим советником Ундриц... По остаткам переписки, восстановленной частью по отпускам, частью на память, картины этого дела воспроизвести невозможно»³³. Ундриц к тому времени уже был уволен в отставку³⁴ и выехал в Санкт-Петербург, Лодыженский скрывался³⁵, Мартынов дважды давал разные показания³⁶. Неуловим оказался и сам Егоров: летом 1914 г. он проживал в Вятке, затем редактировал красноярскую газету «Сусанин», выход которой прекратился (вероятно, по причине отсутствия средств) 14 сентября, в начале октября появился в Хабаровске, откуда вскоре отправился в Благовещенск, где получил место акцизного надсмотрщика³⁷.

Его репутация кляузника и дебошира в значительной степени была создана «прогрессивной» прессой, как владивостокской («Далёкая окраина», «Примамурский край») и никольск-уссурийской («Уссурийская окраина»), так и московской («Русское слово»). Именно благодаря газетам он прославился на всю страну. То же самое можно сказать и о Лодыженском. Любопытно, что, исполняя обязанности губернатора, он был для приморской печати едва ли не главным врагом, его обвиняли в самодурстве, взяточничестве, превышении полномочий, антисемитизме и т.п. В мае 1913 г. именно редакция «Далёкой окраины» инициировала объединение сил местных журналистов в борьбе с вице-губернатором, наиболее активно отправляла жалобы и передавала сведения для публикации в столичных газетах³⁸. Но как только против чиновника выступили правые, в сущности, лишь повторившие то, что раньше уже сказали их оппоненты, либеральные издания, начиная с «Русского слова», тут же «переменяли фронт». Но удивительнее всего то, что в защите Лодыженского в 1914 г. активно участвовала та же «Далёкая окраина», которую он преследовал годом ранее (сперва оштрафовал, затем совершенно незаконно арестовал одного её редактора и выслал другого). Именно так и возникали коллизии, когда либеральные «День» и «Русское слово» писали, что Лодыженский «грабит евреев», а черносотенный «Сусанин» уверял, будто он «служит жидам».

³² Там же, л. 24.

³³ Там же, л. 9.

³⁴ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 4229, л. 64–65.

³⁵ Там же, д. 3757, л. 28.

³⁶ Там же, ф. 702, оп. 1, д. 1004, л. 28.

³⁷ Там же, л. 15–20.

³⁸ Там же, ф. 1, оп. 7, д. 1368, л. 9–10.

Дипломатические приёмы И.В. Сталина 1941–1945 гг.: кремлёвский протокол и особая кухня

Владимир Невежин

Diplomatic receptions of Josef Stalin in 1941–1945: the Kremlin protocol and special cuisine

Vladimir Nevezhin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Проблематика дипломатических приёмов (обедов, банкетов¹) периода Великой Отечественной войны не была представлена в обобщающих трудах по истории войны и дипломатии², лишь частично затрагивалась в работах, посвящённых отношениям СССР с отдельными странами антигитлеровской коалиции³, а также дипломатическому протоколу⁴ и особой кремлёвской кухне⁵.

Цель данной статьи – рассмотреть специфику подготовки и проведения в Кремле обедов, которые устраивались в честь союзников Советского Союза в 1941–1945 гг.; проанализировать деятельность в этой сфере руководства и сотрудников Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) СССР и других ведомств; показать значение кремлёвской кухни.

Дипломатический протокол – это общепринятые правила международной вежливости, традиции и условностей, соблюдаемых в ходе общения представителей различных государств с учётом их национальных особенностей. Что касается советского (кремлёвского) протокола, то к началу Великой Отечественной войны он был своеобразен.

Как известно, еда, помимо прочего, формирует социокультурные условия существования человека, его потребности и практики, «необходимость единения, коммуникаций с себе подобными, приобщения к деятельности других людей»⁶. Между тем редко изучалась роль еды в таком контексте. Специальные отрасли науки о ней – гастика и гастрософия – только начинают входить в предметную часть истории как отрасли знаний⁷.

© 2017 г. В.А. Невежин

¹ Дипломатический обед (банкет) начинался между 20 и 21 ч и продолжался два–три часа (Лядов П.Ф. История российского протокола. М., 2004. С. 132).

² Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002. В 3 т. Т. 2. М., 2002; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 8. М., 2014.

³ Ржевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии. М., 2004; Печатнов О.В. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. М., 2006.

⁴ Молочков Ф.Ф. Дипломатический протокол и дипломатическая практика. Изд. 2, доп. М., 1979; Борунков А.Ф. Дипломатический протокол. М., 1993. Семёнов В.Л. Практика дипломатического протокола и этикета. М., 2002; Семёнов И.Н. Российский дипломатический протокол. М., 2011.

⁵ Кремль. Особая кухня. Ветеранам посвящается. М., 2014.

⁶ Кравченко С.А. Социокультурная динамика еды: риски, уязвимости, востребованность гуманитаристической биополитики. М., 2014. С. 8.

⁷ Невежин В.А. Еда и алкогольные напитки на дипломатических приёмах в Кремле (1941–1945 гг.) // *Codrul Cosminului*. 2014. Vol. XX. № 1. P. 150; Павловская А.В. Еда и наука: две вещи несовместимые? // Материалы I международного симпозиума «Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира». 30 октября – 1 ноября 2014 г. М., 2015. С. 30–31.

Если совсем недавно при изучении некоторых аспектов рассматриваемой проблематики источниками служили преимущественно мемуары и дневники советских и иностранных участников дипломатических приёмов в Кремле⁸, то в данной статье исследованы ранее не известные материалы – хранящиеся в АВП РФ (ф. 06. Секретариат народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова) и опубликованные в интернете⁹.

В международной жизни дипломатические приёмы являются одной из общепринятых и распространённых форм деятельности исполнительных органов власти и внешнеполитического ведомства любого государства. Помимо представительского значения они используются как средство установления, поддержания и развития контактов дипломатического корпуса с властями страны пребывания, играют важную роль в деле оказания необходимых по протоколу почестей и демонстрации гостеприимства высоким зарубежным гостям, прибывающим в страну с официальными визитами¹⁰.

В период Великой Отечественной войны необходимость координации военной, политической и дипломатической деятельности, конечной целью которой являлось достижение победы над общим врагом – Германией и её сателлитами, требовала постоянного обмена мнениями между государствами – членами антифашистского альянса. Москву с официальными визитами неоднократно посещали представлявшие его политические лидеры, военные деятели и дипломаты. Как правило, помимо переговоров и других протокольных мероприятий, в Кремле от имени главы правительства СССР И.В. Сталина, который в мае 1941 г. сменил В.М. Молотова на посту председателя СНК, устраивались дипломатические обеды.

С 1 октября 1941 г. по 13 августа 1945 г. в Екатерининском зале Большого Кремлёвского дворца прошло 23 таких обеда: 21 раз они давались в честь представителей государств антигитлеровской коалиции и два – по случаю прибытия делегаций не входившей в неё Монгольской Народной Республики. Несмотря на то, что в войну против Японии эта страна вступила лишь 10 августа 1945 г., в течение Великой Отечественной войны она оказывала СССР посильную экономическую помощь.

⁸ *Невежин В.А.* Дипломатические приёмы Сталина в Кремле 1941–1945 гг. // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию начала Великой Отечественной войны. Материалы VII международной научной конференции. Краснодар, 2012. С. 340–356; *Невежин В.А.* Дипломатические приёмы И.В. Сталина периода Второй мировой войны (1939–1945 гг.) глазами представителей иностранных государств // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск, 2013. Вып. XII. С. 222–237; *Невежин В.А.* Сталинская «стратегия банкета»: дипломатические приёмы в Кремле в честь союзников (1943 г.) // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа. Материалы международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов н/Д, 2013. С. 108–114; *Невежин В.А.* Церемониал дипломатических приёмов Сталина 1941–1945 гг. // Историк и художник: Сборник воспоминаний и статей памяти профессора Сергея Сергеевича Секиринского. М., 2013. С. 448–462; *Невежин В.А.* Еда и алкогольные напитки на дипломатических приёмах в Кремле... С. 149–166; *Невежин В.А.* Дипломатические приёмы в Кремле и вербальная коммуникация союзников // Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне. Материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.). Ростов н/Д, 2015. С. 283–289; *Невежин В.А.* Дипломатические приёмы в Кремле в честь союзников 1941–1945 гг.: вербальный контекст // История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Пределы и возможности современных интерпретаций ключевых проблем. М., 2015. С. 178–189.

⁹ СССР и союзники. Документы Архива МИД России о внешней политике и дипломатии ведущих держав антигитлеровской коалиции (URL: <http://agk.mid.ru>).

¹⁰ *Лядов П.Ф.* Указ. соч. С. 108.

Наибольшее число приёмов (девять) было устроено в честь английских и американских союзников¹¹. 1 октября 1941 г. Сталин принимал в Кремле членов делегаций, участвовавших в конференции представителей трёх союзных держав (СССР, Великобритании и США); 20 декабря – министра иностранных дел Великобритании А. Идена; 14 августа 1942 г. – английского премьер-министра У. Черчилля и А. Гарримана, личного представителя президента США Ф.Д. Рузвельта. 26 сентября 1942 г., 23 мая 1943 г. и 1 июня 1945 г. банкеты устраивались по случаю прибытия в Москву соответственно Дж.Э. Дэвиса, У. Уилки и Г. Гопкинса. Все трое также являлись личными представителями американских президентов (Уилки и Дэвиса направлял в Москву со специальными миссиями Рузвельт, а Гопкинса – Г. Трумэн). 30 октября 1943 г. обед в Кремле устроили в честь государственного секретаря США К. Хэлла и А. Идена, возглавлявших делегации западных союзных держав на Московской конференции руководителей внешнеполитических ведомств Большой тройки. 18 октября 1944 г. почётными гостями на банкете в Кремле стали Черчилль и Иден, а 13 августа 1945 г. – генерал армии США Д. Эйзенхауэр.

Пять раз кремлёвские банкеты устраивались в честь польских союзников – председателя Совета министров польского правительства в изгнании (эмиграции) В. Сикорского (4 декабря 1941 г.), командования польской армии (16 марта 1944 г.), руководителей Польского комитета национального освобождения (27 июня 1944 г.), президента Крайовой рады народной и премьер-министра иностранных дел Временного совета министров Польской Республики Э. Осубки-Моравского (21 апреля 1945 г.), Б. Берута, членов Временного правительства Польши и находившихся в Москве польских политических деятелей (23 июня 1945 г.).

Четыре раза такой чести удостоивались чехословацкие союзники – президент Чехословакии в изгнании (эмиграции) Б. Бенеш (11, 22 декабря 1943 г. и 28 марта 1945 г.), премьер-министр Чехословацкой Республики З. Фирлингер и члены её правительства (27 июня 1945 г.).

Обеды в Кремле имели место по окончании визитов в Москву главы Временного правительства Французской республики генерала Ш. де Голля и её министра иностранных дел Ж. Бидо (9 декабря 1944 г.), председателя Совета министров Югославии маршала И. Броз Тито (11 апреля 1945 г.), председателя Исполнительного юаня, министра иностранных дел Китая Сун Цзы-Веня (13 июля 1945 г.).

При проведении официальных приёмов соблюдались правила дипломатического протокола, основанные на принципе «международной вежливости», т.е. почтительности и уважения всего, что символизирует и представляет другую страну¹². Советское государство вопреки имевшимся политическим и идеологическим противоречиям и разногласиям с капиталистическим миром стремилось в своей международной деятельности по возможности придерживаться этого принципа. В 1920–1930-х гг. НКВД практиковал устройство банкетов с приглашением большого количества гостей, в том числе иностранных дипломатов. Сначала такие мероприятия проходили в особняке НКВД (Софийская набережная, д. 14), а позднее – на территории бывшей усадьбы З.Г. Морозовой (ул. Спиридоновка, д. 17). Этот шедевр архитектора Ф.О. Шехтеля стал в конце

¹¹ После начала Великой Отечественной войны Советский Союз и Соединённые Штаты Америки не сразу стали полноценными партнёрами по антигитлеровской коалиции. До декабря 1941 г. США считались «невоюющим союзником» СССР и Великобритании.

¹² *Молочков Ф.Ф.* Указ. соч. С. 6.

1930-х гг. Домом приёмов НКВД. Здесь в 1930–1939 гг. от имени народных комиссаров иностранных дел – М.М. Литвинова, с мая 1939 г. В.М. Молотова (одновременно являлся главой советского правительства) – проводились многочисленные обеды в ознаменование официальных визитов в СССР иностранных политических деятелей и дипломатов, а также по поводу очередных годовщин Октябрьской революции 1917 г.

Застолья в Кремле тогда не практиковались. Исключение составил торжественный обед, устроенный 3 мая 1928 г. М.И. Калининым в честь прибывшего в СССР короля Афганистана Амманулы-хана. Хотя советская дипломатия и «протокол» «обогатились» практикой приёмов государственных деятелей (делегаций) на высшем уровне¹³, эта традиция не получила дальнейшего развития в последующем десятилетии. Однако она возродилась в начале Второй мировой войны. 28 и 29 сентября, 5 октября и 11 октября 1939 г. в ознаменование подписания дипломатических соглашений соответственно с Германией, Эстонией, Латвией и Литвой в Кремле были организованы обеды – от имени Молотова, так как участвовавший в них Сталин был секретарём ЦК ВКП(б) и ещё не занимал высших государственных постов.

Участники этих официальных мероприятий воспринимали их как явление, имевшее важное символическое значение. Не случайно немецкий дипломат А. Хенке, присутствовавший 28 сентября 1939 г. на приёме в честь Й. Риббентропа после подписания договора о дружбе и границе между СССР и Германией, отмечал, что факт проведения данного торжества не в Доме приёмов, а «в самом Кремле», свидетельствовал о желании оказать иностранным гостям «небывалые почести»¹⁴.

В условиях складывания антигитлеровской коалиции (после 22 июня 1941 г.) необходимые протокольные знаки внимания и почести уже оказывались представителям враждебных Германии стран. Важнейшие вопросы, связанные с проведением приёмов в Кремле, решались руководством и штатными сотрудниками НКВД. В начале Великой Отечественной войны в это ведомство входили 11 территориальных и 4 функциональных отдела. Во второй половине 1941 г. количество территориальных отделов сократилось до 8, а к маю 1945 г. в составе НКВД имелись 11 территориальных и 7 функциональных отделов, несколько управлений, занимавшихся текущими делами, кадрами и валютно-финансовыми вопросами. В этом ведомстве также находились политический архив и Центральная научная библиотека.

6 сентября 1940 г. первым заместителем наркома иностранных дел был назначен А.Я. Вышинский; его заместителями являлись В.Г. Деканозов (с 3 мая 1939 г.), С.А. Лозовский (с 15 мая 1939 г.), М.М. Литвинов (с 10 октября 1941 г.), А.Е. Корнейчук (23 мая 1943 – 2 февраля 1944 г.), И.М. Майский (с 28 июля 1943 г.), С.И. Кавтарадзе (с 3 сентября 1943 г.), М.И. Алиев (22 ноября 1943 – 3 сентября 1944 г.). В 1941 г. штат сотрудников НКВД включал 641 человека, в 1942 г. – 522, в 1944 г. – 756, а к концу войны – 755¹⁵.

¹³ Никифоров Д. Протокол на заре советской дипломатии // Дипломатический ежегодник. 1989. М., 1990. С. 219, 222–223.

¹⁴ Documents on German foreign policy 1918–1945. Series D (1937–1945). Vol. VIII. The War years (September 4, 1939 – March 18, 1940). Washington, 1954. P. 942.

¹⁵ СССР и германский вопрос. 1941–1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 48–51; Очерки истории Министерства иностранных дел России... Т. 2. С. 273–274; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 8. С. 684, 686, 689.

Территориальные отделы отвечали за организацию дипломатических приёмов в честь представителей союзных стран. Основная тяжесть работы по подготовке и проведению кремлёвских банкетов легла на плечи сотрудников функционального Протокольного отдела, возглавлявшегося Ф.Ф. Молочковым¹⁶. Важно отметить, что тогда отсутствовали утверждённые на уровне руководителя внешнеполитического ведомства письменные инструкции с изложением правил протокола¹⁷. Примечательно, что 22 ноября 1944 г. Сталин в беседе с членами польской делегации, предвзято застолье в узком кругу, заявил, что «официальные приёмы бывают скучны»¹⁸. Скорее всего, он имел в виду те из них, которые проходили в Кремле. Так или иначе, широко пользоваться услугами Протокольной службы НКВД Сталин начал только в конце Второй мировой войны¹⁹.

Для руководства этой службы в процессе формирования антигитлеровской коалиции складывалась непростая ситуация. Положение усугублялось тем, что особое внимание и всемерные почести, согласно общепринятым протокольным установкам, следовало, в частности, оказывать тем лидерам союзных стран, которых никак нельзя было отнести к разряду симпатизирующих Стране Советов и её политической системе (Сикорский, Черчилль, генерал де Голль). В данной связи не совсем понятно, какими критериями руководствовался заведующий Протокольным отделом НКВД при подготовке дипломатических приёмов в Кремле в честь союзников? Можно лишь предположить, что он был вынужден на первых порах действовать на свой страх и риск, «балансируя» между своими непосредственными начальниками — Молотовым и его заместителями.

Именно Молочков заранее (за две—три недели до ожидаемой даты официального визита) направлял на имя главы внешнеполитического ведомства инициативные документы, где был прописан порядок встречи, дальнейшего сопровождения и проводов высоких зарубежных гостей. В этих документах по пунктам перечислялись практические мероприятия, которые должны были провести работники советских ведомств в рамках программы пребывания в СССР той или иной иностранной делегации. Особое место в них уделялось вопросам подготовки обедов в Кремле с участием Сталина.

Дата и точное время начала приёма, общее количество и фамилии приглашённых, порядок их рассадки за столом, предлагаемое меню — все эти элементы предварительно обсуждались руководством НКВД. Конкретные предложения заведующего Протокольным отделом об устройстве официального обеда в честь представителя (представителей) той или иной союзной державы отсылались на утверждение Молотову или его заместителям. Визировал такого рода документы нарком иностранных дел.

Уже на стадии согласования вопроса об организации конкретного дипломатического приёма возникали определённые нестыковки, связанные среди прочего и с отсутствием чётко прописанных правил протокола. Так, 15 ноября 1941 г.

¹⁶ В 1937 г. Молочков, уже имея высшее экономическое образование, окончил Институт дипломатических и консульских работников НКВД; в 1937—1940 гг. — сотрудник советского полпредства в Литве, затем заместитель заведующего, а в 1941—1950 гг. заведующий Протокольным отделом Наркомата иностранных дел.

¹⁷ До середины 1950-х гг. не существовало единого нормативного документа, обобщающего протокольную практику советских дипломатов (*Лядов П.Ф.* Указ. соч. С. 8).

¹⁸ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 42, д. 558, л. 17.

¹⁹ *Карягин В.В.* Дипломатическая жизнь за кулисами и на сцене. М., 1994. С. 149.

Молочков направил Молотову «Программу пребывания Сикорского в Советском Союзе», составленную накануне визита главы польского правительства в изгнании²⁰. В пункте 7 документа содержалось предложение об устройстве гостю завтрака в Москве «от имени тов. И.В. Сталина». Ознакомившись с «Программой...», Молотов подчеркнул слово «завтрак» двумя чертами, а далее вписал: «не предпринимать этого»²¹. Видимо, он продолжал сохранять недоверие к главе польского правительства, изначально создававшегося как враждебное Советскому Союзу. Однако Молотов не мог не считаться с одним важным обстоятельством: 30 июля 1941 г. в Лондоне Майский и Сикорский подписали компромиссное соглашение о восстановлении дипломатических отношений между Польшей и СССР и о создании на его территории польской армии²².

Ещё 30 ноября первый секретарь польского посольства в Куйбышеве Мнишек напомнил Молочкову, что согласно дипломатическому протоколу Сикорский «считается гостем»²³. Заведующий Протокольным отделом принял это напоминание к сведению. 2 декабря, в день приезда в Москву главы польского правительства, Молочков представил Молотову «предложения относительно завтрака от имени тов. И.В. Сталина» в честь высокого гостя и порекомендовал провести это мероприятие 4 декабря в 17 ч²⁴. Ознакомившись с документом, Молотов заменил «завтрак» на «обед», а время начала приёма «перенёс» на 20 ч²⁵. Скорее всего, окончательно вопрос о том, устраивать в честь польского премьера завтрак или обед, он предварительно согласовал со Сталиным. Даже если глава внешнеполитического ведомства СССР и сохранял неприязнь к лидеру Польши, самим фактом устройства достойного приёма Сталин продемонстрировал желание оказать Сикорскому соответствующие почести. Он исходил из политической (геополитической) целесообразности, причём не нарушая сформировавшегося в протокольной практике основополагающего принципа: руководитель государства может выказать своё личное расположение, равно как и неприязнь иностранному послу или лидеру²⁶.

Примечательно, что если в начале войны Молочкову приходилось неоднократно обосновывать даже устройство «завтраков», то в её конце он действовал более уверенно. Так, Молочков писал Молотову 25 июня 1945 г., имея в виду премьера прибывшего в Москву чехословацкого правительства, что «считал бы необходимым дать в один из ближайших дней в его честь обед от имени товарища И.В. Сталина... Такой обед... стал у нас обычаем. Завтрак в честь Фирлингера был бы недостаточен» (выделено мной. — В.Н.)²⁷. Очевидно, утверждая это, Молочков исходил из имевшихся прецедентов: приёмы такого «формата» устраивались в 1942–1945 гг. и для глав правительств других стран — членов антигитлеровской коалиции.

Необходимое по протоколу внимание оказывалось не только премьерам и президентам союзных государств, но и главам их внешнеполитических ведомств, в частности министру иностранных дел Великобритании Идену. Он

²⁰ АВП РФ, ф. 06, оп. 3 АВТО, п. 19, д. 244, л. 12–15.

²¹ Там же, л. 14.

²² Документы внешней политики. 22 июня 1941–1 января 1942. Т. XXIV. М., 2000. Док. № 136. С. 200–201.

²³ АВП РФ, ф. 06, оп. 3 АВТО, п. 19, д. 244, л. 18.

²⁴ Там же, л. 15.

²⁵ Там же, л. 17.

²⁶ Семёнов И.Н. Указ. соч. С. 192.

²⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 7, п. 51, д. 836, л. 4.

прибыл в Москву из Архангельска поздней ночью 15 декабря 1941 г., и ему устроили торжественную встречу с участием Молотова и других официальных лиц. По «Программе пребывания...» Идена на 20 ч 18 декабря планировалось дать в Кремле обед от имени Молотова²⁸. 16 декабря в направленной последнему докладной записке Молочков просил «дать указания» по некоторым вопросам, связанным с организацией приёма, но на более высоком уровне — у Сталина. Молочков предлагал пригласить Г.И. Фомина²⁹ на этот банкет («для передачи опыта организации обедов» в Кремле) и провести его «18–19 декабря... в 19 ч. 30 м.»³⁰.

Однако Сталин всё «переиграл»: приём был устроен только 20 декабря. К сожалению, не найдены документы, которые могли бы прояснить, как принималось это решение. Скорее всего, обед перенесли на более позднее время из-за затянувшихся официальных переговоров между Сталиным и Иденом. Глава британского Форин-офиса 16, 17, 18 и 20 декабря имел с советским лидером «напряжённые» беседы — обе стороны никак не могли достичь консенсуса³¹. Официальные переговоры завершились 20 декабря в 20.30³², затем Сталин пригласил Идена и его помощника А. Кадогана на обед, причём британскому министру было предложено самостоятельно выбрать время начала приёма — 21 или 22 ч. Иден выбрал последнее. И хотя большинство сопровождавших его членов британской делегации успели поужинать в гостинице, к назначенному времени они дружно (вместе с Иденом) прибыли в Кремль на банкет³³.

Не сразу руководству Протокольного отдела НКВД удалось «утрясти» вопрос об устройстве обеда в честь У. Уилки³⁴, который 17 сентября 1942 г. на самолёте прибыл в Куйбышев, а 20 сентября прилетел в столицу. Ещё 12 сентября Молочков и заведующий Отделом латиноамериканских стран НКВД Г.Н. Зарубин переслали Молотову «Программу встречи, приёма и проводов Уилки в Москве». Документ завизировали заместители наркома иностранных дел. На первом листе имелась помета: «Тов. Молотову В.М. “Мы — за. На Ваше утверждение”. Вышинский, Лозовский». Во втором разделе «Программы...», озаглавленном «Пребывание», были расписаны протокольные мероприятия, которые следовало провести 19–21 сентября по прибытии Уилки в Москву: официальные визиты к Молотову, Сталину и, возможно, к Микояну; осмотр столичных предприятий и метро; посещение театра; поездка на Западный фронт. Молочков и Зарубин предлагали устроить высокому американскому гостю 21 сентября обед от имени наркома иностранных дел, однако этот пункт авторы документа оставили под вопросом. Собственноручная резолюция Молотова относительно второго раздела была следующей: «Пока не решать. Узнаем прежде,

²⁸ Там же, п. 8, д. 86, л. 9.

²⁹ Фомин Геннадий Иванович (1914–1980), дипломат, заместитель заведующего Протокольным отделом НКВД (1941–1945).

³⁰ АВП РФ, ф. 06, оп. 7, п. 51, д. 836, л. 20.

³¹ Ржевский О.А. Указ. соч. Док. № 7, 13, 14, 19.

³² Там же, Док. № 19. С. 90.

³³ *Eden A.* The Eden Memoirs: The Reckoning. L., 1965. P. 301; *Cadogan A.* The diaries of Sir Alexander Cadogan. N.Y., 1971. P. 422.

³⁴ Подробнее о миссии У. Уилки см.: Печатнов В.О. Указ. соч. С. 69–91; Голубев А.В., Невежин В.А. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е — первая половина 1940-х гг. М., 2016. С. 200–204.

чего хочет Уилки»³⁵. В конечном счёте, решение об устройстве обеда в Кремле вновь осталось за Сталиным, который назначил застолье на 26 сентября 1942 г.

При активном участии НКВД готовились поимённые списки приглашённых на обед в Кремль иностранных гостей и представителей СССР. По сложившейся традиции Молочков предварительно направлял такие списки Молотову³⁶, утверждавшему их окончательные варианты³⁷. По причине тщательного отбора гостей число участников приёмов в честь союзников было меньше, чем на торжественных обедах в Доме приёмов НКВД на Спиридоновке. Туда приглашали представителей партийного и государственного руководства, высшего командования Красной армии и Военно-морского флота, известных деятелей литературы и искусства, советских и иностранных дипломатов (вместе с жёнами). Мероприятия сопровождались большими концертами, участники которых тоже входили в число приглашённых.

Что касается официальных приёмов в Кремле периода Великой Отечественной войны, то по протоколу на них не предусматривалось присутствие деятелей литературы и искусства, а также исполнение концертных программ. Хотя по окончании банкета 30 октября 1943 г., по распоряжению Сталина был устроен небольшой импровизированный концерт³⁸. Кроме того, на кремлёвские обеды советские и иностранные дипломаты, а также военные приходили без жён. Правда, 1 июня 1945 г. Гопкинс и советский дипломат Майский были на приём со своими супругами³⁹.

7 ноября 1943 г., вспоминал Майский, на устроенном на Спиридоновке от имени Молотова праздничном банкете присутствовало свыше 500 человек⁴⁰. А самым многолюдным из кремлёвских оказался обед 1 октября 1941 г., где, по словам Гарримана (главы делегации США на первой Московской союзнической конференции) было более 100 гостей⁴¹ (для сравнения: в «Списке приглашаемых...», составленном Молочковым 30 сентября, перечислялось свыше 90 фамилий)⁴². В остальных случаях на официальных обедах присутствовало от 30 до 70 человек (см. табл.).

Обычно для размещения гостей и хозяев вполне хватало одного стола, за исключением банкетов, состоявшихся 1 октября 1941 г., 14 августа 1942 г. и 28 марта 1945 г., когда пришлось накрывать два стола⁴³. Интересен персональный состав участников кремлёвских обедов. Так, Гарриман отмечал, что на приёме в честь делегаций первой Московской союзнической конференции присутствовали члены американской и британской (её возглавлял лорд У.М.Э. Бивербрук) делегаций, сотрудники посольств Великобритании и США, высокопоставленные советские функционеры⁴⁴.

³⁵ АВП РФ, ф. 06, оп. 4, п. 22, д. 239, л. 53.

³⁶ Там же, л. 48; оп. 5, п. 29, д. 337, л. 57, 58, 64, 64 об.

³⁷ Там же, оп. 3 АВТО, п. 19, д. 244, л. 15, 17; оп. 5, п. 34, д. 405, л. 31–32; оп. 56, п. 40, д. 17, л. 7–8; оп. 6, п. 5, д. 751, л. 21–22; оп. 7, п. 51, д. 831, л. 26; п. 53, д. 878, л. 20–21.

³⁸ РГАСПИ, ф. 558, оп. 4, д. 648, л. 26–27.

³⁹ Правда. 1945. 2 июня.

⁴⁰ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943. В 2 кн. Кн. 2. М., 2009. С. 324.

⁴¹ *Harriman F., Abel E.* Special Envoy to Churchill and Stalin 1941–1946. N.Y., 1975. P. 98.

⁴² АВП РФ, ф. 06, оп. 3 АВТО, п. 33, д. 441, л. 21–24. Здесь и далее приводится приблизительное количество участников дипломатических приёмов в Кремле 1941–1945 гг., поскольку в статье использованы главным образом сохранившиеся в архиве черновые варианты списков приглашённых.

⁴³ Там же, оп. 7, п. 51, д. 831, л. 22.

⁴⁴ *Harriman F., Abel E.* Op. cit. P. 98.

**Количество участников дипломатических приёмов И.В. Сталина
в 1941–1945 гг. (в порядке убывания)**

Даты приёмов	Примерное количество человек
1 октября 1941 г.	100
14 августа 1942 г.*; 28 марта 1945 г.	70
9 декабря 1944 г.**; 23 июня 1945 г.	60
23 мая, 30 октября, 22 декабря 1943 г., 27 июля, 18 октября 1944 г., 11 апреля 1945 г.	50
20 декабря 1941 г., 11 декабря 1943 г., 13 августа 1945 г.	40
4 декабря 1941 г., 13 июля 1945 г.	30

Составлено по: АВП РФ, ф. 06, оп. 3 АВТО, п. 19, д. 244, л. 4, 5, 16–17, 19; п. 33, д. 441, л. 21–24; оп. 4, п. 14, д. 134, л. 8–10, 12–14; п. 22, д. 239, л. 48; оп. 5, п. 29, д. 337, л. 56–60, 64–65; п. 34, д. 27, л. 27; д. 406, л. 31–35; оп. 56, п. 40, д. 17, л. 7–8; оп. 6, п. 22, д. 229, л. 14; п. 51, д. 831, л. 21–28; п. 55, д. 751, л. 16, 18–22; оп. 7, п. 36, д. 522, л. 30–32; п. 39, д. 594, л. 10–11; п. 40, д. 598, л. 8; п. 44, д. 683, л. 18–20; д. 689, л. 58; п. 53; д. 878, л. 20–21; ф. 69, п. 104, оп. 30, д. 13, л. 25; ф. 129, оп. 25, п. 35, л. 1–4.

* Черчилль утверждал, что на обеде 14 августа 1942 г. присутствовало «около сорока человек», по воспоминаниям советского военачальника А.Е. Голованова – «человек десять, а может быть, чуть больше» (*Невежин В.А.* Застольные речи Сталина. Документы и материалы. М.; СПб., 2003. Док. № 69. С. 308, 311).

** По словам авиаконструктора А.С. Яковлева, на приём 9 декабря 1944 г. «собралось человек пятьдесят» (Там же. Док. № 98. С. 424).

В «Списке приглашаемых на обед 1 октября 1941 г. в Кремле» было представлено несколько групп: американская делегация (23 человека); американское посольство (7); английская делегация (20); английская военная миссия (6); английское посольство (8); советская делегация (10, не считая Сталина); ответственные работники наркоматов (17)⁴⁵. Однако в этом документе не были упомянуты майор Харвей (A.L. Harvey), лейтенант Рейчерс (L.T. Reichers), пилоты двух американских бомбардировщиков В-24, которые на своих самолётах и доставили в Москву делегации союзников⁴⁶.

На дипломатических приёмах, отмечали их иностранные участники, помимо членов Политбюро ЦК ВКП(б) неизменно присутствовали официальные лица, сотрудники НКВД, представители высшего военного руководства⁴⁷. Действительно, там всегда находились Сталин и его ближайшие соратники, партийные и государственные деятели. В тот период Политбюро ЦК ВКП(б) состояло из 14 человек, девять из них (И.В. Сталин, А.А. Андреев, К.Е. Ворошилов, А.А. Жданов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, А.И. Микоян, В.М. Молотов, Н.С. Хрущёв) являлись членами Политбюро, пять (Л.П. Берия, Н.А. Вознесенский, Г.М. Маленков, Н.М. Шверник, А.С. Щербаков) – кандидатами в члены Политбюро. Сталин, Берия, Вознесенский (с 3 февраля 1942 г.), Ворошилов (до 22 ноября 1944 г.)⁴⁸, Каганович (с 20 февраля 1942 г.), Маленков и Молотов входили в состав ГКО.

⁴⁵ АВП РФ, ф. 06, оп. 3 АВТО, п. 33, д. 441, л. 21–24.

⁴⁶ *Harriman F., Abel E.* Op. cit. P. 98–99.

⁴⁷ *Невежин В.А.* Застольные речи Сталина... Док. № 69. С. 308; Док. № 85. С. 367; Док. № 94. С. 408; *Laloy J.* À Moscou: entre Staline et de Gaulle, décembre 1944 // *Revue des études slaves.* Т. 54. 1982. Fasc. 1–2. P. 147–148.

⁴⁸ К.Е. Ворошилова в составе ГКО заменил 22 ноября 1944 г. член ЦК ВКП(б) Н.А. Булганин.

Участниками официальных банкетов периода Великой Отечественной войны были не все, а лишь некоторые представители «ближнего круга» Сталина: 20 декабря 1941 г., 14 августа 1942 г., 30 октября 1943 г. и 18 октября 1944 г. — по восемь человек⁴⁹; 16 марта и 9 декабря 1944 г. — по семь⁵⁰; 11 апреля 1945 г. — девять человек⁵¹; 26 сентября 1942 г. — Сталин и пять членов и кандидатов в члены Политбюро⁵².

На всех обедах в Кремле в честь союзников неизменно присутствовал Молотов, часто бывали Ворошилов, Каганович, Микоян, Берия, Вознесенский и Маленков. Приглашались на них глава советских профсоюзов Н.М. Шверник, а также кандидат в члены Политбюро, первый секретарь Московского городского и областного комитетов ВКП(б) А.С. Щербаков, занимавший одновременно должности начальника Главного политического управления Красной армии и начальника Совинформбюро.

Гораздо реже на дипломатических приёмах появлялись председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин (видимо, из-за обострявшейся болезни «всесоюзного старосты»), А.А. Жданов (в 1941–1944 гг. находился в блокадном Ленинграде) и Н.С. Хрущёв (являлся членом военных советов ряда фронтов и часто отсутствовал в Москве). Лишь дважды (уже по окончании Великой Отечественной войны) присутствовал на таких обедах А.А. Андреев⁵³. Трудно сказать, почему его, члена Политбюро ЦК, не приглашали на приёмы во время войны. Возможно потому, что в отличие от других сталинских соратников он не занимал важных государственных должностей в военной сфере, а возглавлял Народный комиссариат земледелия СССР (1943–1946).

Кроме того, участниками обедов в Кремле являлись заместитель председателя СНК СССР (до мая 1944 г.), член ГКО и заместитель народного комиссара обороны Н.А. Булганин, заместитель председателя СНК СССР, председатель СНК РСФСР А.Н. Косыгин, а также заместители главы НКВД Вышинский, Деканозов, Литвинов, Лозовский, руководители структурных подразделений этого ведомства и дипломаты, работавшие в годы войны в союзных странах (А.Е. Богомолов, Ф.Т. Гусев, Г.Н. Зарубин, С.П. Козырев, И.М. Майский, Ф.Ф. Молочков, Н.Г. Пальгунов, А.А. Соболев, К.А. Уманский).

Отличительной особенностью кремлёвских приёмов являлось участие в них руководителей наркоматов оборонной промышленности — Б.Л. Ванникова, В.М. Малышева, И.Т. Тевосяна, Д.Ф. Устинова, А.И. Шахурина и видных советских военачальников: членов Ставки Верховного главнокомандования — К.Е. Ворошилова, С.М. Будённого, Г.К. Жукова, Н.Г. Кузнецова, С.К. Тимошенко, Б.М. Шапошникова, начальников Генерального штаба Красной армии — А.М. Василевского (до февраля 1945 г.), А.И. Антонова (с февраля 1945 г.) и командующих родами войск РККА — Н.Н. Воронова, А.Е. Голованова, А.А. Новикова и Я.Н. Федоренко.

Состав иностранных участников приёмов обуславливался соответствующими поводами для их организации. Знаменательно, что уже на первом банкете в честь союзников (1 октября 1941 г.) присутствовали послы Великобритании

⁴⁹ Правда. 1942. 1 января; 1944. 17 марта; 10 дек.; АВП РФ, ф. 06, оп. 5, п. 14, д. 134, л. 14; оп. 56, п. 40, д. 17, л. 5; оп. 6, п. 22, д. 229, л. 14.

⁵⁰ Правда. 1944. 17 марта, 10 декабря.

⁵¹ Там же. 1945. 11 апреля.

⁵² Там же. 1942. 27 сентября.

⁵³ Там же. 1945. 24 июня, 28 июня.

(С. Криппс) и США (Л.А. Штейнгард)⁵⁴, хотя до 22 июня 1941 г. (тогда советско-английские и советско-американские отношения оставляли желать лучшего) Сталин и Молотов старались дистанцироваться от глав дипломатических представительств обеих держав⁵⁵.

Как правило, на приёмы в честь британских союзников всегда приглашались представители США. Например, на обеде 14 августа 1942 г. помимо Черчилля и сопровождавших его лиц (25 человек) присутствовали 17 американцев во главе с Гарриманом⁵⁶. Среди приглашённых на обед 18 октября 1944 г. были 18 человек «со стороны англичан и американцев»⁵⁷. На банкетах, где «героями дня» являлись американцы, находились и англичане⁵⁸.

На обеде 9 декабря 1944 г. среди иностранных гостей фигурировали не только «виновники торжества» — французы, но и сотрудники посольств США и Великобритании в Москве⁵⁹. Однако ранее на организованном в честь Сикорского приёме присутствовали исключительно поляки⁶⁰, в честь Броз Тито — члены делегации Югославии⁶¹, а на банкетах 11 и 22 декабря 1943 г. — только представители Чехословацкой Республики⁶². После победы над Германией эту «традицию» нарушили. Например, на приёме 23 июня 1945 г. в качестве почётных иностранных гостей были не только поляки, но и послы Великобритании и США⁶³.

В ходе общей кампании по введению нового обмундирования и знаков различия в советских вооружённых силах и госучреждениях в 1943 г. была утверждена дипломатическая форма для сотрудников внешнеполитического ведомства. Согласно принятому 28 мая СНК СССР специальному постановлению вводились повседневная и парадная форменная одежда для работников НКВД и дипломатических сотрудников посольств и миссий СССР за границей (форма и знаки различия официально вошли в обиход с 1 ноября 1943 г.). Дипломатам предписывалось ношение парадной формы, в частности, на торжественных приёмах и банкетах у председателя СНК СССР и народного комиссара иностранных дел⁶⁴.

При подготовке визита генерала де Голля в СССР Протокольный отдел НКВД внёс предложение о том, чтобы ответственные работники наркомата участвовали в торжественных официальных мероприятиях в парадной форме, в том числе на обеде у Сталина. Это решение предлагалось довести до сведения Наркомата обороны, чтобы не только советские дипломаты, но и военные чины были одеты соответствующим предстоящему торжеству образом⁶⁵. На состоявшемся 9 декабря 1944 г. приёме, по словам переводчика генерала де Голля

⁵⁴ Там же. 1941. 3 октября.

⁵⁵ Документы внешней политики. 1940–22 июня 1941. Т. XXIII. В 2 кн. Кн. 2(2). М., 1998. Док. № 785. С. 595–596; Док. № 854. С. 720; Док. № 855. С. 724.

⁵⁶ АВП РФ, ф. 06, оп. 4, п. 14, д. 134, л. 12, 13.

⁵⁷ Там же, оп. 6, п. 22, д. 229, л. 14.

⁵⁸ Там же, оп. 5, п. 29, л. 337, л. 58, 64, 64 об.; оп. 7, п. 44, д. 683, л. 20.

⁵⁹ Там же, оп. 6, п. 55, д. 751, л. 19–20.

⁶⁰ Там же, ф. 06, оп. 3 АВТО, п. 19, д. 244, л. 15.

⁶¹ Там же, оп. 7, п. 53, д. 878, л. 20.

⁶² Там же, оп. 5, п. 34, д. 405, л. 28; оп. 7, п. 81, д. 831, л. 27, 31–34.

⁶³ Там же, оп. 7, п. 39, д. 594, л. 11.

⁶⁴ *Борунков А.Ф.* Указ. соч. С. 83; *Очерки истории Министерства иностранных дел России.* Т. 2. С. 304; *Лядов П.Ф.* Указ. соч. С. 145–146; *Великая Отечественная война 1941–1945 годов.* Т. 8. С. 693–694.

⁶⁵ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 55, д. 751, л. 28.

французского дипломата Ж. Лалуа, представители СССР (не исключая Сталина, одетого в маршалский парадный мундир) были в позолоченной униформе, при эполетах и в орденах. На этом фоне гости из Франции в своих кителях «смотрелись несолидно»⁶⁶.

При подготовке приёма, намеченного на 28 марта 1945 г., в комментарии к списку приглашённых, представленному Молочковым Вышинскому, а затем отправленному на утверждение Молотову, специально оговаривалось, что участники мероприятия должны прибыть в парадной форме с орденами⁶⁷.

Важной протокольной нормой и одновременно составной частью официального приёма является рассадка хозяев и гостей за обеденным столом⁶⁸. В ходе визитов на высшем уровне она осуществлялась в полном соответствии с общепринятыми правилами вежливости, соблюдением признанного служебного или общественно-политического положения гостей⁶⁹. Контролировал этот процесс Молочков, о чём свидетельствуют подготовленные при его участии «План рассадки на обеде 4 декабря 1941 г.», схемы рассадки на приёмах 22 декабря 1943 г., 28 марта, 13 июля и 13 августа 1945 г.⁷⁰ Молочков строго придерживался «принципа (правила) правой руки» (во время официального приёма самое почётное место гостя за столом — по правую руку хозяина)⁷¹.

Пресс-атташе польского посольства К. Прушинский, например, описал важный момент банкета 4 декабря 1941 г. следующим образом. После приглашения гостей к столу он быстро обнаружил свою визитную карточку и занял отведённое ему место. Сталин и Молотов сидели за столом друг напротив друга. По правую руку Сталина, по словам Прушинского, «восседал» генерал Сикорский, слева — посол Польши С. Кот⁷². Точно так же на приёмах 22 декабря 1943 г. и 28 марта 1945 г. главный «виновник торжества» — Э. Бенеш занимал место справа от Сталина⁷³.

В мемуарах встречаются некоторые неточности при описании персонального состава участников дипломатических приёмов в Кремле. Так, адъютант генерала В. Андерса ротмистр Е. Климковский, присутствовавший на банкете 4 декабря 1941 г., утверждал, что видел там Жданова⁷⁴, чего в принципе быть не могло.

Однако участники дипломатических раутов 1941–1945 гг. редко допускали подобные ошибки. Так, Лалуа точно перечислил всех, присутствовавших на официальном обеде 9 декабря 1944 г.: Сталин, Берия, Богомолов, Ворошилов, Каганович, Молотов, Б.Ф. Подцероб (старший помощник наркома иностранных дел), Гарриман, де Голль, Бидо, Р. Гарро (представитель Временного правительства Французской Республики при правительстве СССР), А.П. Жуэн (начальник Штаба национальной обороны Франции), Ж. де Шарбоньер (руководитель аппарата кабинета министров Франции). Сталин, отмечал

⁶⁶ *Laloy J.* Op. cit. P. 147.

⁶⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 7, п. 51, д. 831, л. 20–22.

⁶⁸ Семёнов В.Л. Указ. соч. С. 53.

⁶⁹ Лядов П.Ф. Указ. соч. С. 124.

⁷⁰ АВП РФ, ф. 06, оп. 3 АВТО, п. 19, д. 244, л. 4; оп. 5, п. 34, д. 405, л. 35; оп. 7, п. 51, д. 831, л. 28; п. 36, д. 522, л. 32; п. 44, д. 683, л. 20.

⁷¹ Семёнов И.Н. Указ. соч. С. 213.

⁷² *Pruszyński K.* Noc na Kremlu. Warszawa, 1989. S. 96–97; АВП РФ, ф. 06, оп. 3 АВТО, п. 19, д. 244, л. 4.

⁷³ АВП РФ, ф. 06, оп. 5, п. 34, д. 405, л. 35; оп. 7, п. 51, д. 831, л. 28.

⁷⁴ *Klimkowski J.* Bilem adutantem generala Andersa. Warszawa, 1959. S. 200.

французский дипломат, провозглашал здравицы за Н.А. Булганина, Н.Н. Воронова, А.А. Новикова, А.С. Яковлева и П. Пуйяда, французского лётчика эскадрильи «Нормандия–Неман»⁷⁵ (все вышеперечисленные зафиксированы и в «Списке...», составленном в Протокольном отделе НКВД)⁷⁶.

В некоторых случаях «завершающим актом» дипломатического приёма являлся просмотр кинофильмов («конёк» для Сталина) в специально предназначенном для этого помещении⁷⁷. В 1934 г. на месте Зимнего сада Большого Кремлёвского дворца появился миниатюрный кинотеатр размером 7.5 × 17 м, общей площадью около 130 кв. м, оснащённый самыми совершенными для того времени техническими средствами и проекционным оборудованием. Зал, в котором могли расположиться порядка 20 зрителей, отличался особым комфортом. В нём с большими интервалами расставлялись самые совершенные модели кресел, обитых тёмно-зелёным дерматином, – как в зале заседаний Верховного Совета СССР. Для поглощения звука стены в помещении были задрапированы тёмно-зелёной, с полоской, атласной тканью. Окна занавешивались непроницаемой для света тканью такого же тона, как и стены. Пол закрывал простой серый ковёр. Лампы «скрывались» в карнизах потолка, а свет перед сеансом медленно гасили с помощью реостата⁷⁸.

Фильмы, демонстрировавшиеся иностранным гостям, по распоряжению Сталина тщательно подбирали. Так, по окончании состоявшегося 30 октября 1943 г. банкета, Сталин, вспоминая Хэлл, провёл его и ещё двух–трёх гостей в кинопросмотровый зал. Здесь им предложили художественный фильм анти-японской направленности «Волочаевские дни», выпущенный в 1938 г., в период обострения ситуации на дальневосточных границах СССР. Госсекретарь США сразу понял намёк, который был особенно актуален: «Теперь никакой попытки скрыть причины выбора этого фильма для нашего просмотра не делалось. Показанный почти сразу же после заявления Сталина, что Советский Союз вступит в войну против Японии, фильм имел двойное значение»⁷⁹.

Особый интерес при исследовании темы вызывает вопрос, связанный с тем, как иностранцы воспринимали кулинарное меню официальных приёмов в Кремле⁸⁰. Несомненно, гостей восхищали сервировка столов, изысканные кушанья и блестящее обслуживание квалифицированного персонала. Для работы на этих обедах приглашались опытные метрдотели и официанты из первоклассных московских ресторанов. За организацию питания и обслуживания участников обедов в годы Великой Отечественной войны отвечал высокопоставленный сотрудник НКВД А.Я. Егнаташвили⁸¹.

Кулинарное разнообразие и обилие яств, включённых в меню дипломатических приёмов Сталина 1941–1945 гг. (холодные и горячие закуски, обед

⁷⁵ Laloy J. Op. cit. P. 147.

⁷⁶ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 55, д. 751, л. 19–20.

⁷⁷ Кремлёвский кинотеатр. 1928–1953. Документы. М., 2005.

⁷⁸ Большой Кремлёвский дворец. Изд. 2, доп. М., 2010. С. 338–340.

⁷⁹ Цит. по: Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра. М., 1990. С. 396.

⁸⁰ В нашем распоряжении имелись пять меню дипломатических приёмов Сталина тех лет: 4 декабря 1941 г., 22 декабря 1943 г. (*Невежин В.А.* Еда и алкогольные напитки... С. 156–159), 30 октября 1943 г. (*Невежин В.А.* Церемониймейстер Сталин. Дипломатические приёмы в Кремле как часть внешнеполитической игры // Живая история. 2015. № 3(3). С. 23), 15 августа 1942 г. (АВП РФ, ф. 06, оп. 4, п. 14, д. 134, л. 18, проект) и 23 мая 1943 г. (Там же, оп. 5, п. 29, д. 337, л. 62).

⁸¹ Кремль. Особая кухня... С. 21–22.

(первое, второе), десерт), в основном соответствовало национальным традициям СССР, однако в целом стало отражением своеобразного синтеза французской, русской и кавказской (грузинской) кухни⁸².

Набор холодных закусок (ещё в сентябре 1939 г. он вызвал восхищение у германских дипломатов)⁸³ выглядел следующим образом: икра зернистая, икра паюсная; рыба (копчёная, солёная, вяленая, заливная, с гарниром или без него) — белорыбица, лосось, осетрина, севрюга, сельдь, сёмга, шамая; мясные блюда, птица, дичь (с гарниром и без него) — ветчина, галантин, поросёнок с хреном, ростбиф, телятина, шефруа и майонез из дичи, утки андоб. Здесь же были выпечка (бриоши, кулебяки, расстегайчики, тосты), салаты («Весна», «Оливье», «Паризьен», «Паяр», из свежих помидор), сыры, масло сливочное, овощи (огурцы — отдельно предлагались кавказские, помидоры, редис). Всё вышеперечисленное в различных сочетаниях варьировалось в меню каждого из приёмов.

Разнообразием отличались и горячие закуски: грибы (белые или шампиньоны) в сметане огратен, медальон из дичи пуаврад, форшмак из дичи, кабачки миньер, плов из молочного барашка, валованчики маседуан и финенсер, стерлядь миньер с каперсами.

На первое подавались супы и бульоны, главным образом мясные и куриные. 4 декабря 1941 г., 14 августа 1942 г. и 23 мая 1943 г. в меню были включены куриный суп-крем, консоме и борщок, 30 октября и 22 декабря 1943 г. — суп-крем и консоме.

Богатым был набор вторых блюд. На обеде 4 декабря 1941 г. в меню входили стерлядь в шампанском, нельма отварная, индейки, цыплята, рябчики, а также спаржа, соус муслин и масло. Помимо этого, 14 августа 1942 г. и 23 мая 1943 г. предлагались молочный барашек с картофелем, цветная капуста, 30 октября 1943 г. — лосось отварной, соус раковый, индейки, цыплята, куропатки с вареньем, цветная капуста, спаржа, соус муслин, 22 декабря 1943 г. — нельма отварная, соус муслин, индейки, цыплята, куропатки с красной капустой, валованчики маседуан.

Десерт состоял из мороженого (фруктового, сливочного, ванильного или пломбира орехового), парфе (шоколадного или клубничного), кофе, ликёров, фруктов, пети-фура, сыров разных и жареного миндаля.

Вспоминая банкет 30 октября 1943 г., советский дипломат В.М. Бережков писал, что Егнаташвили, «ведавший церемониалом приёмов, составил особенно изысканное меню... В разложенных у каждого прибора кремowych карточках с тиснённым государственным гербом Советского Союза перечислялись блюда русской, французской и кавказской кухни⁸⁴.

Наряду с известными французскими кулинарными терминами («огратен», «пуаврад», «консоме», «парфе», «пети-фур», «оливье», «паризьен») в меню фиксировались и типично русские («борщок», «расстегайчики», «сёмга», «нельма», «рябчики», «куропатки»). К концу 1930-х гг. одной из составных частей в меню представителей кремлёвской элиты были кавказские (преимущественно грузинские) блюда, ведь Сталин, Микоян и Берия были родом с Кавказа⁸⁵. Доставкой продуктов для высшего советского руководства занимался Егнаташвили.

⁸² Там же. С. 22.

⁸³ Documents on German foreign policy 1918–1945. Series D. Vol. VIII. P. 942.

⁸⁴ Цит. по: *Невежин В.А.* Застольные речи Сталина... Док. № 76. С. 335.

⁸⁵ *Scott E.R.* How Georgian Cuisine Conquered the Soviet Table // *Kritika: Explorations in Russia and Eurasian History.* 13, 4 (Fall 2012). P. 836–840.

Как известно, Черчилль был настоящим гурманом во всём, что касалось еды, которая «играла важную роль в его жизни». Он «в равной степени удивлял министров и генералов своим недюжинным аппетитом», предпочитая «плотные завтраки с отбивными и беконом, обильные, тщательно продуманные трапезы»⁸⁶. В своём поместье Чартуэлл британский премьер устраивал в конце 1930-х гг. «весёлые трапезы»: потреблял яичницу с беконом, отбивную котлету или ножку цыплёнка на завтрак. В обед наслаждался устрицами или супом по-савойски; ему подавали далее филе камбалы, завернутое в копчёную лососину, с гарниром из креветок под чесночным соусом. Затем шло жаркое из оленины, фаршированное паштетом из гусиной печёнки под соусом из трюфелей⁸⁷.

По всей вероятности, Сталин знал о кулинарных пристрастиях нового союзника и постарался использовать это. По некоторым сведениям, специально для Черчилля во время приёма 14 августа 1942 г. приготовили и подали на стол блюдо грузинской кухни — шашлык, и британский премьер якобы остался доволен, отведав этот деликатес⁸⁸. Правда, согласно проекту отредактированного Егнаташвили⁸⁹ меню, упоминался не шашлык, а «молочный барашек с картофелем, салат с огурцами». Так или иначе, набор блюд отличался большим разнообразием и обилием. Недаром Черчилль вспоминал об этом сталинском банкете: «Меня изрядно угощали»⁹⁰.

Не менее изысканным оказался обед и в честь Дж. Дэвиса⁹¹, прибывшего со специальной миссией в Москву по поручению американского президента в мае 1943 г.⁹²

В целом дипломатические приёмы Сталина в честь союзников по антигитлеровской коалиции (1941–1945) являлись не только обязательными протокольными действиями, но и одной из практиковавшихся советским лидером специфических форм общения в политической сфере. Организованные им в Кремле банкеты становились мероприятиями государственного масштаба, в ходе которых по отношению к иностранным гостям, в том числе представителям союзных государств, соблюдались общепринятые протокольные нормы оказания уважения и почестей. Предлагавшиеся гостям изысканные яства из меню особой кремлёвской кухни служили ещё одним подтверждением проявления советского гостеприимства.

⁸⁶ Бедарида Ф. Черчилль. М., 2003. С. 289.

⁸⁷ Роуз Н. Черчилль. Бурная жизнь. М., 2004. С. 249.

⁸⁸ Богомолов А.А. Добрый дедушка Сталин. Правдивые рассказы из жизни вождя. М., 2012. С. 56.

⁸⁹ АВП РФ, ф. 06, оп. 4, п. 14, д. 134, л. 15.

⁹⁰ Невежин В.А. Застольные речи Сталина... Док. № 69. С. 309.

⁹¹ АВП РФ, ф. 06, оп. 5, п. 29, д. 337, л. 51.

⁹² Подробнее о миссии Дж. Дэвиса см.: Данил Д. Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. М., 2004. С. 275–296; Голубев А.В., Невежин В.А. Указ. соч. С. 204–209.

Анастас Микоян и «сентябрьские события» 1956 г. в Северной Корее

Игорь Селиванов

Anastas Mikoyan and the «September events» of 1956 in North Korea
Igor Selivanov (Kursk State University, Russia)

Личность одного из самых незаурядных политических деятелей советской эпохи А.И. Микояна до сих пор оценивается неоднозначно как историками, так и общественным мнением. Одни видят в нём верного ученика Сталина и его подручного в осуществлении неблагоприятных дел, другие — прагматичного реформатора, для которого государственные экономические интересы всегда стояли выше идеологических догм. С Микояном, более трёх десятков лет входившим в состав высших партийных и государственных органов, связывают важные вехи истории не только внутренней, но и внешней политики СССР, особенно после XX съезда КПСС.

Одним из малоисследованных сюжетов истории участия Микояна в проведении внешнеполитического курса СССР являются его контакты с руководителями материкового Китая и Северной Кореи весной—осенью 1956 г. Этот вопрос затрагивался в ряде работ отечественных и зарубежных авторов, выводы которых схожи. Подчёркивается некомпетентность Микояна в делах региона, а его поездка в сентябре 1956 г. в Пхеньян (предположительно, для отстранения от власти северокорейского диктатора Ким Ир Сена) объясняется случайным стечением обстоятельств¹. Общая невысокая оценка деятельности Микояна дана и в мемуарах бывшего первого секретаря ЦК компартии Узбекистана, впоследствии дипломата Н.А. Мухитдинова — единственного из участников тех событий, оставившего письменные воспоминания².

Следует отметить, что к настоящему времени сформирована достаточно широкая источниковая и историографическая база, позволяющая рассмотреть данную тему не как частный эпизод в истории отношений Москвы, Пекина и Пхеньяна, а как характерное явление исторической обстановки того времени.

Часть документов по проблемам истории социалистического лагеря после смерти Сталина (в том числе о росте оппозиционных настроений в КНДР в 1956 г.) содержится в публикациях Центра Вудро Вильсона в Вашингтоне. Они представляют собой в основном переведённые на английский язык материалы из фондов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ)³. Важным дополнением к этим документам являются рассекреченные

© 2017 г. И.Н. Селиванов

¹См.: Ланьков А.Н. Август, 1956 год. Кризис в Северной Корее. М., 2009. С. 200–201 (английское издание книги вышло в 2005 г.); Симотомаи Н. Ким Ир Сен и Кремль: Северная Корея эпохи холодной войны (1945–1961 гг.). М., 2010. С. 263 (японское издание книги вышло в 2006 г.).

²Мухитдинов Н.А. Река времени. М., 1995. С. 263. Есть весомые основания считать, что оказавшийся с начала 1960-х гг. в опале политик искажил некоторые важные сюжеты, связанные с поездкой делегации КПСС, в том числе и в отношении Микояна.

³The Cold War International History Project. Working paper series. № 52. Washington, 2006. P. 51–65; Cold War History Project, issue 16 (Woodrow Wilson Center: Washington D.C.: Fall 2007/Winter 2008).

материалы из личного секретариата Микояна в Совете министров СССР, ныне хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Следует отметить, что ранее они не вводились в научный оборот, что до сих пор во многом определяет неполноту раскрытия историками ряда важных вопросов истории международных отношений на Дальнем Востоке, непосредственно относящихся к эпохе XX съезда КПСС.

Вопросы исторической обстановки того периода, в том числе отношения внутри социалистического лагеря, затрагивались в коллективных и индивидуальных работах российских исследователей⁴, а также зарубежных историков и политологов, специализирующихся на дальневосточной проблематике⁵.

Режим социалистического («народно-демократического») типа в северной части Корейского полуострова стал создаваться практически сразу после её оккупации войсками Красной армии в августе 1945 г. Советские должностные лица в поисках лидера нового образования остановили свой выбор на капитане Красной армии Ким Ир Сене⁶, командовавшем батальоном в 88-й интернациональной бригаде, расквартированной под Хабаровском. Этот малообразованный, но достаточно способный и исполнительный командир представлялся советским руководителям послушным проводником их воли в регионе. Всерьёз его в Москве не воспринимали, поэтому на поддержку советской оккупационной администрации несколько сотен этнических корейцев, постоянно проживавших на территории СССР. Некоторые из них вскоре заняли ведущие позиции в северокорейской партийно-государственной элите.

В сентябре 1948 г. в северной части страны была провозглашена Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР), руководящей силой в которой стала образованная двумя годами ранее Трудовая партия (ТПК). Лидером партии и главой правительства стал Ким Ир Сен. В марте 1949 г. он впервые посетил Москву, где имел беседы с руководством СССР (в советской печати и официальных документах его именовали «господином»⁷). Интересно, что встречал его не кто иной как А.И. Микоян, который также участвовал и в советско-северокорейских переговорах в Кремле, в частности определял размеры и характер экономической поддержки КНДР.

По-видимому, большого впечатления на «вождя народов» Ким Ир Сен не произвёл (хотя в северокорейской историографии высказывается иная точка зрения), поскольку, по информации Н.С. Хрущёва, советский лидер предложил

⁴ См., например: Холодная война. 1954–1963. Историческая ретроспектива. М., 2003; *Борисов А.Ю., Клейменова Н.Е., Наринский М.М., Сидоров А.Ю.* История международных отношений. В 3 т. Т. 3. М., 2012; *Шатаев А.В. И.В.* Сталин, СССР и КНР в судьбах КНДР. Горно-Алтайск, 2013; и др.

⁵ Применительно к Северной Корее в первую очередь это работы венгерского автора Б. Шалонтая, а также корейских политологов Бэк Чжун Ки и Син Се Ра. См., например: *Бэк Чжун Ки.* Становление политической системы в КНДР и роль СССР (после корейской войны). М., 1997; *Син Се Ра.* Политическая борьба в руководстве КНДР в 1953–1956 гг.: причины и динамика // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 3. С. 119–135; *Szalontai B.* Kim Il Sung in the Khrushchev era: Soviet–DPRK relations and the roots of North Korean despotism, 1953–1964. Washington, 2005; и др.

⁶ Другая (не закрепившаяся в русском написании) транскрипция его имени – Ким Ильсон.

⁷ Так требовали установленные в Москве правила общения с лидерами стран «народной демократии». Делегации этих стран имели статус «правительственных», почти никогда не упоминалось, что во главе находятся лидеры правящих «братских» партий. После смерти Сталина такой порядок сохранился, но уже без слова «господин» в официальных отчётах. Например, Ким Ир Сен по-прежнему приезжал в Москву в сентябре 1953 г. и в июле 1956 г. во главе «правительственных» делегаций. См.: Правда. 1953. 11 сентября; Известия. 1956. 9 июня.

присоединить эту территорию к северо-востоку Китая⁸. В феврале 1949 г. Микоян в качестве полномочного представителя Сталина побывал с тайным визитом в горной резиденции Мао Цзэдуна в Сибайе, где несколько дней обсуждал с ним перспективы раздела влияния на Дальнем Востоке, в том числе и по партийной линии, в частности возможность создания так называемого Азиатского Интернационала с возможным участием в нём Трудовой партии Кореи⁹. Эта идея не получила воплощения, но Мао Цзэдун явно не отказался от стремления напрямую влиять на ситуацию в Корее, прежде всего через этнических корейцев, прошедших идеологическую подготовку на партизанских базах КПК и после 1945 г. возвратившихся на родину.

Ким Ир Сен, понимая, чем ему грозят подобные переговоры, лавировал между Москвой и Пекином, любыми способами демонстрируя лояльность обоим «вождям». Он часто посещал посольства СССР и провозглашённой 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики, обсуждал там все проблемы, возникавшие при проведении внутренней и внешней политики КНДР. Также он попытался убедить Сталина помочь ему объединить под своей властью всю территорию корейского полуострова, нанеся военное поражение проамериканскому режиму Ли Сын Мана, в августе 1948 г. провозгласившего на юге Республику Корея (РК). После длительных уговоров Ким Ир Сену всё же удалось втянуть советского лидера в военную авантюру. 25 июня 1950 г. началась корейская война, унесшая жизни более трёх миллионов жителей полуострова, а также нескольких сотен тысяч китайских «народных добровольцев», пришедших на помощь КНДР. Естественно, в Пекине посчитали, что такие жертвы во имя далёкой от китайских интересов идеи объединения Кореи требовали «особых» отношений между двумя странами. Их гарантом должны были выступить оставшиеся на неопределённое время в Северной Корее «добровольческие» подразделения.

Ким Ир Сен считал, что если он кому-то и обязан своим приходом к власти, то лишь лично Сталину, и после его смерти решил вести себя с новым советским руководством на равных. Такой же курс он принял и по отношению к КНР, особенно после того, как в Пекине стали недвусмысленно намекать, что новым вождём международного коммунистического движения станет Мао Цзэдун. Однако внешне своё недовольство Ким долгое время старался не проявлять, понимая, что помощи на восстановление практически полностью разрушенной в ходе войны страны ему получить больше не от кого.

Руководство СССР, занятое внутренними проблемами, некоторое время не придавало большого значения выстраиванию новой линии в отношении стран социалистического лагеря. Единственное исключение составила Югославия, руководство которой было постепенно «реабилитировано», а о правящей там партии с 1955 г. вновь заговорили как о «братской». Со стороны лидеров соцстран (в том числе и КНДР) это вызывало весьма неоднозначную реакцию, в особенности подозрения о «непредсказуемости» советских руководителей, от которых они сильно зависели.

Вошедшему во вкус неограниченной власти северокорейскому «вождю» для установления режима неограниченной власти необходимы были враги, на которых можно было списать все издержки и негатив прошлых лет. Их назначали,

⁸ См.: Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1998. № 2. С. 86–87. Аналогичное предложение (до советско-югославского разрыва в 1948 г.) Сталин делал И. Броз Тито в отношении Албании.

⁹ См.: Cold War International History Project Bulletin, issue 16. Fall 2007 / Winter 2008. P. 130–136.

в основном, из числа «советских» и «китайских» корейцев¹⁰, имевших хорошее образование и немалый опыт хозяйственной и военной деятельности, а также выходцев из южной части страны. Так Ким решал и вопрос о дальнейшем ослаблении советского и китайского влияния в Северной Корее.

Вскоре после окончания войны жертвами политических гонений стали министр иностранных дел и один из основателей компартии южанин Пак Хон Ён, фаворит Мао Цзэдуна министр внутренних дел генерал Пак Ир У, кроме того был нейтрализован неформальный лидер «советской» фракции секретарь ЦК ТПК Хо Га И¹¹. Репрессии продолжились и позднее, причем главным критерием при определении очередного «врага» уже становилась не формальная принадлежность к той или иной фракции, а степень личной преданности «вождю». Именно тогда вокруг Ким Ир Сена сплотилась группа малограмотных, но весьма энергичных карьеристов, ненавидевших приехавших из СССР и Китая «умников». Несмотря на тёмное прошлое многих из них и откровенную некомпетентность, Ким Ир Сен ошущал себя с такими людьми более комфортно. Впрочем, и «пришельцы» не испытывали большого пиетета к новоявленному вождю, поскольку хорошо знали его истинную биографию. Многие из них даже сохранили советское гражданство и ощущали себя как в «длительной командировке».

Всё это очень напоминало начало восхождения к власти И.В. Сталина, победившего к концу 1920-х гг. своих более интеллектуально развитых и образованных политических противников за счёт поддержки на местах со стороны малограмотной «партийной массы» и постепенной замены реальных и потенциальных оппозиционеров своими сторонниками. Именно таким образом в 1926 г. попал в состав кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б) и стал наркомом 30-летний Микоян.

Ким наверняка хорошо усвоил этот политический урок и уже после смерти «учителя» творчески применил методы Сталина в своей деятельности. Но над советским лидером не довлел «внешний фактор» в виде мощных «покровителей». Поэтому для Кима последствия борьбы с ориентированными на иностранные державы политиками могли оказаться непредсказуемыми. Однако он пошёл на этот риск. В декабре 1955 г. в КНДР озвучили новую политическую концепцию — идеи чухе, призванные стать альтернативой советской и китайской моделям социализма. Столь ранний — ещё до развенчания культа личности Сталина — выбор самобытного пути развития указывал на то, что Ким уже воспринимал себя как самостоятельного игрока, а не проводника курса СССР или КНР.

Вскоре последовал ещё один демонстративный шаг: северокорейский лидер не поехал в Москву на XX съезд КПСС. Политическая интуиция не подвела: критика Хрущёвым деятельности Сталина ничего хорошего ему не предвещала. И в самом деле: по возвращении делегации, возглавлявшейся одним из заместителей Ким Ир Сена Цой Ён Гёном¹², которая проинформировала пленум ЦК ТПК о его итогах, в конце апреля состоялся III съезд партии, на котором оппозиция, сформировавшаяся под советским и китайским влиянием, попыталась поднять вопрос и «культе личности» Ким Ир Сена. Эти действия

¹⁰ После августа 1945 г. на территорию Северной Кореи возвратилось много этнических корейцев, воевавших в Маньчжурии против японцев или на стороне Мао Цзэдуна в других районах Китая. Советские корейцы приезжали в основном из Казахстана и Узбекистана.

¹¹ Также известен как Алексей Иванович Хегай. По официальной северокорейской версии, летом 1953 г. покончил жизнь самоубийством.

¹² Другая встречающаяся в отечественной литературе транскрипция его имени — Чхве Енгон.

успехом не увенчались, однако некоторые из оппозиционеров смогли встретиться с главой делегации КПСС Л.И. Брежневым и сообщить много негативной информации о положении в стране и партии. По приезде в Москву тот отразил свои впечатления в форме отчёта для ЦК КПСС, констатируя, что прошедший съезд ТПК не был проникнут духом XX съезда, а критика культа личности Ким Ир Сена практически не прозвучала¹³. Приблизительно в том же духе информировал Москву советский посол в Пхеньяне В.И. Иванов¹⁴.

О первом («неофициальном») приезде Ким Ир Сена в Москву по пути в европейские социалистические страны стало известно из краткой информации в центральных советских газетах, где сообщалось, что делегацию КНДР встречали и провожали первый заместитель председателя Совета министров СССР Микоян и посол КНДР в СССР Ли Сан Чо. Кима в ЦК КПСС приняли Хрущёв, Микоян и Брежнев, а в Совете министров — Н.А. Булганин¹⁵.

Скорее всего, Хрущёв и Микоян вели с Ким Ир Сеном переговоры, но достоверная информация об их содержании и принятых решениях пока недоступна. Во время второго, уже официального, пребывания в Москве (6–13 июля) Ким Ир Сену был оказан прохладный приём, высказаны критические замечания и «рекомендации». Примерно в таком же духе рассуждали и в Пекине, где были недовольны возросшей независимостью политика, которому удалось удержаться у власти в 1950–1953 гг. благодаря помощи Китая. После окончания войны Ким всё более настойчиво просил северного соседа вывести свои вооружённые формирования, но в Пекине под различными предлогами делать это не торопились.

Дополнительную важность «корейскому вопросу» придавало то обстоятельство, что в США после окончания XX съезда КПСС достаточно чётко проявилась тенденция объявить именно Сталина главным инициатором развязывания войны в Корее, и в Вашингтоне стали ожидать, что СССР признает данный факт. Параллельно недовольство назревало и в самой Северной Корее. Так, в ходе одной из бесед в МИД СССР посол КНДР Ли Сан Чо¹⁶ проинформировал о своём негативном отношении к происходящему на родине.

Усилившаяся за время отсутствия Ким Ир Сена оппозиция, рассчитывая на поддержку извне, приступила к решительным действиям. Однако попытки открытого выступления нескольких высокопоставленных партийных функционеров на состоявшемся 30–31 августа пленуме ЦК ТПК завершились их исключением из состава руководства, а некоторых даже из партии. В день закрытия пленума в Москву поступила первая тревожная телеграмма из посольства СССР, на следующий день — ещё одна. Кроме того, 3 сентября с личным письмом к Хрущёву с просьбой вмешаться обратился Ли Сан Чо. Его вновь приняли в МИД СССР, а затем в Международном отделе ЦК КПСС, обещали помочь в реабилитации исключённых оппозиционеров и предъявить Киму официальные претензии¹⁷.

Из Пекина также поступила информация, что Мао Цзэдун не исключал возможности отстранения северокорейского лидера от управления партией и государством. Тем более что к тому моменту покинули свои посты некоторые

¹³ ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 721, л. 212–219.

¹⁴ Подробнее см.: *Симотомаи Н.* Указ. соч. С. 225.

¹⁵ Правда. 1956. 5, 7, 8 июня; 8 июля; Известия. 1956. 8 июля.

¹⁶ Другое написание его имени на русском языке — Ли Санчхо.

¹⁷ Подробнее см.: *Селиванов И.Н.* Судьба «корейского Фёдора Раскольникова» Ли Сан Чо // Вопросы истории. 2016. № 4. С. 91–111.

руководители стран социализма – М. Ракоши в Венгрии, В. Червенков в Болгарии, назрел вопрос об освобождении от должности Э. Охаба в Польше.

Разобраться в ситуации на месте поручили члену Президиума ЦК КПСС А.И. Микояну, 14 сентября вылетавшему в Пекин во главе партийной делегации для участия в VIII съезде КПК. Некоторый опыт по этой части у него имелся: в апреле он уже побывал с инспекционной поездкой в Северном Вьетнаме, результатом которой стало исправление «перегибов» при проведении там аграрной реформы и освобождение от должности генерального секретаря Партии трудящихся Чыонг Тиня¹⁸.

Первая короткая встреча с корейской делегацией, которую возглавлял Цой Ён Гён, произошла во время перерыва на обед 16 сентября. Но северокорейцы явно не стремились к откровенности по поводу ситуации в своей партии, что вызвало негативную реакцию Микояна. Исходя из содержания отправленной им в ЦК КПСС телеграммы, северокорейские представители ограничились заранее выученными дежурными фразами, явно согласованными с Ким Ир Сенном. Кроме того, Микоян понял, что сам лидер КНДР в Пекин не приедет, поэтому единственной возможностью узнать правду о происходящем в ТПК был визит вместе с представителями КПК в Пхеньян¹⁹.

Сразу после обеда Микоян встретился с Мао Цзэдуном. Как только китайский лидер упомянул о Корее, представитель КПСС заявил, что имеет поручение своего ЦК побеседовать с ним и другими членами Политбюро ЦК КПК о положении дел в ТПК. Мао оживился и заявил, что в КНДР «очень плохое положение в партии», «убежавшие оттуда товарищи»²⁰ негативно описывают положение внутри неё. Руководители КПК пытались убедить их возвратиться домой, но «они категорически отказались». Затем китайский лидер весьма нелицеприятно отозвался о Ким Ир Сене, который «за высказывание несогласия с ним прибегает к преследованиям, арестам и даже расстрелам». Когда Ким был с визитом в Китае, отметил Мао, ему сказали, что нет никаких оснований для ареста и тем более смертной казни Пак Хон Ёна. Тот согласился, но, вернувшись в Пхеньян, поступил «вопреки совету».

В свою очередь Микоян отметил, что когда Ким Ир Сен в июле 1956 г. был в Москве, в ЦК КПСС ему давали советы, направленные на улучшение ситуации в партии, рекомендовали применять «ленинские нормы партийной жизни». В итоге условились, что они позднее побеседуют на эту тему более детально²¹.

18 сентября состоялась вторая встреча с руководством КПК, в которой наряду с Мао приняли участие и другие китайские лидеры. В её ходе обсуждалась в основном ситуация в ТПК. Микоян подчеркнул, что выполняет поручение ЦК КПСС об обмене мнениями по сложившемуся в Северной Корее положению, поскольку в Москве «не имеют полной информации», но ставшие известными факты свидетельствуют о нездоровой обстановке и нарушении «ленинских

¹⁸ См.: *Селиванов И.Н.* Трудный диалог после XX съезда КПСС // *Азия и Африка сегодня*. 2013. № 9. С. 60–66. В конце марта 1956 г., во время беседы с Ким Ир Сенном, советский посол в Пхеньяне зондировал возможность приезда в Пхеньян Микояна, видимо, «для разъяснения» решений съезда.

¹⁹ ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 718, л. 47. Полный текст беседы, в которой со стороны Микояна прозвучало несколько язвительных замечаний в адрес корейской делегации. См.: Там же, л. 49–57.

²⁰ 30 августа, после окончания первого дня работы пленума ЦК ТПК, четверо его участников бежали в КНР. На следующий день они были исключены из партии.

²¹ ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 717, л. 2–3.

норм партийной жизни». Ким Ир Сен, будучи летом в Москве, обещал учесть высказанные ему от имени Президиума ЦК КПСС замечания, однако не сделал этого, о чём свидетельствуют решения августовского пленума ЦК ТПК. Москва пока не имеет окончательного мнения по данному вопросу, оно может сложиться лишь после визита в Пхеньян. В свою очередь Мао Цзэдун сообщил, что в КНДР подвергнуто аресту значительное число коммунистов, вся вина которых состоит лишь в том, что они критикуют недостатки в партии. Например, находится в заключении «хороший коммунист и честный человек» Пак Ир У.

Стороны решили оказать «помощь» лидерам ТПК на месте. Предполагалось специально подчеркнуть, что КПСС и КПК доверяют Ким Ир Сэну («Мы не хотим его свергнуть, а хотим ему помочь», как выразился Мао), однако не могут игнорировать недопустимые методы работы ТПК и дают понять, что без исправления своих ошибок он не сможет удержаться у руководства партией и государством.

Мао в полушутливом тоне добавил, что Ким, наверное, думает, что Москва и Пекин в отношении Пхеньяна поступают приблизительно так же, как в своё время КПСС действовала в отношении Югославии. На что Микоян (наверняка помня, как Сталин в таком же полушутливом тоне в начале 1950 г. во время одной из аудиенций в Москве с Мао, спросил, не являлся ли тот «азиатским Тито») немедленно заявил, что тогда были в отношении Югославии допущены ошибки, сейчас же обе наши партии действуют правильно. КПСС и КПК не могут безразлично относиться к судьбам ТПК и считают своим интернациональным долгом помочь исправить сложившееся в ней положение. Мао Цзэдун добавил, что делегациям КПСС и КПК нужно быть готовыми «к крайним шагам со стороны Ким Ир Сена», который может даже потребовать вывода китайских добровольцев из КНДР²², что на сегодняшний день является нецелесообразным. Микоян успокоил Мао, заявив, что вряд ли дело дойдёт до таких «крайностей».

Опасаясь, что Ким Ир Сен может саботировать навязанные ему решения, Мао Цзэдун предложил, чтобы в предстоящих мероприятиях приняли участие послы СССР и КНР в КНДР. Они должны «быть в курсе дела» и следить за тем, как исполняются договорённости после отъезда делегаций. Кроме того, подчеркнул китайский лидер, необходимо, чтобы ЦК ТПК принял хотя бы краткую резолюцию с осуждением «перегибов», которую необходимо обязательно опубликовать в северокорейской печати.

Стороны также обсудили, кто должен принять такое постановление: президиум или пленум ЦК ТПК. Договорились, что делегации обменяются мнениями с Ким Ир Сэном, предложат свои услуги в его «примирении» с оппозиционерами и таким образом попытаются сплотить ТПК. Но вначале северокорейский лидер должен исправить допущенные ошибки и пообещать соблюдать «ленинские нормы партийной жизни».

Мао Цзэдун высказал мнение, что необходимо вернуть в КНДР бежавших в Китай оппозиционеров, восстановив их в партии. Микоян заметил на это, что Ким, поставленный в сложное положение, может не согласиться «из-за престижа». Руководитель китайских коммунистов признал справедливым этот довод. В качестве компромисса договорились, что посланцы КПСС и КПК примут меры к тому, чтобы корейские оппозиционеры, отказавшиеся вернуться в КНДР, не вели работу против северокорейского руководства. Мао при

²² Китайские добровольцы вошли на территорию КНДР в годы корейской войны, а затем оставались там в качестве гаранта её территориальной целостности и независимости.

этом высказался в том духе, что будет неправильным, если в Пхеньяне одна руководящая группа свергнет другую, так как свергнутая группа начнёт оппозиционную борьбу, что приведёт к тяжелому кризису. Он также высказал предположение, что Ким Ир Сен не согласится на созыв пленума, однако Микоян уверенно заявил, что у того нет политических мотивов для отказа.

В ходе беседы в их диалог неоднократно вклинивались с негативными оценками Ким Ир Сена другие китайские руководители. Микоян сделал вывод, что этот вопрос они неоднократно обсуждали и информированы обо всех деталях положения в северокорейском партийном руководстве.

Пэн Дэхуай поинтересовался, что во время пребывания в Пхеньяне они должны говорить членам ЦК ТПК, отвечая на их возможные вопросы о «деле Пак Хон Ёна»? Решили, что в сложившейся ситуации нет смысла «ворошить» это дело. Прежде всего необходимо будет обсудить вопрос об исправлении имеющихся недостатков в партии и установлении нормального режима работы её руководящих органов. Поступили также предложения о том, чтобы Ким Ир Сена о предстоящем визите поставил в известность Цой Ён Гён и чтобы тот поехал вместе с ними в Пхеньян. Мао Цзэдун согласился и сказал, что пригласит его к себе на аудиенцию, а потом направит к членам делегаций КПСС и КПК²³.

Представители КПСС планировали уложиться за два–три дня, но Пэн Дэхуай засомневался в реалистичности этого и предположил, что на всё уйдёт не менее недели. В результате решили со сроком поездки не определяться. Подводя итог встречи, Мао Цзэдун заявил, что успех предстоящего «дела» зависит от советской делегации, поскольку корейцы не слушают советов компартии Китая. В ответ Микоян успокоил главу КПК, сказав, что, как известно, Ким Ир Сен ранее соглашался с советами КПСС, а теперь действует иначе. Мао заметил, что руководство ТПК не слушает советов лидеров КПК на сто процентов, а руководителей КПСС всё же слушает на 30 процентов.

Вылет Микояна и сопровождавших его лиц в Пхеньян был назначен на 19 августа в 7 ч утра. С ними должны были лететь китайские и корейские представители²⁴, но этот план был скорректирован и делегации КПСС и КПК прилетели на разных самолётах с интервалом в 2 ч²⁵. Цой Ён Гён, видимо, по совету Ким Ир Сена отказался ехать вместе с гостями. Можно предположить, что он мог отправиться домой на поезде или за ним могли прислать другой самолёт.

В Пхеньян обе делегации прибыли 19 сентября. Советская – в 11 ч 34 мин по местному времени, китайская – через 2 ч²⁶. Ким Ир Сен их не встречал, но в 16 ч посетил резиденцию делегации КПСС, побеседовал с её членами, а через 2 ч состоялась его беседа с Микояном и Пэн Дэхуаем, продолжавшаяся более 4 ч.

²³ Судя по записи в дневнике поездки Микояна, встреча с делегацией ТПК состоялась 19 сентября в 0 ч 30 мин по местному времени (ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 120, д. 1247, л. 2).

²⁴ Там же, оп. 98с, д. 718, л. 35–38.

²⁵ Мухитдинов Н.А. Указ. соч. С. 341.

²⁶ Кроме Микояна, в делегацию КПСС входили заведующий международным отделом ЦК Б.Н. Пономарёв, первый секретарь ЦК компартии Узбекистана Н.А. Мухитдинов; от КПК – член Политбюро, министр обороны, бывший командующий китайскими «добровольцами» в Корее Пэн Дэхуай, член ЦК, начальник Генерального штаба Народно-освободительной армии Китая в период корейской войны маршал Не Жунчжэнь, а также главы дипломатических представительств СССР и КНР в КНДР В.И. Иванов и Ляо Сяогуань.

Столь узкий состав участников объяснялся желанием сторон поговорить откровенно²⁷.

По версии Микояна, он и Пэн Дэхуай решили убедить своего собеседника, что КПСС и КПК имеют твёрдое намерение не ослаблять, а укреплять нынешнее руководство ТПК и лично Ким Ир Сена, деятельность которого оценивается высоко. Тем не менее они не могут примириться с теми методами руководства, которые использует лидер ТПК, и хотят своими рекомендациями помочь добиться единства и доверия масс к руководству партии не репрессиями, а методами внутрипартийной демократии²⁸.

Посланцы Москвы и Пекина порекомендовали Ким Ир Сэну созвать новый пленум ЦК и исправить на нём ошибки, допущенные августовским пленумом по отношению к исключённой из ЦК и партии группе северокорейских руководителей. По их мнению, этот шаг только укрепит доверие к руководству КНДР.

После долгих уговоров Ким Ир Сен и присутствовавший при беседе министр иностранных дел КНДР Нам Ир заявили, что они в принципе согласны с высказанными рекомендациями, однако вопрос о том, в отношении всех ли исключённых членов ЦК ТПК следует отменить решение августовского пленума, требует дальнейшего изучения. Поскольку несколько высокопоставленных оппозиционеров к тому моменту уже успели бежать в КНР, Ким Ир Сен заявил, что готов восстановить их лишь в партии, но не в ЦК. Оставшихся в Пхеньяне, по его мнению, можно будет вернуть в состав ЦК. Микоян и Пэн Дэхуай согласились с этим предложением²⁹.

Видя, что незваные гости не готовы к радикальным действиям и склонны к компромиссам, Ким заявил, что двух исключённых, которые являлись его заместителями в правительстве³⁰, он готов восстановить в ЦК, но не в прежних государственных должностях. Последовали возражения, и тогда Ким Ир Сен заявил, что об этом надо ещё подумать. На вопрос, когда будет созван пленум, он ответил, что вначале нужно собрать Президиум ЦК и обсудить возможную дату. Микоян в свою очередь мягко намекнул, что если представители КПСС и КПК «не будут мешать», то они хотели бы присутствовать на пленуме. Ким с этим согласился³¹.

На следующий день Микояну и Пэн Дэхуаю сообщили, что заседание Президиума ЦК ТПК назначено на 6 ч вечера по пхеньянскому времени. Нетрудно догадаться, чем был обусловлен столь поздний час: Ким решил вначале проинструктировать своих единомышленников, что и в каком ключе говорить перед посланцами «братских» партий.

Заседание, в котором участвовали делегации КПСС и КПК, началось вовремя и продолжалось до полуночи. Открыл его глава ТПК, в своём вступительном слове кратко изложивший существо предварительных договорённостей и согласованные предложения по кадровым вопросам, подлежащим пересмотру. Так, явно подразумевая решения августовского пленума, лидер ТПК заявил, что руководители делегации «братских партий» дали много полезных советов, которые

²⁷ В качестве переводчика на русский привлекли министра иностранных дел КНДР Нам Ира, а на китайский — личного переводчика Мао Цзэдуна Ши Чжэ (А. Карского).

²⁸ ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 718, л. 12.

²⁹ Там же, л. 14.

³⁰ Вероятно, речь шла о Пой Чан Ике и Пак Чан Оке.

³¹ ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 718, л. 14.

он принял «с удовлетворением» и считает, что ЦК ТПК, сделав соответствующие оргвыводы, исходил из того, что действия оппозиционеров были направлены против руководства партии. Создав собственную группировку, они вели «антипартийную работу». По его словам, столь жёсткие меры были приняты спонтанно, в качестве эмоциональной реакции на сделанные оппозиционерами на пленуме заявления. Президиум ЦК был намерен вести с ними терпеливую воспитательную работу, видя в них «ошибающихся товарищей», и не планировал никаких радикальных действий. Наконец, Ким внёс предложение пересмотреть решения августовского пленума с учётом советов «братских партий»³².

Выступление Микояну понравилось, но высказываться члены Президиума ЦК ТПК не решались. Тогда руководитель делегации КПСС взял инициативу в свои руки и предложил начать прения Нам Иру, на что тот молниеносно отреагировал: у меня с товарищем Ким Ир Сенем единое мнение³³. Ким Ир Сен, стремясь повернуть ситуацию в нужное ему русло, повторно взял слово и задал направление, в котором следовало строить дальнейшие выступления: исключённые ошибались, но следует проявить к ним великодушие.

После этого возможность выступить получил возвратившийся из Пекина Цой Ён Гён. Он проинформировал собравшихся о «советах» Мао Цзэдуна: сплотить ряды Трудовой партии Кореи и «дать возможность работать» исключённым оппозиционерам. Оратор внёс предложение пересмотреть на предстоящем пленуме их «дело», но таким образом, чтобы это не повредило дальнейшей работе ЦК ТПК. Что касается тех, кто «убежал в Китай», их можно восстановить в партии, но не в ЦК и не на прежних должностях³⁴.

Затем слово предоставили ещё одному заместителю главы правительства — Ким Иру, который раскритиковал бывшего министра торговли Юн Кон Хына и члена Президиума ЦК ТПК Цой Чан Ика³⁵, выступивших на августовском пленуме «с антипартийными фразами»³⁶. Ким Ир Сен, почувствовав, что его положению лидера ничто не угрожает, перешёл в атаку. Он заявил, что члены Президиума пересмотрят решение не из-за рекомендаций «братских партий», а потому что сами видят необходимость этого. Данную мысль подхватил и развил выступивший следующим его заместитель Ким Чан Ман³⁷. По его мнению, одним из главных побудительных мотивов для оппозиционеров выступал тот факт, что поскольку в других «братских компартиях» после XX съезда сменились руководители, то это можно проделать и здесь, хотя в действительности в КНДР не было таких же тяжёлых последствий³⁸.

В этот момент в ход заседания вмешался Микоян, который не понаслышке знал, что происходило в Болгарии, Венгрии и Польше, и привёл следующий аргумент: правящие партии этих стран единогласно «освободили» своих прежних лидеров. «А вы разве согласны освободить товарища Ким Ир Сена?» — спросил участников совещания посланец Москвы, но тут же успокоил их: «В такой плоскости вопрос никто не ставит, в вашем случае нет аналогии с Венгрией или Болгарией. Никто не выступал с требованиями об отстранении Ким Ир Сена,

³² Там же, л. 18.

³³ Там же, л. 20.

³⁴ Там же, л. 20–21.

³⁵ Другое написание его имени — Чхве Чханик.

³⁶ Там же, л. 22.

³⁷ Другое написание его имени — Ким Чханман.

³⁸ Там же, л. 23.

но, тем не менее, нельзя лишать права членов ЦК выступать с критикой». Ким Чан Ман сориентировался, в каком ключе продолжить своё выступление, и согласился с высказанными тезисами.

Глава делегации КПСС вновь вмешался и спросил: в чём суть расхождений с теми, кого вы исключили? Ким Чан Ман был демонстративно прямолинеен: исключённый из ЦК ТПК заместитель министра культуры Ким Гван давал иные указания, нежели аппарат ЦК, относительно театральных постановок. Когда его сотрудники проводили совещание в министерстве культуры о необходимости «сплочения», то Ким Гван говорил, что в его ведомстве и так все сплочены. Кабинет министров и ЦК утвердили план по производству десяти фильмов в год, а Ким Гван заявлял, что этого сделать невозможно. Вряд ли такого рода наивный ответ мог удовлетворить московского гостя.

Единственным, чьё выступление выбивалось из общего ритма, стал заместитель главы правительства Пак Ы Ван³⁹. По его мнению, «постановление августовского пленума было крайним и необдуманым», поэтому советы КПСС и КПК вдвойне правильны. Пленум ЦК не выслушал оппозиционеров и исключил их из партии. Недопустима ситуация, когда никому нельзя соглашаться с мнением того или иного руководящего работника, поскольку оно сразу же объявляется антипартийным. Получается, что надо только слушать. Следует отличать «ошибающегося» члена партии от врага. На предстоящем пленуме не нужно выискивать вину исключённых товарищей и проводить следствие относительно их поведения. Рекомендации братских партий имеют огромное значение. Нам надо глубоко продумать их и использовать не только при решении настоящих задач, но и во всей будущей работе ЦК ТПК и его руководства⁴⁰.

Однако следующим выступил Пак Кым Чер, вернув обсуждение в прежнее русло и выразив несогласие с оппозиционерами, говорившими на августовском пленуме, что ТПК не проводит линию XX съезда КПСС. После этого выступления Микоян решил, что самое время изложить позицию КПСС, которая должна была выглядеть исключительно как проявление заботы «старших товарищей» по отношению к «младшим», в силу недостаточного опыта допустившим ряд «исправимых» ошибок.

Прежде всего, заявил он, мы приехали сюда потому, что это наш интернациональный долг, а советы от дружественных партий не менее значимы, чем материальная помощь. Возникает тревога за судьбу ТПК, поскольку КНДР располагается на стыке «двух миров»: по 38-й параллели проходит разделительная линия борьбы между капитализмом и социализмом, следовательно, ваши неудачи могут отрицательно сказаться на всём лагере социализма. Далее Микоян указал, что ЦК ТПК мало информировал своих советских и китайских коллег об обстоятельствах, связанных с прошедшим в августе пленумом. В Москве, заявил он, «не знают» тех руководителей ТПК, в отношении которых были сделаны «оргвыводы», и поэтому «мы не выступаем за них»⁴¹. Тревогу

³⁹ По некоторым данным, именно Пак Ы Вану в ходе работы Третьего съезда ТПК удалось встретиться с Л.И. Брежневым и убедить того в том, что в КНДР имеют место отрицательные явления, в первую очередь связанные с неудовлетворительным руководством Ким Ир Сена.

⁴⁰ ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 718, л. 25–26.

⁴¹ В период с марта по август 1956 г. у представителей оппозиции проходили контакты по линии МИД СССР, о содержании которых немедленно докладывалось в ЦК КПСС. См., например: *Person J. «We Need Help from Outside»: The North Korean Opposition Movement of 1956. The Cold War International History Project. № 52. Washington, 2006. P. 51–65; Cold War History Project, issue 16 (Woodrow Wilson Center: Washington D.C.: Fall 2007/Winter 2008). P. 463–492.*

вызывает сам факт принятия пленумом подобного решения, поскольку часть членов ЦК оказалась исключена буквально спустя три месяца после избрания на съезде партии. Более того, четверо из них «убегают из страны», что указывает на явный кризис партийного и государственного руководства.

«Усиливает ли партию это, или ослабляет? – риторически спросил Микоян. – Не будут ли такие решения августовского пленума поняты простым народом так, будто бы ТПК раздирается разногласиями, что идёт постоянная внутрипартийная борьба? Подумайте сами, если бы в СССР происходили такого рода события, вы бы наверняка сказали, что у нас дело плохо. Мы хотим, чтобы ваша партия росла и крепла».

Микоян использовал ещё один ораторский приём – доказательство от обратного: «Здесь говорилось о некоторых ошибках исключённых товарищей. Возможно, то, что они говорили и делали, было неправильно. Может быть, у некоторых из них плохой характер. Но что сделал ЦК для их исправления и рассмотрения высказанных альтернативных предложений? Они в партии состоят уже длительное время, всего три месяца назад съезд избрал их в состав ЦК, а теперь исключил оттуда без созыва съезда. Если говорить о необходимости поддержания авторитета ЦК, то решение об исключении группы членов из ЦК не будет способствовать повышению авторитета ТПК».

Микоян решил также дать назидательные наставления руководству ТПК относительно норм поведения в партийной жизни. По его мнению, если бы III съезд ТПК прошёл более самокритично, все спорные вопросы могли быть решены. Если бы внутрипартийная демократия действовала, коммунисты, в том числе и члены ЦК, имели бы возможность выступать открыто, не боясь преследований. Если член ЦК не будет говорить на заседании ЦК то, что он думает, то в ТПК не будет квалифицированного и компетентного руководства⁴².

Затем под огонь критики главы советской делегации вновь попал Ким Чан Ман, обвинённый в неправильной трактовке действий исключённых на августовском пленуме как «антипартийных». Его оценку их высказываний Микоян назвал «сектантской», а также вступился за Юн Кон Хына, которому на августовском пленуме даже не дали закончить выступление⁴³. Участникам заседания было сказано буквально следующее: «Надо иметь в виду, что у вас огромные права. Вы можете исключить из партии, арестовать человека, расстрелять его. Таких прав не имеет ни один орган власти в капиталистической стране, ни президент Эйзенхауэр, например, и никто другой. Поэтому, имея такие огромные права, вы должны быть осторожны».

После этих слов уже в третий раз объектом критики стал Ким Чан Ман – на сей раз за высказывание о том, что члены ТПК не имеют права спорить с чиновниками из отдела агитации и пропаганды ЦК. По мнению Микояна, каждый член ЦК ТПК должен иметь как ответственность за свои слова и дела, так и права⁴⁴. Возможно, продолжал он, что этих членов ЦК поддерживают члены партии. Как вы разъясните ваши решения? Репрессии на время могут заглушить критику, но

⁴² ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 718, л. 28.

⁴³ Текст несостоявшегося в полном объёме выступления Юн Кон Хына, где содержалась резкая критика Ким Ир Сена и порядков, насаждавшихся в партии и государстве его сторонниками, поступил в ЦК КПСС. Поскольку один из экземпляров в переводе на русский язык обнаружен нами в бумагах личного секретариата Микояна, можно предположить, что он ознакомился с этим докладом до отъезда в Пхеньян. См.: Там же, д. 721, л. 182–202.

⁴⁴ Там же, д. 718, л. 28–29.

надо учесть, что начнутся разговоры с другого конца, и их будут вести уже другие люди. Политику «отсечения» надо применять только в крайнем случае, когда установлено достоверно, что «люди полностью сгнили». Если член ЦК ошибается, надо постараться его убедить в неправоте его взглядов или поведения.

Микоян затронул и самую большую для собравшихся тему, заявив, что некоторые товарищи говорят, что исключённые из партии хотели сменить руководство ТПК. «Разве у вас меньшинство в составе ЦК?», — спросил Микоян, после чего вновь озвучил свой главный тезис: «Никто не ставит вопрос о замене тов. Ким Ир Сена, хотя юридически, по уставу партии, этот вопрос можно ставить»⁴⁵. Лидера, по его словам, надо было поддержать на базе идейного сплочения северокорейского руководства, а не на основе страха, репрессий и исключения из рядов партии⁴⁶.

Стремясь расположить к себе собравшихся, глава советской делегации раскрыл им один «секрет»: перед приездом в Пхеньян он имел беседу с Мао Цзэ-дунем, который заверил, что ЦК КПК и он лично доверяют Ким Ир Сэну. Затем он выразил удовлетворение тем, как прошло заседание и что большинство членов Президиума ЦК ТПК правильно высказались о своей готовности исправлять выявленные ошибки. Предвосхищая вопрос, не скажется ли это на авторитете партии и её руководства, он заявил, что, наоборот, авторитет только возрастет. Партия должна проявлять великодушные даже к тем, кто грубо ошибается. Микоян предложил в кратчайшие сроки провести новый пленум ЦК ТПК и исправить ошибки предыдущего⁴⁷.

В заключение своего выступления Микоян заявил, что необходимо выяснить, какие процессы в партии привели к исключению из ЦК нескольких ответственных работников. Руководство КПСС не имеет позиции о положении в ТПК, но, будучи встревоженным положением дел, направило нашу делегацию с целью рассмотреть на месте сложившееся положение.

Следующим на трибуну вышел Пэн Дэхуай, начавший своё достаточно пространное выступление с экскурса в историю взаимоотношений КПК и ТПК. Необходимо обмениваться опытом работы, заявил докладчик, тем более что у КПК он весьма обширный и она извлекла горькие уроки из своих промахов, которые ТПК не должна повторять. Работа августовского пленума, по его мнению, была проведена с ошибками, и он полностью согласен с высказанными Микояном оценками⁴⁸.

Напомнив, что сам Ким Ир Сен долгое время жил в Китае, защищая дело революции, глава делегации КПК заявил, что «сейчас нет такого человека, который мог бы заменить Ким Ир Сена, и нет такого, кто этого желал бы». В этот момент Микоян бросил в зал ещё одну ключевую реплику: «Если бы даже такой и нашёлся, то ведь не он решает вопрос». Пэн Дэхуай эту мысль постарался развить, отметив, что КПСС и КПК поддерживают Ким Ир Сена в качестве лидера ТПК, но руководство партии «должно проводить правильные мероприятия, иначе наши дела будут противоречить нашим желаниям»⁴⁹.

Цой Ён Гён, очевидно, опять согласовав своё предложение с Ким Ир Сеном, повторно взял слово и заявил, что необходимо созвать пленум ЦК и на

⁴⁵ В Москве, видимо, не случайно в 1956 г. на русском языке отдельной брошюрой был опубликован Устав ТПК, принятый на III съезде партии.

⁴⁶ ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 718, л. 29.

⁴⁷ Там же, л. 30.

⁴⁸ Там же, л. 31.

⁴⁹ Там же, л. 33.

нём подтвердить, что поведение исключённых лиц является антипартийным поведением, но ради монолитности партии руководители ТПК готовы принять «более великодушное решение».

Ким Ир Сен на правах «победителя» подвёл итог заседанию, отметив в заключительном слове, что северокорейскому руководству нельзя быть связанным решениями августовского пленума. На предстоящем пленуме необходимо исправить ошибки и сказать о развитии внутрипартийной демократии. Делегации братских коммунистических партий приехали к нам и дали правильные советы в отношении исключённых из ЦК товарищей. Необходимо указать в решении пленума, что мы поступили неправильно, это нужно сказать специально при них⁵⁰.

Таким образом, ни одного прямого упрека в адрес Кима озвучено не было. Микоян, опираясь на результаты обсуждения решений августовского пленума на Президиуме ЦК КПСС, высказал критику «неправильных мероприятий» ЦК ТПК. В результате участники заседания единодушно поддержали предложение лидера КНДР созвать новый пленум и пересмотреть на нём решения предыдущего⁵¹. Затем так же единогласно было принято решение о сроках его проведения – 22 сентября, а если не успеют к тому времени прибыть все члены ЦК, то 23-го, в первой половине дня. За это время комиссия Президиума ЦК ТПК должна была подготовить проект соответствующего решения, а его текст в обязательном порядке (на чём настаивали Микоян и Пэн Дэхуай) и в полном объёме опубликовать в печати. Нам Ир⁵², явно играя в «демократию», пригласил посланцев Москвы и Пекина принять участие в работе по составлению проекта такого решения. Согласие последовало незамедлительно⁵³.

Трудно определённо сказать, чем конкретно 21 сентября занимались в Пхеньяне члены делегаций. Судя по дневниковой записи о поездке Микояна, они посетили металлургический завод, общежития рабочих и магазины⁵⁴, скорее всего, они также готовили отчёты в Москву и Пекин⁵⁵. 22 сентября состоялась встреча руководителей советской и китайской делегаций с руководством ТПК по проекту резолюции будущего пленума. Микоян и Пэн Дэхуай отметили, что он соответствует прежним договорённостям, в основном приемлем в части, касающейся отмены оргвыводов предыдущего пленума. Кроме того, Микоян заявил, что в проект следует внести положения о необходимости проведения в ТПК внутрипартийной демократии, критики и самокритики и терпеливого отношения к ошибающимся товарищам, на что было получено согласие корейской стороны⁵⁶. Микоян так же настойчиво порекомендовал подготовить

⁵⁰ Там же, л. 34.

⁵¹ Там же, л. 34.

⁵² К слову сказать, этот советский кореец до 1945 г. имел имя Яков Наумович Нам и вплоть до 1956 г. сохранял советское гражданство. Более того, не имея военного опыта, в годы Корейской войны в звании генерал-полковника занимал должность начальника Генерального штаба Корейской Народной армии, а после отстранения Пак Хон Ёна стоял во главе северокорейского внешнеполитического ведомства (1953–1959 гг.). См.: РГАСПИ, ф. 495, оп. 228, д. 838.

⁵³ Н. Симотомаи пишет в своей книге, что представители КПСС якобы отказались участвовать в составлении резолюции, руководствуясь «этическими соображениями». См.: *Симотомаи Н.* Указ. соч. С. 263.

⁵⁴ ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 120, д. 1247, л. 2.

⁵⁵ Согласно воспоминаниям Мухитдинова, Микоян отправил его осматривать достопримечательности Пхеньяна. См.: *Мухитдинов Н.А.* Указ. соч. С. 342.

⁵⁶ Скорее всего, данный факт свидетельствует о том, что представители КПСС и КПК не принимали непосредственного участия в подготовке резолюции сентябрьского пленума ЦК ТПК.

предложения о государственной или иной работе, которая будет поручена реабилитированным оппозиционерам. Либо вернуть их на прежние посты, либо предоставить новые, соответствующие их положению и компетенции⁵⁷.

С корейской стороны последовало предложение о переносе даты начала пленума на следующий день, чтобы успеть проинформировать членов ЦК ТПК о характере предстоящих решений. Ким Ир Сен отметил, что такие беседы уже проводятся, но единогласия в их поддержке пока нет. Микоян и Пэн Дэ-хуай вынуждены были согласиться. В тот же день вечером советская делегация предполагала вылететь в Пекин, а 24 сентября оттуда отправиться в Москву⁵⁸.

Встреча продолжалась около часа, а затем члены делегации осмотрели здание посольства и торгового представительства СССР. Вечером Микоян провёл полуторачасовое совещание с советскими гражданами, работавшими в КНДР. Затем по инициативе Ким Ир Сена состоялась ещё одна встреча с советской делегацией, продолжавшаяся с 9 ч вечера до 2 ч ночи. Сначала обсуждались хозяйственные дела, затем был предоставлен для ознакомления новый проект резолюции предстоящего пленума уже с учётом замечаний Микояна и с тезисами о необходимости обеспечения «ленинских норм партийной жизни» и не-правильности применения к несогласным мер административного характера. В дополнение к более раннему варианту корейской стороной был внесён раздел, из содержания которого следовало, что все партийные организации должны обратить серьёзное внимание на исправление ошибок членов ТПК терпеливым проведением воспитательной работы и убеждением.

Во время беседы члены делегации КПСС отметили, что идейная сплоченность ТПК не может быть достигнута путём репрессивных мер и отсеечения всё новых и новых руководящих кадров. Ким Ир Сен в свою очередь заявил, что полностью согласен с этими советами ЦК КПСС, понимает неправильность многих шагов руководства партии. Надо признать, что ЦК ТПК только сейчас стал понимать «существо линии XX съезда КПСС», чего не было в период подготовки и проведения III съезда. Если бы мы проводили его сейчас, сказал Ким Ир Сен, то он прошёл бы в атмосфере самокритики и дал партии правильную установку на полное проведение «ленинских партийных принципов» в жизнь.

Далее стороны похвалили организацию VIII съезда КПК и отметили, что корейские коммунисты могут почерпнуть из его решений много полезного. Ким специально подчеркнул, что у КПК имеется большой опыт самостоятельности, а у ТПК его нет, и поэтому она, будучи в прямой зависимости от Москвы, слепо копировала опыт КПСС, имея в виду культ личности Сталина. Таким образом, в его трактовке выходило, что в сложившейся ситуации виноваты не лояльные ему корейские левые радикалы, а непосредственно Советский Союз.

Члены советской делегации вновь подчеркнули, что руководители КПСС вместе с китайскими коллегами будут и впредь поддерживать Ким Ир Сена, но хотят, чтобы он лично возглавил критику и устранение выявленных недостатков в отношении значительного числа кадровых работников, являющихся «честными коммунистами». Ким согласился с высказанным пожеланием и заявил, что сделает всё от него зависящее для устранения негативных явлений. Микоян попросил, чтобы всё высказанное в ходе данной встречи Ким Ир Сен повторил на пленуме.

⁵⁷ По некоторым данным, одного из оппозиционеров назначили директором лесопилки, а другого – свинофермы. См.: *Ланьков А.Н.* Указ. соч. С. 210.

⁵⁸ ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 718, л. 9–11.

Северокорейский руководитель согласился с этим и также заявил, что осознаёт ответственность за создавшееся положение и не допустит повторения таких ошибок.

В заключение члены советской делегации спросили, что им передать в Москву. Ким Ир Сен отметил, что полностью согласен со всеми советами ЦК КПСС и КПК. КПСС является для него непререкаемым авторитетом и все её советы он всегда будет принимать как руководство. Он также заверил, что ошибки, подобные тем, что были допущены в последнее время, больше не повторятся. В заключение лидеру КНДР пожелали поддерживать более тесную связь с ЦК КПСС, дабы Москва была объективно информирована о положении дел⁵⁹. Во время беседы Микоян, наверняка стремясь заручиться после возвращения в Пекин благорасположением Мао Цзэдуна, рекомендовал принять положительное решение по вопросу освобождения из заключения Пак Ир У. Ким Ир Сен пообещал, что в ближайшее время это будет сделано⁶⁰.

Из всего вышеизложенного становится понятным, что Ким Ир Сен, стремясь не допустить на предстоящем пленуме «неожиданностей» со стороны московских и пекинских «друзей», готов был пообещать всё, что угодно.

23 сентября в 9 ч пленум ЦК ТПК начал работу. Судя по содержанию телеграмм, отправленных от имени Микояна в Москву, и воспоминаниям Мухитдинова, всё прошло по заранее оговоренному сценарию. На пленуме присутствовали делегации КПСС и КПК в полном составе, но никто из «гостей» не выступил. Ким Ир Сен сделал «правильный» доклад, ораторы в прениях поддержали заранее согласованные с руководителями делегаций предложения, внесённые от имени Президиума ЦК ТПК. Допустили даже одно выступление от оппозиции, которое озвучил заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК Пак Хун Ир, предложивший освободить от занимаемых должностей ближайших соратников Ким Ир Сена: Пак Ден Ай⁶¹, Пак Кым Чера и Ким Чан Мана. Северокорейский лидер, играя перед советскими и китайскими гостями в демократию, пообещал «разобраться»⁶². Пленум принял по его докладу резолюцию, заранее согласованную с Микояном и Пэн Дэхуаем⁶³.

Заседание завершилось к 13 ч, после чего состоялся обед с участием советской и китайской делегаций. Через два часа делегация КПСС вылетела из Пхеньяна и в 17 ч по пекинскому времени прибыла в китайскую столицу. Буквально через полчаса они посетили вечернее заседание продолжавшегося всё это время съезда китайских коммунистов. Перед отъездом Микоян имел беседу с Мао Цзэдуном, в ходе которой сообщил тому об «успешном» завершении пхеньянской миссии⁶⁴.

⁵⁹ Там же, л. 6.

⁶⁰ Перед отъездом из Москвы Микоян получил из МИД СССР для ознакомления материалы по «делу» Пак Ир У, полученные из посольства в Пхеньяне. См.: Там же, л. 721, л. 203–210.

⁶¹ Другое написание её имени – Пак Чжон-э. Известна также как Вера Цой.

⁶² См.: *Симотомаи Н.* Указ соч. С. 262–263. В воспоминаниях Мухитдинова есть описание работы сентябрьского пленума с упоминанием нескольких критических выступлений («Один за другим оппозиционеры стали резко критиковать работу Политбюро», называли Ким Ир Сена «сталинистом», «верным учеником и продолжателем дела Сталина в Корее»). Отповедь им якобы давал лично лидер партии. См. *Мухитдинов Н.А.* Указ. соч. С. 343–344, 346. Примерно о том же писал К.Н. Брутенц (со слов Б.Н. Пономарёва). См.: *Брутенц К.Н.* На Старой площади. М., 1997. С. 98. Документальными источниками данная информация не подтверждается.

⁶³ ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 718, л. 8.

⁶⁴ Об этом имеется информация со ссылкой на профессора Чэнь Цзяня, которому дали ознакомиться со стенограммой встречи Мао Цзэдуна и Микояна от 24 сентября 1956 г., хранящейся в одном из пекинских архивов. См.: *Ланьков А.Н.* Указ. соч. С. 206. Сам факт встречи подтверждается соответствующей записью в дневнике поездки Микояна. См.: ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 120, д. 1247, л. 3.

Микоян и Мухитдинов 24 сентября отправились в Москву⁶⁵, остальные члены делегации остались в китайской столице до окончания съезда КПК. На следующий день было запланировано заседание Президиума ЦК КПСС. К нему участники получили подготовленную протокольную запись совещания по обсуждению резолюции пленума ЦК ТПК, а также сам текст принятого им постановления⁶⁶. Микоян подготовил соответствующий материал для своего в целом «победного» отчёта⁶⁷.

Однако ситуация развивалась отнюдь не по сценарию. Руководство КПСС несколько дней ожидало, когда же из Пхеньяна придёт сообщение о том, что постановление пленума ЦК ТПК опубликовано в полном объёме в северо-корейской печати. Член советской делегации Б.Н. Пономарёв, следивший из Пекина за ситуацией в КНДР, 26 сентября отправил в Москву телеграмму, с тревогой отмечая, что в северо-корейской печати постановление не появилось.

Почувствовав неладное, Пэн Дэхуай (который, видимо, также сообщил Мао Цзэдуну об «успешном» завершении поездки), по словам Пономарёва, предложил подождать ещё день. Если постановление не будет опубликовано, то следует послать телеграмму руководству ТПК с «напоминанием». Если же и после этого реакции не последует, руководителям делегаций КПСС и КПК следует вновь посетить Пхеньян для «исправления положения» — причём, если потребуется, собрать уже не пленум, а съезд ТПК. Пономарёв ответил, что передаст это предложение в ЦК КПСС и будет ждать ответа⁶⁸. Вскоре после этого член китайской делегации Ши Чжэ сообщил ему, что ЦК КПК имеет информацию о том, что Ким Ир Сен во время пребывания советской и китайской делегаций в Пхеньяне сказал своим единомышленникам — их приезд означает «вмешательство двух старших братьев» во внутренние дела ТПК⁶⁹. В Москве и в Пекине в тот момент наверняка поняли, что Ким Ир Сен ничего больше в угоду им не сделает, сидит в Пхеньяне «крепко» и повторить «сентябрьский визит» вряд ли позволит.

Чтобы сохранить на Северную Корею хоть какое-то влияние, решили признать северо-корейского лидера если не равным по значимости Хрущёву и Мао Цзэдуну, то, по крайней мере, «равноправным партнёром». Принятая 30 октября 1956 г. Декларация Правительства СССР об основах взаимоотношений с социалистическими странами была выдержана в этом духе и предоставила Ким Ир Сену достаточно большую самостоятельность в определении путей развития КНДР. А Мао Цзэдун и Пэн Дэхуай в 1957 г. принесли Киму извинения за «сентябрьский инцидент» и через несколько месяцев вывели своих «добровольцев» — к большому удовлетворению северо-корейского вождя⁷⁰.

Вопрос об отстранении Ким Ир Сена от власти ни на каком этапе кризиса не ставился. Во время визита в Москву в 1960 г. он был проинформирован

⁶⁵ Известия. 1956. 25 сентября; ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 120, д. 1247, л. 3.

⁶⁶ ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 721, л. 26–45.

⁶⁷ Там же, л. 24–25. По воспоминаниям Мухитдинова, заседание Президиума ЦК (без его участия) состоялось несколькими днями позднее. Он же после аудиенции у Хрущёва уехал домой, в Ташкент. См.: *Мухитдинов Н.А.* Указ. соч. С. 353–355. Однако мемуариста явно подвела память: Хрущёва в тот день в Москве не было — он находился в зарубежной поездке, — а заседание Президиума, судя по дневнику Микояна, началось в назначенный срок (25 сентября в 17 ч). См.: ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 120, д. 1247, л. 3.

⁶⁸ Информационное сообщение общего характера о сентябрьском пленуме было опубликовано в центральном партийном органе ТПК газете «Нодон Синмун», 29 сентября 1956 г.

⁶⁹ ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 718, л. 2.

⁷⁰ См.: *Ким Ир Сен.* Сочинения. Т. 13. Пхеньян, 1983. С. 393.

о критической позиции в отношении него со стороны Мао Цзэдуна в 1956 г. и (явно лицемерно) возмутился китайским «коварством»⁷¹. В свою очередь, пекинские лидеры в период советско-китайского раскола убеждали Ким Ир Сена, что «сентябрьские события» были заговором Москвы против него лично⁷². Наверняка, слушая это, Ким Ир Сен столь же лицемерно возмущался, ликуя в душе по поводу того, как ему удалось перехитрить Москву и Пекин и приступить к строительству собственной модели «реального социализма».

В итоге на том историческом этапе китайским руководителям удалось сделать Ким Ир Сена, как и многих других азиатских коммунистических лидеров, своим союзником, что впоследствии признавали и некоторые работавшие в аппарате ЦК КПСС аналитики⁷³.

А.И. Микоян, на наш взгляд, проявил себя во время «сентябрьских событий» как опытный политик-реалист. Обладая разнообразной информацией об истинном положении в КНДР, он не был в корейских делах дилетантом. Перед ним, как следует из архивных документов, не ставилась задача отстранения от власти Ким Ир Сена. Являясь прагматиком и отчётливо понимая, что серьёзной «просоветской» альтернативы Ким Ир Сёну не наблюдается, он не стал накалять ситуацию, наверняка руководствуясь принципом выбирать меньшее из всех возможных зол.

В Москве и в Пекине наверняка успокаивали себя, что в Северной Корее никто не призывал к свержению социалистического строя. На тот момент для руководства КПСС, авторитет которой после XX съезда сильно упал, это было важнейшим критерием оценки того или иного «союзного» режима. Это обстоятельство наглядно проявилось уже в октябре 1956 г., когда лидеры СССР согласились на мирное решение польского кризиса силами местных коммунистов во главе с В. Гомулкой, но пошли на силовое подавление венгерской революции, после того, как И. Надь объявил о роспуске правящей партии и выходе страны из Организации Варшавского договора.

⁷¹ См.: *Симотомаи Н.* Указ. соч. С. 305.

⁷² См., например: Хрущёвский ревизионизм. Пекин, 1965. С. 23; *Ланьков А.Н.* Указ. соч. С. 203. Эта же версия содержится в опубликованной в апреле 2016 г. на северокорейском сайте брошюре российского публициста Л.К. Гурджиева «70 неповторимых лет. Краткая история героической партии». См.: URL: http://juche-songun.ru/joomla/index.php?option=com_content&view=article&id=2365:6&catid=57:newsjuche&Itemid=98 (дата обращения: 8.11.2016).

⁷³ См., например: *Брутенц К.Н.* Указ. соч. С. 271.

Новые данные к биографии опричника Малюты Скуратова

Никита Башнин, Александр Корзинин

New data for the biography of Malyuta Skuratov

Nikita Bashnin

*(Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences),
Alexander Korzinin (Saint Petersburg State University, Russia)*

Григорий Малюта Лукьянович Бельский — одна из самых загадочных личностей XVI в. Большинство современников и потомков считали его кровавым палачом, безупречным исполнителем воли покровителя — царя Ивана Грозного. Малюта Скуратов стал символом опричнины — политики разделения государства и общества на две противоборствующие половины, насильственных земельных конфискаций и переселений служилых людей, убийств и грабежей представителей правящей элиты, духовенства, посадских людей, крестьян.

Историки разных эпох пытались воссоздать психологический портрет Скуратова, и в целом их характеристики схожи. В оценках учёных его внутренний мир расписан преимущественно чёрными тонами. Современный исследователь Д.М. Володихин отмечает, что только «смерть Малюты — самое светлое пятно в его биографии»¹. Трудно понять, был ли Малюта Скуратов необычайно жесток, по своей природе склонен к злодейским поступкам, получал ли наслаждение от расправ над людьми, объявленных вне закона, или же стремился безукоризненно исполнять царскую волю, быть максимально полезным государю. Однозначно ответить на этот вопрос затруднительно, поскольку не известны документы личного происхождения Григория Лукьяновича Бельского. Тем не менее благодаря сведениям о нём в разрядах, летописях, монастырской документации и других источниках можно раскрыть ряд ключевых моментов его жизни, карьерного роста.

Историки в целом относились к Малюте Скуратову отрицательно и даже враждебно. М.М. Щербатов, взявшись за описание «жесточайшего поступка, учиненного царем Иоанном Васильевичем с Новым городом», в своей «Истории Российской от древнейших времен» написал, что вначале царь «послал пред собою любимца своего Малюту Скуратова с повелением умертвить находящегося в изгнании в Твери в Отрочатем монастыре святого мужа Филипа, бывшего митрополита Московского; и сие сим верным исполнителем всех жестоких велений царских было исполнено»². Н.М. Карамзин в капитальном труде по истории Российского государства отметил факт личного участия Малюты в убийстве двоюродного брата царя князя Владимира Андреевича Старицкого

© 2017 г. Н.В. Башнин, А.Л. Корзинин

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16-01-12013.

¹ Володихин Д.М. Малюта Скуратов. М., 2012. С. 218.

² Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 5. Ч. 2. Кн. 12. СПб., 1789. С. 226, 231, 241.

и его семьи. Скуратов в произведении официального историографа, как и в сочинениях М.М. Щербатова, назван «царским любимцем», «наперсником Иоанновым до гроба: он жил вместе с царём и другом своим, для суда за пределами мира сего»³. С.М. Соловьёв писал о Григории Скуратове-Бельском как об одном из самых близких к царю опричников, «царском любимце»⁴. Первая попытка краткого биографического очерка Малюты Скуратова принадлежит перу Е. Лихача в «Русском биографическом словаре» А.А. Половцова. Восстановив основные факты биографии Бельского, отметив дружеские отношения, связывавшие царя и опричника, автор подчеркнул его неродовитость и пожалование ему вследствие этого чина не боярина, а думного дворянина⁵.

В советское время одним из первых обратил внимание на личность Григория Лукьяновича Бельского С.Б. Веселовский. По материалам из личного фонда учёного видно, как он по крупицам попытался воссоздать семейное древо Бельских⁶. В «Исследованиях по истории опричнины», увидевших свет лишь после смерти историка, Веселовский впервые в историографии дал чёткое обоснование происхождения Бельских, отделяя их от Плещеевых и от князей Гедиминовичей⁷. В отличие от С.Ф. Платонова и П.А. Садикова, он не выводил Бельских от Плещеевых⁸.

Биографию Малюты Скуратова реконструировал В.Б. Кобрин, для чего он использовал «послужной список опричников» Веселовского⁹. Кобрин опирался также на выводы своей кандидатской диссертации о социальном составе Опричного двора Ивана Грозного (1961 г.)¹⁰. Историк привлёк данные из разнообразных источников: разрядных и посольских книг, вкладных и приходо-расходных книг Иосифо-Волоколамского и Кирилло-Белозерского монастырей, записок иностранцев, летописей. В очерке, посвящённом Григорию Бельскому, помимо фактов биографии, исследователь затронул такие темы, как образ Малюты Скуратова в народной памяти, происхождение рода Бельских, его семейные связи. Обобщённая краткая характеристика Григория Скуратова-Бельского (без указания автора статьи) вошла в «Советскую историческую энциклопедию»¹¹.

Некоторые важные моменты жизни и деятельности Григория Лукьяновича получили освещение в работах М.Н. Тихомирова, А.А. Зимина и Р.Г. Скрынникова¹². Главному опричнику Ивана Грозного уделён раздел в недавно вы-

³ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IX. СПб., 1821. С. 142, 147–148, 160, 162, 191, 208, 217–218.

⁴ Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Кн. 2. Т. VI. СПб., 1896. С. 171, 258.

⁵ Лихач Е. Скуратов-Бельский, Малюта, Григорий Лукьянович // Русский биографический словарь А.А. Половцова. Т. 18. СПб., 1904. С. 627.

⁶ Архив РАН, ф. 620, оп. 1, д. 40, л. 373–377.

⁷ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1969. С. 201–204.

⁸ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1910. С. 221; Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 48, 111.

⁹ Кобрин В.Б. Малюта Скуратов // Вопросы истории. 1966. № 11. С. 210–212.

¹⁰ Кобрин В.Б. Состав Опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960. С. 23–25.

¹¹ Скуратов-Бельский, Малюта (Григорий Лукьянович) // Советская историческая энциклопедия. Т. 12. М., 1969. С. 967.

¹² Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII вв. М., 1973. С. 123; Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. С. 130–131; Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 383, 435, 438, 460.

шедшей работе И.В. Курукина и А.А. Булычёва¹³. Новейший биограф Малюты Скуратова Д.М. Володихин посвятил ему научную публикацию, а также научно-популярное исследование, увидевшее свет в серии «Жизнь замечательных людей»¹⁴.

Однако многое в биографии Малюты Скуратова остаётся неясным. К настоящему времени в источниках выявлены новые сведения, раскрывающие некоторые тёмные моменты его жизненного пути. До сих пор в полном объёме не реконструирована родословная Бельских, и у историков существуют разногласия относительно происхождения этой дворянской фамилии. Вызывают споры также переломные моменты в жизни Григория Лукьяновича. В научной литературе мало сведений о его земельных владениях и материальном положении.

Родоначальником Бельских С.Б. Веселовский считал Евстафия¹⁵. Известно, что в конце XV – начале XVI в. они имели владения под Звенигородом. Сын Евстафия Афанасий упоминается в 1473 г. как послух в духовной грамоте Степана Лазарева, землевладельца Звенигородского уезда¹⁶. Сын Афанасия Лукьян по прозвищу Скурат в 1504 г. владел деревней Горка в Звенигородском уезде на границе с Сурожским станом Московского уезда¹⁷. Григорий Лукьянович Скуратов Бельский, носивший прозвище Малюта, в Дворовой тетради 1550-х гг. записан по городу Белой, где, очевидно, владел землями и нёс службу вместе с братьями Третьяком и Нежданом¹⁸. Из вкладной книги Иосифо-Волоколамского монастыря узнаём, что у Малюты Скуратова было два деда – Афанасий и Игнатий¹⁹.

Очевидно, Лукьян Афанасьевич, отец Григория Малюты, имел больше детей, чем известно по Дворовой тетради. С.Б. Веселовский полагал, что старшим сыном Лукьяна был Яков. Его сын Богдан-Андрей Яковлевич Бельский, знаменитый деятель времён правления Ивана IV, приходился Малюте Скуратову племянником²⁰. В источниках второй половины XVI в. встречается Пётр Верига Григорьев сын Бельский, которого исследователи часто отождествляют с Веригой Третьяковым сыном Бельским, двоюродным братом Б.Я. Бельского, но Петра Веригу Григорьева и Веригу Третьякова не следует смешивать. На службе Пётр Верига был замечен только один раз в июне 1579 г. Он известен нам главным образом благодаря вкладам в Иосифо-Волоколамский монастырь. 15 июля 1573 г. Пётр Верига дал монастырю на корм по князю Ивану Келмамаеву и его сестре княгине Елене 6 руб., а в 1585/86 г. Б.С. Бельский дал уже по Петре Вериге 100 руб., после чего П.А. Бельский внёс на помин отца (Вериги Григория) и матери (Татьяны) дополнительно 100 руб.²¹ Учитывая родственные отношения, связывавшие Богдана Сидоровича и Петра Григорьевича, можно предположить, что

¹³ Курукин И.В., Булычёв А.А. Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. М., 2010. С. 121–124.

¹⁴ Володихин Д.М. Заметки о семействе Г.Л. Скуратова-Бельского // Археографический ежегодник за 2007–2008 годы. М., 2012. С. 113–125; Володихин Д.М. Малюта...

¹⁵ Архив РАН, ф. 620, оп. 1, д. 40, л. 373.

¹⁶ Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 411. С. 438.

¹⁷ Собрание государственных грамот и договоров. Т. 1. М., 1813. С. 366.

¹⁸ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 1550-х гг. М.; Л., 1950. С. 194.

¹⁹ РГАДА, ф. 181, оп. 2, д. 141/196, л. 76.

²⁰ Архив РАН, ф. 620, оп. 1, д. 40, л. 373–373 об.

²¹ Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. Ч. 1. М.; Л., 1980. С. 6; РГАДА, ф. 181, оп. 2, д. 141/196, л. 79 об.; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 1. М., 1984. С. 57.

Пётр Верига был сыном Григория, старшего брата Малюты Скуратова, сведения о котором, как, впрочем, и о Якове Лукьяновиче Бельском, не сохранились. Тогда становится понятным, почему Григорий получил прозвище Малюта: он был младшим сыном Григорием Меньшим (или Малютой) в семье (см. Родословную Бельских).

Ещё один сложный момент касается Богдана Сидоровича Бельского, которого иногда путают с Богданом Яковлевичем. Оба носили двойное имя — Богдан-Андрей. Из духовной первого (в иночестве Антония, старца Саввина-Сторожевского монастыря) 1599 г. нам известны имена его родных — отца, инока Серапиона, матери Евфимии, жены Прасковьи, сыновей Ивана и Посника, дочери Марины²². Богдан Сидорович уже в 1573 г., вероятно, вошёл в Особый двор Ивана Грозного, а его сыновья в 1575 г. получили назначения: Иван — стольником, Посник — стряпчим²³. Посник Богданов сын Бельский приходился племянником Б.Я. Бельскому²⁴. Можно предположить, что отец Богдана-Андрея Сидор был младшим сыном Лукьяна Скурата Бельского, а сам Богдан-Андрей Сидорович и Богдан-Андрей Яковлевич являлись двоюродными братьями (см. Родословную Бельских). У Малюты Скуратова помимо Сидора был ещё один брат, в иноках Илья, принявший постриг в Иосифо-Волоколамском монастыре. Нам известен и сын Ильи, Григорий, в иноках Геронтий²⁵. Во вкладной книге этой обители названы братья Богдана Яковлевича Бельского Матвей, Иван, Невежа, сестра Мария, а также казначей Иосифо-Волоколамского монастыря старец Вассиан (в миру Василий) и его сын Афанасий²⁶. Трудно определить место Василия в родословной Бельских, возможно, он тоже был сыном Лукьяна Скурата.

Многих племянников Малюты Скуратова мы застаём в 1573 г. на дворовой службе, в 1574/75 г. — на свадьбе царя и Анны Васильчиковой²⁷. Вероятно, их карьера тесно связана с возвышением дяди, проложившего им дорогу ко двору. Однако некоторые Бельские предпочли укрыться за стенами Иосифо-Волоколамского монастыря и принять монашеский постриг.

В.Б. Кобрин предположил, что фамилия Бельских образована от названия города Белая по аналогии с местными землевладельцами — Гедиминовичами князьями Бельскими²⁸. По мнению М.Н. Тихомирова, этот город в северной части Смоленской земли построен «от Литвы» только в 1508 г. и получил своё название от реки Белая²⁹. Однако первое упоминание о нём в русских летописях относится к середине XIV в.³⁰ В 1508 г. в Белой, очевидно, возвели деревян-

²² Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века (далее — АСЗ). Т. 2. М., 1998. № 29. С. 46.

²³ Список опричников Ивана Грозного // Рукописные памятники. Вып. 7. СПб., 2003. С. 57; Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 261.

²⁴ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 128.

²⁵ Вотчинные хозяйственные книги... С. 10; *Титов А.А.* Вкладные и записные книги Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. // Рукописи славянские и русские, принадлежащие И.А. Вахрамееву. Вып. 5. М., 1906. С. 100—102.

²⁶ РГАДА, ф. 181, оп. 2, д. 141/196, л. 76 об.—77, 78—78 об., 80—80 об.

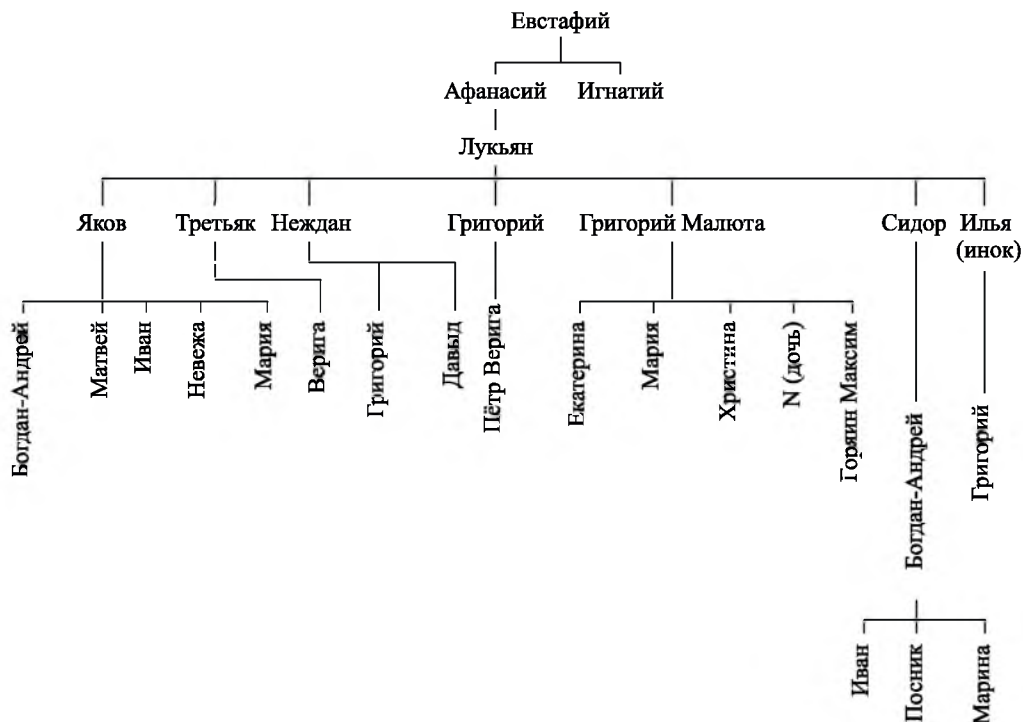
²⁷ *Васильчиков А.А.* Чин бракосочетания царя Ивана Васильевича с царицею Анною Васильчиковою // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 1. Отд. III. СПб., 1900. С. 9, 11, 12.

²⁸ *Кобрин В.Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. Избранные труды. М., 2008. С. 157.

²⁹ Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 103; *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 364.

³⁰ ПСРЛ. Т. 10. СПб., 1885. С. 231; Города Тверской области. Историко-архитектурные очерки (XI — начало XX века). Вып. 1. СПб., 2000. С. 105—105.

Родословная Бельских

ную крепость на случай прихода литовских войск. В «Списке городов дальних и ближних», дошедшем до нас в числе прочих источников в составе Кормчей книги Соловецкого монастыря конца XV в. (1492/93 г.), Белая уже упомянута, причём среди литовских городов. По мнению Тихомирова «Список городов дальних и ближних» составлен к концу XIV в.³¹ Следовательно, город возник в конце XIII – начале XIV в., а к концу XIV в. попал под власть Великого княжества Литовского³².

В апреле 1500 г. на службу к великому князю Ивану III отъехал со своей вотчиной Белой кн. Семён Иванович Бельский³³. По наблюдениям А.А. Зимина, город отошёл к России по условиям русско-литовского мирного договора 1503 г.³⁴ М.М. Кром установил, что титул Бельских князей закрепился за местными Гедиминовичами, чьи владения включали Белую, сравнительно поздно, только с их переходом на московскую службу в конце XV в.³⁵ Белая находилась в составе Русского государства до начала Смутного времени, когда её завоевали литовцы,

³¹ ОР РНБ, ф. 717 (Соловецкое собрание), № 858/968, л. 607 об.; Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 86–88, 95, 113.

³² Орловский И. Краткая география Смоленской губернии. Смоленск, 1907. С. 145.

³³ ПСРЛ. Т. 12. М., 2000. С. 251.

³⁴ Сборник Императорского русского исторического общества (далее – Сборник ИРИО). Т. 35. СПб., 1882. С. 400; Зимин А.А. Состав русских городов XVI в. // Исторические записки. Т. 52. М.; Л., 1955. С. 342.

³⁵ Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 2010. С. 67.

и только по условиям Андрусовского перемирия 1667 г. окончательно вошла в состав России. Поэтому предположение В.Б. Кобриня о получении Бельскими родовой фамилии от Белой поддержать нельзя — представители этой фамилии известны задолго до присоединения города к Москве и жили не на Смоленщине, а на границе Московского и Звенигородского уездов. Очевидно, Бельские — коренные землевладельцы Центра России. В Московском, Звенигородском и Рузском уездах во второй половине XVI в. известны владения Б.С. Бельского. В.Г. Бельский приобретал вотчины в Сурожском стане Московского уезда. Зять Малюты кн. И.К. Канбаров владел поместьем в Сурожском и вотчиной в Горетове станах Московского уезда³⁶. Получение Бельскими поместий в районе Белой в Бельском уезде произошло после 1503 г. К сожалению, писцовых книг XVI в. по Бельскому уезду не сохранилось, и можно только строить предположения о размерах и расположении владений Бельских в этом регионе.

О том, что Бельские тяготели к Звенигороду, косвенно свидетельствуют захоронения отца Малюты Лукьяна Афанасьевича и его детей на территории Иосифо-Волоколамского монастыря, а также вклады Бельских в эту обитель, расположенную по соседству с Звенигородским уездом. Правда, потомки Бельских Скуратовы, подавая свою родословную роспись в Палату родословных дел в 1686 г.³⁷, выводили своё происхождение из Польши: «К великому князю Василию Дмитриевичу всея России приехал служить из Польши шляхтич Станислав Бельской, а герб его месяц да две сабли переломлены, на верху корона с перьем павлиньим, таков, так свидетельствует о том книга Рыцарства польскаго герба. А у Станислава сын Федор Бельской. А у Федора дети Андрей да Зиновий. У Зиновья дети Прокофий да Лукьян, прозвище Скураты, и Прокофий Зиновьевич Скурат был в боярех и в Литве был в послех у великаго князя Александра Литовскаго 7003-го года с великою княжною Еленою Ивановною, дщерью великаго князя Иоанна Васильевича всея России самодержца. А у Лукьяна дети Иван да Григорий Малюта Скуратовы и при великом государе царе и великом князе Иоанне Васильевиче всея России самодержце Григорий Малюта Скуратов был в боярех и в 7080 году в немецком походе был в дворовых воеводах. У Ивана сын Семен Скуратов. У Семена сын Федор. У Федора сын Дмитрий Федорович»³⁸.

В легенде есть хронологические неувязки и ошибки. Недостаёт многих лиц: братьев Малюты, его сына Горяина, племянников. Если Станислав выехал на Русь при Василии I Дмитриевиче (1389—1425 гг.), то время жизни Лукьяна Скурата придётся на первую треть XVI в., а он жил в конце XV в., причём имел отчество Афанасьевич, а не Зиновьевич. Следовательно, Зиновий и его отец Фёдор Бельский — выдуманные персонажи, ведь отцом Афанасия был Евстафий. Кроме того, Прокофий Зиновьевич Скурат не был в боярах Ивана III. Речь, очевидно, идёт о Прокофии Скурате Зиновьеве, отправленном в январе 1495 г. с женой в составе свиты великой княгини Елены Ивановны в Литву. Он же в 1490 г. ездил послом в Волохи³⁹. Прокофий Скурат не принадлежал к роду Бельских, а происходил из рода дворян Станищевых. В XVI в. известны

³⁶ АСЗ. Т. 2. № 29; Русский дипломатарий (далее — РД). Вып. 8. М., 2002. С. 41—42; Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 1. СПб., 1872. С. 96, 125.

³⁷ Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 298.

³⁸ Архив СПбИИ РАН, ф. 131, оп. 1, д. 105, л. 15—17, 255 (роспись была скопирована В.В. Румелем и Н.В. Мятлевым из архива Департамента Герольдии. Дело о дворянстве рода Скуратовых, Тульской губернии).

³⁹ Сборник ИРИО. Т. 35. С. 163; Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. М., 1978. С. 140.

Скуратовы (однофамильцы Скуратовых-Бельских), служившие по Великому Новгороду и Рязани, в частности дворовый тысячник 2-й статьи из Которского погоста Шелонской пятины Новгородской земли Скурат (Скурас, Скурта) Григорьев сын Скуратов⁴⁰. Сувор Григорьев сын Скуратов в 1612 г. владел поместьем отца в Рязском уезде; в 1594–1597 гг. помещиком в Рязанском уезде был Пётр Григорьев сын Скуратов⁴¹. В родословной легенде ошибочно указано, что Григорий Малюта имел чин боярина.

П.А. Садиков высказал оригинальную гипотезу о том, что Бельские взяли фамильное прозвище по г. Белёву для того, чтобы отделить себя от однофамильцев новгородцев Скуратовых⁴². Однако, кроме игры слов, учёный не привёл надёжных доказательств в пользу своей точки зрения.

Род Бельских нельзя назвать «честным», родословным. Мы ничего не знаем о службе его представителей в составе Государева двора в конце XV – первой половине XVI в. Бельские принадлежали к средним слоям провинциального дворянства, и их выход на историческую сцену связан с младшим представителем фамилии. Исходя из того, что первое упоминание Малюты Скуратова обнаруживается в Дворовой тетради (составленной предположительно в 1553/54 г.⁴³), он родился во второй половине 1530-х гг., поскольку служба дворянина обычно начиналась с 15 лет. Вкладная книга Иосифо-Волоколамского монастыря начала XVII в.⁴⁴ помогает выяснить вероятную дату его рождения. По Григорию Малюте установили несколько кормов в Иосифо-Волоколамском монастыре: первый «на память Григория Арменского» 30 сентября, другой «на преставление его» 1 января⁴⁵. Для православных христиан дата поминания святого, в честь которого они получали имена, была гораздо важнее даты рождения, поэтому корма обычно устанавливали в память святого и на день «годины» (смерти). Чаще всего младенцев крестили на 8-й день после рождения и называли в честь святого, чья память приходилась на этот день. Григорий Арменский известен как святой великомученик, епископ Великой Армении, его поминание приурочено к 30 сентября⁴⁶. Возможно, Малюту Скуратова называли не в честь Григория Арменского, а в память русского святого чудотворца из Вологды Григория Пельшемского, умершего в 1442 г. и канонизированного русской православной церковью в 1549 г.⁴⁷ Память его также приходится на 30 сентября. Следовательно, Малюта Скуратов мог родиться 22 сентября. Правда, бывали случаи, когда крещение откладывалось по нездоровью ребёнка и совершалось не на 8-й, а на 9-й, 10-й день. По Григорию Малюте царь Иван IV установил ещё один корм 25 мая, на память преподобного Григория,

⁴⁰Тысячная книга... С. 91.

⁴¹РД. Вып. 8. № 2958; Писцовые книги Рязанского края. XVI век. Т. 1. Вып. 1. Рязань, 1996. С. 146.

⁴²Садиков П.А. Очерки... С. 149.

⁴³Корзинин А.Л. Государев двор Русского государства в доопричный период (1550–1565 гг.). СПб., 2016. С. 121–155.

⁴⁴РГАДА, ф. 1192, оп. 2, ч. 5, д. 395. Копию XVIII в. см.: РГАДА, ф. 181, оп. 2, д. 141/196; Зимин А.А. Вкладные и записные книги Волоколамского монастыря XVI в. // Из истории феодальной России. Статьи и очерки. К 70-летию со дня рождения проф. В.В. Мавродина. Л., 1978. С. 77–84.

⁴⁵РГАДА, ф. 181, оп. 2, д. 141/196, л. 76.

⁴⁶Сергий (Спасекий), архимандрит. Полный месяцеслов Востока. Т. 1. М., 1875. С. 11, 133.

⁴⁷Это предположение высказывает Ю.Д. Рыков, которому авторы статьи благодарны за ценные наблюдения об имянаречении в средневековой Руси.

чудотворца Печерского⁴⁸. Корм обычно назначался на именины или день смерти поминаемого человека⁴⁹, поэтому не ясно, почему выбор пал на 25 мая. Возможно, этого святого особо чтит Малюта Скуратов.

Первый раз в непосредственной близости от царя Григорий Лукьянович упоминается в конце сентября 1567 г. Он находился на последних местах в разряде полка. Когда царь Иван Васильевич с царевичем Иваном отправились в Новгород Великий в поход против Литвы, то среди третьих голов, сопровождавших государя, третьим по счёту назван Малюта Скуратов⁵⁰. Известно, что Григорий Бельский выдвинулся из числа рядовых детей боярских благодаря службе в опричнине. Он играл роль пономаря в Александровой слободе, где царь Иван Васильевич был «игуменом»⁵¹. Именно кровавые казни, проводившиеся по приказу Ивана Грозного, выдвинули Скуратова в число его ближайших соратников. В 1568 г. Малюта впервые «отличился» при разгроме имений главы Боярской думы И.П. Фёдорова. Под Калугой «во Губине Углу Малюта Скуратов с товарищи отдал 30 и 9 человек». Желание выслужиться и обратить на себя внимание государя толкнуло его на путь массовых казней и убийств знатных вельмож и близких к ним людей. В 1569 г. он участвовал в убийстве боярина В.Д. Данилова, в октябре 1570 г. — двоюродного брата царя кн. В.А. Старицкого с семьёй⁵².

23 декабря 1569 г. Скуратов убил низложенного митрополита Филиппа (Колычева) в Тверском Отроче монастыре. Опальный иерарх не захотел благословить царя на разгром Великого Новгорода, за что поплатился жизнью. В.А. Колобков, ссылаясь на известие наиболее ранней Тулуповской редакции «Жития святого Филиппа» допускал, что убийца действовал по собственной инициативе; эту версию поддержал Д.М. Володихин⁵³. Большинство же исследователей полагают, что Скуратов действовал по поручению Ивана Грозного⁵⁴. Б.Н. Флора воздержался от каких-либо предположений о мотивах действий убийцы⁵⁵. Между тем кажется невероятным, чтобы такое громкое политическое убийство худородный представитель опричного двора совершил по собственному усмотрению.

Во время разгрома опричниками Новгорода Великого в январе 1570 г. по «Малютинские ноугородские посылки отделано скончавшихся православных крестьян 1490 человек, да 15 человек убито из пищалей». Историки сходятся во мнении, что во время Новгородского похода Григорий Бельский фактически возглавлял опричное Сыскное ведомство, Розыскной приказ или высшей

⁴⁸ *Сергий (Спасский), архимандрит.* Указ. соч. Т. 2. Ч. 1. М., 1876. С. 138, 261; РГАДА, ф. 181, оп. 2, л. 141/196, л. 6.

⁴⁹ Подробное см.: *Штайндорф Л.* Поминание усопших как религиозная и общественная должность монастырей Московской Руси (на основе материалов из Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей) // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. М., 2000. С. 103–116; *Шаблова Т.И.* Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVIII веках. СПб., 2012. С. 9, 28, 44, 60.

⁵⁰ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. М., 1982. С. 226.

⁵¹ Послание Иоганна Таубе и Элрета Крузе // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922. С. 39.

⁵² *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 329; *Гваньини А.* Описание Московии. М., 1997. С. 125, 127; Послание Иоганна Таубе... С. 46–47.

⁵³ *Колобков В.А.* Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004. С. 373–374; *Володихин Д.М.* Малюта... С. 131.

⁵⁴ *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 203; *Зимин А.А.* Опричнина. М., 2000. С. 257, 298; *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 362; *Кобрин В.Б.* Опричнина... С. 158.

⁵⁵ *Флора Б.Н.* Иван Грозный. М., 2009. С. 255.

карательный орган власти, командовал массовыми казнями новгородцев (около 1 500 человек)⁵⁶. Очевидно, расследование Малютой Скуратовым «новгородского изменного дела» и казни «православных крестьян» с конфискацией их имущества чрезвычайно его обогатили. Вероятно, львиная доля драгоценностей, церковной утвари, особенно драгоценных икон, данная им впоследствии вкладом в Иосифо-Волоколамский монастырь, была награблена в Новгородской земле.

25 июля 1570 г. Малюта Скуратов проявил себя во время массовых казней «на Поганой луже» в Москве: он собственноручно рубил головы либо наносил жертвам глубокие раны топором, от чего наступала медленная и мучительная смерть⁵⁷. Карьера преданного опричника неуклонно поднималась вверх соразмерно масштабам казней, непосредственным исполнителем которых он был. В мае 1570 г. на заседании царя с Боярской думой о границе с Польско-Литовским государством под Полоцком Малюта Скуратов назван среди «дворян, которые живут у государя з бояры», т.е. он получил чин думного дворянина⁵⁸. А.А. Зимин полагал, что «в отличие от бояр и окольных думные дворяне происходили из состава неродовитого дворянства и были обязаны возвышением своей выслугой»⁵⁹. Действительно, первые думные дворяне представлены младшими представителями знатных фамилий, и их служебный ранг был невысок. Р.Г. Скрынников считал, что чин думных дворян впервые появился в составе Боярской думы только в период опричнины и давался только тем, кто служил в опричнине⁶⁰. Однако источники фиксируют думных дворян уже в 1553 г. и в феврале 1564 г.⁶¹, т.е. до опричнины. Можно согласиться с учёным в том, что именно в период опричнины чин думных дворян приобрёл особую значимость и закрепился в составе опричной Боярской думы (в земщине думных дворян не было)⁶².

Григорий Лукьянович сблизился с царём и его семьёй уже к 1571 г. 28 октября 1571 г. во время свадьбы Ивана Грозного и Марфы Васильевны Собакиной он вместе со своим зятем Б.Ф. Годуновым числились друзьями у царицы, а свахами пригласили Марию Григорьевну, жену Б.Ф. Годунова (дочь М. Скуратова), и Марию, жену Малюты⁶³. Однако стремительный карьерный взлёт прервала неожиданная смерть опричника. 1 января 1573 г. М. Скуратов погиб в бою под г. Пайдой (Вейсенштейном) при проломе стены, ворвавшись одним из первых в осаждённую ливонскую крепость. Царь Иван Васильевич жестоко наказал защитников города за смерть своего любимца. По словам ливонского хрониста Бальтазара Рюссова, поплатились жизнью «и женщины и девушки, и дворяне и недворяне, исключая нескольких бедных крестьян». Начальника гарнизона Пайды Ганса Боя «со многими другими шведами, немцами и не немцами привели к великому князю, который живъём велел привязать их к кольям

⁵⁶ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 383; Кобрин В.Б. Опричнина... С. 24.

⁵⁷ Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1934. С. 47; Гваньини А. Указ. соч. С. 145, 147.

⁵⁸ Сборник ИРИО. Т. 71. СПб., 1892. С. 666.

⁵⁹ Зимин А.А. Состав Боярской думы в XV–XVI вв. // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 80.

⁶⁰ Скрынников Р.Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 238–239; Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 513.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. М., 2000. С. 523; РГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 10, л. 370.

⁶² Мордовина С.П., Станиславский А.Л. Состав Особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 157.

⁶³ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 286.

и зажарить до смерти». Бесчеловечные надругательства над пленными ливонцами продолжались несколько дней⁶⁴.

Исследователи по-разному определяют причины гибели Григория Скуратова. По мнению С.Б. Веселовского, после отмены опричнины он утратил расположение царя и добровольно принял смерть под Пайдой, так как предчувствовал неизбежную опалу: «Известно, что царь Иван, разочаровавшийся в своих опричниках, в конце опричнины и непосредственно после её отмены без пощады стал их уничтожать»⁶⁵. В.Б. Кобрин не согласился с мнением Веселовского, подчеркнув, что царь и после гибели соратника благоволил к Бельским и не скупился на почести и милости⁶⁶. В.А. Колобков обратил внимание на слабость обороны Пайды в связи с уходом части защитников встречать шведский обоз с боеприпасами накануне его штурма москвитями. Григорий Бельский об этом знал и решил воспользоваться подходящим моментом: «Воинский подвиг, совершённый с небольшим риском на глазах царя, мог поднять полновластного главу Розыскного приказа на более высокую ступень иерархической лестницы государева двора». И только случай пресёк карьеру «самого преданного царского холопа в момент её наивысшего подъёма»⁶⁷. Источники свидетельствуют о том, что царь Иван Васильевич до конца жизни остался благодарен своему слуге за преданную службу. По воспоминаниям Г. Штадена, монарх указал совершать в церквях поминальные молебны в память о Малюте Скуратове⁶⁸. Тело Г.Л. Бельского опричник Е.М. Пушкин отвёз в Иосифо-Волоколамский монастырь.

Из Обиходника Евфимия Туркова конца XVI в. известно о погребениях Бельских в стенах обители Иосифа Волоцкого: «по иноке Леониде по Скурате Бельском по Малютине отце дача Малютина и по всех род их и гробы есть и цки камены (могильные плиты. — *Н.Б., А.К.*) среди монастыря подле дорожку на гроб ход»⁶⁹. Вот что сообщает о захоронении Григория Бельского вкладная книга Иосифо-Волоколамского монастыря начала XVII в.: «Лета 7081 преставися Григорий Малюта Лукьянович. Привез его Остафей Пушкин, а дал по нем образ Николая Чудотворца Великорецкого», да «на погребение же по Малюте дали сорок рублей денег да мерин гнед, да дватцать рублей, да после того дала Малютина жена Марья в Новгороде по Малюте сорок рублей денег, итого сто рублей последние дачи»⁷⁰. Вместе с телом Григория Лукьяновича Пушкин доставил в монастырь необычную реликвию: знаменитую икону святителя Николая Чудотворца Великорецкого. Этот образ почитаемого на Руси святого угодника Николая Мирликийского по легенде был обрётён в Вятском крае на реке Великой крестьянином Агалаковым в 1383 г. Икона явилась ему на ветвях сосны. Из села Великорецкого её торжественно перенесли в г. Хлынов. В 1555–1556 гг. святыня совершила путешествие в Москву, где её поместили в Успенском соборе Кремля, возле Владимирской иконы Божией Матери, и поновили. Южный придел собора Василия Блаженного в Москве в 1555 г. освятили в честь вятской

⁶⁴ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. III. Рига, 1880. С. 218.

⁶⁵ *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 203.

⁶⁶ *Кобрин В.Б.* Опричнина... С. 160.

⁶⁷ *Колобков В.А.* Указ. соч. С. 462–463.

⁶⁸ *Штаден Г.* Записки о Московии. Т. 1. М., 2008. С. 143.

⁶⁹ РГАДА, ф. 1192, оп. 2, ч. 5, д. 556, л. 55; *Леонид (Краснопевков), епископ.* Выписка из «Обихода» Волоколамского Иосифова монастыря, конца XVI века, о дачах в него для поминования по умершим // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Кн. 4. Смесь. М., 1863. С. 2.

⁷⁰ РГАДА, ф. 181, оп. 1, д. 141/196, л. 75 об.–76.

иконы. Здесь же поставили копию иконы, выполненную по приказу государя. В Вологде с неё также сделали копию, а затем соорудили храм в честь явления Великоорецкой иконы. Одна из копий в 1581 г. дана Иваном Грозным Костромскому Ипатьеву монастырю в память по убитом царём старшем сыне царевиче Иване⁷¹. Очевидно, ещё одну копию иконы Николая Чудотворца царь дал вкладом в Иосифо-Волоколамский монастырь, и именно её привёз в монастырь опричник Пушкин вместе с телом Малюты. Это свидетельствует об особом уважении Ивана Васильевича к своему верному слуге.

Известно, что царь в 1575/76 г. пожертвовал Иосифо-Волоколамскому монастырю по Григорию Лукьяновичу 150 руб., и «за ту государскую дачу поминати Григория Малюту в повседневном списке и в сенанике доколе и монастырь Пречистые стоит». В.Б. Кобрин подчёркивал, что царь дал по М. Скуратову больше, чем по своим дочерям и жёнам⁷². Обращает на себя внимание то, что царский вклад по Малюте Скуратове записан среди вкладов государя по членам его семьи, он как бы «вклинивается» в список вкладов монарха по жёнам и дяде. Видимо, это отражало истинное отношение государя к своему любимцу, как к члену семьи. Иван Васильевич и позже жаловал деньги монастырю на помин души опричника: 21 сентября 1575 г., во время посещения обители Иосифа Волоцкого, царь дал «пол-2 рублей на поминок ево души, поминати ево доколя и манастырь Пречистые стоит»; 3 июня 1576 г., приехав на богомолье с сыном Иваном, он оставил «по своем холопе» 50 руб.; 20 декабря 1579 г. повелел выдать на корм братии 10 руб. Характерно, что Борис Годунов, зять Григория Лукьяновича, тоже не забывал о нём. Будучи уже царём, он 12 января 1599 г. прислал в память по Малюте 100 руб., да «на корм братие да на понахиду 10 рублей». Жена Бориса Мария, дочь Малюты Скуратова, в сентябре 1575 г. дала по отце «5 рублей на корм, на молебен да на понахиду рубль»⁷³.

О богатстве Малюты Скуратова свидетельствуют вклады в русские монастыри его самого и членов его семьи. В первую очередь пожертвования Скуратовых шли в Иосифо-Волоколамский монастырь, родовую усыпальницу Бельских. В монастырском «ларчике» (очевидно, церковной казне) хранилось «Малютиных церковных денег 200 рублей», отложенных им, вероятно, про запас в целях сохранности. В «наугородской коробье» находились «Малютиных денег 186 рублей»⁷⁴. Первое пожертвование обители (100 руб. по отце иноке Леониде и по матери инокине Варсонофии) Малюта Скуратов сделал 5 апреля 1568 г. В 1571/72 г. он пожаловал Иосифо-Волоколамскому монастырю «в наследие вечных благ по отце своем иноке Леониде, да по матери своей иноке Варсонофии на вечной поминок 200 рублей денег, да ризы бархат бел, оплечье и кружево

⁷¹ Шутова Н.И. К истории почитания св. Николая чудотворца в Камско-Вятском регионе // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2013. Вып. 1. С. 62–63; Романова А.А., Биланчук Р.П. «Сказание о явлении великорецкого образа св. Николая», преподобный Агапит и Николаевский Маркушевский монастырь // Вестник церковной истории. 2009. № 3–4 (15–16). С. 111; Соколов М.И. Переписные книги Костромского Ипатьева монастыря 1595 г. М., 1890. С. 4; Нечаева Т.Н. Иконография Великоорецкого образа святителя Николая Чудотворца в русской иконописи XVI в. // Правило веры и образ кротости... Образ свт. Николая, архиепископа Мирликийского, в византийской и славянской агиографии, гимнографии и иконографии. М., 2004. С. 447, 455.

⁷² РГАДА, ф. 181, оп. 1, д. 141/196, л. 2–6; Кобрин В.Б. Опричнина... С. 162.

⁷³ Вотчинные хозяйственные книги... С. 88, 89, 104, 148; РГАДА, ф. 181, оп. 1, д. 141/196, л. 12, 13–13 об.

⁷⁴ Вотчинные хозяйственные книги... С. 1, 85.

бархат золотой, да другие ризы постные, камка синя, оплечье и кружево дороги золотные, да стихарь бархат бел, оплечье кушак золотной, да потир серебрян, да два колокола середних, а весу в них семьдесят пуд». Малюта обещал «возвигнути храм камен Стретение иконы Пречистые Богородицы Владимирские, а дал на церковное сооружение двести рублей денег, да сто золотых угорских, да и грамоту взял у митрополита Кирилла благословенную по цареву и великого князя слову, да образ местной большой Пречистыя Борогородицы Владимирские прислал». Этот храм возвели «иждеванием вельможи Григория» уже в 1575 г. На его деньги в 1589 г. возвели также церковь святых апостолов Петра и Павла над воротами ограды⁷⁵. Помимо копии знаменитой иконы, опричник прислал в родовую обитель образы Спаса Преображения, Пречистой Богородицы, апостолов Петра и Павла, Александра Свирского, соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия, Варлаама Хутынского, Вседержителя «Недреманное око», Андрея Критского, Николая Чудотворца и др., богато украшенные драгоценными камнями и жемчугом. Всего «по душе» опричника в Иосифо-Волоколамский монастырь он сам и его близкие пожаловали около 1500 руб. За щедрые дары Григория Лукьяновича записали с родителями, женой и детьми в вечный синодик. Жена Марья после гибели мужа продолжала давать обители деньги (в 1573 и 1574 гг. по 5 руб.)⁷⁶.

Вклады Скуратовых-Бельских встречаются также во вкладных книгах Кирилло-Белозерского монастыря, хотя и отличаются небольшими размерами в сравнении с пожертвованиями в обитель Иосифа Волоцкого. В одном из списков вкладной книги Кирилло-Белозерского монастыря зафиксировано пожертвование от 23 января 1572 г. Григорием Скуратовым 50 руб. Кроме этой записи, есть приписка, выполненная другим почерком: «Лета 7083-го прислала Малютинская жена Марья да сын ее Максим 50 рублей денег по муже по своем по Молюте. И припалити со князем Осифам Тростенским да с Иваном с Тургеневым вместе корм кормить». Редактор книги объединил («припалил») имена Скуратова, кн. О.Т. Тростенского и И.В. Тургенева в связи с тем, что корм «с поставца» по ним установили в один день — 14 января⁷⁷. Во второй и третьей редакциях XVII в. вкладной книги Кирилло-Белозерского монастыря отмечено, что 23 января 1572 г. «Григорей Лукьянович, порёкло Малюта Скуратов» дал Кирилло-Белозерскому монастырю вкладом 100 руб. В 1575/76 г. «по сожительнице его инокине Маремьяне дано пятьдесят рублей». Жена Дмитрия Скуратова Евдокия с сыном Петром дали обители 10 руб.⁷⁸

Благодаря преданной службе царю Малюты Скуратова его родственники тоже сделали успешную карьеру. Григорий Скуратов «утягнул» их в опричное войско. Среди опричников известны его племянники Верига Третьяков сын, Григорий Нежданов сын, Богдан-Андрей Яковлев сын Бельские⁷⁹. Многие Бельские после 1572 г. попали в Особый двор Ивана Грозного: Богдан Яковлевич, Верига

⁷⁵ РГАДА, ф. 181, оп. 1, д. 141/196, л. 73 об.—74; *Титов А.А.* Указ. соч. С. 67, 96; *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 55.

⁷⁶ РГАДА, ф. 181, оп. 1, д. 141/196, л. 74 об.—76 об.; ф. 1192, оп. 2, ч. 5, д. 556, л. 53; Архив СПбИИ РАН, колл. 115, д. 1074, л. 130 об.; *Вотчинные хозяйственные книги...* С. 19, 89.

⁷⁷ Архив СПбИИ РАН, колл. 115, д. 1074, л. 130—130 об.; *Сахаров И.П.* Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // *Записки Отделения русской и славянской филологии Императорского археологического общества.* Т. 1. Отд. 3. СПб., 1851. С. 67; *Шаблова Т.И.* Указ. соч. С. 313.

⁷⁸ Архив СПбИИ РАН, ф. 131, оп. 1, д. 7, л. 61 об.; ОР РНБ, ф. 351 (Кирилло-Белозерское собрание), д. 87/1325, л. 138.

⁷⁹ *Кобрин В.В.* Опричнина... С. 25—26.

Третьяков сын, Григорий и Давыд Неждановы дети, Богдан-Андрей Сидоров сын, Иван и Посник Андреевы дети Сидоровы и др.⁸⁰ Разбогатеv на службе, Бельские дали Иосифо-Волоколамскому монастырю около 2 тыс. руб. (не считая вкладов по Малюте Скуратове и его жене). Примерно 1 тыс. руб. Бельские дали в Московский Новодевичий монастырь, 350 руб. в Троице-Сергиев⁸¹.

После гибели Григория Лукьяновича в могилу быстро сошли самые близкие к нему люди. Жена Мария Степановна, приняв постриг под именем Маремьяны, умерла 13 апреля 1574 г. и была погребена в московском Новодевичьем монастыре. Единственный сын Максим по прозвищу Горяин умер 28 ноября 1574 г. и похоронен возле отца в Волоколамском монастыре. По инокине Маремьяне известны вклады в Новодевичий монастырь: 500 руб. дали на её «преставление», позже по ней внесли ещё 100 руб. На помин души Максима Горяина тот же монастырь получил «вкладу 50 руб.»⁸².

У Малюты Скуратова Бельского кроме сына, умершего в молодости, были дочери Екатерина, Мария, Христина и ещё одна дочь. С большой выгодой и расчётом отец выдал их замуж. Екатерина стала женой кн. Ивана Михайловича Глинского. Мария вышла замуж за Бориса Фёдоровича Годунова. Христину выдали за кн. Дмитрия Ивановича Шуйского⁸³. Четвёртая дочь вышла замуж за кн. Ивана Келмамаева Канбарова⁸⁴. В литературе закрепилось мнение, что её звали Елена, а у мужа была фамилия Келмамаев Иван Келмамаевич⁸⁵. Благодаря сохранившейся вкладной книге Московского Новодевичьего монастыря 1674–1675 гг. можно проверить эту информацию. На 25 мая приходилась «память» по князю Ивану Келмамаевичу Канбарову и «по князь Иванове сестре по княжне Елене». В синодике в роду князя Иоанна Келмамаева записаны «благочестивый князь Иоанн и княжна Елена»⁸⁶. Следовательно, дочь Малюты Скуратова была замужем за крещёным татарским князем Канбаровым (а не Келмамаевым), а княгиня Елена была родной сестрой, а не супругой Ивана Канбарова. В синодике она записана с княжеским титулом, значит, она была княгиней, сестрой князя Канбарова, а не дочерью Малюты Скуратова. Имеется также упоминание о младшей дочери Григория Бельского Зиновии, будто бы вышедшей замуж за стольника Никиту Ивановича Головина. Последний, однако, умер 6 сентября 1669 г.⁸⁷, и, вероятно, родился в начале XVII в., когда самой младшей дочери Малюты Скуратова Зиновии, если она существовала в действительности, исполнилось бы 30 лет. Большая разница в возрасте Никиты Ивановича и Зиновии не позволяет строить предположение об их браке.

⁸⁰ Мордовина С.П., Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 163–164.

⁸¹ РГАДА, ф. 181, оп. 1, д. 141/196, л. 76 об., 77 об.–80 об.; Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря. М., 1985. С. 181, 172–173, 198, 208; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 128.

⁸² РГАДА, ф. 181, оп. 1, д. 141/196, л. 76 об., 77; Вотчинные хозяйственные книги... С. 100, 102; Леонид (Краснопевков), епископ. Выписка... С. 2; Источники по социально-экономической истории... С. 173, 181, 208.

⁸³ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 50; Архив РАН, ф. 620, оп. 1, д. 40, л. 373 об.–374; Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 203; Кобрин В.Б. Опричнина... С. 160; Володихин Д.М. Малюта... С. 205–207.

⁸⁴ Вотчинные хозяйственные книги... С. 6, 9; Кобрин В.Б. Опричнина... С. 44–45, 160; Володихин Д.М. Малюта... С. 206, 254; Источники по социально-экономической истории... С. 198, 230.

⁸⁵ Кобрин В.Б. Опричнина... С. 44–45, 160.

⁸⁶ Источники по социально-экономической истории России... С. 198, 230.

⁸⁷ Казанский П. Родословная Головиных, владельцев села Новоспаского. М., 1847. С. 33, 166.

О земельных владениях Григория Лукьяновича сохранились лишь отрывочные сведения. Малюта дал в качестве приданого за дочь Христиной кн. Д.И. Шуйскому вотчину сельцо Семёновское с деревнями и пустошами (660 четвертей земли) в Марининской волости Борисоглебского стана Переславского уезда⁸⁸. У Малюты Скуратова, возможно, были владения в Желуховском стане Перемышльского уезда, полученные к сентябрю 1566 г. Шаровкиным монастырём. Здесь упомянута «деревня Долгуша Гриши Малютина на речке на Долгуше, а Гришинская то же»⁸⁹. У Григория Лукьяновича имелось крупное поместье погост Сольца с 13 деревнями и 2 починками (352 четверти земли) в Солецком погосте на р. Волхове в земской Водской пятине Новгородской земли. Возможно именно в это владение, «Малютину волость», в 1572 г. вывозили крестьян из соседнего Ильинского Тигодского погоста той же пятины⁹⁰. Погост Сольца ранее был поместьем дворянина Луки Васильева сына Корсакова, а затем, скорее всего после похода опричников на Великий Новгород, к 1571 г. достался Скуратову. В 1573 г. погост перешёл к его вдове и к сыну Горяину. В 1582/83 г. поместье в Солецком погосте принадлежало уже князю Ивану Егупову сыну Черкасскому⁹¹.

Мария Скуратова, получившая новгородское поместье мужа на прожиток, очевидно, находилась в нём до кончины. После погребения тела Малюты Скуратова в Иосифо-Волоколамском монастыре в январе 1573 г. во вкладной книге отмечено, что его жена дала по супругу в Новгороде 40 руб.⁹² 20 марта 1573 г. Марью пожаловали «государевой пожизненной пенсией» — ежегодным окладом в 400 руб. Д.Н. Альшиц полагал, что этот оклад получил в опричнине её погибший муж⁹³. Мария Степановна Скуратова-Бельская не случайно включена в список раздачи денежного жалованья в марте 1573 г., поскольку жила под Новгородом. Список «бояр, окольных, дьяков, дворян и приказных людей», которым было предусмотрено выдать жалованье, вероятно, появился на свет именно в Великом Новгороде. Р.Г. Скрынников связывает раздачу денежного жалованья дворовым, находившимся при царе, с возвращением Ивана Грозного после взятия Пайды в Новгород и приближением праздника Благовещения (25 марта), когда обычно раздавали жалованье служилым людям⁹⁴. Действительно, в реестр попало немало новгородцев и псковичей: И.П. Татищев (псковский помещик), М.Т. Лошаков-Колычев (тысячник из Шелонской пятины), Е.Ш. Воронов (сын тысячника из Обонежской пятины Ш.А. Воронова), Н.Д. Мокеев (тысячник из Обонежской пятины), Н.Н. Скобельцын (брат тысячника из Обонежской пятины И.Н. Скобельцына), И.Ш. Благово (помещик Шелонской пятины) и др. Наконец, в расходной книге Иосифо-Волоколамского монастыря от 10 октября 1573 г. есть такая запись: «дано Василью, ерапольскому старосте, 4 алтына, что взяли у него 2 ярки Малютине жене Марье, как ехала из Новагорода за государем»⁹⁵.

⁸⁸ Шумаков С.А. Обзор грамот коллегии экономии. Вып. 4. М., 1917. С. 513.

⁸⁹ Садиков П.А. Очерки... С. 149; Садиков П.А. Из истории опричнины // Исторический архив. Т. III. М.; Л., 1940. С. 194.

⁹⁰ Самоквасов Д.Я. Архивный материал. Т. 2. Ч. 2. М., 1909. С. 320.

⁹¹ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 958, л. 335–430.

⁹² Там же, ф. 181, оп. 1, дн. 141/196, л. 76.

⁹³ Список опричников Ивана Грозного. С. 7, 55.

⁹⁴ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 470, 480.

⁹⁵ Вотчинные хозяйственные книги... С. 44.

Малюта Скуратов имел поместье в опричном Вяземском уезде, вероятно, в Волоцком стане, где целым гнездом раскинулись земли Бельских (Богдана-Андрея Сидорова сына с детьми, Невежи Яковлевича)⁹⁶.

Ещё одно значительное владение у Григория Бельского располагалось в Вологодском уезде. Иван Грозный начал строительные работы по укреплению Вологды в 1565 г., когда она вошла в состав опричной территории. В дальнейшем царь неоднократно бывал в этом городе. По мнению Р.Г. Скрынникова, «проект перенесения главной опричной резиденции на север побудил власти к испомещению опричных дворян в Вологодском уезде»⁹⁷. До настоящего момента было известно, что в Обнорской волости Вологодского уезда небольшими поместьями владели опричники Н.В. и Г.В. Хитрого (289 четвертей), С.Ф. Мишури (49 четвертей), И.Ф. Мишури (69 четвертей), П.И. Таптыков (70 четвертей), Ю.А. и М.А. Темировы (56 четвертей), В.Г. Грязной (48 четвертей). Ф.А. Басманов также владел поместьем в Вологодском уезде — селом Никольское с деревнями. Массовое испомещение опричников В.Д. Назаров связывает с пребыванием царя в Вологде весной—летом 1567 г. и считает, что размеры владений опричников не исчерпывались вышеназванными четвертями⁹⁸. Благодаря архивной находке стало известно, что Григорий Скуратов тоже был землевладельцем на севере Русского государства в опричный период.

В окладной книге церковью Вологды и Вологодского уезда, составленной в Вологодском архиерейском доме св. Софии в 1628/29 г., на верхних полях имеются надписи, фиксирующие административную приуроченность перечисленных ниже храмов. М.С. Черкасова обратила внимание, что среди названий волостей и третьей упоминается «Малютинское поместье Скуратова», на соседних разворотах присутствует более лаконичная запись «Малюты Скуратова»⁹⁹. Всего на территории бывшего поместья опричника располагалось 12 приходов (церкви Дмитрия Прилуцкого на Черном Шингоре, Николая Чудотворца на Святой Горе, Ильи Пророка на Нозме, Николая Чудотворца в Старом селе, Живоначальной Троицы на Нозме, Григория Победоносца, Николая Чудотворца, Рождества Богородицы на Паршенге, Успения Богородицы на Монзе, Рождества Богородицы на Шуе, Покрова Богородицы, Дмитрия Прилуцкого в Наремской слободе). Это земельное владение локализуется в Авнежской и Шилегодской волостях в 40–70 км на восток от Вологды (см. карта)¹⁰⁰. В окладной книге конца 1620-х гг. нет сведений о размерах приходов, они появляются позже. По данным окладной книги 1647/48 г. на территории бывшего поместья Малюты Скуратова была 1 слободка, 16 селец, 114 деревень (одна пустая), 5 починок, 10 помещичьих дворов, 766 крестьянских дворов (4 пустых)¹⁰¹. Зная,

⁹⁶ Описание Грамот Коллегии экономии. Т. 1: А–И. М., 2016. С. 307; РГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 619, л. 937, 938, 939, 941, 1076, 1090 об., 1101.

⁹⁷ Садиков П.А. Очерки... С. 45; Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 217, 305–306, 352–353.

⁹⁸ Назаров В.Д. Из истории аграрной политики царизма в XVI веке // Советские архивы. 1968. № 3. С. 107, 113, 114; Зимин А.А. Опричнина. С. 417.

⁹⁹ Черкасова М.С. Архиерейские окладные книги как источник по землевладению и народонаселению в XVII в. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования. Материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012. С. 133–147; ОР РНБ, ф. 550, қ. II, д. 105, л. 41–43.

¹⁰⁰ Из 12 церквей, которые были в поместье Малюты Скуратова, удалось локализовать 11 храмов. На карте они пронумерованы в порядке их упоминания в окладной книге (ОР РНБ, ф. 550, қ. II, д. 105, л. 41–43). Карта составлена А.Л. Грязновым, которого мы искренне благодарим.

¹⁰¹ ОР РНБ, ф. 550, қ. II, д. 106, л. 54 об.–60.

Поместье Малюты Скуратова в Вологодском уезде по окладной книге 1628/29 г.

что пик земледельческого освоения Вологодского уезда приходится на середину XVI в.¹⁰², можно утверждать, что к моменту получения поместья Малютой Скуратовым этот комплекс был не менее значительным.

Сведений о пребывании Григория Бельского в Вологде в конце 1560-х – начале 1570-х гг. нет. Однако правомерно предположить, что он сопровождал Ивана IV в его поездках на Север в 1565, 1566, 1567, 1568, 1569 гг. и мае 1571 г.¹⁰³ Вероятно, вклад в Кирилло-Белозерский монастырь 23 января 1572 г. Малюта мог сделать лично¹⁰⁴. Кому принадлежали земли, вошедшие в состав вологодского поместья Г.Л. Бельского, сейчас сказать затруднительно. Наверняка известно, что в этой местности и округе были владения Спасо-Прилуцкого, Троицкого Авнежского монастырей, Вологодского архиерейского дома и Ростовского архиерейского дома¹⁰⁵.

¹⁰² Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. Вологда, 1976. С. 84; Башнин Н.В. Монастырская колонизация и хозяйственное освоение Русского Севера в первой половине XVI в. // Российская история. 2015. № 6. С. 41–53.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. СПб., 1906. С. 400, 407; Т. 37. Л., 1982. С. 196–197.

¹⁰⁴ Архив СПбИИ РАН, coll. 115, д. 1074, л. 130–130 об.; ОР РНБ, ф. 351, д. 87/1325, л. 138.

¹⁰⁵ Ивина Л.И. Внутреннее освоение земель России в XVI в. Историко-географическое исследование по материалам монастырей. Л., 1985. С. 175, 207, 208; Черкасова М.С. Землевладение Ростовской митрополичьей кафедры в Вологодском уезде в XVI–XVII вв. // История и культура Ростовской земли. 2005. Ростов, 2006. С. 249–263.

После смерти Малюты Скуратова начинается раздел поместья. В 1588 г. в деловой братьев П.Ф. и И.Ф. Басмановых упоминается в Вологодском уезде село Никольское, бывшее ранее в составе «Малютинского поместья». М.С. Черкасова выявила сведения о нём в отдельной выписи В.А. Хлопова от 26 июля 1610 г.: «Да в Авнежской волости Малютинского поместья Скуратова д. Воронино... пашни паханные 25 четей... на отхожей пашне на речке на Шингоре сена 12 копен». Следующей в этом документе фигурирует деревня Быково Авнежской волости из «Ивановского поместья Бутурлина», бывшего, как известно, тоже видным опричником. В 1616/17 г. часть владений Малюты Скуратова была в составе земель княгини Марии, вдовы кн. Андрея Васильевича Голицына. В 1646 г. этими землями владел уже боярин И.В. Морозов¹⁰⁶. Ещё раз поместье Малюты Скуратова упоминается в приходе-расходной книге 1627/28 г. Вологодского архиерейского дома св. Софии. В ней отмечено, что «в архиепископлю казну Малютинсково поместья Скуратова Святыя Горы николской поп Тит платил церковную дань»¹⁰⁷. Однако затем в окладных и приходе-расходных книгах Вологодского архиерейского дома 1630–1690-х гг. сведений об этом имени и поместье больше нет¹⁰⁸.

Рассмотрение биографии Григория Лукьяновича Бельского на основе анализа документов, не привлекавших ранее внимания исследователей, проливает свет на генеалогию и происхождение рода Бельских, судьбу ближайших родственников Григория Лукьяновича, позволяет восстановить общую картину его землевладения и материального положения, а также семейных связей. На примере Григория Скуратова-Бельского видно, каким способом хутородные дворяне могли попасть в придворную элиту: быть абсолютно преданным государю и не гнушаться любой, даже самой грязной, работы. Малюта Скуратов предстаёт перед нами как опричник с железными нервами, тонким политическим нюхом, трезвым расчётом и безграничным желанием закрепиться на вершине социальной лестницы.

¹⁰⁶ *Зимин А.А.* Опричнина. Приложение. № 14. С. 431; *Черкасова М.С.* Архиерейские окладные книги... С. 140–141; *Сторожев В.Н.* Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в. Вып. 1. СПб., 1906. С. 363.

¹⁰⁷ Государственный архив Вологодской области, ф. 948, оп. 1, д. 6, л. 37 об.

¹⁰⁸ *Бащин Н.В., Грязнов А.Л.* Карта храмов Вологодского уезда 1628/29 г. // Приходе-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии. XVII – начало XVIII в. М.; СПб., 2016. С. 17.

«Ведомости одна с другою никакого сходства не имеют»: верификация данных о хлебных ценах в России в XVIII в.

Артур Мустафин

«The lists bear no resemblance with each other»: verification of the grain prices in eighteenth-century Russia

Arthur Mustafin

(National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

Хлебные цены являются одним из основных показателей экономической динамики России XVIII в., и неудивительно, что к выявлению и анализу данных о них историки обращались неоднократно¹. Наиболее значимый вклад в исследование этой темы принадлежит Б.Н. Миронову, который выявил и обработал около 900 источников о хлебных ценах², опубликовал сведения о ценах на рожь и овёс в городах страны и представил расчёты средних цен по России в XVIII в.

Опубликованные Мироновым данные продолжают активно использоваться исследователями социально-экономической истории России XVIII в.³ При этом расчёты Миронова до сих пор никогда не верифицировались. Более того, никто не задавался вопросом о достоверности собранных им первичных данных, почерпнутых в официальных ведомостях о справочных ценах. Сам историк, говоря об этом, ограничился апелляцией к закону больших чисел, а также сверкой отдельных сведений из ведомостей с показаниями «корреспондентов ВЭО в 1750–1760-х гг., приходо-расходных книг казённых винокуренных заводов за 1796–1803 гг.»⁴.

© 2017 г. А.Р. Мустафин

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

¹ *Ключевский В.О.* Русский рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему // *Ключевский В.О.* Сочинения. В 9 т. Т. VIII. М., 1990. С. 110–119; *Яковцевский В.Н.* Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953. С. 79–93, 199–201; *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957. С. 470–493; *Кафенгауз Б.Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. М., 1958. С. 107, 188, 259; *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX в. М., 1974. С. 385–411; и др.

² *Миронов Б.Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985. С. 287–289.

³ *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 400; *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730–1735 г. СПб., 2001. С. 160; *Корчмина Е.С.* Подушная подать: микроисследование по материалам Переславль-Рязанского уезда в середине XVIII в. // *Экономическая история.* 2015. № 2(29). С. 8–23; *Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К., Мизис Ю.А.* Опыт изучения истории российского хлебного рынка средствами теории самоорганизованной критичности // *Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании.* 2015. № 1–2(11–12). С. 59–72; *Stanziani A.* Bonded Peasants and Market Dynamics, 1600s–1800s // *International Labor and Working-Class History.* 2010. № 78. P. 19; и др.

⁴ *Миронов Б.Н.* Хлебные цены в России за два столетия... С. 23, 30–31.

Основное внимание в данной статье сконцентрировано на анализе вопроса о достоверности указанных ведомостей. Представляется логичным сначала проверить расчёты Миронова на основе опубликованных в его монографии данных, а также сличить их с указанными им архивными материалами. Затем следует провести источниковедческий анализ этих материалов и сопоставить содержащиеся в них сведения с содержащимися в других источниках.

Прежде всего определим, какие типы данных о хлебных ценах представлены в работах Миронова. Во-первых, это первичные справочные данные о среднегодовых ценах в городах России. Монография Миронова знакомит читателя с ценами на рожь и овёс за периоды 1708–1723, 1744–1753, 1757–1790 и 1796–1801 г.⁵ Во-вторых, *региональные* цены – вторичные данные, рассчитанные Мироновым на основе соответствующих сведений о среднегодовых ценах в городах России. Динамику цен на рожь и овёс в Северном, Восточном, Юго-Восточном, Волжском, Центральном-Черноземном, Центральном-Нечернозёмном и Украинском экономических районах исследователь прослеживает на протяжении практически всего XVIII в.⁶ В-третьих, Миронов оперировал среднегодовыми ценами на рожь и овёс в Европейской части России за период с 1708 по 1801 г.⁷ – третичными расчётными данными, полученными им на основе региональных цен. Таким образом, средняя цена в Европейской части России (далее – «среднероссийские цены») рассчитывалась им на основе районированной выборки – метода, позволяющего существенно сократить величину ошибки репрезентативности по сравнению с простой случайной выборкой⁸.

Представленные Мироновым сведения и его расчёты весьма затруднительно верифицировать. Обусловлено это тем, что: а) табличные данные, занимающие около 100 страниц, не имеют прямых ссылок на источники (при этом список источников составлен не без опечаток); б) не определено, какие сведения прямо взяты из источников, а какие рассчитаны как среднее арифметическое на основе имеющихся данных или получены экстраполяцией; в) представлены не все данные, необходимые для расчёта региональных и среднероссийских цен. Для сравнения можно обратиться к монографии И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова, в которой также содержится обширный статистический материал. Её авторы чётко обозначили, в каких документах (и даже на каких именно листах) можно обнаружить все приводимые ими сведения о ценах в городах, а также оговорили, какие лакуны во временных рядах они заполнили при отсутствии первичных данных⁹.

Попытаемся проанализировать сведения, представленные в монографии Миронова. К сожалению, на основе опубликованных им цен по городам читатель может лишь косвенно оценить расчёты региональных и среднероссийских цен, поскольку существенна разница между количеством использованных и опубликованных Мироновым данных. В связи с этим при перепроверке расчётов расхождение допустимы и закономерны. Замечу также, что больше всего опубликовано данных по Центральном-Нечернозёмному району¹⁰. Следо-

⁵ Там же. С. 194–203, 208–229.

⁶ Там же. С. 34–35, 190–193, 196–207.

⁷ Там же. С. 190–193, 196–203.

⁸ *Васильева Э.К., Юзбашев М.М.* Выборочный метод в социально-экономической статистике. М., 2010. С. 32–33.

⁹ *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Указ. соч. С. 68–71.

¹⁰ *Миронов Б.Н.* Хлебные цены в России за два столетия... С. 198–199, 210, 217–220.

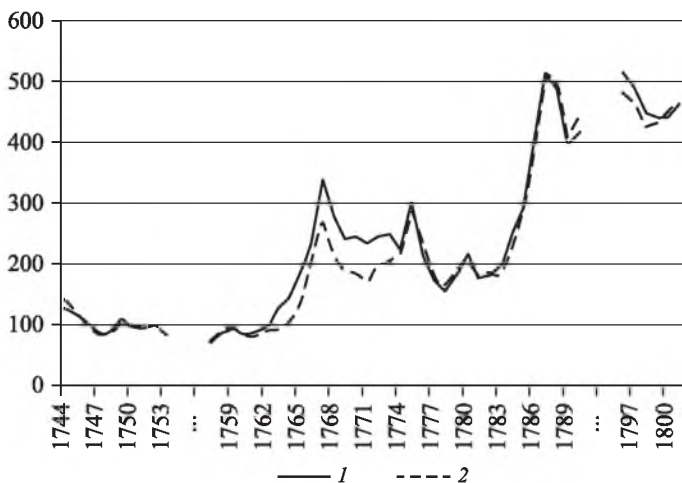

Рис. 1. Динамика цен на рожь в Центрально-Нечернозёмном районе (в коп. серебром за четверть): 1 – по расчётам Б.Н. Миронова; 2 – реконструированная мной на основе опубликованных Мироновым цен в городах.

Составлено по: Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия... С. 198–199, 210, 217–220.

вательно, можно предположить, что полученные по нему расчёты максимально приближены к соответствующим опубликованным сведениям. Действительно, сравнение средних цен, полученных мной на основе опубликованных цен по городам, и данных Миронова о ценах в этом регионе показывает, что их динамика в целом сопоставима (рис. 1).

При проверке же расчётов среднероссийских цен на рожь на основе опубликованных региональных цен наибольшая разница с приведёнными Мироновым данными наблюдается за период 1761–1764 гг. Она обусловлена смещением строк «индекса цен» и «абсолютных цен» при переносе сведений из диссертации Б.Н. Миронова в его монографию. Так, в монографии цена ржи по России за 1761 г. составляет 30 коп., за 1762 г. – 35, за 1763 г. – 37, за 1764 г. – 40 коп.¹¹ Однако в диссертации цены примерно в 2.5 раза выше: в 1761 г. – 78 коп.; 1762 г. – 90; 1763 г. – 95; 1764 г. – 105 коп.¹² По ценам на рожь за 1740 и 1793 гг. и на овёс за 1712–1714 гг. разница между полученными мной и приведёнными Мироновым данными¹³ составила свыше 20%¹⁴.

Я также счёл необходимым обратиться к наиболее значимым архивным материалам, использованным Мироновым в его исследовании. Особенно важно было верифицировать данные за 1708–1710 и 1790–1800 гг. – именно сопоставление этих периодов стало основой концепции историка о «революции цен»

¹¹ Там же... С. 198–199.

¹² Миронов Б.Н. Хлебные цены в России в XVIII в. Дис. ... канд. ист. наук. В 2 ч. Л., 1969. Ч. 2. Приложение. С. 10–11.

¹³ Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия... С. 190–193, 196–207.

¹⁴ Удалось объяснить расхождение только за 1793 г. Согласно Миронову, в Северном районе цена в 1793 г. составляла 8 руб. 19 коп. – цена явно выделяется из всей совокупности данных. Сведения по хлебным ценам в городах Северного экономического района подтверждают, что в книге Миронова была допущена опечатка (РГИА, ф. 13, оп. 2, л. 782).

в России в XVIII в., что позволило ему констатировать рост реальных хлебных цен в 5.7 раза¹⁵.

Ключевым источником, позволяющим реконструировать хлебные цены за 1708–1724 гг., являются ведомости из книги № 814 фонда Сената РГАДА¹⁶. Их появление связано с реализацией податной реформы Петра I. Несмотря на декларацию об отмене всех провиантских поставок и выплат, в новой податной системе допускалось изъятие у населения провианта и фуража в счёт подушной подати¹⁷. Натуральные платежи рассчитывались на основе местных цен, в связи с чем Пётр I и распорядился собрать сведения о ценах на хлеб. По указу от 23 ноября 1723 г. требовалось прислать из городов сведения «о самой нижней и самой высокой цене» за предыдущие 15 лет¹⁸. Однако этот указ был понят в различных местных канцеляриях совершенно по-разному. Из некоторых городов были присланы «высшие» и «нисшие» цены практически за весь период 1708–1723 гг., т.е. по две цены за каждый год. Большинство же местных канцелярий прислали только две цены: максимальную и минимальную за весь период. Таким образом, в ведомостях сведены весьма разнородные данные¹⁹.

На основе этого источника, а также «Справки о ценах на хлеб с 1715 по 1721 гг.» в Москве²⁰ и ведомостей «о ценах хлебу и фуражу» в Бежецке²¹ мной были рассчитаны региональные и среднероссийские цены на рожь²² (рис. 2). Можно заметить, что цены на рожь, полученные на основе источников, за период 1708–1710 гг. на 14–66% выше указанных Мироновым²³. При этом отдельные первичные и вторичные данные, приводимые историком в монографии, верификации не поддаются²⁴. Таким образом, за период 1708–1724 гг. удалось обработать все указанные Мироновым источники и в целом, несмотря на указанные расхождения, выявленное движение среднероссийских цен соотносится с результатами Миронова.

Столь информативные источники, как ведомости из сенатской книги № 814, встречаются крайне редко. Большинство сохранившихся документов представляют собой ведомости, в которых содержатся сведения о хлебных

¹⁵ *Миронов Б.Н.* Революция цен в России XVIII в. // Вопросы истории. 1971. № 1. С. 50–61; *Миронов Б.Н.* Влияние революции цен в России XVIII века на её экономическое и социально-политическое развитие // История СССР. 1991. № 1. С. 86–101.

¹⁶ См. характеристику источника: *Павленко В.Н.* Ведомости XVIII века о хлебных ценах как исторический источник // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сборник статей к 70-летию А.А. Новосельского. М., 1961. С. 303–306.

¹⁷ *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I: введение подушной подати в России: 1719–1728 гг. Л., 1982. С. 243–244.

¹⁸ РГАДА, ф. 248, кн. 814, л. 899.

¹⁹ Там же, л. 444–459.

²⁰ РГИА, ф. 796, оп. 3, д. 1343, л. 12–13.

²¹ РГАДА, ф. 709, оп. 2, д. 258, л. 29–29 об., 32, 39–41 об., 47–48, 54, 56 (в списке источников в монографии Миронова опечатка в номере описи).

²² В списке источников за период 1708–1723 гг. Миронов указывает также два дела (РГАДА, ф. 391, оп. 1, д. 3; ф. 764, оп. 1, д. 6), в которых не содержатся сведения о хлебных ценах.

²³ По моим расчётам, цена на рожь в 1708 г. составила 40 коп., 1709 г. – 44 коп., 1710 г. – 68 коп. за четверть. По данным Миронова, в указанные годы она составляла 35, 36 и 41 коп. соответственно. Цена на овёс по моим расчётам в 1708 г. составила 20 коп., 1709 г. – 23 коп., 1710 г. – 35 коп. за четверть. По данным же Миронова, – 20, 20 и 22 коп. соответственно.

²⁴ К примеру, в монографии Миронов указывает сведения и за 1707 г. Однако ни в его диссертации, ни в источниках данные за этот год обнаружить не удалось. В ведомостях не удалось отыскать также и сведения о ценах в городах Украинского (1708–1722), Юго-Восточного (1708–1710), Центрально-Чернозёмного (1708–1709, 1711–1714, 1717) районов.

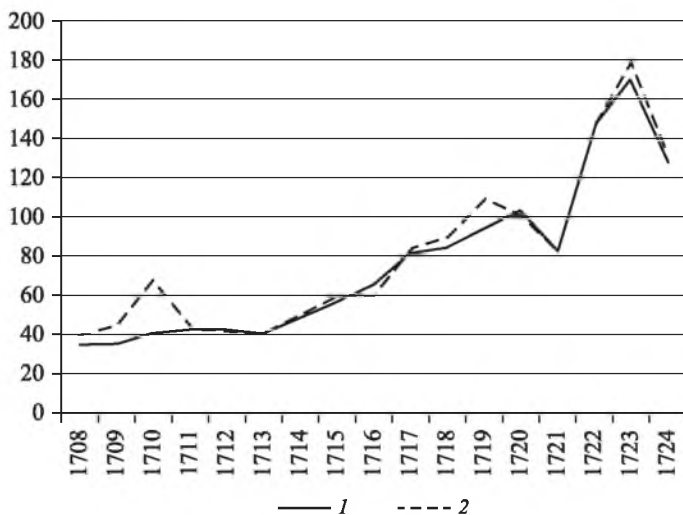

Рис. 2. Динамика среднероссийских цен на рожь в 1708–1724 гг. (коп. серебром за четверть) по данным Б.Н. Миронова (1) и моим расчётам (2).

Составлено по: РГАДА, ф. 248, кн. 814; ф. 709, оп. 2, л. 258; РГИА, ф. 796, оп. 3, л. 1343 (в коп. серебром за четверть).

ценах за определённый месяц в конкретном населённом пункте. Для некоторых хронологических отрезков вообще проблематично получить репрезентативные данные. Так, сохранилось относительно мало сведений о хлебных ценах за вторую половину 1720-х гг. и за 1730-е гг. Отчасти это объясняется тем, что много документов пострадало в результате пожара в Москве в 1737 г. В «Ведомости о сгоревших в 1737 г. книгах и делах Камер-коллегии» я обнаружил множество упоминаний ведомостей о хлебных ценах²⁵.

Однако некоторые важные источники, содержащие данные о среднегодовых ценах в нескольких десятках городов, выявить удалось²⁶. В первую очередь речь идёт о комплексе ведомостей, сохранившихся в сенатской книге № 6017. В их числе — «генеральная ведомость» со сведениями о хлебных ценах за 1744–1753 гг., которая составлялась «для сочинения плана для содержания в войске людей провиантом, а лошадей фуражом». Б.Н. Миронов, а также И.Д. Ковальченко и Л.В. Милов, реконструируя динамику хлебных цен за тот период, опирались на комплекс справочных ведомостей из фонда «Воинские комиссии» РГВИА²⁷, имеющие непосредственное отношение к составлению «генеральной ведомости».

В сенатской книге № 6017 содержатся также ведомости Камер-коллегии, Генерального магистрата, Ревизион-коллегии, Провиантской канцелярии со сведениями за 1757–1767 гг. Их появление связано с указом от 2 октября 1767 г. «О сборе прибавочных денег с государственных и прочих равного с ними звания крестьян хлебом»²⁸, в соответствии с которым Сенату предписывалось

²⁵ РГАДА, ф. 306, оп. 1, л. 12, л. 113 об., 118 об., 767.

²⁶ Там же, ф. 248, кн. 6017, л. 257–493; ф. 16, оп. 1, л. 496, л. 40–54; РГИА, ф. 561, оп. 1, л. 76.

²⁷ *Миронов Б.Н.* Хлебные цены в России за два столетия... С. 287. *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Указ, соч. С. 68–69.

²⁸ ПСЗ-1. Т. 18. № 12980. С. 357.

Среднероссийские цены на рожь, коп. серебром за четверть

Год	1744	1745	1746	1757	1758	1759	1765	1766
Расчёт автора	98	89	80	63	71	65	128	162
Данные Б.Н. Миронова	104	99	89	69	78	75	129	167

Составлено по: РГАДА, ф. 248, кн. 6017, л. 295 об.–321 об., 331 об.–373 об.; *Миронов Б.Н.* Хлебные цены в России за два столетия... С. 198–199.

определить необходимый размер хлебной повинности на основе десятилетних цен. Миронов, используя данный источник, главным образом опирался на ведомость Камер-коллегии²⁹.

На основе представленной в сенатской книге «генеральной ведомости» я рассчитал региональные и среднероссийские цены за 1744–1746 гг., а на основе ведомости Камер-коллегии реконструировал цены за 1757–1758, 1765–1766 гг. Полученные результаты расходятся со сведениями Миронова на 1–13% (табл. 1). Это разница вполне объяснима тем, что историк смог привлечь дополнительные данные.

Таким образом, выборочная проверка позволяет утверждать, что приведённые Мироновым цены на рожь в целом корректно отражают данные источников. Но насколько надёжны сами эти данные? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сначала выяснить, насколько существенно расходятся сведения о хлебных ценах, полученные из различных источников. Содержащиеся в сенатской книге № 6017 ведомости, составленные в четырёх различных учреждениях, можно сопоставить не только друг с другом, но и с ведомостью Григория Теплова³⁰. Создание последней было обусловлено повелением Екатерины II сенаторам «принять труд как в изыскании причин умножившейся... дороговизны, так и в изобретении средств к отвращению такового»³¹. В 1773 г. Григорий Теплов подготовил «Рассуждение о возвышении цен, время от времени прибавляющихся не только в столичных городах, но и во всем государстве», к которому прилагалась ведомость о хлебных ценах за 1760–1773 гг. Основной массив данных о справочных ценах он получил из Провиантской канцелярии³². Однако в источнике имеется и ряд справочных ведомостей, присланных на имя Теплова из местных канцелярий со сведениями о месячных ценах³³.

В таблице 2 представлены сведения о хлебных ценах из пяти ведомостей за 1765–1766 гг., причём только в тех городах, сведения по которым отражены как минимум в четырёх ведомостях. В таблицу включён также показатель размаха вариации, т.е. разница между максимальным и минимальным значениями. В среднем в 1765 г. он составлял 22 коп., а в 1766 г. — 64 коп. (среднероссийская цена на рожь составляла 129 и 167 коп. за четверть соответственно). По отдельным городам (Касимову, Переславлю-Рязанскому, Севску за 1765 г., Касимову и Яренску за 1766 г.) величина размаха даже превышает минимальную цену. Представленные в таблице данные не позволяют согласиться с мнением

²⁹ *Миронов Б.Н.* Хлебные цены в России в XVIII в. Ч. 2. Приложение. С. 54–68.

³⁰ РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 496, л. 40–53. Имеется список: РГИА, ф. 561, оп. 1, д. 76, л. 76–126 об.

³¹ РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 496, л. 1 об.–2.

³² Там же, л. 18.

³³ Там же, л. 54–57, 66–80.

**Сведения о ценах на рожь в городах России в 1765–1766 гг.,
коп. серебром за четверть**

Город	1765 г.						1766 г.					
	1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5	6
Алатырь	95	95		95	92	3	147	136		145	250	114
Алексин	130	120		120	103	27	190	200		190	185	15
Арзамас	88	100		100	96	12	160	150		150	245	95
Балахна	120	120		117	128	11	150	170		150	246	96
Белёв	110	65		110	90	45	160	120		160	186	66
Боровск	130	150	150	150		20	180	260	190	220		80
Брянск	125	120		120	115	10	170	160		170	208	48
Верея	160	160	170	160		10	190	240	190	230		50
Вологда	160	160	150	160		10	216	250	252	252		36
Волоколамск	160	160	140	160		20	200	276	240	200		76
Воронеж	50	40		42	43	10	60	60		60	90	30
Вязьма	172	180		172	163	17	234	290		212	261	78
Галич	112	120	112	120		8	168	176	190	190		22
Гороховец	130	130	144	136		14	190	200	290	230		100
Епифань	80	72		75	70	10	110	140		120	171	61
Калуга	130	120		130	109	21	190	180		180	214	34
Касимов	115	130		64	115	66	165	240		110	242	132
Коломна	125	132		131	113	19	180	242		170	229	72
Кострома	130	143		143	118	25	198	165		200	281	116
Курмыш	110	105	105	105		5	130	140	150	140		20
Курск	70	96		75	81	26	100	114		96	135	39
Лихвин	140	120		144	144	24	160	160		200	233	73
Москва	126	138	138	130		12	225	291	245	220	272	71
Муром	120	112		120	125	13	180	220		180	261	81
Мценск	90	90		95	80	15	135	130		140	159	29
Н. Новгород	130	128		110	105	25	160	160		160	239	79
Орёл	90	90		95	97	7	140	140		150	163	23
Пенза	85	85		85	88	3	110	135		130	194	84
Переславль-Рязанский	70	80		80	148	78	140	140		120	229	109
Переславль-Залесский	168	112		160	149	56	210	200		180	298	118
Рыльск	110	110		115	110	5	170	180		160	155	25
Севск	240	112		112	104	136	144	140		144	181	41
Симбирск	85	82		86	88	6	160	160		160	194	34
Слободской	100	100	120	100		20	120	120	120	120		0

Таблица 2 (окончание)

Город	1765 г.						1766 г.					
	1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5	6
Суздаль	130	90		110	135	45	200	200		200	282	82
Тамбов	48	52		44	56	12	72	96		68	135	67
Тверь	164	164		152	160	12	232	232		232	341	109
Торжок	184	184	176	184		8	224	224	235	224		11
Тотьма	160	176	150	160		26	192	200	252	216		60
Трубчевск	125	130		125	127	5	160	170		165	210	50
Тула	105	100		95	84	21	135	180		160	177	45
Углич	168	168	140	160		28	216	288	236	200		88
Хлынов	100	90		90	80	20	90	110		110	158	68
Паревококшайск	88	88	88	104		16	132	160	116	132		44
Чебоксары	100	110	95	100	103	15	105		100	100	124	24
Юрьевец-Подольский	130	135		135	138	8	198	250		195	280	85
Ядрин	118	120	120	110		10	145	160	160	145		15
Яренск	144	160		176	132	44	120	120		112	294	182

Составлено по: РГАДА, ф. 248, кн. 6017, л. 257–493; ф. 16, оп. 1, д. 496, л. 40–54.

1 – данные Камер-коллегии, 2 – Ревизион-коллегии, 3 – Главного магистрата, 4 – Провиантской канцелярии, 5 – Григория Теплова; 6 – размах вариации (max–min).

Миронова, который, говоря о ведомостях сенатской книги № 6017, утверждал, «что цены в одном и том же городе, представленные разными учреждениями, отличаются друг от друга на 1–2 коп., максимум на 5 коп. на четверть ржи. Самое большое расхождение обнаружено в ведомостях о ценах по Москве»³⁴. По-видимому, проверка проводилась Мироновым выборочно.

Можно согласиться скорее с мнением генерал-прокурора А.А. Вяземского, который в декабре 1767 г. на заседании Сената заключал: «Поданные по указу Правительствующаго Сената... из Камер- и Ревизион-коллегии, Главного магистрата и Провиантской канцелярии о десятилетних во всем государстве хлебных ценах ведомости одна с другою никакого сходства не имеют»³⁵. Ещё реже встречаются совпадения при сравнении ведомостей сенатской книги № 6017 с более поздним по времени создания источником – ведомостями Г.Н. Теплова.

Таблица показывает также, что в данных любого из центральных учреждений не наблюдалось систематического завышения или занижения цен. Объяснить столь хаотичную вариацию можно только комплексом факторов. Одна из её причин, возможно, связана с разным временем составления ведомостей и, соответственно, регистрации первичных данных в местных учреждениях. Также вероятно, что центральные учреждения получали из местных канцелярий различные типы данных (цены месячные или годовые; на хлеб разного качества;

³⁴ Миронов Б.Н. О достоверности ведомостей о хлебных ценах XVIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 2. Л., 1969. С. 258.

³⁵ РГАДА, ф. 248, кн. 6017, л. 464.

при продаже «с возов» или «с лавок» и т.д.) и разный их объём. Дело в том, что указы о присылке справочных ведомостей не содержали инструкций, на основе которых чиновники местных канцелярий должны были собирать сведения. Не определялось ни «эталонное» качество товара, ни вид торговли, ни методика расчёта средних величин и сбора первичной информации, ни размер четверти.

Замечу, что в рассмотренных случаях моя проверка опиралась на индуктивную логику. Проверять цены на весьма ограниченном хронологическом отрезке, нельзя сделать правомерных выводов о достоверности сведений по неизученным периодам. Аналогичным образом, если и удастся подтвердить надёжность сведений по отдельным городам, это не исключает возможности существования искажённых цен в городах, которые не были изучены. Можно ли в таких условиях оценить надёжность основного массива имеющихся данных о хлебных ценах в России XVIII в.? Только на макроисторическом уровне, верифицируя *среднероссийские* цены. Конечно, в пользу их надёжности можно выдвинуть предположение о том, что при генерализации влияние погрешностей уменьшится. И в подобных ситуациях исследователи нередко апеллируют для обоснования приемлемости используемых статистических данных к закону больших чисел. Однако его применимость в каждом конкретном случае, в свою очередь, нуждается в эмпирической проверке.

Предлагаемая мною проверка надёжности имеющихся статистических данных заключается в сопоставлении временных рядов взаимосвязанных показателей. Такое сопоставление основывается на посылке о согласованности процессов, имеющих тесную причинно-следственную связь. Если можно установить синхронность изменения хлебных цен и каких-либо связанных с ними показателей, то это будет свидетельствовать в пользу надёжности имеющихся данных о ценах.

Динамику среднероссийских хлебных цен можно сопоставить, в частности, с питейными доходами. В изучаемый период взаимосвязь тех и других показателей была тесной и многоаспектной. Скажем, изменение цен на рожь имело прямое влияние на издержки производства хлебного вина. В свою очередь, увеличение количества винокуренных заводов и производства вина приводило к росту спроса на хлеб, соответственно, являлось одним из факторов роста цен. Представители правящей элиты неоднократно связывали рост цен с расширением винокуренного производства. Так, в 1735 г. предложение автора анонимного проекта о сокращении винокурен и сельских кабаков поддержали все участники активной дискуссии в правительстве (А.Б. Куракин, М.Г. Головкин, А.Л. Нарышкин, И.Ю. Трубецкой, А.П. Волынский, Н.Ф. Головин, Ю.Ю. Трубецкой, А.И. Остерман, А.М. Черкасский, П.П. Шафиров, А.И. Ушаков, А.А. Маслов)³⁶. Н.Ф. Головин в своём мнении утверждал, что «по отрешении тех винокуренных заводов, мнится, не малая всенародная польза будет, а именно, первое, что... умалится хлебного расхода и от того хлеб дешевле будет, второе, что те работники, которые у винокуренного заводу были, надеятельно примутся по прежнему за земляную работу, и тем умножится пашня..., а вино будет продаваться дороже, и для того многие не так часто до пьяна будут напиваться, и потому как в за плате подушных денег, так и помещику в своих выгодах от таких крестьян проку ожидать можно»³⁷. Позднее, в 1773 г.,

³⁶РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 104, л. 28 об., 36, 38, 39 об., 45–47 об., 52 об.–55, 56 об., 62 об.–63, 69 об., 72, 78 об.

³⁷Там же, л. 52 об.–53.

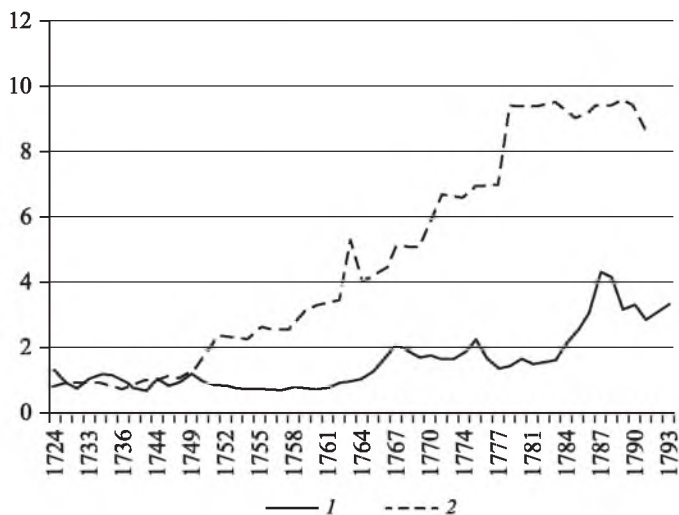

Рис. 3. Динамика среднероссийских цен на рожь, руб. за четверть (1) и питейных доходов государства, млн руб. (2).

Составлено по: Чечулин Н.Д. Указ. соч. С. 167–168; Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма XVIII века. М., 1966. С. 159–160; Kahan A. The Plow, the Hammer, and the Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia. 1985. P. 323–324.

в «Рассуждении о возвышении цен» Г.Н. Теплов, критикуя рост числа винокурен, заключал, что «шастливы бы мы были, ежели бы винокурению в государстве предел постановить было можно»³⁸.

В то же время прибыль государства от казённой монополии зависела и от роста личных доходов основной массы населения. В связи с этим можно полагать, что в период роста хлебных цен (при условии, что он не вызван неурожаем) увеличивались доходы от продажи хлеба и, вероятно, потребление вина. Следует также заметить, что на практике монополии государства как в производстве, так и в продаже вина не наблюдалось, поскольку в XVIII в. весьма было распространено корчемство³⁹. Если предположить, что в период роста цен крестьяне и помещики стремились отправлять хлеб на рынок, а в период низких цен – незаконно производить (продавать) вино, то это влияло и на прибыль государства от винной монополии. Вместе с тем динамика хлебных цен и питейных доходов связана не только причинно-следственными факторами: на неё влияли и общие факторы, в том числе увеличение денежной массы.

Сопоставляя динамику цен на рожь и питейных доходов, можно проследить их явную синхронность, что свидетельствует в пользу достоверности данных о ценах (рис. 3). Корреляционный анализ динамики хлебных цен и питейных доходов показывает сильную связь ($r = 0,77$).

Пример корреляции цен на рожь и питейных доходов – весьма редкая для XVIII в. возможность верификации данных о ценах. Другие имеющиеся в нашем распоряжении временные ряды экономических показателей либо

³⁸ РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 496, л. 27–27 об.

³⁹ Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 159–162.

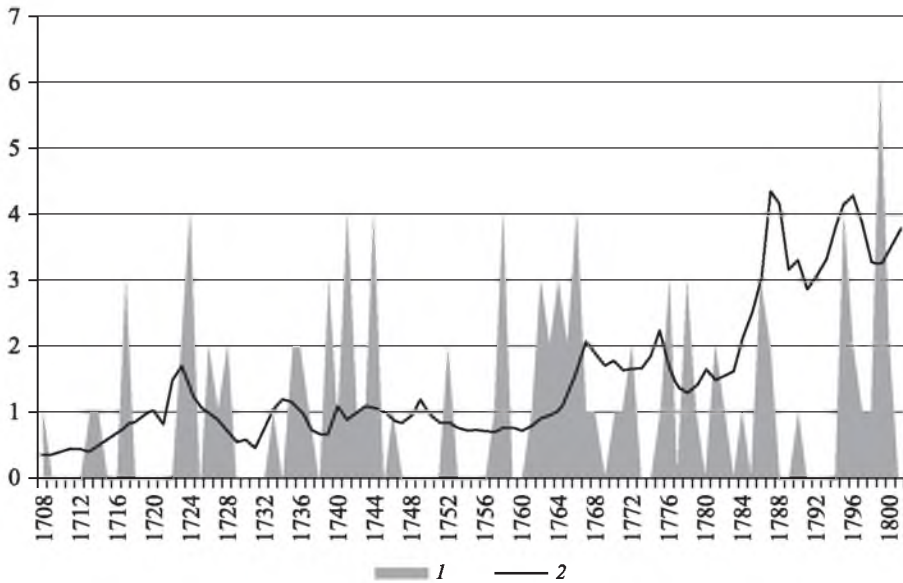

Рис. 4. Динамика среднероссийских цен на рожь, руб. за четверть (1), и числа указов о хлебной торговле (2).

Составлено по: Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия... С. 190–199; ПСЗ-I, Т. 42. Ч. 2. С. 1265–1267.

нерелевантны для корреляционного анализа (к примеру, интервальные ряды динамики урожайности⁴⁰), либо их связь с хлебными ценами прослеживается только на весьма ограниченном хронологическом отрезке. Так, существует сильная корреляционная связь ($r = -0,8$) между ценами на рожь и овёс в Северном экономическом районе⁴¹ и динамикой курса ассигнаций на Санкт-Петербургской бирже в последней трети столетия⁴².

Какие ещё данные можно привлечь для верификации хлебных цен? Логично предположить, что в периоды их резкого повышения (особенно вызванного повсеместным голодом) должна расти законодательная активность, направленная на изменение конъюнктуры хлебного рынка, поскольку рост цен вызывал в правительстве опасения недоимок, бунтов и т.п.⁴³ Сравнивая количество законодательных актов о хлебной торговле и цены на рожь, действительно удаётся обнаружить определённую синхронность их динамики (рис. 4). Эта связь обуславливается и тем, что в первой половине столетия в зависимости от уровня хлебных цен правительство принимало решения о запрете или разрешении экспорта хлеба. В свою очередь, соответствующие указы оказывали заметное влияние на конъюнктуру хлебного рынка.

⁴⁰ Индова Е.И. Урожай в Центральной России за 150 лет (вторая половина XVII–XVIII в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1965 г. М., 1970. С. 74–79.

⁴¹ Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия... С. 190–201.

⁴² Сперанский М.М. Записка о монетном обращении графа Сперанского с замечаниями графа Канкрин. СПб., 1895. С. 40–43.

⁴³ См.: Троицкий С.М. Указ. соч. С. 38–52; Мустафин А.Р. «Какое облегчение в подушных деньгах крестьянству учинить?»: идея ревизии финансовых реформ Петра I в проектах и мнениях второй половины 1720-х гг. // Российская история. 2016. № 2. С. 91–101; и др.

Так, в 1713 г. разрешался отпуск хлеба из Архангельска⁴⁴, что, вероятно, вызвало рост цен в северных городах. К тому же привёл неурожаем 1716 г., в связи с чем правительство в феврале 1717 г. запретило вывоз хлеба за море⁴⁵. Однако уже летом 1717 г. он был разрешён⁴⁶. После недорода 1722–1724 гг. хлебные цены достигли пика для первой половины столетия и правительство наряду с запретом вывоза хлеба разрешило ввозить его из-за границы на льготных условиях⁴⁷. Только в 1728 г. четверть ржи в Центрально-Нечернозёмном районе стала стоить дешевле одного рубля⁴⁸, и в 1727–1728 гг. был разрешён отпуск хлеба за море⁴⁹. Повсеместные неурожаи 1733–1735 гг. привели к росту цен и вызвали появление указов о беспошлинном ввозе хлеба из-за границы⁵⁰. В 1739 г. подтверждалось установленное ещё в 1713 г. разрешение отпуска хлеба за границу при условии, что цена четверти хлеба ниже рубля, и в связи с этим разрешался отпуск хлеба из Архангельска⁵¹. С 1741–1742⁵² по 1752 г.⁵³ был запрещён вывоз хлеба из Прибалтийский портов. С 1762 г. правительство, разрешив отпускать хлеб «от всех портов беспрепятственно»⁵⁴, посчитало целесообразным не запрещать его вывоз, пока в запасных магазинах имелись установленные им резервы⁵⁵. Отказ от запретительной политики в хлебной торговле⁵⁶ обеспечил рост цен начиная с 1760-х гг. Только в 1786 г. в связи с неурожаем и голодом правительство временно запретило вывоз хлеба за море⁵⁷. (Обратим внимание на скачок цен: если в 1785 г. четверть ржи стоила 2.5 руб., то уже в 1787 г. — 4.3 руб.⁵⁸) Во второй половине 1790-х гг. хлебные цены также достигли пиковых значений, и не случайно, что в 1796 г. был запрещён вывоз хлеба из Санкт-Петербурга⁵⁹, а в 1798–1799 гг. — из Архангельска и прибалтийских портов⁶⁰. Таким образом, наблюдаемое синхронное изменение цен на рожь и законодательства о хлебной торговле также свидетельствует в пользу достоверности имеющихся сведений о хлебных ценах.

Подведём итоги. Использование сведений о хлебных ценах в микроисторических исследованиях в силу особенностей этих данных весьма рискованно. Однако, изучая хлебные цены на макроисторическом уровне, рассматривая долговременные тенденции среднероссийских цен в XVIII в., можно получить в целом корректные оценки. В целом же важный вопрос о построении однородных временных рядов хлебных цен XVIII–XIX вв. остаётся пока неразрешённым.

⁴⁴ ПСЗ-И. Т. 5. № 2672, 2869.

⁴⁵ Там же. № 3069. С. 489.

⁴⁶ Там же. № 3088, 3095.

⁴⁷ Там же. Т. 7. № 4193, 4411, 4454, 4544, 4558.

⁴⁸ Мировов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия... С. 191.

⁴⁹ ПСЗ-И. Т. 7. № 5000. С. 727–728; Т. 8. № 5288, 5295.

⁵⁰ Там же. Т. 9. № 6674, 6680.

⁵¹ Там же. Т. 10. № 7776. С. 745–746.

⁵² Там же. Т. 11. № 8430, 8580.

⁵³ Там же. Т. 13. № 9996, 10046.

⁵⁴ Там же. Т. 15. № 11489, 11557; Т. 16. № 11630.

⁵⁵ Там же. Т. 16. № 12247, 12276.

⁵⁶ Там же. № 11924, 12265; Т. 17. № 12688, 12697; Т. 18. № 12915; Т. 20 № 14439; Т. 22. № 16201.

⁵⁷ Там же. Т. 22. № 16406, 16444.

⁵⁸ Мировов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия... С. 192.

⁵⁹ ПСЗ-И. Т. 23. № 17463. С. 883.

⁶⁰ Там же. Т. 25. № 18445, 18930, 18942, 18944.

Очерки историографии частной корреспонденции XVII в.

Ольга Новохатко

Historiographical notes on the private correspondence of the 17th century

Olga Novokhatko

(Institute of Russian History, Russia Academy of Sciences, Moscow)

Русский XVII век изучается более двух столетий, однако от полного понимания одной из самых ярких и значимых эпох в истории России мы ещё далеки. В научный оборот вводятся новые источники, с иной точки зрения оцениваются данные уже известных документов. Материалы частной корреспонденции России XVII в. относятся именно ко второму случаю. Этот вид источников известен давно, но исследован и, главное, несмотря на огромный потенциал, используется для изучения истории того периода явно недостаточно. Личные письма XVII в., или грамотки, как они тогда назывались, полнее, чем официальная деловая письменность или акты, знакомят нас с многообразной хозяйственной деятельностью людей, с технологией различных производственных процессов, с отношениями, складывавшимися как внутри социальных групп, так и между представителями разных слоёв общества, с нормами поведения и обхождения того времени. В грамотках подробно рассказывалось обо всех мелочах повседневной жизни, обо всём, что составляло деловой и домашний уклад русского народа в самом широком смысле — от крепостных крестьян до столичной знати.

Русская частная корреспонденция XVII в. представляет собой не только исторический источник, но и самостоятельное социальное явление, игравшее в жизни общества особую роль. Частная переписка пронизывала все социальные структуры и была инструментом, использовавшимся во всех сферах жизни. Личные письма были одним из важнейших средств управления — от государства до вотчины; они были неотъемлемой частью в ведении разного рода дел (предпринимательство, торговля, дипломатия), обеспечивали выход религиозным чувствам, способствовали осуществлению личных, семейных, общественных связей. Переписка создавала информационную сеть, охватывавшую всю страну и в географическом, и в социальном отношении.

Следует оговорить, что мой обзор намеренно ограничен «бытовой», личной корреспонденцией обычных людей, в отличие от писем публицистического характера (Марины Мнишек 1609–1610 гг., Лжедмитрия II, протопопа Аввакума, политического авантюриста Т. Анкудинова¹), переписки известных

© 2017 г. О.В. Новохатко

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-01-00035.

¹Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел (далее — СГГиД). Ч. II. М., 1819. № 170, 171, 173, 178, 187; *Гириберг А.* Марина Мнишек. М., 1908; *Муханов П.А.* Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши, преимущественно во время самозванцев. СПб., 1834. С. 251–252 (в 1995 г. эпистолии М. Мнишек были переизданы: *Дневник Марины Мнишек.* М., 1995); *Барсков Я.Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества (1668–1669 гг.). СПб., 1912; Аввакум. Послания,

государственных и церковных деятелей (А.Л. Ордина-Нашокина с Ф.И. Шереметевым, А.Д. Меньшикова с Р. Брюсом, П.В. Постникова с Ф. Головиным и П. Шафировым, митрополита Ростовского и Ярославского Дмитрия (Туптало)²), разных лиц с представителями царской семьи и членов последней между собой³. Задача настоящего обзора – рассмотреть публикации и исследования эпистолярного наследия широких социальных слоёв России XVII в.

Очевидно, что такой яркий и значимый источник не мог не привлекать к себе внимания исследователей. Какова же картина русской историографии частной корреспонденции XVII в.? Как давно началась его публикация, насколько полно исследован и сам эпистолярный корпус, и корреспонденция как социальный феномен русской жизни той эпохи?

В России интерес к частной переписке как историческому источнику появился в конце XVIII в., когда были изданы письма великого князя Василия III к супруге Елене Васильевне⁴, хотя эта публикация, очевидно, была единственной. Начало широкого издания частной корреспонденции, главным образом XVII в., в России приходится на первую четверть XIX столетия. Естественно, что прежде всего внимание любителей истории привлекало эпистолярное наследие известных участников исторических событий и членов царской семьи. Интересно, что первой удостоилась публикации корреспонденция Марины Мнишек⁵, а затем Симеона Полоцкого⁶ (хотя его письма представляют собой скорее челобитные). Со

челобитные, письма. Конец XVII в. // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 1. М., 1988; Письма протопопа Аввакума Ф.П. Морозовой и Е.П. Урусовой (ОР РГБ, ф. 98, д. 1885); *Шмурло Е.Ф.* Римская курия на русском православном Востоке в 1609–1654 гг. Прага, 1929; *Мощин В.А.* Из переписки самозванца Тимошки Акундинова // Труды Отдела древнерусской литературы (далее – ТОДРЛ). Т. 24. Л., 1969.

² Письма А.Л. Ордина-Нашокина Ф.И. Шереметеву // Советское славяноведение. 1968. № 2 (публикация подготовлена И.В. Галактионовым); РГАДА, ф. 199, оп. 243, ч. 2, д. 1; *Шмурло Е.Ф.* П.В. Постников. Несколько данных для его биографии. Юрьев, 1894; *Сумкина А.И.* Письма П.В. Постникова (конец XVII – начало XVIII в.) // Изучение русского языка и источниковедение. 1969. М., 1969; *Федотова М.А.* Эпистолярное наследие Дмитрия Ростовского (вопросы источниковедения и текстологии) // ТОДРЛ. Т. 54. СПб., 2003.

³ Переписка царя Алексея Михайловича с А.И. Матюшкиным // Сборник П.А. Муханова. М., 1836; Пять писем столяника А.И. Матюшкина к царю Алексею Михайловичу // Чтения в Обществе истории и древностей российских (далее – ЧОИДР). М., 1848. № 5. Смесь; Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. М., 1848; Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. I–V. М., 1861–1896; Письма Симеона Полоцкого // Вестник Европы. 1828. Ч. 162. № 17; Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Уложения сокольничья пути, с пояснительною к нему замечкою С.Т. Аксакова, с портретом царя и снимками его почерка. М., 1856; Письма царя Алексея Михайловича к П.С. Хомякову (1656–1657) // ЧОИДР. М., 1862. Кн. I. Смесь. С. 1–5; Переписка царя Алексея Михайловича с боярином князем Никитою Ивановичем Одоевским // Москвитянин. 1851. Кн. II. С. 202–204; Письмо царя Алексея Михайловича князю Н.И. Одоевскому по поводу смерти его сына кн. Фёдора Никитича // ЧОИДР. М., 1902. Кн. 2. Смесь. С. 33–34; Письмо царицы Евдокии Лукьяновны к её сестре Федосье Лукьяновне Стрешневой // Временник Московского императорского общества истории и древностей российских (далее – Временник МОИДР). М., 1849. Кн. I; Письма и бумаги императора Петра Великого Т. 1–13. СПб., 1887–2003; *Бычков И.А.* Письма доктора П.В. Постникова к Петру Великому за 1695–1696 гг. // ЧОИДР. М., 1911. Кн. 4; Письма царевича Алексея Петровича к его родителю государю Петру Великому, государыне Екатерине Алексеевне и кабинет-секретарю Макарову; с приложением писем царевича Петра, царевны Натальи и князя Вяземского к его высочеству. Одесса, 1849.

⁴ Древняя Российская Вивлиофика. Кн. III. М., 1788. С. 99–103.

⁵ СГГид. Ч. II. М., 1819. № 170, 171, 173, 178, 187. С. 349–352, 353–354, 359–361; 373–374; *Муханов П.А.* Указ. соч. С. 241–246 (письма Марины Мнишек).

⁶ Письма Симеона Полоцкого.

второй половины 1830-х гг. началось издание корреспонденции первых Романовых и членов их семей; во второй половине XIX в. продолжалось издание переписки известных деятелей XVII в., не принадлежавших к царской семье⁷.

С середины XIX в. отечественное гуманитарное сообщество заинтересовалось корреспонденцией представителей более широких социальных кругов России XVII в.; тогда началась, можно сказать, массовая публикация этого вида документов. Первыми стали издавать письма Смутного времени — именно по причине принадлежности к тому сложнейшему, кардинально важному этапу нашей истории. С почином выступила Археографическая комиссия, опубликовавшая несколько грамоток начала XVII в. Корреспондентами, за редким исключением (царевна Ксения Годунова), были представители служилого сословия, причём не всегда привилегированные (в частности, городское дворянство, приказные служащие)⁸.

Чуть позже к публикации эпистолярного наследия русского XVII в. присоединилось Общество истории и древностей российских. В своих изданиях оно опубликовало сначала письмо Б.М. Хитрово к Б.И. Морозову, затем некоторые письма из семейных архивов боярина кн. В.В. Голицына и стольника А.И. Безобразова, переписку дьяка Третьяка Васильева⁹. Ещё 29 писем А.И. Безобразова (к жене, приказчику и знакомым) напечатал А.А. Востоков¹⁰. В «Розыскных делах о Фёдоре Шакловитом и его сообщниках» издано одно письмо стольника жене и несколько «грамоток» других людей¹¹. Во второй половине XIX в. статс-секретарь императора и член Государственного совета Н.Н. Селифонов, инициировал публикацию архивов из дворянских усадеб. В рамках этой программы он сам опубликовал документы стольника и воеводы В.А. Даудова (вторая половина XVII в.)¹².

В те же годы С.И. Порфирьев напечатал 13 грамоток к донковскому воеводе Н.И. Темиряеву от его брата и от знакомых — представителей придворных и приказных кругов. Переписка относится к 1696–1697 гг., времени Азовского похода и строительства азовского флота¹³. Продолжалась публикация эпистолярного наследия Смутного времени: в «Сборнике князя Хилкова», подготовленном Археографической комиссией, был издан, в числе других документов, большой корпус корреспонденции той эпохи: грамотки из осаждённого Троице-Сергиева монастыря, письма представителей московского посада и крестьян, 72 послания разных лиц, объединённых одним адресатом — гетманом Яном Сапегой¹⁴.

⁷ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. I. СПб., 1858 (переписка П. Гордона с генералом Ерролем, В.В. Голицына с Ф.Л. Шакловитым и И.С. Мазепой, а также два письма царевны Софьи Алексеевны к В.В. Голицыну).

⁸ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. 2. СПб., 1836. № 182. С. 212–213; № 268. С. 319–320; № 294. С. 353–354; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. I. СПб., 1846. № 231.

⁹ Временник МОИДР. Кн. 1. М., 1849; Кн. 5. М., 1850. С. 11; Кн. 6. М., 1850; Кн. 9. М., 1851; Кн. 12. М., 1851; Кн. 13. М., 1852; Кн. 17. М., 1853; Кн. 21. М., 1855.

¹⁰ Переписка стольника А.И. Безобразова 1687 года. Сообщил член-соревнователь А.А. Востоков // ЧОИДР. М., 1888. № 1; Помещик XVII-го в. — стольник А.И. Безобразов. Челобитные ему от священника, крестьян и прикащика Нижегородской вотчины села Маликова // Русская старина. 1890. № 2.

¹¹ Розыскные дела о Фёдоре Шакловитом и его сообщниках. Т. I. СПб., 1884; Т. II. СПб., 1885. Ст. 89.

¹² Селифонтов Н.Н. Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника и воеводы Василия Александровича Даудова. СПб., 1871.

¹³ Частные грамотки к донковскому воеводе Наз. Ив. Темиряеву (XVII ст.). Б.м. и г.

¹⁴ Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.

Таким образом, начало публикации эпистолярного наследия XVII в. положили лучшие российские гуманитарные научные сообщества того времени — Археографическая комиссия и Общество истории и древностей российских, а также Комиссия печатания государственных грамот и договоров. Они и в дальнейшем, до конца XIX в., продолжали издавать наиболее значимые и объёмные комплексы эпистолий XVII столетия, сохраняя принятое направление отбора корреспондентов — представителей возможно более широкого социального круга, от бояр до посадских и крестьян, причём в подавляющем большинстве случаев речь шла о собственно частной, приватной переписке.

Начало XX века, до революции, отмечено, с одной стороны, некоторым сокращением числа публикаций частной корреспонденции XVII в., с другой — изданием крупных, единых по фондообразователям эпистолярных комплексов. В 1903 г. Ю.В. Арсеньев в обширном приложении к исследованию о боярине кн. Н.И. Одоевском издал, среди прочих документов, 17 грамоток князей Никиты Ивановича и Якова Никитича Одоевских в Покровскую вотчину¹⁵. Через два года И.М. Катаевым и А.К. Кабановым была издана переписка (61 письмо 1673—1674 гг.) московского стряпчего суздальского Покровского девичьего монастыря И.В. Белина с родственниками и знакомыми¹⁶. В том же году вышло в свет издание частной переписки кн. П.И. Хованского, не утратившее значения и по сей день. Архивный комплекс опубликован почти целиком: из 170 писем издано 165. Большая часть корреспонденции относится к 1676—1682 гг.¹⁷

Что касается археографии, то в XIX — начале XX в. публикация исторических источников XVII в. в периодической печати, в отличие от специальных изданий¹⁸, не предполагала передачу особенностей письма той эпохи: при наборе текстов публикаторы полностью следовали орфографии своего времени, не было принято отмечать пагинацию и указывать номера документов в архивохранилище. Исключением является публикация переписки кн. П.И. Хованского.

Возобновление после революции и Гражданской войны публикаций частной переписки XVII в. произошло в 1920-е гг. В 1921 г. издан очень яркий и интересный источник — любовные письма подьячего тотемской приказной избы А. Малевинского¹⁹. В том же году Н.П. Лихачёв опубликовал частное письмо периода Смуты. В результате текстологического анализа самого документа и привлечения других источников автору удалось установить, что письмо было отправлено предположительно в феврале 1611 г. к кн. В.В. Голицыну под Смоленск из Москвы женщиной Марией из близкого к князю круга²⁰. Однако последующие четыре десятилетия определяются эпизодичностью публикаций, их малым объёмом и приватным характером (за исключением масштабного

¹⁵ Ближний боярин кн. Никита Иванович Одоевской и его переписка с галицкой вотчиной (1650—1684). Члена-соревнователя Ю.В. Арсеньева // ЧОИДР. М., 1903. Кн. II.

¹⁶ Описание актов собрания графа А.С. Уварова. Акты исторические, описанные И.М. Катаевым и А.К. Кабановым под ред. М.В. Довнар-Запольского. М., 1905.

¹⁷ Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников // Старина и новизна. Исторический сборник, издаваемый при Обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. Кн. 10. М., 1905.

¹⁸ Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. V; Письма и бумаги императора Петра Великого.

¹⁹ «Billets doux» подьячего приказной избы г. Тотмы Арефы Малевинского к сестре тотемского дьякона девке Аннице, писанные в 1686 г. // Начала: Журнал истории и литературы и истории общественной. 1921. № 1.

²⁰ Лихачёв Н.П. Письмо Смутного времени // Русский исторический журнал. 1921. Кн. 7.

издания вотчинного архива боярина Б.И. Морозова)²¹. Отличительной чертой того периода в издании эпистолярного наследия XVII в. является разделение публикаций на исторические и лингвистические, причём число последних существенно преобладало²². Заметно вырос уровень археографической подготовки документов: публикации сопровождаются палеографическими примечаниями, комментариями, вводными статьями; текст в лингвистических изданиях передан с сохранением особенностей написания XVII в.

Переломным моментом в издании этого вида источников стала середина 1960-х гг., и определяется он издательской деятельностью коллектива филологов во главе с С.Н. Котковым²³. За 20 лет был введён в научный оборот комплекс частной переписки, сопоставимый (если не превышающий по объёму) со всем изданным ранее. Интересно отметить, что некоторые особенности публикационной деятельности (в отношении частной корреспонденции), заложенные в середине XIX в., были сохранены и развиты в изданиях 1960-х гг. Публикаторы делали упор на издание «рядовой» переписки – грамоток служилых по отечеству московских и городских чинов, приказных, лиц духовного сословия. Разумеется, публиковались письма и представителей элиты, но они отнюдь не преобладали. Издания, подготовленные лингвистами, выполнены на высоком научном уровне. Однако в них отсутствуют важные для историка и для общего понимания материала исторические комментарии (каковых задач лингвисты, разумеется, и не ставили), в частности определяющие авторов и адресатов писем, места и обстоятельства их написания, устанавливающие датировку грамоток.

Период с 1970-х по 1990-е гг. характеризуется спадом публикаторской деятельности в отношении частной корреспонденции XVII в.: грамотки издавались нечасто, главным образом небольшими объёмами (за исключением переписки князей Пожарских)²⁴. При этом характер корреспонденции стал значительно бо-

²¹ Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII века. Ч. I. Л., 1933. Ч. II. М.; Л., 1936; Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова. Ч. I. М.; Л., 1940. Ч. II. М.; Л., 1945.

²² *Сперанский М.Н.* Из материалов для истории устной песни // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1932. № 10; *Данилов В.В.* Сборники песен XVII столетия – Ричарда Джемса и П.А. Квашнина // ТОДРЛ. Т. 2. М.; Л., 1935; *Кудрявцев И.М.* Две лирические песни, записанные в XVII веке // Там же. Т. 9. М.; Л., 1953; *Мальшев В.Н.* Три неизвестных сочинения протопопа Аввакума и новые документы о нём // Доклады и сообщения Филологического института (ЛГУ). Вып. 3. Л., 1951; *Горбунова А.А.* Два неизвестных частных письма конца XVII в. (К истории эпистолярного стиля) // ТОДРЛ. Т. 13. М.; Л., 1957; *Гейман В.Г.* Письмо подьячего В.И. Торокана из осаждённого Смоленска в Москву в 1609 г. // Там же. Т. 14. М.; Л., 1958; *Мальшев В.И.* Два неизвестных письма протопопа Аввакума // Там же; *Сарафанова Н.С.* Письмо неизвестного лица из заочения (1685 г.) // Там же. Т. 16. М.; Л., 1960; *Панкратова Н.П.* Любовные письма подьячего Арефы Малевинского // Там же. Т. 18. М.; Л., 1962; *Зимин А.А.* Рукописи Евфимия Туркова и письмо Марины Турковой // Лингвистическое источниковедение. М., 1963; Два прозаических послания из письмовника XVII в. (Публикация И.Ф. Голубева) // ТОДРЛ. Т. 21. М.; Л., 1965; *Дёмин А.С.* Отрывки из неизвестных посланий и писем XVI–XVII вв. // Там же; *Мошин В.А.* Из переписки самозванца Тимошки Акундинова // Там же. Т. 24. Л., 1969.

²³ *Котков С.И., Панкратова Н.П.* Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века. М., 1964; Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (Из фонда А.И. Безобразова). Подготовили С.И. Котков, Н.И. Тарабасова. М., 1965; Московская деловая и бытовая письменность XVII века. Издание подготовили С.И. Котков, А.С. Орешников, И.С. Филиппова. М., 1968; Грамотки XVII – начала XVIII века. Издание подготовили Н.И. Тарабасова, Н.П. Панкратова. Под ред. С.И. Коткова. М., 1969; Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. Издание подготовили С.И. Котков, Л.Ю. Астахина, Л.А. Владимирова, Н.П. Панкратова. М., 1984.

²⁴ *Шмюккер-Брелёр М.* Вотчинные материалы из архива П.Д. и И.Д. Пожарских // Источники по истории русского языка XI–XVII вв. 1991. М., 1991.

гаче: среди авторов писем, введённых в научный оборот в то время, можно встретить — кроме представителей служилого сословия и приказных людей — посадских, служилых иноземцев и даже холопов. Хронология публикаций охватывает весь XVII в. — от Смуты до начала XVIII столетия. Некоторые эпистолярные комплексы, увидевшие свет ещё в XIX в., были переизданы²⁵.

В 2000-е гг. продолжилось издание отдельных эпистолярий как лингвистами, так и историками²⁶. В этот период были введены в научный оборот два масштабных корпуса частной корреспонденции, каждый из которых объединён одним фондообразователем. Переписка приказчика гостей Панкратьевых И.А. Шергина характеризует жизнь торгового сословия XVII в., причём всех его слоёв, а не только верхушки (всего издано 383 письма за 1673—1703 гг.)²⁷. Корреспонденция стольника А.И. Безобразова, формально относясь к переписке служилых людей по отечеству, на самом деле связана со всеми социальными группами русского общества второй половины XVII в. — от придворного круга до вотчинных крестьян. Чрезвычайно широка и география этого эпистолярного комплекса: переписка велась с приказчиками вотчин и поместий А.И. Безобразова, расположенных от Вологодского до Кромского уезда; стольник также получал письма от знакомых, нёвших службу во многих областях России. Всего опубликовано 1 282 письма; хронологические рамки охватывают период с 1660-х гг. до 1689 г. На сегодняшний день это издание — наиболее масштабная историческая публикация частной переписки XVII в. в России, несомненными преимуществами которой в сравнении с лингвистическими являются точная датировка, атрибуция отправителей и получателей грамоток, их адресов и исторический комментарий к документам²⁸.

Если в общих чертах описать характер публикаций русской частной переписки XVII в. за весь период её существования, то на первый план выходит традиционно широкий социальный охват корреспондентов, преобладание лингвистических изданий и, начиная с XX в., высокий уровень археографической подготовки.

По характеру использования эпистолярного наследия XVII в. исследования, посвящённые этому виду документов, можно условно разделить на две группы. Первую составляют труды, базирующиеся на письмах как основном источнике

²⁵ *Тарабасова Н.И.* Частные письма из Мурзихинского архива // Восточнославянские языки: источники для их изучения. М., 1973; Письма Франца и Петра Лефортов о «Великом посольстве» // Вопросы истории. 1976. № 4; Грамотка служилого иноземца 1614 года // Советские архивы. 1979. № 2; *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Подложные письма московского холопа XVII в. // Памятники русского языка. Исследования и публикации. М., 1979; Оскольская грамотка 1649 г. // Вопросы истории. 1981. № 1. С. 120—123; *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Об одном «частном» письме XVII в. // История русского языка. Исследования и тексты. 1982. М., 1982; Повесть о победах московского государства. М., 1982; *Флоря Б.Н.* Два письма начала XVII в. из Троице-Сергиева монастыря // История русского языка: Исследования и тексты. М., 1982; *Морозов Б.Н.* Частное письмо начала XVII в. // История русского языка. Памятники XI—XVIII вв. М., 1982; «Что своему брату учинишь, такожде и сам примешь»: Грамотки и челобитные Красноярскому воеводе С.И. Дурново. 1696—1698 гг. // Исторический архив. 1993. № 5; Дневник Марины Мнишек. М., 1995 (в приложении переизданы её письма).

²⁶ «Из далёкой земли с близкой душой...» (Письмо переводчика Посольского приказа Кучука Сакаева своему другу Абдулле Байшину) // Отечественные архивы. 2000. № 3; Роман Вилимович в гостях у Петра Игнатьевича: псковский архив английского купца 1680-х годов. Подготовили П.С. Стефанович и Б.Н. Морозов. М., 2009. Нельзя обойти вниманием публикацию переписки XVI в., осуществляемую М.М. Кромом (*Кром М.М.* Стародубская война 1534—1537 гг. Из истории русско-литовских отношений. М., 2008).

²⁷ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 1. М., 2001; Т. 2. М., 2007.

²⁸ Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. I—II. М., 2012—2013.

для изучения различных аспектов истории XVII в. В работах второй группы частная переписка сама является объектом исследования. Начало использованию подобных материалов как источника для исследований было положено историками²⁹. До середины XX в. такие работы были единичны и в большинстве нацелены на изучение хозяйства, по большей части вотчинного, а также предпринимательского³⁰. Со второй половины XX в. число исследований, базирующихся на эпистолярном наследии XVII в., значительно возросло. Тогда же изменилась их дисциплинарная направленность — авторами работ стали преимущественно лингвисты, продолжающие широко использовать частную переписку XVII в. и до последнего времени³¹. Они исследовали историю развития русского языка, фонетические, грамматические, лексические особенности устной и письменной речи XVII в. Естественно, что решать такие проблемы было невозможно в отрыве от понимания специфики самого источника — частной переписки. Поэтому во многих лингвистических исследованиях затронуты темы, относящиеся к самой русской частной корреспонденции: развитие эпистолярного жанра в России, анализ формуляра и стиля грамоток, их авторства и т.п. Изучение эпистолярных источников подводило авторов-лингвистов к выходу и на социально-исторические темы, например, иерархического строения русского общества XVII в., роли этикета в тогдашней общественной жизни.

Историки, использовавшие в своих работах частную переписку XVII в., во второй половине XX в. придерживались прежнего направления — исследования истории хозяйственной деятельности, правда, теперь в основном торгово-предпринимательской³². Особняком стоит сопроводительная статья

²⁹ *Забелин И.Е.* Большой боярин в своём вотчинном хозяйстве (XVII-ый век). Б.м., 1870.

³⁰ Ближний боярин кн. Никита Иванович Одоевский...; *Новосельский А.А.* Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М.; Л., 1929; *Гейман В.Г.* Соляной промысел гостя И.Д. Панкратьева в Яренском уезде в XVII веке (Материалы по истории русской промышленности) // Летопись занятий Археологической комиссии за 1927–1928 годы. Л., 1929.

³¹ *Котков С.И.* Русская частная переписка XVII–XVIII вв. как лингвистический источник // Вопросы языкознания. 1963. № 6; *Панкратова Н.П.* Элементы эпистолярной традиции в частной переписке XVII века // Исследования по лингвистическому источниковедению. 1963. М., 1963; *Филиппова И.С.* Из наблюдений над элементами пунктуации в скорописи // Там же; *Филиппова И.С.* Об одной графической детали в скорописи XVII в. // Лингвистическое источниковедение. М., 1963; *Тарабасова Н.И.* О некоторых особенностях языка деловой письменности // Источниковедение и история русского языка. 1964. М., 1964; *Дёмин А.С.* О литературном значении древнерусских письмовников // Русская литература. Л., 1964. № 4; *Дёмин А.С.* Вопросы изучения русских письмовников XV–XVII веков (Из истории взаимодействия литературы и документальной письменности) // ТОДРЛ. Т. 20. М.; Л., 1964; *Демкова Н.С.* «Свет моя милоя-дорогая» П.А. Самарина-Квашнина // Межвузовский сборник «Анализ одного стихотворения». Л., 1985; *Телетова Н.К.* Первый русский лирический поэт П.А. Квашнин-Самарин // ТОДРЛ. Т. 47. СПб., 1993; *Подтергеря И.А.* Письма и послания Симеона Полоцкого. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000; *Подтергеря И.А.* Эпистолография sub specie rhetorica (по материалам писем и посланий Симеона Полоцкого) // Риторическая традиция и русская литература. СПб., 2003; *Зуева О.В.* Место стиля древнерусских эпистолярных текстов в системе письменного языка XI–XVII веков // Текст. Язык. Человек: сборник научных трудов. Ч. 2. Мозырь, 2009.

³² *Ошанина Е.Н.* Хозяйство помещиков Пазухиных в XVII–XVIII веках // Вопросы истории. 1956. № 7; *Шенетов К.Н.* Торгово-промышленная деятельность и расслоение крестьянства в вотчинах Черкасских в XVII в. // К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII–XVIII вв.). Сборник статей. М., 1958; *Шенетов К.Н.* Помещичье предпринимательство в XVII в. (По материалам хозяйства князей Черкасских) // Русское государство в XVII в. М., 1961; *Бакланова Н.А.* Торгово-промышленная деятельность Калмыковых. М., 1959; *Петрикеев Д.И.* Крупное крепостное хозяйство XVII в. По материалам вотчины боярина Б.И. Морозова. М., 1967; *Кузьмина Л.Ф.* Архивы стольника А.И. Безобразова как исторический источник // Славяне и Русь. М., 1968.

С.М. Каштанова к его публикации частного письма XVI в., вышедшая в 1963 г. и представляющая собой высокий образец комплексного, междисциплинарного историко-лингвистического исследования³³. С.М. Каштанов впервые высказал чрезвычайно важную для понимания генезиса русской частной переписки XVI–XVII вв. мысль о родстве частного письма и челобитной (если не о происхождении первого от второй).

Анализ отдельных аспектов частной переписки присутствовал в работах лингвистов ещё до начала 1960-х гг. Поэтому не удивительно, что с того времени именно лингвисты сделали эпистолярное наследие XVII в. *объектом исследования*. В их работах изучались традиции в частной переписке с XI по XVII в., специфика женских писем и их значение для развития русского языка, роль письмовников в становлении частной корреспонденции, влияние европейской традиции на русские эпистолярные каноны; продолжали исследоваться проблемы авторства, формуляра и стиля писем, в частности, этикетных норм³⁴.

Представители исторической науки вновь активно обратились к этому источнику с начала 1980-х гг. На материале частной корреспонденции XVII в. ставился и решался более широкий круг вопросов, касавшихся военной истории, истории дипломатии, государственного центрального и местного управления, семьи и брака, гендерных вопросов, русской культуры XVII в., в том числе менталитета различных слоёв русского общества, степени их грамотности и т.п.³⁵ В исследованиях раскрывалась роль частной корреспонденции XVII в. в событиях внешней политики, в формировании корпуса служилых иноземцев, в провинциальном управлении, становлении общественных иерархических структур и т.д.; анализировались характер женской переписки, изменения в эпистолярном этикете XVII – начала XVIII в.³⁶

С 1980-х гг. отечественные гуманитарии направили внимание не только на русскую, но и на зарубежную переписку XVII в. В подавляющем большинстве это труды филологов, лингвистов, анализировавших на материале частной корреспонденции европейских стран процессы, происходившие в соответствующих европейских языках в раннее Новое время. Некоторые работы этого круга в значительной степени опираются не столько на источники, сколько

³³ Каштанов С.М. Частное письмо 1536/37 гг. // Лингвистическое источниковедение. М., 1963.

³⁴ Дёмин А.С. Челобитные Аввакума и одна из неисследованных традиций деловой письменности XVII в. // ТОДРЛ. Т. 25. М.; Л., 1962; Панкратова Н.П. Из истории частной переписки на Руси // Изучение русского языка и источниковедение. 1969. М., 1969; Волков С.С. Эмоционально-экспрессивные средства частной переписки XVII в. // Историческая лексикология и лексикография. Вып. 8. СПб., 2010.

³⁵ Морозов Б.Н. Частная переписка семьи Лесли и внешняя политика России в середине XVII в. // Молодые обществоведы Москвы – Ленинскому юбилею. Материалы III-й Московской городской конференции молодых учёных по общественным наукам, посвящённой 110-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина. М., 1982; Запольская Н.Н. П.В. Постников – выпускник Славяно-греко-латинской Академии (Некоторые материалы для биографии) // Offprint from Suggillomethodianum XII. Thessaloniki, 1988; Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница. М., 1997; Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII в. СПб., 2006; Роман Вилимович в гостях у Петра Игнатьевича...

³⁶ Пушкарёва Н.Л. Указ. соч.; Новохатко О.В. Управленцы среднего звена в XVII в.: неформальные контакты служилых по отечеству и приказных // Отечественная история. 2005. № 3; Новохатко О.В. Переписка стольника А.И. Безобразова как исторический источник // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В.И. Буганова. М., 2012; Полонский Д.Г. Самоидентификация русского дворянства и петровская реформа эпистолярного этикета (конец XVII – начало XVIII в.) // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013.

на зарубежные исследования частной корреспонденции³⁷. Тем не менее, несмотря на вторичность, подобные публикации полезны для отечественных исследователей, поскольку дают возможность познакомиться с разработками европейских и американских учёных, сравнить полученные ими результаты с собственными. В то же время нельзя не отметить и оригинальные работы российских филологов, основанные на европейской корреспонденции раннего Нового времени, в частности, А.В. Стоговой, сделавшей объектом изучения эпистолярное наследие одного из членов *Respublica Literaria*, Ги Патена³⁸. Хотя корреспонденция представителей научного европейского мира раннего Нового времени не была в полном смысле приватной перепиской, а являла собой в большей степени публичный профессиональный диалог, многие соображения Стоговой применимы и к исследованию русской частной переписки XVII в.

Из общего ряда исследований, посвящённых отдельным аспектам частной переписки XVII в., можно выделить несколько работ, авторы которых ставили задачу оценить *частную корреспонденцию той эпохи в целом* как отдельный вид источников. Впервые такая попытка была предпринята в 1885 г. А.Г. Брикнером³⁹ и, хотя ни методически, ни методологически не увенчалась успехом, привлекла внимание научного сообщества к частной переписке допетровской эпохи как к отдельному, самостоятельному виду исторических источников.

Широкий и высокопрофессиональный взгляд на историю частной переписки до XVII в., как русской, так и европейской, представлен в статье Н.П. Лихачёва, сопровождавшей публикацию письма Смутного времени. В работе охарактеризованы как основные особенности и преимущества этого вида источника, так и главные трудности его изучения и использования в исторических исследованиях. Автор отмечает специфику частной переписки как исторического источника — имманентно присущую ей объективность в отображении событий. Одной из главных тем статьи является вопрос об автографах — какой текст частного письма Средневековья и Нового времени (или даже подпись) можно считать собственноручными, принадлежащими автору послания. Для европейской палеографии прибавка «*manu propria*» указывала на собственноручно написанный текст или подпись; в России же даже формула «а подписал яз, имярек» не гарантировала собственноручность, так как могла обозначать только личное присутствие автора при подписании документа. Таким образом, применять современное понятие «автограф» к документам XVI—XVII вв. Н.П. Лихачёв считал некорректным и для решения этого вопроса предлагал рассматривать «каждый отдельный случай самостоятельно». Очень интересно, прозорливо и в то же время курьёзно в наши дни звучит его заключение о задачах и перспективах публикации русской частной переписки XVII в.: «Переписка

³⁷ Дезен Н.А. Эпистолярный жанр во французской литературе XVIII века (письма госпожи де Севинье). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1988; Соловьёва Н.А. Английский предромантизм и формирование романтического метода. М., 1984; Семененко Г.Н. Английская переписка XVI—XVII веков: дихотомия «частное/официальное» // *Science and Education a New Dimension: Philology*, II(1), Issue: 17, 2014.

³⁸ Галинова А.М. Язык эпистолярных источников XVII века (к истории раннего новошведского языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2009; Стогова А.В. *Respublica Literaria* XVII века как сообщество корреспондентов (по письмам Ги Патена) // *Диалог со временем*. 2011. Вып. 36.

³⁹ Брикнер А.Г. Частные письма в России в эпоху преобразования (1675—1725) // *Новь*. 1885. Т. I. Кн. 5.

князя Голицына и стольника Безобразова очень интересный в культурном отношении материал, и было бы желательно видеть русские семейные письма XVII столетия изданными тщательно и с описанием оригиналов в одном сборнике, размеры которого, увы, отнюдь не оказались бы колоссальными»⁴⁰.

В 1969 г. вышла статья Н.П. Панкратовой, посвящённая истории частной переписки в России с XI до XVII в. В статье продемонстрирован комплексный, междисциплинарный подход к изучению и оценке русского эпистолярного наследия: проанализированы эволюция частной корреспонденции, терминология, формуляр, особенности пересылки грамоток, их взаимосвязь с близкими видами источников, проблемы атрибутирования (по времени, месту, авторству), специфика женских писем. Панкратова опровергает устоявшееся представление о скудной сохранности частных писем того периода, что косвенным образом влияло и на научные представления о степени распространения как частной корреспонденции, так и – шире – грамотности вообще в России «с начала русской письменности и до XVII в.». Ещё один вывод автора – «традиционные видовые признаки» русских частных писем изменялись на протяжении XI–XVII вв., сохраняя, однако, традиции, преемственность⁴¹.

Последней работой, где подняты вопросы общей оценки русской частной корреспонденции XVII в., стала публикация автора настоящей статьи⁴², в которой дана источниковедческая характеристика источника, намечены основные направления исследования переписки того времени как социального явления.

Таким образом, для российской историографии частной переписки XVII столетия характерны, с одной стороны, чёткое разделение с середины XX в. на лингвистические и исторические работы, с другой – присущий и историкам, и лингвистам комплексный, часто междисциплинарный подход в использовании и изучении источника. Русская частная корреспонденция XVII в. как социальный феномен исследована в трудах отечественных гуманитариев явно недостаточно.

Вопросы о характере, интенсивности, месте в жизни государства и общества русской частной корреспонденции XVII в., естественно породили желание узнать, чем она отличалась от синхронной ей зарубежной. В ходе исследования этого вопроса выяснилась интересная картина историографии частной корреспонденции XVII в. в Европе и США. Корреспонденция XVII в. в европейской и американской научной литературе определяется как «Переписка Раннего Нового времени» (подразумевается период с рубежа XV–XVI вв. до второй половины XVIII в.). Особенности развития Западной Европы, её базирование на античных культурных традициях предопределили отношение к эпистолярному наследию.

Точно указать время, когда начинается публикация частной переписки в Европе, затруднительно. Издания письмовников, руководств для написания писем, в которые были включены эпистографии знаменитых мыслителей прошлого, а потом и антологии писем, появились в XVI в. Как отмечалось, письма гуманистов эпохи Возрождения и Раннего Нового времени нельзя с полным основанием отнести к частной переписке, так как они всегда предполагали ту или иную степень публичности. В XVII–XVIII вв. этот тип изданий

⁴⁰ Лихачёв Н.П. Указ. соч. С. 121, 127, 129.

⁴¹ Панкратова Н.П. Из истории частной переписки... С. 127, 155.

⁴² Новохатко О.В. Частная переписка XVII века (к постановке вопроса) // *Paleobureaucratica*. Сборник статей к 90-летию Н.Ф. Демидовой. М., 2012.

продолжал развиваться. Однако с XVIII в. в публикаторской деятельности появились новые черты. При том, что большинство изданных эпистолярных собраний продолжало сохранять образцово-дидактический характер, стали появляться публикации писем, авторы которых не были известными учёными или крупными государственными деятелями⁴³. Научно-исследовательских целей такие издания, конечно, не предполагали, но их задачей было показать определённую историческую эпоху через призму частной корреспонденции. Поэтому начало публикации собственно частной переписки в Европе можно отнести к XVIII в.

В следующем столетии число публикаций эпистолярного наследия XVI–XVII вв. заметно возросло; круг авторов издаваемых писем значительно расширился за счёт представителей правящей элиты (государей, придворного круга); по-прежнему большое внимание уделялось изданию переписки интеллектуальной элиты Раннего Нового времени – *Respublica literaria*⁴⁴. В XIX в. было положено начало формированию специальных каталогов корреспонденции Раннего Нового времени⁴⁵. Следует отметить, что европейские публикации того периода, как и российские, не отвечают современным требованиям: издатели произвольно опускали часть текста источника, при передаче текста следовали правилам современной им орфографии, хотя многие издания содержали краткие комментарии (биографического характера) и именные указатели.

В первой половине XX в. характер изданий частной переписки в Европе существенно не изменился, но в англоязычных публикациях текст документов стали передавать в соответствии с оригинальным написанием, документы всё чаще предваряли научные примечания и предисловия⁴⁶. Научное издание частной корреспонденции XVII в. в Европе, а затем и в США началось с середины

⁴³ *Meel J.G.*, ed. *Insignum virorum epistolae selectae quae nunc primum prodeunt*. Amsterdam, 1701; *Philosophical Letters: Between the Late Learned Mr Ray and Several of his Ingenious Correspondents* / Ed. W. Derham. L., 1718; *John Fenn*. *The Original letters, written during the reigns of Henry VI, Edward IV, and Richard III by various persons of rank or consequence, containing many curious anecdotes relative to that turbulent and bloody, but hitherto dark period of our history*. Vols. 1–4. 1787.

⁴⁴ *Smith J.E.*, ed. *A selection of the correspondence of Linnaeus and other naturalists, from the original manuscripts*. L., 1921; *The Correspondens of Isaac Basire, D.D. Archdeacon of Northumberland and prebendary of Durham, in the reigns of Charles I and Charles II with a memoir of his wife* / Ed. by W.N. Darnell L., 1831; *Wood M.A.E.* *Letters of Royal and Illustrious Ladies of Great Britain: From the Commencement of the Twelfth Century to the Close of the Reign of Queen Mary*. In 3 vols. L., 1846; *Ad Thomam Redigerum et Joannem Cratonem epistolae: accedunt Remberti Dodonaei, Abrahami Ortelii, Gerardi Mercatoris et Ariae Montani ad eundem Cratonem epistolae*. Bruxelles, 1847; *P.F.X. de Ram*, ed. *Lettres françaises inédites de Joseph Scaliger*, Agen-Paris 1879; *Tamizey de Larroque Ph.*, ed.; *Joannes Henricus Hessels*, ed. *Ecclesiae Londino-Batavae Archivum*. Vol. 1: *Abrahami Ortelii (geographi Antverpiensis) et vivorum eruditorum ad eundem et ad Jacobum Colium Ortelianum (Abrahami Ortelii sororis filium) epistulae: cum aliquot aliis epistulis et tractatibus quibusdam ab utroque collectis (1524–1628)*. Cambridge, 1887.

⁴⁵ *A Catalogue of the Harleian Manuscripts in the British Museum*. 4 vols., L., 1808–1812; *Catalogue of Manuscripts in the British Museum, New Series*. Vol. I. Part 2. *The Burney Manuscripts*. L., 1840; *The Correspondence of John Cosin, D.D. Lord Bishop of Durham: Together with other papers illustrative of his life and times*. P. I–II / Ed. by Ormsby G. *Publications of the Surtees Society* 52, 55. 1868, 1870; Leon Dorez, *Bibliothèque National*. *Catalogue de la Collection Dupuy*. 2 vols. Paris, 1899.

⁴⁶ *The Letters of Dorothy Wadham, 1609–1618* / Ed. Rev. R.B. Gardiner. L., 1904; *The Paston letters*. A.D. 1422–1509. New complete library edition. Edited with notes and introduction by James Gairdner of the public record office. V. I. L., 1904; *Gardiner D.*, ed. *The Oxinden and Payton Letters, 1642–1670: Being the correspondence of Henry Oxinden of Barham, Sir Thomas Payton of Knowlton and Their Circle*. L., 1937; *The Letters of Dorothy Osborne to William Temple*, ed. G.C. Moore Smith (1947, 1959); *Oldenburg, Henry: The Correspondence* / Ed. by A. Rupert Hall et al. 13 vols. L., 1965–1986.

XX столетия. Общее число публикаций значительно выросло, появились новые тенденции в отборе источников: расширился социальный состав корреспондентов, особое внимание стало уделяться женской переписке. Обязательным для издания источников стал научный аппарат⁴⁷.

Последнее двадцатилетие отличают подъём публикаторской деятельности в США и перемещение изданий частной переписки XVII в. (при сохранении их общего характера) в электронную форму – EMLO (Early Modern Letters Online) в США, *Catalogus Epistolarum Neerlandicarum* в Нидерландах, *Kalliope* в Германии, *Visualiseur* во Франции и др., что дало толчок лавинообразному росту публикаций. Указанные электронные ресурсы представляют собой открытые платформы для работы с перепиской раннего Нового времени. Как отдельные учёные, так и научные коллективы, архивы, библиотеки могут использовать эти платформы для хранения, публикации эпистолярных источников и своих исследований по этой тематике. Например, один из крупнейших ресурсов, EMLO, представляет собой постоянно пополняющийся сводный каталог писем XVI – начала XIX в. Его база данных включает на сегодняшний день⁴⁸ (10 ноября 2016 г.) 114 536 писем, 18 706 имён людей, авторов, адресатов посланий и лиц, упоминаемых в письмах, 296 архивохранилищ, 5 555 наименований географических пунктов, 784 названия организаций и охватывает период с 1500 по 1840 г. Родственным EMLO электронным каталогом стал WEMLO (Women's Early Modern Letters Online), созданный для поддержки исследований женской корреспонденции Раннего Нового времени Британской Академией и Ливерхалм-фондом вместе с Университетами Оксфорда и Плимута. Имеющий открытый доступ каталог WEMLO на ту же дату содержит описание женских писем за период с 1400 по 1840 г.

Первые исследования, в которых фигурирует частная переписка XVII вв., появились в Англии в первой четверти XIX в. и представляли собой по большей части биографии известных исторических деятелей, в том числе женщин, написанные на основании их эпистолярного наследия. Частная переписка стала также источником для изучения женской корреспонденции, её особенностей, значения для развития английского языка и литературы, трудов по истории почты, государственного архива (Великобритании), разведки и других институций и явлений XVII в. Такой характер исторических трудов, базирующихся на частной корреспонденции Раннего Нового времени, сохранился в англоязычной литературе до конца XIX в.⁴⁹

⁴⁷ Bray B. (ed.), *Chapelain J. Soixante-dix-sept lettres inédites à Nicolas Heinsius (1649–1658)*. La Haye, 1966; *Correspondance de Jacques Dupuy et de Nicolas Heinsius (1646–1656)*. La Haye, 1971; *The Clarendon Edition of the Works of John Locke: Correspondence* / Ed. E.S. de Beer. 8 vols. Oxford, 1976–1989; *Wall A.D.*, ed. *Two Elizabethan Women: Correspondence of Joan and Maria Thynne, 1575–1611* // *Wiltshire Record Society*, vol. 38, 1982; *Searle A.*, ed. *Barrington Family Letters, 1628–1632*, Camden Society, Fourth Series, 28. E., 1983; *The Conway Letters: The Correspondence of Anne, Viscountess Conway, Henry More, and their Friends, 1642–1694*. Ed. M.H. Nicolson, S. Hutton, 1992; *The Correspondence of John Flamsteed, First Astronomer Royal*. Vol. 1: 1666–1682. Ed. E.G. Forbes, E. Murdin and F. Willmoth. Bristol; Philadelphia, 1995–2002; *de la Hoguette P.F.* (ed.), *Lettres aux frères Dupuy et à leur entourage (1623–1662)*. 2 vols. Firenze, 1997.

⁴⁸ В буквальном смысле этого выражения, так как в течение очень короткого времени (неделя, максимум месяц) данные меняются.

⁴⁹ *Harris N.* *The Literary Remains of Lady Jane Grey: With a Memoir of Her Life*. L., 1825; *Strickland A.* *Letters of Mary Queen of Scots and Documents Connected with her Personal History*. 2 vols. E., 1842; *Thomas F.S.* *A History of the State Paper Office*. Eyre and Spottishwood, 1849; *Hyde J.W.* *The Early History of the Post in Grant and Farm*. E., 1894; *Joyce H.* *The History of the Post Office*. E., 1893; *Schooling J.H.* *Secrets in Cipher* // *Pall Mall Magazine* 8 (1896).

В первой половине XX в. характер изданий частной корреспонденции в целом остался прежним⁵⁰, но вышли обобщающее исследование по истории частной корреспонденции Раннего Нового времени⁵¹, труды по палеографии источника⁵². Вторая половина XX в. характеризуется существенными переменами в историографии частной переписки XVII в., прежде всего появлением научных работ в современном понимании, с систематической методикой исследования, развитым научным аппаратом, а также трудов, где были поставлены вопросы методологии работы с письмами Раннего Нового времени⁵³. Во второй половине XX в. к исследованиям эпистолярных источников активно приступили американские учёные. К тому же периоду относится разделение исследований по частной переписке на более узкие дисциплинарные направления – историческое и филологическое. Литературоведческие и лингвистические работы привнесли в историографию частной переписки свои темы, находившиеся как в традиционных областях исследований (переписка известных учёных и общественных деятелей)⁵⁴, так и в новых, ранее табуированных (гомосексуализм, эротические реминисценции, связанные с перепиской)⁵⁵.

Историков всё больше занимала частная переписка XVII в. как объект исследования. Они изучали функционирование писем в разных социальных контекстах, содержание корреспонденции, её влияние на состояние общества, скорость и объём распространения информации посредством личных писем, соотношение рукописного эпистолярного и печатного способа передачи новостей, роль отдельных людей и влияние власти на формирование «информационного поля»⁵⁶.

⁵⁰ Humiliata, Sister Mary. Standards of Taste Advocated for Feminine Letter Writing, 1640–1797 // *Huntington Library Quarterly* 13, 1949–1950; *Wernham R.B.* 'The Public Records in the Sixteenth and Seventeenth Centuries' in Levi Fox (ed.) *English Historical Scholarship in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. Oxford, 1956; *Robinson H.* *Britam's Post Office. A History of Development from the Beginnings to the Present Day*. Oxford, 1953.

⁵¹ *Thompson E.N.S.* *Familiar Letters // Literary Bypaths of the Renaissance*. New Haven, 1924.

⁵² *Greg W.W.* *English Literary Autographs, 1550–1650*. 2 vols. Oxford, 1925–1932; *Grieve H.E.P.* *Some Examples of English Handwriting from Essex Official, Ecclesiastical, Estate and Family Archives of the 12th to 17th Century, with Transcripts and Translations*. Chelmsford, 1949; *Bennett, J.W.* *Spencer and Gabriel Harveys «Letter Book» // Modern Philology* 29 (1932); *Robertson J.* *The Art of Letter-Writing: An Essay on the Handbooks Published in England During the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. Liverpool, 1942.

⁵³ *Framer N.K. Jr.* *Fulke Greville's Letter to a Cousin in France and the Problem of Authorship in Cases of Formula Writing // Renaissance Quarterly* 22: 2 (1969); *Constable G.* *Letters and Letter Collections, Typologie des Sources du Moyen Age Occidental*, 17. Turnhout, 1976; *Cockburn D.A.J.* *A Critical Edition of the Letters of the Reverend Joseph Mead, 1626–7*. PhD, University of Cambridge, 1994.

⁵⁴ *Lerch-Davis G.S.* *Rebellion Against Public Prose: The Letters of Dorothy Osborne to William Temple (1652–4) // Texas Studies in Language and Literature* 20. 1978; *Bell I.* «Under ye Rage of a Hott Sonn & Yr Eyes»: John Donne's Love Letters to Ann More // *The Eagle and the Dove: Reassessing John Donne* / Eds. Claude J. Summers and Ted-Larry Peabworth. Columbia, 1986; *Stevens F.T.* «Erasmus's 'Tigress': The Language of Friendship, Pleasure, and the Renaissance Letter // J. Goldberg (ed.), *Queering the Renaissance*. Durham, NC, 1994.

⁵⁵ *Bray A.* *Homosexuality and the Signs of Male Friendship in Elizabethan England // History Workshop Journal* 29 (1990), 1–19; *Bergeron D.M.* *King James & Letters of Homoerotic Desire*. Iowa City, IA, 1999; *Newman H.* 'A seale of Virgin waxe at hand / Without impression there doeth stand': Hymenal Seals in English Renaissance Literature // *Lives and Letters*. Vol. 4. № 1. Autumn 2012.

⁵⁶ *Cust R.* *News and Politics in Early Seventeenth-Century England // Past & Present* 112. 1986; *Earle R.* *Epistolary Selves: Letters and Letter-Writers, 1600–1945*. Aldershot: Ashgate, 1999; *Palander C.M.* *Male and Female Styles in 17th Century Correspondence: I THINK // Language Variation and Change* 11. 1999; *Daybell J.* *The Social Conventions of Women's Letter-Writing in England, 1540–1603 // Early Modern Women's Letter-Writing in England, 1450–1700* / Ed. J. Daybell. Basingstoke, 2001; *Daybell J.* *The Material Letter in Early Modern England: Manuscript Letters and the Culture and Practices*

Работы, базирующиеся на частной переписке XVII в. как историческом источнике, приобрели более выраженный гендерный характер, тематика их, в свою очередь, также становилась шире — от традиционного анализа роли женщин в становлении литературы к изучению их места во всех сферах общественной жизни⁵⁷.

Начало XXI в. стало особенным этапом в изучении частной корреспонденции Раннего Нового времени в Европе и США. Историография приобрела ряд черт, отличающих её от научных трудов предыдущего периода. Прежде всего обращает на себя внимание беспрецедентный рост числа и широта тематики исследований, основанных на частной переписке XVII в. как историческом источнике. Все направления предыдущего периода сохранились и в новом столетии, но особенно много стало работ, в которых частная переписка является источником для изучения роли женщин в разных областях жизни Раннего Нового времени⁵⁸. В то же время появилось много трудов по проблемам социальной истории, истории идеологии, культуры той эпохи, раскрывающихся на материалах писем XVII в.⁵⁹ Характерными чертами историографии частной корреспонденции Раннего Нового времени в конце XX — начале XXI в.

of Letter-Writing, 1512–1635. Basingstoke, 2012; *Howe J.* Epistolary Spaces: English Letter Writing from the Foundation of the Post Office to Richardson's 'Clarissa'. Aldershot, 2003; *Mitchell L.C., Green S.* (eds). Studies in the Cultural History of Letter Writing. Berkeley, CA, 2005; *Whyman S.E.* The Pen and the People: English Letter Writers 1660–1800. Oxford, 2009; *Steen S.J.* Reading Beyond the Words: Material Letters and the Process of Interpretation // *Quidditas* 22. 2001; *Schneider G.* Culture of Epistolarity: Vernacular Letters and Letter Writing in Early Modern England, 1500–1700. Newark, DE, 2005; *Fox A.* Rumour, News and Popular Political Opinion in Elizabethan and Early Stuart England // *Historical Journal* 40:3. 1997; *Raymond J.* (ed.). News Networks in Seventeenth Century Britain and Europe. Abingdon, 2006; *de Vivo F.* Information and Communication in Venice: Rethinking Early Modern Politics. Oxford, 2007; *Armstrong C.A.J.* Some Examples of the Distribution and Speed of News in England at the Time of the Wars of the Roses // *Hunt R.W., Pantin W.A., Southern R.W.* (eds), Studies in Medieval History Presented to Frederick Maurice Powicke. Oxford, 1948; *Atherton I.* The Itch Grown a Disease: Manuscript Transmission of News in the Seventeenth Century // *Joad R.* (ed.). News, Newspapers, and Society in Early Modern Britain. L., 1999; *Levy F.J.* How Information Spread Among the Gentry, 1550–1640 // *Journal of British Studies* 21:2 (1982); *Baron S.A.* The Guises of Dissemination in Early Seventeenth-Century England: News in Manuscript and Print // *Brendan Dooley and Sabrina A. Baron* (eds). The Politics of Information in Early Modern Europe. L., 2001; *Randall D.* Joseph Mead, Novellante: News, Sociability, and Credibility in Early Stuart England // *Journal of British Studies* 45:2. 2006.

⁵⁷ *Fitzmaurice J., Martine R.* Letters By Women in England, the French Romance, and Dorothy Osborne // *The Politics of Gender in Early Modern Europe: Sixteenth Century Essays and Studies*, XII. 1987; *Jenson K.A.* Male Models of Feminine Epistolarity: Or, How to Write Like a Woman in Seventeenth-Century France // *Writing the Female Voice: Essays on Epistolary Literature*, ed. Elizabeth V. Goldsmith. Boston, 1989; *Poole K.* «The Fittest Closet for all Goodness»: Authorial Strategies of Jacobean Mothers // *Studies in English Literature, 1500–1900*. 35. 1995.

⁵⁸ *Mitchell L.C.* Entertainment and Instruction: Women's Roles in the English Epistolary Tradition // *Huntington Library Quarterly*, 66: 3&4. 2003; *Couchman J., Crabb A.* Women's Letters Across Europe, 1400–1700: From and Persuasion. Aldershot, 2005; *Summit J.* Hannah Wolley, the Oxinden Letters, and Household Epistolary Practice // *Women, Property, and the Letters of the Law in Early Modern England*. Eds. Nancy E. Wright, Margaret W. Ferguson and A.R. Buck. Toronto, 2006; *Daybell J.* The Material Letter in Early Modern England: Manuscript Letters and the Culture and Practices of Letter-Writing, 1512–1635. Basingstoke, 2012.

⁵⁹ *Eales J.* Patriarchy, Puritanism and Politics: The Letters of Lady Brilliana Harley (1598–1643) // *Early Modern Women's Letter Writing, 1450–1700* / Ed. J. Daybell. Basingstoke, 2001; *Van Houdt T.* et al. (eds). Self-Presentation and Social Identification: The Rhetoric and Pragmatics of Letter Writing in Early Modern Times. Leuven, 2002; *de Landtsheer J., Henk Nellen.* Between Scylla and Charibdis: Learned Letter Writers Navigating The Reefs of Religious and Political Controversy in Early Modern Europe. Lelden, 2011.

являются междисциплинарный подход и привлечение корреспонденции всё более широких социальных кругов⁶⁰.

Специфика современной зарубежной историографии (как и публикаций) частной переписки XVII в. — создание и постоянный рост интернет-ресурсов, в которых представлены цифровые издания источников и исследований, их электронные каталоги⁶¹, что, с одной стороны, открывает доступ к материалам широкому кругу исследователей, а с другой — позволяет консолидировать усилия учёных, в том числе представляющих различные дисциплины, для более глубокого и всестороннего изучения темы. Ещё одной отличительной особенностью изучения частной переписки XVII в. за рубежом стало создание библиографий по указанной теме⁶². Эти труды дают представление о том, что именно зарубежные исследователи считают для себя наиболее важным. Очевидна глубокая методологическая разработанность проблемы: направления, по которым ведутся исследования, структурированы весьма детально. В то же время каждый составитель библиографии структурирует материал согласно собственным критериям, характеризующим, с его точки зрения, состояние науки в этой области. Поэтому представленные в библиографических обзорах взгляды на изучение частной переписки значительно разнятся. Тем не менее такие библиографические обзоры позволяют определить те точки, которые европейские и американские коллеги считают опорными в рассматриваемой области исследований. Все авторы выделяют как главные и находящиеся на острие современных гуманитарных наук два направления в изучении частной переписки Раннего Нового времени — социолингвистический и «материалистический»⁶³. Суть первого заключается в исследовании через лингвистическую специфику текстов писем как характерных особенностей самой корреспонденции, так и социальных явлений Раннего Нового времени. «Материалистический» подход, самый новаторский, основан на применении «библиографических техник»⁶⁴, в отечественной научной терминологии определяемых как вспомогательные исторические дисциплины. По мнению Д. Дэйбелла и Э. Гордона, последние исследования показали, что под воздействием «поворота к архивам» в литературных и исторических исследованиях произошли глубокие перемены. Учёные стали не просто изучать тексты писем,

⁶⁰ *Sutton Peter C.* et al. *Love Letters: Dutch Genre Paintings in the Age of Vermeer*. L., 2003; *Williams G.* «I have troubled wth a tedious discourse»: Sincerity, Sarcasm and Seriousness in the Letters of Maria Thynne, c. 1601–1610 // *Journal of Historical Pragmatics* 11:2. 2010; *Cressy D.* *Coming Over: Migration and Communication Between England and New England in the Seventeenth Century*. N.Y., 1987; *Gilroy A., Verhoeven W.M.* *Prose Studies: Correspondence: A Special Issue on Letters*, 1996; *Summit J.* *Writing Home: Hannah Wolley, The Oxinden Letters, and Household Epistolary Practice* // *Women, Property and the Letters of the Law in Early Modern England* / Eds. Nancy E. Wright, Margaret W. Ferguson and A.R. Buck. Toronto, 2006; и др.

⁶¹ Scriptorium: Medieval and Early Modern Manuscripts Online; Warburg Institute's Major European Sources for Early Modern Letters; ELMO (Early Modern Letters Online); WELMO (Women's Early Modern Letters Online); Bodleian Library Western Manuscripts: The Parsed Corpus of Early English Correspondens.

⁶² *Kinnamon N.J.* *Recent Studies in Renaissance English Manuscripts* // *English Literary Renaissance* 27:2. 1997; *Daybell J., Gordon A.* *Select Bibliography: The Manuscript Letter in Early Modern England* // *Lives and Letters*. Vol. 4. № 1. Autumn 2012; *Camiciotti, G.* *Del Lungo. Letters and Letter Writing in Early Modern Culture: An Introduction* // *Journal of Early Modern Studies*. 2014. № 3.

⁶³ *Daybell J.* Plymouth University and Andrew Gordon, University of Aberdeen. *New Directions in the Study of Early Modern Correspondence* // *Lives and Letters*. Vol. 4. № 1. Autumn 2012.

⁶⁴ В оригинале: bibliographical techniques.

а применили в исследовании рукописей такие формы «библиографических техник», как «кодиология, или физическое описание рукописей (филиграней, переплётов, а также сопоставление текстов); палеография (исследование почерков); методики транскрибирования, атрибутирования и установления происхождения манускрипта; сфрагистика (изучение печатей) и дипломатика (изучение документов)»⁶⁵. Новшеством для русского исследователя является в данном случае присовокупление к традиционным дисциплинам (кодиологии, палеографии, сфрагистике, дипломатике) исследований истории почты и индивидуальностей курьеров. «Материалистический» подход, по мысли зарубежных исследователей, является важнейшим для комплексного понимания как конкретных писем, так и всей эпистолярной культуры Раннего Нового времени.

Что касается тематики основной массы работ, то библиографические обзоры свидетельствуют: для зарубежных исследователей второй половины XX — начала XXI в. наибольший интерес в изучении частной переписки Раннего Нового времени представляет она сама как социальный и культурный феномен. Внутри же этого феномена историков более всего занимает изучение частной корреспонденции как средства формирования и перемещения информационных потоков.

Сравнивая пути, пройденные отечественной и зарубежной историографиями частной переписки XVII в., а также особенности каждой из них, можно сделать следующие наблюдения. И в России, и за рубежом научному изучению этого источника предшествовала публикаторская деятельность, причём в Европе она началась на столетие, а исследование — примерно на полвека раньше, чем в России. В продолжительности издательской деятельности и в объёмах публикаций Россия значительно уступает Европе и США. В то же время характер публикуемых источников на протяжении всей истории их издания в России был более разносторонним, чем за рубежом, главным образом за счёт гораздо более широкого социального круга корреспондентов (вплоть до социальных низов, что практически отсутствует в западноевропейских публикациях).

Сопоставление отечественной и зарубежной историографии по теме частной корреспонденции XVII в. выявляет неутешительную для нас картину. Число исследований в Европе и США многократно превышает число российских, тем более что быстрыми темпами растёт размещение публикаций и научных работ на специальных интернет-ресурсах, посвящённых переписке Раннего Нового времени. Тематика зарубежных исследований значительно шире и более глубоко разработана. Зарубежная историография ближе отечественной подошла к постановке вопроса об изучении частной переписки XVII в. как явления — социального (в отдельных аспектах), культурного, лингвистического, хотя и там нет исследования явления в целом, как социального феномена в жизни государства.

Плюсом отечественной историографии в данной области можно считать то, что многие магистральные темы в изучении частной переписки XVII в. были обозначены и отчасти исследованы в работах советских учёных (к сожалению, весьма немногочисленных) на полвека раньше, чем за рубежом. Тогда же советскими гуманитариями в работе с материалами

⁶⁵ Daybell J. Plymouth University... P. 2–3.

частной корреспонденции XVII в. был широко применён, причём на высоком профессиональном уровне, методологический и методический аппарат, считающийся сейчас в зарубежной историографии темы новаторским. В России до второй половины XX в. превалировала социально-экономическая тематика исследований, основанных на частных письмах XVII в. Это направление не привлекало и почти не привлекает и сейчас внимание зарубежных учёных. В европейской, а затем и американской историографии преобладают исследования социально-культурологического характера.

В завершение несколько слов о судьбах русской частной переписки. Огромный, в сравнении с нашей страной, объём публикаций эпистолярного наследия XVII в. (и, соответственно, исследований по этой теме) в Европе и Америке не объясняется меньшим уровнем грамотности и отсутствием привычки к переписке в России той эпохи. Открытие в 1951 г. берестяных грамот XI–XV вв. и постоянное введение в научный оборот новых памятников русской корреспонденции XVI–XVII вв. показывают, что частная переписка была обыденной и неотъемлемой частью жизни в России периода Средневековья и Нового времени. Безусловно, в сложившейся в нашей науке ситуации свою роль сыграла господствовавшая в СССР идеология: частная переписка сохранилась и была создана в наибольшем объёме в среде служилого сословия, дворянства, и её изучение не приветствовалось. Таким образом, несмотря на рост числа публикаций источника и интереса к нему, почти весь XX в. как бы выпадает из широкого исторического освоения корреспонденции XVII столетия.

Но основным препятствием к исследованию отечественных эпистолярных источников стала их массовая гибель, в чём повинны, как ни банально это звучит, частые пожары в деревянных постройках, татаро-монгольское нашествие во всей многокомпонентности его последствий, войны более поздних эпох и в значительной степени революция 1917 г. Последнее событие сказалось на сохранности частных архивов, включавших и переписку, не только из-за обычных проявлений войны, в данном случае гражданской – разрушения домов, уничтожения и разграбления имущества. Революционные события несут с собой только им присущую специфику: целенаправленное истребление людей и материальных ресурсов, связанных со «старым режимом». Вспомним разрушение революционным народом одиозных, с его точки зрения, зданий и памятников во времена Великой французской революции.

Революция и Гражданская война в России отмечены теми же явлениями, в том числе уничтожением частных архивов, включавших и личную переписку. «Большинство вотчинных архивов... сознательно уничтожалось, как "совершенно ненужный хлам старого режима"», – отмечали в своих отчётах сотрудники губархивов. Особенностью восстаний и революций в России, с её многовековым крепостным правом, всегда было уничтожение документов, фиксировавших зависимость крестьян от помещиков. Поэтому, например, в XVII в. во время восстаний уничтожались документы Холопьего приказа, а в XX в. – вотчинные архивы. Во время революционных событий 1917–1918 гг. целенаправленному истреблению подвергались усадебные архивы, так как «в советских кругах муссировалась мысль уничтожить

все документы о помещичьей собственности на землю». Даже небольшие попытки советской власти сохранить памятники «старой» культуры не затронули личную корреспонденцию. С октября 1917 г. Московская комиссия по охране памятников искусства и старины при Моссовете отправляла своих эмиссаров в дворянские усадьбы для вывоза художественных ценностей, библиотек. Но из архивов эмиссары отбирали лишь некоторые документы, представлявшие интерес на их собственный взгляд. В частности, бытовую переписку они считали неинтересной⁶⁶. Утратами, вызванными революционными событиями, дело не обошлось; в середине XX в. по большей части России снова прошла война. Не удивительно, что объём обнаруженной и опубликованной частной русской корреспонденции XVII в. не сопоставим с европейской. Тем более поразительно, что до наших дней дошло такое количество русского эпистолярного наследия XVII в., и тем ценнее каждое письмо.

⁶⁶ *Быкова Л.А.* Хранилище частных архивов (Хранчасар) в Москве, 1919 г. // Археографический ежегодник за 1993 год. М., 1995. С. 290–308.

Дмитрий Дитяткин, Виталий Тихонов

Рец. на: С.В. Соколов. Концепции происхождения «варяжской руси» в отечественной историографии XVIII–XIX вв. в контексте европейских идей Раннего Нового времени. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2015. 316 с.

Dmitryi Ditiatkin, Vitalyi Tikhonov
(both – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: S.V. Sokolov. Kontseptsii proiskhozhdeniia «variazhskoy rusi» v otechestvennoy istoriografii XVIII–XIX vv. v kontekste evropeiskih idey rannego novogo vremeni. Ekaterinburg, 2015

Внимание к так называемому «варяжскому вопросу» (этнической принадлежности варягов) в отечественной историографии не ослабевает уже несколько столетий. Политические, мировоззренческие и научные вопросы переплелись в нём настолько тесно, что порой их невозможно разделить. В последние годы можно наблюдать явный всплеск интереса к изучению варяжского вопроса в историографическом ракурсе¹, что вызвано не только желанием историков оценить нелёгкий и извилистый путь изучения проблемы, окончательное решение которой постоянно наталкивается на скудность источниковой базы, и, исходя из этого, наметить дальнейшие направления исследований. Когда аргументы сторон принципиально не меняются несколько десятилетий, а то и столетий, историографические исследования превращаются в своеобразное продолжение дискуссий вокруг собственно варяжской проблемы. Между тем потребность во взвешенном и неангажированном историографическом исследовании темы давно назрела.

Монография С.В. Соколова, посвящённая отечественной историографии проблемы «варяжской руси» XVIII–XX вв., ставит целью исследовать дискуссии вокруг варяжского вопроса в контексте европейской интеллектуальной истории Раннего Нового времени. Вначале автор подчёркивает, что

само понятие «варяжская русь» не вполне корректно с исторической точки зрения и является историографическим конструктом. Тем не менее именно историографический ракурс работы позволяет его использовать. Хронологические рамки определяются тем, что именно в то время, по мнению автора, происходило формирование отечественной исторической науки, а спор о варягах стал первой острой дискуссией российских историков. В качестве верхней границы выбран конец XIX в., поскольку тогда дискуссия «вошла в спокойное русло» (с. 27). На самом деле указанным периодом Соколов не ограничивается. Для выявления истоков различных версий происхождения руси он углубляется до XVI в., что позволяет показать генезис многих концепций, получивших распространение в XVIII–XIX вв.

Книга открывается анализом имеющейся историографической литературы по истории изучения варяжского вопроса. Особенно отмечается обзор литературы, сделанный в 1931 г. В.А. Мошиным, отличающийся обстоятельностью и, по мнению автора, выгодно выделяющийся на фоне написанных с норманистских и антинорманистских позиций последующих трудов. Любопытно наблюдать, что концепции историков-норманистов оказались изучены полнее, чем их оппонентов (с. 29).

В первой главе даётся краткая характеристика источниковой базы книги — историографических (трудов историков) и исторических источников, на которых строится изучение варяжской проблемы. По предложению автора, историографические источники можно разделить на «прямые и косвенные». «Прямые» он называет относящиеся к изучаемому периоду (XVIII—XIX вв.), а «косвенными» — те, «которые не соответствуют хронологическим рамкам работы» (с. 31). Несмотря на признание автором условности такого разделения, можно усомниться в его правильности, поскольку формально хронологический критерий классификации приводит к тому, что важнейшие источники, где фиксируется появление той или иной концепции, оказываются «косвенными», в то время как малозначимые, попадающие в нужный хронометраж, — «прямыми». Думается, целесообразнее было бы дать более традиционную видовую классификацию. Заметим, что в самом исследовании автор быстро забывает о своей классификации и не делит источники на «прямые» и «косвенные». Вообще при прочтении данной главы может закрасться сомнение в целесообразности её специального выделения. Не удобнее ли было для читателя давать краткую характеристику трудов историков, а также их источниковой оснащённости, непосредственно в разделах, посвящённых разбору их концепций и позиций в дискуссиях?

Особая глава посвящена концепциям происхождения варяжской руси в исторических сочинениях XVI—XVII вв. Пожалуй, это одна из самых интересных частей книги, поскольку обычно исследования по историографии варяжской проблемы начинаются с анализа трудов XVIII в. Соколов указывает на общеевропейский феномен интереса к вопросу о происхождении народов и их этнонимов. Европейские интеллектуалы Раннего Нового времени строили выводы с помощью аналогий и созвучий с этнонимами Античности, а также априорного признания этнического родства между народами, проживающими на одной территории. Специфика этнонимических конструкций заключалась в причудливой комбинации средневековых методов с пietetом перед Античностью. В этой связи повышенное внимание к этнической маркировке варягов со

стороны русских и иностранных историков писателей не является чем-то из ряда вон выходящим.

Отмечая современную тенденцию связывать возникновение норманнской концепции со шведской историографией XVII в., автор указывает, что эта мысль «никогда так не педалировалась, как в последнее время» (с. 74). Действительно, в историографии возникновение норманнской теории традиционно принято связывать с немецкими историками Г.З. Байером, Г.Ф. Миллером и А.Л. Шлёцером, которые, в свою очередь, опирались на уже заложенный фундамент. Как подчёркивал А.А. Куник (что, кстати, отмечает в подстрочнике и автор монографии): «В период времени, начиная со второй половины 17 столетия до 1734 г., шведы постепенно открыли и определили все главные источники, служившие до XIX в. основой учения о норманском происхождении варягов-руси»².

Идея о скандинавском происхождении Рюрика и его варягов-руси в шведской историографии XVII—XVIII вв. базировалась на убеждении шведов в «исключительности» своей истории, основанном на идеях готицизма и мифе о гипербореях. Более того, готицизм был свойствен не только шведскому дворянству (с. 76) и в конце XVII — первой половине XVIII в. получил широкое признание во многих странах Европы³. Кроме того, скандинавская концепция совпадала с политическими амбициями Шведского государства. Таким образом, ряд современных исследователей, проводящих мысль о возникновении идей норманизма в шведской историографии XVII в., в действительности обращают внимание на факт, известный ещё в XIX в., но основательно забытый или затушёванный в последующее время.

Пристальное внимание в рецензируемой книге уделяется выявлению версий этнического происхождения варяжской руси, присутствовавших в исторических сочинениях XVI—XVII вв. Наиболее обстоятельно разбирается роксоланская, восходящая к античным сочинениям и принятая многими авторам Нового времени. Помимо этого, Соколов обнаруживает ещё шесть альтернативных версий: эпонимическую (происхождение от Руса); библейскую (от князя Рос книги пророка Иезекииля); версию

происхождения этнонима от слова «рассеяние»; от внешних признаков (русые волосы); топонимическую (от города или реки Руссы); варяжскую («от варяг прозвася русь») (с. 107). Выявление ряда разнородных подходов не только демонстрирует сложность изучения проблемы, но и показывает множество потенциальных альтернатив, которые могли бы реализоваться в развитии историографии варяжского вопроса в XVIII и даже XIX в.

В главе, посвящённой историографии XVIII в., главный акцент делается не на «очищении» развивающейся исторической науки (а именно в XVIII в., считают многие, в России появилась собственно историческая наука) от наследия предыдущих веков. Наоборот, наглядно демонстрируется, что теории «донаучного» периода продолжают жить и успешно адаптируются в новых условиях. Так, роксоланская версия в XVIII в. находит множество сторонников и долгое время является более или менее успешным конкурентом скандинавской. Большой популярностью пользовалась финская концепция В.Н. Татищева и И.Н. Болтина. Исследователь вновь выделяет семь основных концепций, существовавших в исторической мысли XVIII в. Помимо уже упомянутых «роксоланской», «скандинавской» и «финской», это сарматская, готско-роксоланская, библейская и скандинаво-рисландская.

В монографии хорошо показано, что разные конкурирующие концепции не становятся герметичными, а взаимопроникают, что особенно заметно на примере полемики М.В. Ломоносова и Г.Ф. Миллера, когда последний учитывал критические аргументы оппонента и корректировал или дополнял свои взгляды. При этом автором подчёркивается лучшая методологическая оснащённость Г.Ф. Миллера. Соколов показывает, что поиски решений варяжского вопроса привели к возникновению сложносоставных концепций. Достаточно подробно рассматривая точку зрения А.Л. Шлёцера на происхождение имени «русь» (с. 151–154), автор обращается главным образом к его «Нестору». В то же время он обходит вниманием более раннюю работу – «Probe russischer Annalen» («Опыт изучения русских летописей»), вышедшую в Гёттингене в 1768 г., и, по сути, ставшую программой Шлёцера по изучению

русской истории. Справедливости ради следует заметить, что русский перевод этого сочинения впервые появился в 2015 г.⁴ В «Опыте...» Шлёцер ещё не связывал так однозначно русь со Швецией, а находил её истоки на юге, у побережья Чёрного моря⁵.

Заключительная глава касается развития варяго-русской проблемы в XIX в. Благодаря книге Шлёцера «Нестор» широкое распространение получает норманнская версия. Её популяризатором стал Н.М. Карамзин. В то же время указано, что взгляд Карамзина на проблему этнической принадлежности варягов был гораздо сложнее. По мнению Соколова, «концепцию Карамзина можно разделить на основную, в соответствии с которой русь – это шведы Рослагена, и альтернативную, где русь – это скандинавы, поселившиеся в Пруссии» (с. 166). Впрочем, распространение скандинавской концепции столкнулось с усиливающимся антинорманистским историографическим потоком. В историографии зачастую мотивом возникновения антинорманизма называют чувство ущемлённого национального достоинства⁶. Солидаризуется с этой точкой зрения и Соколов, указывая, что для «абсолютного большинства» антинорманистов XVIII–XIX вв. «важным мотивом была борьба с концепцией, в их представлении унижавшей национальное достоинство» (с. 130, 239–240).

С нашей точки зрения, рассматривать дискуссию между норманистами и антинорманистами как спор строгой науки, основанной на критике источников, с идеологической установкой, возникшей в сфере политики и национальных предубеждений, есть явное упрощение проблемы. Один из крупнейших знатоков историографии варяжской проблемы В.А. Мошин ещё в 1931 г. не без иронии отметил: «Было бы весьма занятно искать публицистическую, тенденциозно-патриотическую подкладку в антинорманистских трудах немца Эверса, еврея Хвольсона или беспристрастного исследователя Гедеонова»⁷.

Затухание интереса к варяжскому вопросу в 1880–1890 гг. автор связывает с антинорманистской критикой, которая привела к тому, что «учёные... начали сторониться этой проблемы, сомневаясь в возможности её позитивного разрешения» (с. 262). Данное утверждение можно подвергнуть сомнению.

В начале XX в. абсолютное большинство российских профессиональных историков определилось в своих скандинавских предпочтениях, и «норманистская» концепция стала чем-то само собой разумеющимся. А затухание интереса к проблеме скорее связано с общим методологическим поворотом и утверждением позитивизма, постулирующего акцент не на этногенетических, а на социально-экономических проблемах.

В заключение Соколов даёт «оценку научных результатов учёных, придерживающихся различных концепций» (с. 283–284). На наш взгляд, несколько странно звучит вывод о том, что основным мотивом антинорманистов для расширения источниковой базы по варяжскому вопросу выступала «невозможность однозначно связать данные аутентичных источников с нескандинавским народом». Можно указать, что поиском и накоплением новых источников по проблеме занимались не только противники, но и сторонники скандинавской концепции ввиду скудности источниковой базы и неоднозначности показаний источников. Несмотря на ряд спорных моментов, автор даёт развёрнутую и наглядную картину мнений и дискуссий вокруг варяжской руси.

Книга содержит множество интересных замечаний и выгодно отличается историографическим плюрализмом, стремлением разобрать доводы конкурирующих сторон «без гнева и пристрастия», учитывая работу исследователей из разных лагерей. Это наглядно доказывает, что вековой спор норманистов и антинорманистов представляет единый историографический процесс, сложный, но диалогичный. Наверное, таково главное впечатление, которое выносит читатель книги С.В. Соколова. К сожалению, она не решает всех поставленных задач. Так, постулируемый автором компаративный подход в выявлении европейского

контекста проблемы выдерживается явно не до конца. Сознательный упор на тему как научной проблеме не позволил полноценно использовать и весь потенциал подходов современной интеллектуальной истории. Точнее даже так: автор предложил классическую версию истории идей, но не стал подробно исследовать социально-политический и культурный контекст их развития. Так, можно было бы проанализировать историографический процесс в контексте нациестроительства в модерной Европе, рассмотреть коммеморативный фактор (например, юбилей 1000-летия России в 1862 г.) в изучении варяжского вопроса. Впрочем, это могло бы стать темой отдельного исследования.

Примечания

¹ Например: *Фомин В.В.* Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005; *Клейн Л.С.* Спор о варягах: История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009; Варяго-русский вопрос в историографии: Сборник статей и монографий. М., 2010.

² Замечания А. Куника (По поводу критики г. Фортинского). СПб., 1787. С. 2.

³ *Грот Л.П.* Гносеологические корни норманизма // Вопросы истории. 2008. № 8. С. 111–117; *Грот Л.П.* Утопические истоки норманизма: мифы о гиперборейях и рудбекианизм // Изгнание норманнов из русской истории. Сборник статей и монографий. М., 2010. С. 321–338.

⁴ *Шлёцер А.Л.* Опыт изучения русских летописей // Скандинавomania и её небылицы о русской истории. Сборник статей и монографий. М., 2015.

⁵ Там же. С. 280–282.

⁶ *Томсен В.* Начало русского государства. М., 1891. С. 19; *Шаскольский И.П.* Антиноманизм и его судьбы // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Генезис и развитие феодализма в России. Вып. 7. Л., 1983. С. 42, 45, 50.

⁷ *Мошин В.А.* Варяго-русский вопрос // Варяго-русский вопрос в историографии... С. 113.

Алексей Раздорский

Рец. на: Л.Ф. Писарькова. Губернские учёные архивные комиссии. 1884–1923 гг.: Аннотированный указатель содержания изданий. Изд. 2, испр. и доп. М.: Новый хронограф, 2015. 941 с.

Alexey Razdorskiy
(Russian National Library, Saint Petersburg)

Rec. ad op.: L.F. Pisar'kova. Gubernskie uchenye arkhivnye komissii. 1884–1923 gg. Annotirovannyi ukazatel' soderzhaniia izdaniia. Moscow, 2015

Стремительный рост интереса к отечественной исторической регионалистике, начавшийся во второй половине 1980-х гг. и не угасающий по сей день, актуализировал необходимость создания библиографических указателей, призванных, с одной стороны, обеспечить максимально полный учёт печатных исторических источников различных типов, а с другой – провести комплексное раскрытие их содержания. В 1990–2000-е гг. вышел в свет ряд библиографических пособий, посвящённых памятным книжкам и спискам чинам губерний и областей Российской империи, справочным изданиям и историко-статистическим описаниям епархий Русской православной церкви, изданиям губернских статистических комитетов, губернским и епархиальным ведомостям.

В ряду региональных научно-исторических изданий, вышедших во второй половине XIX – начале XX в., особое место занимают труды губернских учёных архивных комиссий (ГУАК). Эти научно-краеведческие организации стали создаваться с 1884 г. по инициативе историка и архивиста Н.В. Калачова. Всего за 1884–1921 гг. было открыто 42 комиссии, по 31 из которых выявлены их издания, вышедшие под разными названиями. В общей сложности ГУАК опубликовали свыше 1 170 различных сборников, монографий, отчётов, трудов областных археологических съездов. Ядро публикаторской деятельности ГУАК составляют 637 томов «Трудов», «Известий», «Журналов» и других периодических и продолжающихся изданий.

В изданиях ГУАК получила отражение многогранная деятельность этих обществ, направленная на изучение и охрану как

письменных, так и вещественных памятников истории. «Комиссии публиковали отчёты об археологических раскопках, описания церковных и гражданских памятников, исторические очерки о городах и сёлах, сведения о церквях и монастырях, произведения устного народного творчества (предания, песни, частушки, игры), этнографический материал, списки краеведческой литературы и многое другое. Большое место в «Трудах» занимают материалы о выдающихся деятелях науки и культуры, государственных, общественных и церковных деятелях, связанных с историей края: жития, биографии и автобиографии, формулярные списки, биографические очерки, переписка и воспоминания. Однако главным направлением издательской деятельности комиссий была публикация документов XV – начала XX в. На страницах сборников печатались всевозможные грамоты, летописи, писцовые книги, указы, материалы делопроизводства и описи архивов губернских и уездных учреждений» (с. 11).

Необходимость подготовки указателя содержания столь ценных для исторической науки материалов осознавалась уже в начале XX в. Ещё в 1914 г. на первом съезде представителей ГУАК было принято решение о составлении сводного указателя ко всем изданным к тому времени «Трудам» комиссий. Отмечалось, что данная «работа великой научной важности... даст возможность учёным пользоваться этим мёртвым капиталом и претворить его в живой» (с. 12).

Однако прошло почти 80 лет, прежде чем указатель изданий ГУАК вышел в свет. Его составителем стала известный российский историк Любовь Фёдоровна Писарь-

кова. Первое издание указателя, работа над которым началась ещё в 1983 г., было опубликовано в трёх выпусках в 1992 г. в Нью-Йорке издательством Нормана Росса¹. В указатель вошли росписи содержания изданий 24 губернских архивных комиссий (от Бессарабской до Смоленской включительно). К сожалению, для российских исследователей это пособие оказалось практически недоступным, поскольку в отечественные библиотеки поступили лишь его единичные экземпляры (в Российской национальной библиотеке, например, вплоть до 2010 г. в наличии имелся лишь первый выпуск).

После выхода в свет американского издания Писарькова продолжила работу над указателем, результатом которой стала публикация его полной, исправленной и дополненной версии. Сначала в 2014 г. в московском издательстве «Новый хронограф» ограниченным тиражом вышел пилотный выпуск этого труда², а в 2015 г. оно же выпустило итоговое издание, обозначенное как «второе, исправленное и дополненное». В нём, в отличие от пилотного выпуска, присутствует географический указатель, а также внесены поправки в указатель имён. В остальном оба издания совпадают между собой. В данной рецензии рассматривается итоговое издание 2015 г.

Российское издание указателя, в отличие от американского предшественника, является законченным (включает сведения об издателях всех ГУАК, осуществлявших публикаторскую деятельность), выпущено в одном томе (что делает его гораздо удобнее для пользователей) и несравненно доступнее для исследователей, поскольку, во-первых, поступило в федеральные и некоторые крупнейшие региональные библиотеки Российской Федерации, а во-вторых, попало в отечественный книготорговый оборот.

Рецензируемый указатель имеет следующую структуру. Во введении (с. 7–14) представлены основные оценки деятельности ГУАК, содержащиеся в литературе разного времени, дана общая характеристика материалов, публиковавшихся в изданиях комиссий, а также помещена статистическая таблица, в которой отражены сведения об издательской деятельности 42 комиссий. В историческом очерке о деятельности этих организаций (с. 15–36) рассмотрены

предпосылки их создания, обстоятельства учреждения, условия функционирования, материальное положение, количественный и географический состав, основные направления работы в области архивного, музейного и библиотечного дела, охраны культурно-исторических памятников, исторической регионалистики и просвещения. Особое внимание уделено роли ГУАК в контексте архивной реформы, готовившейся в начале XX в.

Основной объём книги составляет указатель содержания изданий ГУАК (с. 37–804), который включает 32 раздела, расположенных в алфавите названий губерний и областей. Каждый раздел предваряет краткая (от 0.5 до 2 с.) историческая справка о данной ГУАК, затем приводятся аннотированные росписи содержания её «Трудов» и подобных повременных изданий, публиковавшихся под другими заглавиями³, расположенные по хронологии выхода в свет. После росписей помещены неаннотированные списки выпущенных комиссией книг, брошюр и оттисков из «Трудов», перечни отдельно изданных журналов заседаний и отчётов ГУАК (в одних случаях эти документы печатались в составе «Трудов», в других – публиковались отдельно). После указателя изданий ГУАК представлены росписи содержания «Трудов» четырёх областных съездов, организованных учёными архивными комиссиями в 1902, 1903, 1906 и 1909 гг. (с. 805–820). Все включённые в издание библиографические записи имеют общую валовую нумерацию (всего 7 019 записей).

Научно-справочный аппарат книги составляют указатель имён (с. 823–887), географический указатель (с. 889–938), список основной литературы, использованной при составлении аннотаций (с. 939–940; 16 названий) и список сокращений (с. 941). Большинство включённых в именной указатель персон даны без дефиниций. Исключение составляют лица духовного звания (систематическим образом указан их сан («архиеп.», «митр.» и т.д.)), и монаршие особы (титул – «царь», «хан», «султ.» и проч.). В отдельных случаях указаны военные чины («полк.» и т.п.), социальный статус («помещ.» и т.п.) или профессиональная принадлежность («проф.», «худ.» и т.п.). Имена и отчества не раскрыты. В географическом указателе, как правило, приведены статус

и административно-территориальная принадлежность (уезд, губерния) населённых пунктов.

Следует отметить ряд содержательных отличий российского издания от американского. Во-первых, многие библиографические записи, не снабжённые ранее аннотациями, получили их, а некоторые уже имевшиеся аннотации были расширены. Во-вторых, более подробными стали справки о ГУАК. В отличие от американского издания, в них включены, в частности, председатели (в ряде случаев и товарищи председателей) комиссий, указаны точные даты открытия последних (в американском издании приведены только годы), а также краткие библиографические списки литературы о деятельности ГУАК. В-третьих, в российском издании представлена вступительная статья по истории комиссий. И, наконец, несколько подробнее стали библиографические описания: в области количественной характеристики выпусков, состоящих из нескольких пагинаций, вместо обезличенного «разд. паг.» указаны все пагинации, а также отмечено наличие вклеек с иллюстрациями и портретами.

Переходя к подробному рассмотрению российского издания указателя, необходимо прежде всего подчеркнуть, что его составителю в целом удалось решить главную и весьма непростую задачу – уместить в одном томе в сравнительно компактном виде сведения о содержании всех выявленных выпусков «Трудов» ГУАК, избежав потери сколько-нибудь значимой информации. Это выгодно отличает работу Писарьковой от некоторых других современных многотомных библиографических пособий, где росписи содержания даны с излишней подробностью, а громоздкий научно-справочный аппарат чрезвычайно усложнён и неудобен для пользования.

Безусловно, правильным является применённый Писарьковой метод составления и расположения росписей содержания: все статьи и другие публикации приведены в том порядке, в каком напечатаны в оригинале. Это даёт возможность наглядно представить структуру каждой конкретной книги. Расположение же росписей содержания в прямой хронологии выпуска изданий позволяет чётко проследить динамику публикации «Трудов» конкретной ГУАК.

При ознакомлении с любым библиографическим указателем у пользователя в первую очередь возникает вопрос – насколько он полон? Поэтому составитель в предисловии должен обязательно пояснить, каким образом библиографируемые им издания выявлялись и учитывались. Писарькова в предисловии отмечает, что основа репертуара «Трудов» и других изданий ГУАК была сформирована ещё в 1950-е гг. библиографом Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина О.И. Шведовой, опубликовавшей в 1958 г. их список⁴. Его сравнение с рецензируемым указателем показывает, что Писарьковой удалось вывить ряд изданий, не учтённых её предшественницей. В их числе 12-й выпуск «Трудов» Черниговской ГУАК, журналы 55-го, 62–66-го, 104-го и 117-го заседаний Тверской ГУАК. По Витебской ГУАК у Шведовой учтено 5 названий отдельных изданий, тогда как у Писарьковой – 12. Список отдельных изданий Вятской ГУАК у Шведовой отсутствует, у Писарьковой же он приведён, причём в довольно пространным виде (77 названий). К сожалению, за счёт чего удалось пополнить репертуар изданий ГУАК, составитель рецензируемой работы не сообщает.

Имея под рукой список Шведовой, было бы логично ожидать, что все отражённые в нём издания будут учтены и в работе Писарьковой. Тем удивительнее выглядят пропуски, обнаруженные нами в её указателе. Например, отсутствуют учтённые Шведовой 14-й и 15-й выпуски «Трудов» Оренбургской ГУАК, выпуск 11/12 «Трудов» Калужской ГУАК, журналы 23-го и 35-го заседаний Тверской ГУАК. Список отдельных изданий Воронежской ГУАК у Писарьковой не показан совсем, хотя у Шведовой учтено 10 подобных изданий.

В предисловии обойдён молчанием вопрос о том, каталоги каких библиотек были обследованы составителем и по экземплярам каких книгохранилищ составлялись библиографические описания и росписи содержания. Неизвестно также, предпринимались ли попытки обнаружить неучтённые издания ГУАК в региональных библиотеках, архивах и музеях. Между тем наш многолетний опыт составления сводных каталогов и указателей содержания различных типизированных печатных источников XIX – начала XX в. (памятных книжек, списков чинам, обзоров

губерний и областей Российской империи, епархиальных справочников и др.) свидетельствует о том, что ряд подобных изданий, отсутствующих в столичных книгохранилищах, обнаруживается в региональных архивах (в первую очередь), музеях и библиотеках.

Нами был проведён тестовый сравнительный анализ росписей содержания десяти разновременных выпусков «Трудов» пяти ГУАК: Бессарабской (т. 1, 2), Воронежской (вып. 1, 2), Иркутской (вып. 1, 2), Курской (вып. 1, 2), Черниговской (вып. 7, 11) с оригиналами этих изданий. Он показал, что в целом росписи адекватно отражают содержание данных источников: нам, за единственным исключением⁵, не встретилось пропущенных статей или других публикаций; из 141 библиографической записи, приведённой в росписях указанных изданий, интервалы страниц, на которых напечатан тот или иной материал, указаны неверно лишь в шести.

Библиографические описания как «Трудов» ГУАК в целом, так и многих помещённых в них статей и других материалов, вызывают немало нареканий. Они составлены со значительными отступлениями от действующих правил библиографического описания, а в ряде случаев содержат неточности и пропуски. Основные замечания в этом отношении сводятся к следующему.

Составитель повсеместно сократила названия губернских учёных архивных комиссий до аббревиатур, что, кстати, никак не оговорено в предисловии. Стремление сократить довольно громоздкие словесные конструкции, многократно встречающиеся в указателе, вполне объяснимо: оно даёт существенную экономию объёма текста, но только делать это можно лишь в аннотациях, в заглавиях же изданий и отдельных статей подобные сокращения недопустимы. Кроме того, встречаются ситуации, когда сами аббревиатуры приведены неточно. Например, заглавие 7-го выпуска «Трудов Черниговской губернской архивной комиссии» дано как «Труды Черниговской ГУАК», хотя слова «учёной» в заглавии нет.

В описаниях «Трудов» нет сведений о редакторах изданий. Так, например, не указаны редактор 1-го и 2-го томов Бессарабской ГУАК И.Н. Халиппа, являвшийся правителем дел комиссии, редактор 1-го

и 2-го выпусков «Трудов» Воронежской УАК С.Е. Зверев (также правитель дел комиссии), редактор 11-го выпуска «Трудов» Черниговской УАК В.Л. Модзалевский, председатель редакционной комиссии 1-го и 2-го выпусков Иркутской ГУАК И.Н. Дроздов.

Отсутствуют в описаниях «Трудов» также сведения о типографиях. В принципе они носят факультативный характер, однако, с точки зрения истории региональной книги (а «Труды» ГУАК являлись, безусловно, изданиями незаурядными), их стоило привести.

В ряде описаний допущены ошибки при обозначении отдельных составляющих продолжающихся изданий. Так, кн. 1 «Трудов» Витебской УАК, кн. 1 и вып. 2 и 3 издания той же комиссии «Полоцко-Витебская старина», кн. 1–18 «Трудов» Владимирской УАК, вып. 1–5 «Трудов» Воронежской УАК даны составителем как «тома». Заметим, что в списке Шведовой описания указанных изданий даны правильно: книги названы книгами, выпуски – выпусками.

В описаниях некоторых выпусков «Трудов» выявлены ошибки в области количественной характеристики. Составитель, в частности, не включает в подсчёт титульный лист, страницы с оглавлениями, шмуц-титулы. Встречаются случаи, когда в подсчёт не включены присутствующие в издании вклеенные листы с портретами и иллюстрациями. Например, количественная характеристика 1-го и 2-го выпусков «Трудов» Курской ГУАК в указателе представлена соответственно так: III, 320, 150 с. с ил. (вып. 1); IV, 231, 94 с. (вып. 2). На самом же деле количественная характеристика указанных выпусков такова: [2], VII, 320, 150 с.: ил., карта, ноты, пл., [7] л. ил., пл., [1] л. карты, [1] л. табл. (вып. 1); [2], IV, [2], 231, [2], 94 с., [1] л. ил. (вып. 2).

В росписях содержания при приведении заглавий статей и других материалов допущены многочисленные произвольные отступления от текстов оригинала: пропуски или, наоборот, произвольные вставки слов (без заключения вставок в квадратные скобки); сокращения слов, приведённых полностью или, наоборот, раскрытия слов, данных в оригинале в сокращённой форме, опять же, без заключения частей слов в квадратные скобки; оборванные заглавия без выделения купюр отточием. Примеры (в начале

заглавие, приведённое в росписях, затем — в оригинале; пропуски и разночтения выделены курсивом): «К истории печатного дела в Воронеже» — «К истории печатного дела в Воронеже за истекшее столетие»; «Книги, брошюры и листы воронежской печати за 1798—1901 гг.» — «Книги, брошюры и листы воронежской печати с присоединением некот. рукописей местн. авторов и их сочинений, а равно и книг до Ворон. края относящихся, напечатанных вне Воронежа»; «Описание архива сенаторов (российских), председательствовавших в диванах Молдавии и Валахии с 1808 по 1813 г.» — «Описание архива г.г. сенаторов (российских), председательствовавших в диванах княжеств Молдавии и Валахии с 1808 по 1813 г.г.»; «Несколько слов об отреченной (апокрифической) литературе славян и в частности Сибири» — «Несколько слов об отреченной литературе славян, и в частности Сибири».

В тех случаях, если опубликованная в «Трудах» статья ранее была прочитана в качестве доклада или сообщения на заседании ГУАК, составитель сочла необходимым привести в росписи дату прочтения (в оригинале она указана, как правило, в подстрочном примечании). В принципе такая информация, на наш взгляд, носит факультативный характер и её можно было бы (в целях экономии объёма) опустить. Но если было решено её приводить, то, во-первых, везде, а во-вторых, с той формулировкой, какая дана в оригинале. В этом отношении единообразия выдержать не удалось: в одних местах даты прочтения приведены, в других — нет, точность формулировок в ряде случаев не соблюдена. Например, не указано, что доклад Н.И. Златоверховникова «Памяти Н.Н. Гордеева (генеалогический и биографический очерк)», помещённый в 1-м выпуске «Трудов» Курской ГУАК, был сделан на общем собрании членов комиссии 9 ноября 1906 г. (для последующих докладов, опубликованных в выпуске, даты прочтения имеются). В росписи содержания 2-го выпуска «Трудов» той же комиссии после заглавия публикации А.Н. Кобылина «Несколько сведений о каменных бабах» стоит примечание: «Доклад прочитан 20 октября 1910 г.». В оригинале же оно выглядит так: «Это сообщение прочитано в общем собрании... 29 октября 1910 г.». Встречаются в сведениях о докладах и прямые ошибки. Так, в росписи 1-го выпуска

«Трудов» Курской ГУАК сообщается, что доклад «Антиминсы 17 и 18 вв. (у Писарьковой «XVII и XVIII вв.» — А.Р.), хранящиеся в ризнице Курского кафедрального собора» прочитан в общем собрании Костромской (!) УАК 1 августа 1901 г. На самом же деле — в 1904 г. (Курская ГУАК была открыта в 1903 г.).

В росписях встречаются ошибки в указании авторства отдельных материалов. Так, автором публикации «Выпись из летописи Успенской, что в Бору, церкви г. Рылъска», помещённой в 1-м выпуске «Трудов» Курской ГУАК, назван Н.Н. Лоскутов. В оригинале же говорится, что «Н.Н. Лоскутов прочитал “Выпись из летописи Успенской в Бору церкви г. Рылъска”, составленную о настоятелем церкви. Постановлено: благодарить о. настоятеля за сообщение», т.е. Лоскутова нельзя признать автором данного материала.

Не свободны росписи содержания от ошибок в фамилиях упоминаемых лиц. Так, курский художник С.И. Бородаевский назван Бораевским, черниговские дворяне Кирияковы названы Кирьяковыми. Вдвойне досадно, что неверные формы из росписей перекочевали и в указатель имён.

Основные замечания к именному и географическому указателям состоят в следующем. В первом из них не приведены отсылки от мирских фамилий представителей чёрного духовенства к их монашеским именам, что, безусловно, стоило бы сделать. Некоторые номера библиографических записей выделены полужирным шрифтом, однако смысл этого нигде не объяснён. Например, запись № 706 при имени Авраамия (Палицына) выделена полужирным шрифтом, а № 718 дана светлым. Уточним: в материале, отражённом в росписи содержания 3-го выпуска «Трудов» Вятской УАК, под № 706 помещено сообщение И.Я. Сырцова о месте погребения Авраамия, а в записи № 718 — его же статья «На могиле забытого героя старца Авраамия Палицына в 1911 г.». Почему номера записей этих сходных по содержанию материалов даны в указателе имён разными шрифтами, осталось для нас загадкой.

В географическом указателе встречаются неточности при указании административно-территориальной принадлежности ряда населённых пунктов. Так, дагестанский аул Гуниб значится как крепость

в Ставропольской губ. (хотя на самом деле с момента создания Дагестанской обл. в 1860 г. он входил только в её состав и являлся центром Гунибского округа). С чем связано его отнесение к Ставропольской губ. — непонятно. Только с тем, что материалы о Гунибе помещены в «Трудах» Ставропольской УАК? Вообще принципы указания административно-территориальной принадлежности населённых пунктов не совсем ясны, и составителю следовало бы их объяснить. На какой период они даны? На время издания «Трудов» ГУАК? Или на время упоминания населённого пункта в конкретной публикации? Например, Азов упоминается в разных статьях в разные отрезки своей истории, в том числе в начале XVIII в. В географическом же указателе этот населённый пункт значится за Екатеринославской губ., хотя в 1888 г. он был передан в Область войска Донского, в составе которой и пребывал почти весь период издания «Трудов» ГУАК. В указателе отдельными записями даны «Вологодская губерния» и «Вологодское наместничество». Однако сама же Писарькова установила, что понятия «губерния» и «наместничество» являлись в 1776–1796 гг. фактически синонимичными⁶. Странно выглядит запись «Украина (Малороссия)». Понятие «Украина» гораздо шире понятия «Малороссия», поскольку включает Подолию, Волынь, Слобожанщину и ряд других исторических областей. Досадно выглядят встречающиеся в указателе опечатки, например, «Екатеринославской губ.» (с. 889), «Отенбургской губ.» (с. 894) и др.

Итоги работы над указателем «Трудов» ГУАК красноречиво свидетельствуют о том, что даже самому квалифицированному историку (а Л.Ф. Писарькова, вне всякого сомнения, является блестящим специалистом по истории России XVIII–XIX вв.), взявшемуся за составление библиографического пособия, обязательно требуется помощь профессионального библиографического редактора. В качестве одного из наиболее успешных примеров подобного рода сотрудничества можно привести опыт работы над библиографическим указателем «Справочники по истории дореволюцион-

ной России», ответственным составителем и научным руководителем которого был П.А. Зайончковский, а библиографическим редактором — Г.А. Главатских.

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что в прикладном плане, т.е. в качестве справочника, который, с одной стороны, позволяет найти конкретную публикацию в массиве «Трудов» ГУАК, а с другой, — даёт общее представление о структуре и содержании этих изданий, указатель Писарьковой в полной мере выполняет свою функцию. В качестве же источника чисто библиографической информации он, к сожалению, вполне надёжным считаться не может. Библиография — дисциплина точная, не терпящая приблизительности.

Примечания

¹ Издания губернских учёных архивных комиссий 1884–1923 гг. / Сост. Л.Ф. Писарькова; отв. ред. С.О. Шмидт; introd. by E. Kasinec, R.H. Davis. Вып. 1–3. N.Y., 1992. Составитель указателя отмечает, что он вышел в 1994–1995 гг., хотя в выходных данных всех трёх выпусков значится 1992 г.

² Писарькова Л.Ф. Губернские учёные архивные комиссии. 1884–1923 гг.: Аннотированный указатель содержания изданий. М., 2014. 911 с. В отличие от издания 2015 г., в пилотной версии содержание находится в конце, а не в начале книги, а также по-другому свёрстан указатель имён.

³ Например, «Полоцко-Витебская старина», «Смоленская старина», «Летопись Екатеринославской учёной архивной комиссии».

⁴ Шведова О.И. Указатель «Трудов» губернских учёных архивных комиссий и отдельных их изданий // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 377–433. Шведова не ставила задачу раскрытия содержания отдельных выпусков «Трудов» и иных изданий ГУАК, ограничившись приведением кратких аннотаций об изданиях конкретной комиссии в целом.

⁵ В росписи содержания 2-го тома «Трудов Бессарабской губернской учёной архивной комиссии» пропущен «Алфавитный указатель личных имён, упоминаемых в учёной части...» этого тома, составленный И.Н. Халиппой (с. 475–495).

⁶ См.: Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 403–406.

Рец. на: И.С. Розенталь. Н. Валентинов и другие. XX век глазами современников. М.: Новый хронограф, 2015. 536 с.

Kirill Soloviev

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: I.S. Rozental'. N. Valentinov i drugie. XX vek glazami sovremennikov. Moscow, 2015

Обычно биографический жанр предопределяет характерные особенности текста – автор следует за жизненными вехами героя повествования, словно за нитью Ариадны. Монография И.С. Розенталя не соответствует подобным жанровым требованиям. Не относящаяся в полном смысле этого слова к биографическим исследованиям, она написана «на стыке» сюжетов, научных проблем и подходов.

Герой книги – Н. Валентинов (настоящее имя и фамилия Николай Владиславович Вольский) – известен многим исследователям, прежде всего как автор научных работ и воспоминаний о В.И. Ленине. Отнюдь не умаляя значения этой «ипостаси» Валентинова, Розенталь представляет его и как оригинального мыслителя, наблюдательного мемуариста и в первую очередь серьёзного историка. Нет сомнений, что Валентинов достоин исследований. Однако о нём написано очень мало, хотя созданное им неизменно обращало на себя внимание. «Самый блестящий человек в эмиграции» (по определению адвоката М.С. Маргулиеса), «блестящий писатель и широко образованный человек» (по словам Р.Б. Гуля), «на редкость даровитый человек» (по оценке М.А. Алданова) до сего момента оставался без своего биографа.

И всё же эта книга не столько о Валентинове, сколько, памятуя её название, о «других» и другом. Такой авторский подход предопределён личностью главного действующего персонажа, историка и публициста, оставившего после себя значительный корпус текстов (воспоминаний, исследований, эссе), в которых так или иначе автор реагировал на происходившее в России и мире. У Валентинова остался большой архивный фонд, включающий 2,5 тыс. писем его знакомых: М.А. Алданова, Г.А. Алексинского,

Г.Я. Аронсона, Р.Б. Гуля, Е.Д. Кусковой, А.В. Руманова и др. (Гуверовский институт войны, революции и мира – Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Library and Archives. N. Valentinov papers). Их письма – тоже часть историографии, так как в них высказывались мысли, не получившие отражения в публикациях, но так или иначе циркулировавшие в интеллектуальной среде Русского зарубежья.

Пытаясь «ухватить» историографический процесс, автор должен был воссоздать контекст – интеллектуальный, социальный, политический. В итоге этот «фон» и вышел на первый план, что следует признать очевидным достоинством книги. Розенталь написал монографию в новом жанре, в сущности, мало известном в научной литературе. Это не «монолог» исследователя, а диалог автора со своими источниками, коллегами и, наконец, самим Валентиновым. Размышления же последнего – отправная точка для рассуждений автора о национальной политике, генезисе большевизма, природе событий 1917 г., закономерностях в истории и т.д.

При таком подходе многое зависит от избранной «системы координат». Историография событий начала XX столетия и сейчас остаётся насквозь «партийной», воспроизводя оценки, а порой целые научные построения столетней давности. Участники событий того времени (А.И. Деникин, А.Ф. Керенский, В.А. Маклаков, П.Н. Миллюков, Н.Н. Суханов и др.) оставили мемуары, которые вместе с тем оказались и первыми исследованиями их недавнего прошлого, тем самым заложив основу авторитетных историографических традиций, в значительной мере формирующих и современный взгляд на процессы и явления эпохи. Как раз в силу этих причин особый интерес

вызывает Валентинов, конечно, отнюдь не безучастный свидетель событий. Ему, по словам Н.Я. Эйдельмана, было свойственно «напряжённое и нервное рассматривание России» (с. 14). И всё же Валентинов даже нарочито подчёркивал отсутствие у него партийных пристрастий, пытался *понять* логику разворачивавшейся на его глазах исторической драмы, а не оправдать или же, напротив, обвинить её участников.

Историческими источниками для Валентинова зачастую служили собственные воспоминания и впечатления. При всех очевидных недостатках они обладают по крайней мере одним заметным достоинством. Так, в отличие от весьма информированных, но более молодых коллег Валентинов имел право с уверенностью говорить о том, какие настроения бытовали в российском обществе, например, до 1914 г., как его знакомые и друзья относились к изменениям, происходившим в то время в стране. Речь идёт о практически «ускользающей» от историка материи — общественных настроениях прошлого. Случай Валентинова тем более интересен, что его круг общения — политические деятели оппозиционных, а часто и леворадикальных взглядов.

Валентинов писал о заметном преобразении империи и её социума за короткий период — 1907–1914 гг. Он, много разъезжавший по России в качестве журналиста газеты «Русское слово», был тому прямой свидетель: «Он видел, как ускоренно шла индустриализация, как “целыми пластами” уходила земля из дворянских рук и переходила в руки “крепких крестьян”, как шло в городах громадное жилищное строительство, как внедрялась кооперация всех видов, особенно в деревне, улучшалось земское и городское хозяйство, как росла в народных массах жажда образования. Он констатировал, таким образом, не только экономический рост, но и его последствия» (с. 94). Однако это всё не отменяло асинхронности развития Российской империи: политическая сфера не поспевала за экономической и общественной жизнью, стала «скорлупой», мешавшей гармоничному и, может быть, даже более быстрому развитию страны. Тем не менее у Валентинова и его знакомых была уверенность, что даже во многом анахроничная политическая система не мо-

жет препятствовать эволюционным изменениям в России. По словам Валентинова, до 1914 г. «никакой революцией тогда не пахло» (с. 130). Даже среди многих социал-демократов того времени крепло убеждение, что в России начался продолжительный период поступательного развития без каких-либо социальных потрясений.

Сообщая об этих настроениях, Розенталь упоминает о хорошо известной в историографии деградации политических партий в межреволюционный период. Объединения, рождённые революцией, не вполне соответствовали новым вызовам времени. «Ликвидаторы» были не только среди социал-демократов, но также среди эсеров и кадетов. Лозунги революционной эпохи уже не являлись актуальными. Общество устало от политики, привыкшей к «птичьему языку», и с неизбежностью деполитизировалось. Многие же партийные лидеры застыли в своём развитии, оказались неспособными увидеть изменения, переживаемые страной, а следовательно охарактеризовать их. Это позволило Розенталю поставить вопрос о языке описания социальной организации России начала XX в. и вспомнить последние научные исследования, посвящённые данному сюжету.

Это пример того, как удачно влетён детальный анализ историографии в канву биографического повествования. Автор монографии затрагивает множество вопросов истории России первой половины XX в., получивших отражение в современной научной литературе: экономическое развитие страны до начала Первой мировой войны, коррупцию среди высшей бюрократии империи, мировоззрение Николая II, феномен Серебряного века, понятие «интеллигенция», особенности российского политического масонства, деятельность Тактического центра, характер политической системы Советской России и т.д. Розенталь не боится обращаться к спорным работам, вызывающим живую дискуссию в современной науке. Определяя своё отношение к этим сюжетам, он выходит на широкие обобщения, часто относящиеся к особенностям работы историка. Например, рассуждая о роли императора в политической истории России начала XX в., автор приходит к выводу: «Итак, что лучше — “презумпция виновности” Николая II или “презумпция невинности”

ности”? Неуместно то и другое, никакая предвзятость не может гарантировать научную нейтральность» (с. 187).

Размышляя об исторических изысканиях Валентинова, много писавшего о понимании «мессианства» России в истории отечественной общественной мысли, Розенталь фактически предлагает вниманию читателя целое эссе, посвящённое данной тематике, но основанное преимущественно на материалах современной историографии. В сущности, автор ставит вопрос о включённости исследователей наших дней в историографические мифы вековой давности, о частой неспособности приподняться над ними и готовности воспроизводить привычные штампы. Возможно, благодаря монографии Розенталя в отечественную литературу войдёт удачный валентиновский термин – «филофейство», который, как легко догадаться, происходит от имени монаха Спасо-Елеазорова монастыря Филофея, предполагаемого автора концепции «Москва – Третий Рим». В данном случае речь идёт не об интеллектуальных построениях XVI в., а о национальных мифах и комплексах, воспроизводящихся в общественной мысли и историографии XIX–XXI вв. В сущности, Валентинов и вместе с ним Розенталь поставили вопрос об ответственности историка за господствующее умонастроение социума и одновременно о способности исследователя преодолевать ожидания читателя, своей «референтной группы».

Выбирая в качестве точки отсчёта Валентинова, Розенталь описывает интеллектуальное пространство России и Русского зарубежья первой половины XX в., в котором звучали разные голоса: с одной стороны, приверженцев отличных друг от друга политических взглядов – социалистов, либералов, консерваторов, с другой – представителей различных профессий, сфер деятельности – политиков, публицистов, литераторов, учёных, художников. Далеко не всегда это был стройный партийный хор, но всё же разные, порой плохо сопоставимые позиции так или иначе влияли друг на друга. Именно поэтому один из основных исследовательских приёмов Розенталя – вписать тексты Валентинова в широкий контекст, сравнить их с воспоминаниями современников – М.А. Алданова, Н.Н. Бербе-

ровой, Ю.В. Готье, В.О. Ключевского, М.М. Ковалевского, Е.Д. Кусковой, С.Н. Прокоповича, Ф.А. Степуна, А.С. Суворина, И.Д. Сытина, К.И. Чуковского и др. Причём они оказываются не «статистами», а самостоятельными героями повествования. И не только они, но и А.А. Блок, Андрей Белый, В.И. Ленин, П.Н. Милюков, Г.В. Плеханов, В.В. Розанов, П.Б. Струве, И.Г. Церетели, В.В. Шульгин.

Эта книга плотно «заселена» людьми, их прозрениями, слабостями, страстями. Автор отнюдь не стремится к упрощению картины. Общественная жизнь в России и эмиграции «написана» разными красками. В ней есть место свидетельствам радости, охватившей Францию в связи с Мюнхенским соглашением 1938 г., пронемецким взглядам в период Второй мировой войны значительной части российской эмиграции, её готовности адаптироваться к условиям жизни в оккупации в начале 1940-х гг. Очень часто такие настроения были обусловлены конъюнктурой и быстро менялись. Лица, высказывавшие ту или иную точку зрения, в скором времени забывали о ней и говорили нечто противоположное. Однако эмоциональную составляющую невозможно изгнать из истории общественной мысли. Слово, случайно сказанное в полемическом задоре, под влиянием отчаяния, апатии или, напротив, радости, тем не менее имело свою судьбу и иногда много значило для становления той или иной концепции, идеологического построения.

Интеллектуальный портрет Валентинова сам по себе даёт пищу для размышления. Так, его идейная эволюция немало может рассказать об истории русского марксизма начала XX в., ретроспективный анализ которого не всегда приводит к научно корректному результату. По оценке самого Валентинова, марксизм того времени – не только идеология или же историософский подход. В значительной мере, а может быть, даже прежде всего это культурный выбор, самоощущение русского интеллигента в интеллектуальном пространстве современности. Валентинов свидетельствовал: предпочитая марксизм, активный молодой человек очень часто выбирал европейский путь развития для России, относил последнюю к числу западных стран и готов был примерять для неё «платье европейского покроя».

Биография Валентинова лишней раз демонстрирует и всю сомнительность идеологических рамок, в которые исследователи любят помещать своих героев. Прежде всего темперамент и жизненные обстоятельства привели Валентинова к Ленину, чьим сторонником он был некоторое время. Но Валентинов не стоял на месте, преодолев в скором времени не только большевизм, но и марксизм, он уже в эмиграции взглянул на него со стороны. Историк был искренен на всех этапах своей интеллектуальной эволюции и одновременно органичен быстро менявшимся обстоятельствам. Его идеологическая «подвижность» представляется скорее нормой, чем исключением, в особенности для человека, исследовавшего социальную и политическую жизнь, пытавшегося осмыслить логику исторического процесса.

Рецензируемая монография — о профессии историка, который изучает прошлое, пытаясь понять настоящее, по мере возможности преодолеть собственную предубежденность, порой оказываясь в плену у общественных предрассудков, политических страстей или историографических штампов. Его книги, подобно мозаике, собираются из того, что окружает автора: воспоминаний детства и юности, прочитанного в газете, подслушанного на улице. Его высказывания — конечно, результат исследовательского труда, но помноженного на личный интеллектуальный (и не только) опыт и пристрастия. Это тот «сор», из которого растёт историческая наука. Ведь ход развития идей — в первую очередь история конкретных людей с их опытом, темпераментом, чертами характера.

«Два полюса Европы» в Институте российской истории

Павел Куприянов, Тимур Мухаматулин

«The two poles of Europe» in the Institute of Russian History

Pavel Kupriyanov (Institute of Ethnology and Anthropology,

Russian Academy of Sciences, Moscow),

Timur Mukhamatulin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

По сложившейся на протяжении почти четверти века традиции 2 февраля 2016 г. в Институте российской истории РАН состоялся «круглый стол» «Россия и мир: из истории взаимовосприятия», проводимый Центром по изучению Отечественной культуры ИРИ РАН. На этот раз организаторы решили сделать его тематическим и посвятить обсуждению взаимосвязей России и Великобритании. Так XXIII Всероссийский «круглый стол» получил название «Два полюса Европы».

В нём приняли участие 30 исследователей, представлявших Москву, Архангельск, Нижний Новгород, Орёл и Самару. Международный статус мероприятию придало участие профессора *Дж. Казелли* (Университет Модены), выступившего на пленарном заседании с докладом о фундаментальной русофобии в британском обществе (причём не только среди правящей элиты), имеющей почти двухсотлетнюю историю и активизировавшейся в последние годы. О современности говорила и к.филос.н. *Е.В. Ананьева* (Институт Европы РАН), рассказавшая об изменениях в политике Великобритании по отношению к России после парламентских выборов 2015 г. Споря с Казелли, Ананьева утверждала, что действия Лондона определялись в первую очередь экономическими интересами, а не умозрительными конструкциями. Оба выступления вызвали большую дискуссию, носившую по-настоящему междисциплинарный характер: обосновывая свои позиции, спорившие обращались к экономике, социологии, истории, политическим наукам.

Дальнейшая работа «круглого стола» проходила по секциям, разделённым по хронологическому принципу (рубежом стала Первая мировая война). Нельзя не отметить, что, к сожалению, ранние этапы российско-британских контактов, восходящих по крайней мере к XVI столетию, не нашли отражения в докладах, посвящённых в основном сюжетам, связанным с событиями и явлениями XVIII–XX вв.

В заседании первой секции, проходившей под руководством к.и.н. *П.С. Куприянова* (ИЭА РАН), обсуждалось восемь докладов, в большей части которых речь шла о формировании и способах выражения образов и стереотипов. Вместе с тем к.б.н. *К.А. Голиков* (МГУ им. М.В. Ломоносова) осветил тему культурных заимствований, показав, какие трансформации претерпел английский пейзажный парк в России под влиянием местной культурной традиции и природных условий. Куприянов, приводя суждения российских путешественников об Англии и англичанах рубежа XVIII–XIX вв., раскрыл ряд особенностей травелогов как литературного жанра и исторического источника. *Л.В. Зеленина* (ИВ РАН) изложила оригинальные размышления П.В. Чичагова об императоре Петре I и короле Альфреде. Сравнивая двух государей, вошедших в историю с титулом «Великий», адмирал находил в их судьбе целый ряд любопытных параллелей, но если Альфреда он считал подлинно великим, то политика Петра казалась ему ошибочной и неудачной.

К.и.н. *О.А. Чернов* (СГСПУ, Самара) и д.и.н. *И.В. Куцова* (МГУ им. М.В. Ломоносова) сосредоточились на анализе образов Англии и англичан. Исследуя деятельность Н.В. Чарыкова, Чернов отметил, что в эпистолярном, мемуарном и публицистическом

наследии русского дипломата, несмотря на его устойчивое положительное отношение к Англии и её политической системе, встречаются и прямо противоположные оценки, причём без какой-либо очевидной причины. Купцова, опираясь на высказывания В.П. Брюсова, О.Э. Мандельштама, Ф.К. Соллогуба, В.В. Иванова и других деятелей Серебряного века, указала на противоречивость образа Англии, сложившегося у российской интеллигенции в годы Первой мировой войны под влиянием как личных впечатлений, так и официальной пропаганды. К.и.н. *С.Н. Третьякова* (САФУ, Архангельск) сообщила о том, как воспринимали русских солдат британские корреспонденты. Все они писали о выносливости, мужестве, выдержке и религиозности россиян. Но если образ солдата нередко приобретал в текстах иностранных наблюдателей довольно обобщённый вид, то характеристики послов, представлявших Петербург в Лондоне во второй половине XIX – начале XX в., были сугубо индивидуальны. Сопоставляя опыт гр. П.А. Шувалова, барона Е.Е. Стаала и гр. А.К. Бенкендорфа, д.и.н. *И.С. Рыбачёнок* (ИРИ РАН) продемонстрировала сложную взаимосвязь между личностью посла, его положением в английском обществе, политической конъюнктурой и местом России в сознании англичан. Д.и.н. *А.Г. Голиков* (МГУ им. М.В. Ломоносова) изучил изображения России и Англии в сатирической графике, проследив формирование и эволюцию устойчивых образов и констатировав, что если Джон Буль, символизировавший Британию, встречается и на страницах британских журналов и газет, то «русский медведь» обозначал Россию только в иностранных карикатурах и никогда – в российских.

Работой второй секции руководил д.и.н. *В.А. Невежин* (ИРИ РАН). Конечно, специалисты по истории XX в. не могли обойти события политической истории. К.и.н. *А.Б. Едемский* (ИСлав. РАН) напомнил о том, как У. Черчилль, пытаясь определить, кто будет «наследником Сталина», предлагал провести советско-британскую встречу в верхах. *А.С. Козленкова* (МГУ им. М.В. Ломоносова) проанализировала работу советского агитационно-пропагандистского аппарата в Великобритании в годы Великой Отечественной войны. Создавая положительный образ СССР, его сотрудники издавали газету, проводили выставки и другие мероприятия. Невежин показал, как протокол и церемониал на банкетах в честь британских союзников влияли на принятие политических и военных решений.

Однако интерес к Великобритании в СССР проявляла не только политическая элита. К.и.н. *А.В. Голубев* (ИРИ РАН) в докладе «“Наш злоеший враг”: Британия в сознании советского общества в 1920-е годы» отметил, что для одних «Туманный Альбион» был воплощением ненавистного капитализма, а для других – оплотом демократии и центром антибольшевистской борьбы. Д.и.н. *А.А. Гордин* (Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет) обратил внимание на встречу профсоюзного актива с английской делегацией в Горьком в 1953 г., являвшуюся одним из многочисленных примеров «народной дипломатии», позволявшей советскому руководству создавать «идеологически верный» образ «страны Советов» в западном мире и капиталистических стран – в СССР. К.и.н. *А.Ю. Саран* (ВНИИ социального развития села ГАУ, Орёл) выявил следы российско-британских отношений в топонимах региона. К.и.н. *О.Н. Баркова* и *И.Е. Дмитриев* (оба – МГУ им. М.В. Ломоносова) говорили об индустрии моды в Великобритании межвоенного времени и роли в ней русских эмигрантов.

Большинство выступлений вызвало живой и неформальный интерес. При этом докладчики часто возвращались к вопросам, поднятым ещё на пленарном заседании: в какой мере представления русских и англичан друг о друге были обусловлены культурной традицией, а в какой – актуальной политической или экономической ситуацией? какую роль в формировании образов и стереотипов, касающихся иной культуры, играет пропаганда и каковы пределы её влияния? насколько различаются мнения, возникающие и циркулирующие в период обострения политических отношений между странами, и преобладающие в период «затишья»? Подводя итоги «круглого стола», участники признали удачным его проведение по тематическому или проблемному принципу, а также предложили рассматривать не только контакты между странами, но и отражение во взаимовосприятии таких концептов, как война, игра и т.п.

Наши авторы

Агапов Вадим Львович, кандидат исторических наук, доцент Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

Аксёнов Владислав Бэнович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Башнин Никита Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доцент Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина

Гордеев Пётр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

Дитяткин Дмитрий Геннадиевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН

Иванов Андрей Александрович, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Корзинин Александр Леонидович, кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Куприянов Павел Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Мустафин Артур Рашидович, стажёр-исследователь Центра источниковедения факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Мухаматулин Тимур Анварович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН

Невежин Владимир Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Новохатко Ольга Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Омельянчук Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор Владимирского государственного университета

Петров Юрий Александрович, доктор исторических наук, профессор, директор Института российской истории РАН

Раздорский Алексей Игоревич, кандидат исторических наук, заведующий группой исторической библиографии Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

Селиванов Игорь Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Курского государственного университета

Соловьёв Кирилл Андреевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Тихонов Виталий Витальевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Филиппова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории и Института востоковедения РАН

Шелохаев Валентин Валентинович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

К столетию революции 1917 года

<i>Ю.А. Петров</i> Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции.....	3
<i>В.Б. Аксёнов</i> Революция и насилие в воображении современников: слухи и эмоции «медового месяца» 1917 г.....	17
<i>В.В. Шелохаев</i> Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи).....	32
<i>А.А. Иванов</i> «Чёрная сотня сгнула в подполье»: русские правые и революция 1917 г.	42
<i>П.Н. Гордеев</i> Комиссариат Временного правительства над бывшим Министерством двора	59
<i>Т.А. Филиппова</i> Братание идеи со штыком. Политико-культурные смыслы Великой российской революции	78
<i>В.В. Тихонов</i> Революция 1917 г. в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи.....	92

Сюжеты и эпизоды

<i>И.В. Омелянчук</i> Провинциальная контрреволюция: Иваново-вознесенская самодержавно-монархическая партия в 1905–1917 гг.	113
<i>В.Л. Агапов</i> Общественное мнение и политический конфликт в Приморье в 1914 г.	131
<i>В.А. Невежин</i> Дипломатические приёмы И.В. Сталина 1941–1945 гг.: кремлёвский протокол и особая кухня	139
<i>И.Н. Селиванов</i> Анастас Микоян и «сентябрьские события» 1956 г. в Северной Корее	154

Лица и взгляды

<i>Н.В. Башнин, А.Л. Корзинин</i> Новые данные к биографии опричника Малюты Скуратова	172
--	-----

Факты и преломления

<i>А.Р. Мустафин</i> «Ведомости одна с другою никакого сходства не имеют»: верификация данных о хлебных ценах в России в XVIII в.	189
---	-----

Профессия и сообщество

<i>О.В. Новохатко</i> Очерки историографии частной корреспонденции XVII в.	201
--	-----

Обзоры и рецензии

<i>Д.Г. Дитяткин, В.В. Тихонов</i> – С.В. Соколов. Концепции происхождения «варяжской руси» в отечественной историографии XVIII–XIX вв. в контексте европейских идей Раннего Нового времени.....	219
<i>А.И. Раздорский</i> – Л.Ф. Писарькова. Губернские учёные архивные комиссии. 1884–1923 гг.: Аннотированный указатель содержания изданий.....	223
<i>К.А. Соловьёв</i> – И.С. Розенталь, Н. Валентинов и другие. XX век глазами современников	229
<i>П.С. Куприянов, Т.А. Мухаматулин</i> – «Два полюса Европы» в Институте российской истории	233
Наши авторы.....	235

CONTENTS

On the centenary of the revolution of 1917

<i>Yu.A. Petrov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Russia on the eve of the Great revolution of 1917: Recent trends in historiography	3
<i>V.B. Aksenov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Revolution and violence in contemporaries' imagination: rumors and emotions of the «honeymoon» of 1917	17
<i>V.V. Shelokhaev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Re-formatting of the partisan structure in Russia in 1917: Results of recent studies and perspectives for the further research.....	32
<i>A.A. Ivanov (Saint Petersburg State University, Institute of History, Russia)</i> «The Black Hundred vanished to the underground»: the Russian right-wing and the revolution of 1917.....	42
<i>P.N. Gordeev (Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg)</i> The Commissariat of the Provisional Government over the former Ministry of the Court.....	59

237

<i>T.A. Filippova (Institute of Russian History and Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Marriage of an idea with a bayonet: Political and cultural meanings of the Great Russian Revolution	78
<i>V.V. Tikhonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Revolution of 1917 in commemorative practices and historical policy of the Soviet era	92

Scenarios and episodes

<i>I.V. Omelianchuk (Vladimir State University, Russia)</i>	
Provincial counter-revolution: The Autocratic monarchist party of Ivanovo-Voznesensk in 1905–1917	113
<i>V.L. Agapov (Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russky Island, Russia)</i>	
Public opinion and political conflict in the Russian Far East in 1914.....	131
<i>V.A. Nevezhnin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Diplomatic receptions of Josef Stalin in 1941–1945: the Kremlin protocol and special cuisine	139
<i>I.N. Selivanov (Kursk State University, Russia)</i>	
Anastas Mikoyan and the «September events» of 1956 in North Korea	154

Persons and views

<i>N.V. Bashnin (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences), A.L. Korzhnin (Saint Petersburg State University, Russia)</i>	
New data for the biography of Malyuta Skuratov	172

Facts and reflections

<i>A.R. Mustafin (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)</i>	
«The lists bear no resemblance with each other»: verification of the grain prices in eighteenth-century Russia	189

Professional community

<i>O.V. Novokhatko (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Historiographical notes on the private correspondence of the 17th century.....	201

Reviews

<i>D.G. Ditiatkin, V.V. Tikhonov (both – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Rec. ad op.: S.V. Sokolov. Kontseptsii proiskhozhdeniia «variazhskoy rusi» v otechestvennoy istoriografii XVIII–XIX vv. v kontekste evropeiskih idey rannego novogo vremeni.....	219
<i>A.I. Razdorskiy (Russian National Library, Saint Petersburg)</i>	
Rec. ad op.: L.F. Pissar'kova. Gubernskie uchenye arkhivnye komissii. 1884–1923 gg. Annotirovannyi ukazatel' soderzhaniia izdaniĭ	223

<i>K.A. Soloviev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Rec. ad op.: I.S. Rozental'. N. Valentinov i drugie. XX vek glazami sovremennikov	229
<i>P.S. Kuprtianov (Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow), T.A. Mukhamatulin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
«The two poles of Europe» in the Institute of Russian History	233
Contributors to this issue.....	235

РЕДАКЦИЯ

Добычина Е.В., к.и.н.

Круглов В.Н., к.и.н. – Отдел Новейшей истории

Мамонов А.В., к.и.н. – Отдел Новой истории

Лисейцев Д.В., д.и.н. – Отдел Древней и Средневековой истории

Христофоров И.А., д.и.н. – Отдел историографии, источниковедения,
методов исторического исследования

Мамонова Е.В. – Заведующая редакцией

Базанова О.В. – Литературный редактор

Мац А.Г. – Младший редактор

Сдано в набор 05.12.2016 Подписано в печать 07.02.2017 Дата выхода в свет 20.03.2017 Формат 70 × 100¹/₁₆

Печать офсетная Усл.печ.л. 19,5 Усл.кр.-отг. 13,3 тыс. Уч.-изд.л. 25,2 Бум.л. 7,5

Тираж 676 экз. Зак. 13 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт российской истории РАН

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 117036 Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 8-499-723-69-10

Оригинал-макет подготовлен ФГУП «Издательство «Наука»

Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука»), 121099 Москва, Шубинский пер., 6